

С (Груз)
Г 90

грузинские народные сказки

1

ГРУЗИНСКИЕ
народные сказки

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

С(Груз)

ГРУЗИНСКИЕ народные сказки

Г 90

книга 1

391462

ГЛАВНАЯ РЕДАК

РЫ МОСКВА 1988

ББК 82.3(2)

Г90

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Г. А. ЗОГРАФ,
Е. М. МЕЛЕТинский, С. Ю. НЕКЛУДОВ (секретарь),
Е. С. ПОВИК, Д. А. ОЛЬДЕРОФТЕ (председатель),
Б. Л. РИФТИН, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, вступительная статья, примечания
и типологический анализ сюжетов

Т. Д. КУРДОВАНИДЗЕ

Ответственный редактор
А. И. АЛЛЕВА

Г $\frac{4702170000-102}{013(02)-88}$ без объявления

ББК 823(2)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

По техническим причинам сборник «Грузинские народные сказки», в отличие от ранее выпущенных томов серии «Сказки и мифы народов Востока», издается в двух книгах. В первой книге помещены вступительная статья, раздел «Сказки о животных» и часть раздела «Волшебные сказки», относящиеся к этим сказкам примечания и типологический анализ сюжетов, а также пояснительный словарь, список сокращенных обозначений литературы и список источников публикуемых текстов. Вторая книга содержит окончание раздела «Волшебные сказки» и весь раздел «Новеллистические сказки и народные анекдоты», а также научный аппарат, относящийся к этим сказкам. Ввиду того, что пояснительный словарь, список сокращений и список источников относятся ко всем сказкам сборника, они повторяются и во второй книге. Заключает все издание сводный указатель сюжетов, который помещен в конце второй книги.

Таким образом, сборник представляет собой единое издание грузинских народных сказок.

ГРУЗИНСКИЙ СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС

Географическое положение Грузии, ее величественные горы, живописные долины, море, флора и фауна во многом обусловили быт народа, сыграли важную роль в формировании грузинского характера. Заметный след в духовной жизни грузинского народа оставили отношения с соседями в историческом прошлом. Несмотря на дивившиеся веками тяжелые испытания, постоянно вражеские нашествия, он сумел сохранить себя, сберечь свои духовные традиции, своеобразные черты своей культуры, своего быта.

Дошедшие до нас памятники материальной и духовной культуры, а также археологические находки подтверждают существование в Грузии древнейшей дохристианской культуры. К таким находкам можно отнести серебряную чашу из Триалети, на которой изображен праздник охотников с участием богиня охоты (чаша изготовлена местными мастерами в начале II тысячелетия до н. э.); обнаруженный в Самтавро бронзовый пояс с изображением охоты (изготовлен в VIII—VII в. до н. э.); малые пластические фигуры с эпизодами сказания об Амيرانе VII—VI в. до н. э. из Казбег¹.

Несомненно, эти памятники являются образцами народного творчества, подтверждающими достоверность греческих письменных источников, в которых содержатся сведения о том, что у грузинских племен с древнейших времен существовала развитая словесность.

Особенно много свидетельств бытования народной словесности мы имеем со времени принятия христианства. Грузинская агрографическая литература и исторические письменные памятники, особенно «Картлис цховреба» (XI в.), содержат данные не только о характере образцов народного творчества, но и о его значении для духовной жизни народа. Это касается и фольклора — живого воплощения народного духа.

¹ *Кухтин В. А.* Археологические раскопки в Триалети. Т. 1. Тб., 1941; *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. Т. 1. Тб., 1944 (на груз. яз.); *Чиковани М. Я.* Прикованный Амيران. Тб., 1947 (на груз. яз.).

Судя по наличию языческих элементов в основных жанрах грузинского фольклора, а также «учитывая историческую перспективу и опыт других народов»², М. Я. Чиковани предполагает, что в Грузии задолго до распространения христианства (IV в.) должны были существовать древний эпос со своими жанрами (повесть-сказание, мифы, предания, легенды, сказки, басни, баллады, заговоры и др.), лирика (трудовые песни, календарно-обрядовая поэзия, героические стихи, шайри, поговорки, загадки и др.) и драма (мистерии, комедии, собственно драма).

Христианство внесло поправки в фольклорные произведения, переложив их в соответствии со своей идеологией.

Не избежала этих влияний и сказка, один из древних и богатых жанров грузинского фольклора. Она прошла все этапы развития, характерные для сказок и других народов. В ней слышны отзвуки древнейших мифов, ощутимы следы первобытных религиозных верований. В грузинской сказке отразились черты феодальной эпохи. Обильно включаются в нее и реалии современного быта.

В грузинских сказках, как и в сказках других народов мира, международная сюжетная схема, как правило, сохраняется, отдельные же мотивы, как и другие элементы структуры повествования, часто осмысливаются по-своему.

В грузинском фольклорном репертуаре широко известные международные сюжеты обретают яркую национальную специфику благодаря введению в него этнических и бытовых реалий, отражению в нем этических и эстетических представлений грузинского народа.

* * *

Один из древнейших видов сказочного эпоса — сказка о животных в Грузии популярна и любима. О возрасте этих сказок свидетельствуют отголоски в них тотемистических верований. Сюжетный состав грузинской сказки о животных разнообразен. По данным Е. Б. Вирсаладзе, многие из зафиксированных в Грузии сюжетов сказок о животных встречаются как в русском и украинском, так и в западноевропейском фольклоре. «Тридцать сюжетов грузинской сказки о животных неизвестны каталогу Аарне — Андреева. Столько же мы имеем и оригинальных грузинских вариаций известных сюжетов сказок о животных»³.

Этот вывод, сделанный на основе каталога сказок о животных, составленного Е. Б. Вирсаладзе в 1960 г. по указателю Аарне —

² Чиковани М. Я. История грузинской народной словесности. Т. 1. Тб., 1975, с. 426—427 (на груз. яз.).

³ Вирсаладзе Е. Б. Сказка. — Грузинское народное поэтическое творчество. Тб., 1972, с. 247.

Андреева⁴, требует некоторой оговорки: точное представление о сюжетном репертуаре сказок о животных можно составить лишь после каталогизации этих сказок по системе Аарие — Томсона.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что в грузинском репертуаре значительное число сказок о животных имеет соответствия в международном указателе (см. сказки данного сборника № 1, 2, 7 и др.)⁵. Некоторые сюжеты являются самобытными (№ 4—6, 13, 15 и др.).

Иногда международные сюжеты контаминированы с оригинальными грузинскими сюжетами (мотивами), что придает им известную новизну (см. № 8, 9, 20 и др.). Так, первая часть грузинской «Сказки о медведе, волке и лисе» (№ 12) содержит типологически известный конфликт — лиса съедает медвежат (АТ 37), но этому конфликту предшествует оригинальный эпизод — лиса обдаёт чешоточных медвежат кипятком. Затем следуют известные на Кавказе мотивы: лиса по просьбе обманутого ею волка защищает ему зад — так-де он не будет испытывать чувства голода, а потом заманивает его в корзину. Сюжет продолжается и завершается типологическими мотивами. Изменения или трансформации мотивов, разные их сочетания придают сказкам оригинальное звучание; см., например, сказку «Медведь и лиса» (№ 17). Своеобразное осмысление международных сюжетов или мотивов, необычные их контаминации приводят к тому, что они воспринимаются как новые. Так, например, грузинская вариация (сказка «Лиса и медведь», № 3) сюжетного типа «Лиса-повитуха» отличается от общепринятой схемы⁶.

По-новому воспринимается грузинская вариация сюжетного типа АТ 20 С: в ней основной сюжет контаминирован с типом АТ 8А, в результате чего сказочное действие получает новое направление: лиса избивает раскаленным плужным лемехом волка, желающего разукраситься. Этот мотив трансформируется в сказке «Про лису» (№ 9): вместо того чтобы разукрасить волка, лиса отрезает ему голову.

Подобные трансформации международных сюжетов характерны не только для сказок о животных, но и для других жанров сказочного эпоса.

⁴ *Вирсаладзе Е. Б.* Указатель сюжетов грузинских сказок по системе Аарие-Андреева. Сказки о животных. — Литературные разыскания. Т. 13. Тб., 1960, с. 333—363 (на груз. яз.).

⁵ При ссылке на сказки настоящего сборника далее будет указываться соответствующий порядковый номер.

⁶ В грузинской сказке обнаруживается значительная разница с соответствующей русской сказкой (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. М., 1957, № 9, № 12), но зато отмечается сходство с осетинским [Осет 1973, № 20] и аварским [Авар 1972, № 2] вариантами.

Как и в фольклоре других народов, самая колоритная фигура грузинских сказок о животных — лиса. В грузинском сказочном эпосе сохраняется характерная для международного фольклора традиция изображения лисы как хитрого, ловкого, предусмотрительного и умного зверя, который противостоит медведю, волку, птицам и легко обманывает их, хотя порой и сам оказывается побежденным. Разнообразие ее ролей (то жадная, то коварная, то шорника-притворница) позволяет сказочникам проявить особое красноречие, рассказывая о лисе.

Волк силен, но глуп, действует прямолинейно, олицетворяя грубую силу, и часто бывает наказан. Чаще других его обманывает лиса (см. сказки «Как волк душу спасал», № 19; «Лисы проделки», № 11; «Медведь и лиса», № 17; «Крестьянин, медведь и лиса», № 21 и др.). В редких случаях медведь берет верх над лисой благодаря своей физической силе. Так, в сказке «Медведь, лиса и волк» (№ 15) он один съедает корову, оставив шакала и лису голодными.

Реже в центре грузинских сказок о животных другие звери и птицы: овца, с древних времен символизирующая богатство, изживает из дома нужду (№ 29), ворона оказывается чуткой и сообразительной и спасает работников (№ 27), а заяц — находчивым и смелым (№ 8).

Характеры других животных даны в соответствии с установленной традицией, хотя роль и функции животных часто меняются, что, в частности, обеспечивает интерес к сказке.

Композиция сказки о животных характеризуется стройностью. Наличие в сюжете всего двух-трех мотивов и, как правило, небольшого числа персонажей способствует стремительному развитию действия. Начав с эпизода встречи животных (причем герой встречается с тем персонажем, который помогает ему осуществить задуманное), сказочники сразу же переходят к изложению событий. Наиболее разработано описание развития конфликта. Препятствия, отделяющие героя от цели, обязательно им преодолеваются. Сказка завершается сразу после достижения цели. Начальные и конечные формулы встречаются редко, медиальные же — отсутствуют. Иногда заключительная фраза носит характер сентенции.

В сказках о животных нередко вставные стихотворения, цель которых — оживить повествование, акцентировать ситуацию, драматизировать события или подчеркнуть веселое расположение духа удачливого героя.

Речь животных, и прежде всего лисицы, — одно из выразительных средств их характеристики. Вот как коварная лиса льстит медведю при дележке добычи: «Голову тебе, как нашему главе и властелину, туловище тебе, так как ты всегда отечески печешься

о нас, и ноги тебе, так как ты направляешь стопы свои для нашего блага» (№ 4).

В грузинских сказках о животных, в отличие, например, от русских сказок, при характеристике персонажей сказочники не прибегают к эпитетам и не называют имен персонажей.

Диалог весьма близок к обычному житейскому разговору (см. сказки № 9, 26 и др.). И в целом язык грузинской сказки о животных максимально приближен к обычной, бытовой речи, что делает ее близкой и понятной детской аудитории, которой она прежде всего и адресована.

* * *

С композиционной точки зрения интересна так называемая кумулятивная сказка. Грузинская кумулятивная сказка, подобно русской⁷, по композиции, словесному материалу, форме исполнения и стилю делится на две разновидности. Каждая из них строится как цепь последовательных событий. В «формульных» кумулятивных сказках повторяются одинаково оформленные синтаксические звенья, как, например, в сказке «Блоха и муравей»:

Корова, дай молока,
отнесу кошке,
кошка не станет бегать за мышкой,
мышка покинет яму,
яма даст мне проса,
отнесу наседке,
наседка даст цыпленка,
отнесу вороне,
ворона отстанет от дуба,
дуб даст желуди,
отнесу свинье,
свинья даст щетину,
сплету капат-веревку,
брошу в воду, вытащу
моего брата-муравеюшку (№ 153).

Эта часть сказки каждый раз повторяется без изменений, как формула.

Другая «формульная» кумулятивная сказка — «Коза и виноградник» (№ 155) — имеет стихотворную форму, и ее можно петь. Поются также «формулы-обращения» к персонажам сказки «Блоха и муравей», где повествование искусно чередуется с песней.

В кумулятивных сказках так называемого эпического типа («Лисья хитрость», № 25, «О лисе, ходившей в Иерусалим» [Долдзе, № 92]) также присутствуют одинаковые эпические звенья,

⁷ Пропп В. Я. Кумулятивная сказка. — Фольклор и действительность. М., 1976, с. 241—257.

для синтаксического оформления которых не существует определенных рамок.

Особенность грузинской кумулятивной сказки в том, что в целях ретардации сказочники используют ритмически организованные или частично рифмованные обращения к персонажам.

Как правило, содержание грузинской кумулятивной сказки раскрывается в ряде эпизодов, составляющих своеобразную цепь; но во всех сказках эта цепь распадается в обратной последовательности («Как волк душу спасал», № 22, и «Человек, шакал, лиса, кот, медведь и волк», № 7).

* * *

Волшебная сказка занимает самое значительное место в грузинском сказочном эпосе. Она любима не только потому, что отличается художественным совершенством и необыкновенно красочным миром фантастики и вымысла, но и потому, что в ней в своеобразной художественной форме отразились жизненные проблемы далеких предков грузин, их мировоззрение, социальные и нравственные идеалы, их мечты о торжестве добра.

Грузинскую волшебную сказку отличает многообразие сюжетного состава: 91 сюжет (мотив) имеет параллели в международном каталоге Аарне — Томпсона; выявлено 18 оригинальных грузинских сюжетов (мотивов)⁸.

Наиболее популярны в Грузии сказки о борьбе героя с различными противниками (дэв, гвелешапи и т. д.) из раздела «Чудесный противник» (АТ 300—399). В Грузии бытует 23 типа сюжетов этой группы. В подавляющем большинстве это сказки о героях, сражающихся с дэвами и злыми колдуньями (АТ 300—303, 312—314, 315А, 321, 325В, С).

Большое место занимают сказки о «чудесных помощниках» героя (АТ 507, 513А, 516 и др.), сюжеты героического характера (АТ 502, 550, 551), а также лишённые мифологических элементов сюжеты о «певинно гонимых», о «перемене пола», о «свадебных испытаниях».

Из раздела указателя АТ «Чудесный супруг» (АТ 400—459) в грузинском репертуаре зафиксировано 16 типов, а из гнезда «Чудесный предмет» (АТ 560—649) — 10 типов. Девятью сюжетами представлен раздел «Прочие чудесные сказки», восемью — раздел «Чудесная задача» (АТ 460—499) и тремя — тип «Чудесная слава или знание» [АТ 650—699].

Небезынтересны некоторые оригинальные мотивы грузинской волшебной сказки.

⁸ Курдованидзе Т. Д. Сюжеты и мотивы грузинских волшебных сказок (систематический указатель по Аарне-Томпсону). — Литературные взаимосвязи. Т. 6. Тб., 1976, с. 240—263.

Сюжет о юноше, ищущем бессмертия (№ 62), носит философский характер. Тема эта известна как в фольклоре, так и в литературе стран Востока и Запада. В отличие от вилонских, итальянских или венгерских сказок, юноша на грузинской сказке ищет бессмертия не в земле, не обращаясь к духам и волшебному миру, не посещая преисподней и небес⁹. Грузинская сказка утверждает, что с помощью прекрасного, красоты все же возможно постигнуть вечность. Оригинальность и развитие данного сюжета и раскрытия основной идеи придает грузинской сказке большую художественную ценность.

Конфликтный мотив сюжетного типа «Победитель сестер-колдуний» не выходит за рамки традиционной сказочной коллизии (присвоение царем волшебного предмета и борьба за его возвращение), однако основное действие развивается весьма своеобразно. Много оригинальных деталей в рассказе о встрече, борьбе и победе героя над сестрами-колдуньями. Нестандартно и соединение мотивов для реализации основной идеи сказки (№ 61). Мотив покорения «нечеловеческих» сестер известен также в Абхазии (см. Типологический указатель сюжетов) и в Осетии. Абхазский вариант, записанный в Очамчирском районе, ближе к грузинскому. И. Левин включает тип в международный каталог под номером АТ 467 В.

Тип АТ 514 в грузинском фольклоре представлен двумя группами вариантов. В первой метаморфоза пола происходит вследствие заклятия злой колдуньи; во второй группе с типом АТ 514 соединяется тип 410*** (он включен в сказку как третье трудное задание, № 67).

Особый интерес представляют сказки сюжетного типа АТ 516 В. По данным С. Томпсона, сказка на этот сюжет известна только в Индии, где зафиксировано 11 ее вариантов. Но этот сюжет распространен и на Кавказе — в Грузии, Абхазии, Осетии, Армении. Примечательно, что грузинские варианты (их 14) отличаются от других кавказских вариантов. Естественно, отличаются и типы их контаминации с другими сюжетами (№ 69, 34).

Таким образом, сказки на широко известные международные сюжеты в грузинском фольклоре, как, впрочем, и в фольклоре других народов Кавказа, отличаются значительным своеобразием. Наглядное тому подтверждение — сказки на сюжет типа АТ 707, зафиксированные на Кавказе. Общим для всех вариантов сказки данного типа, распространенной у ближайших соседей Грузии, является международная схема ее сюжетного построения. Различия же в сказках разных народов наблюдаются даже внут-

⁹ Чиковани М. Я. Сюжет ищущего бессмертия юноши в древнем фольклоре и литературе. XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1963, с. 4—5.

ри одной версии, что является результатом воздействия самобытных этнических традиций, а также психологических и бытовых факторов того или иного этноса. Различия, по нашим наблюдениям¹⁰, обусловлены также оригинальностью художественного воплощения замысла.

В волшебных сказках различных народов Кавказа очень сильны местные традиции — под их влиянием происходит своеобразное осмысление многих элементов сказки, превращение ее в единое структурное целое. Этнические фольклорные традиции во многом определяют специфику волшебной сказки, в том числе и грузинской, что отчетливо проявилось на примере сказок о чудесных детях.

В грузинской волшебной сказке, как и в сказках других народов, отразились мифологические представления, а мифологическим персонажам, олицетворяющим силы природы, таким, как дэвы, гвелешапп, пашкунджи, рапи, «хозяйка зверей», Солнце и т. д., в сказочном повествовании принадлежит значительная роль.

В отдельных сюжетах и мотивах грузинской волшебной сказки улавливаются следы первобытного мировоззрения и верований доклассового общества. В них отражена жизнь той далекой эпохи, когда человек вступал в борьбу с враждебными ему стихиями и стал подчинять себе природу. Герои сказок договариваются с небесными силами и верховной покровительницей всех зверей, «хозяйкой зверей», которая нередко предстает в облике белого оленя (см. сказку «Сын охотника», № 42). Этот же олень в сюжетном типе «Юноша, умирающий на день» превращается в Солнце, чтобы наказать охотника, проявившего строптивость (№ 52).

Со времен родового строя берут начало мотивы, повествующие о договоре человека с покровителем погоды. В Грузии не сохранилось самостоятельного сюжета, но в сказке «Мзетунахави и двенадцать месяцев» [Чиковани, т. 3, № 196] из цикла «Мачеха — падчерица» говорится о том, как девушку в зимнюю стужу посылают к властелину погоды (по грузинской традиции, это мужчина, и зовется он Лазаро, Элия или Гонджа). Девушка просит у хозяина погоды весенний цветок, землянику и сливу, что связывается с «солнечным ликом» — наступлением весны и лета. Идущая от мифа вера во властелина погоды лежит в основе художественно переданных сказочных событий. Мотивы противопоставления сил природы и человека прослеживаются в начальных эпизодах сказки «Дочь Солнца» (№ 59).

¹⁰ Курдованидзе Т. Д. К вопросу об этническом и интерэтническом в грузинской волшебной сказке (на примере типа АТ 707). — Труды Тбилисского госуниверситета. Т. 191, 1977, с. 95—106.

В сказках присутствуют мотивы супружеской связи человека и тотемического животного (№ 38, 39 и др.), а в сюжетах из раздела «Запродажа детей» хотя и содержится мотив необходимости принесения силам природы жертвы, но персонажи, предназначенные в жертву, или спасаются сами, или им на помощь приходят положительные герои сказок (например, № 35).

В сюжете «Охотник и заколдованный зверь» отразилась древняя вера в возможность превращения человека в зверя. Похожедения охотника-оборотня приобретают в Грузии оригинальное воплощение (они многократны, в силу чего композиция сказки осложнена [Гюшти Карт, № 48]).

Тип 403 Д представляет собой разновидность сказки из раздела «Подменюшая невеста». Брошенная в воду женщина превращается в рыбу, в тополь, в щепку, а затем вновь в женщину; в результате, победив зло, она возвращается к мужу (№ 65).

В сказке сюжетного типа 460 С* содержится архаический мотив каннибализма (невестки съедают своего доверца, а кости собирают и закапывают в землю; братья ищут своего пропавшего брата, но не находят; тогда младший брат отирается за советом к Солнцу, № 55).

В волшебной сказке Грузии архаические представления и верования трансформированы, а фантастические персонажи, олицетворяющие силы природы, сильно изменены.

Дэв грузинской волшебной сказки — отрицательный персонаж. Это зооморфное существо с огромными клыками обладает большой физической силой. О мощи дэва свидетельствует число его голов.

Грузинская сказочная традиция закрепила за дэвом эпитеты «огромный», «громадный». Воздействие эпитета усиливается в гиперболизированных характеристиках: «Идет дэв, и вся земля дрожит под ним»; «Бежит дэв, в руке держит гору и несет ее, как мяч». Иногда дэв наделен внешними признаками огнедышащего змея-дракона — гвелшапи: «Идет огромный дэв и изо рта извергает огонь»; стоголовый дэв, «когда веселятся и смеется, даже тогда извергает изо рта огонь».

Дэву присущи и некоторые антропоморфные черты — он разговаривает, умеет любить, но вместе с тем всегда враждебен человеку.

Матери дэвов так же сильны, как и дэвы: «Мать дэвов сидела на вершине плоской кровли. Вместо веретена она держала в руках огромное дерево, на которое был падет жернов, и прядла». У другой старухи, матери девятиголовых дэвов, подборок «одни зуб проникал в подземелье, а другой достигал неба». Эти старухи обычно противопоставлены героям, однако они не приносят сказочным юношам столь большого вреда, как дэвы. Иногда мать

дэвов дажо помогает героям, спасая их от своих кровожадных сыновей.

Нередко антагонистом героя в грузинской волшебной сказке бывает гвелешапи (ажви-вишала «Авесты») — многоголовое, остро-зубое, огнедышащее чудовище в облике змея, умеющее летать. В сказке гвелешапи выполняет, как правило, одну функцию — он запруживает родник и требует от людей жертвы за то, что позволят им набрать воды. Появление в сказке этого чудовища сопровождается затмением солнца, громом и молнией. Летящий по небу гвелешапи, дыша огнем, рождает бурю, оставляет след пурпурного цвета. Сказочники отмечают огромные размеры гвелешапи — таким образом они гиперболизируют силу борющегося с ним героя: «Пронзила стрела летящего гвелешапи, разрежала пополам. Гвелешапи был так велик, что из его крови образовалось море и из мяса воздвиглись большие горы».

Мифическая волшебная птица пашкупджи (двойник Сивурга) поднимает героя на землю из подземного мира — «нижнего неба». Типологически эта птица сходна с подобной птицей кавказских, русских и других сказок международного фольклорного фонда. В грузинской волшебной сказке пашкуджи объясняет юноше, что для его доставки на землю она по пути должна съесть мясо двадцати коров, выпить двадцать бурдюков вина и съесть столько хлеба, сколько вмещают двадцать топэ. Магическими и лечебными свойствами обладает и крыло пашкуджи: его прикосновение к телу героя заживляет раны.

Традиционный помощник героя грузинской волшебной сказки — раши, сказочники особо выделяют его умение летать. Это свойство чудесного коня определяют эпитеты — крылатый, летящий, конь-ветер, конь-буря. В сказках акцентируется их умение прийти на помощь герою в трудную минуту, хотя некоторые из них отличаются строптивым нравом. Они «завергают из глаз огонь» или так красивы, что «заигрывают со звездами».

Персонажами многих грузинских сказок являются Солнце и его мать. Сохраняя свой традиционный облик, Солнце наделяется некоторыми человеческими чертами, например способностью помогать героям сказки или противостоять им. Мать Солнца всегда выступает только в роли помощницы героя.

Героиня грузинских волшебных сказок — мзетунахави — девушка, наделенная сверхъестественной, затмеваящей блеск солнца красотой, — древнейший персонаж, связанный с солнцем и небом. Она — само Солнце. Ее лицо и под густым покрывалом излучает свет. Герою удается добиться ее сердечного расположения только после свершения различного рода подвигов.

В некоторых сказках мзетунахави всячески испытывает героя, прежде чем стать его женой; в других случаях она стано-

вится его помощницей и помогает ему одолеть врагов. Этот интереснейший образ, перешедший в сказку из мифологии, на протяжении веков претерпел множество изменений.

Все эти персонажи выступают чудесными помощниками или антагонистами главного героя грузинской волшебной сказки. Различные его действия и поступки лежат в основе развития сказочного сюжета. Герой волшебной сказки стремится изменить к лучшему свое положение, достичь поставленной цели. В его образе сказочники акцентируют или физическую силу, или моральные достоинства.

Группа героев грузинской волшебной сказки наделена чудесными свойствами, обусловленными их необыкновенным происхождением. Таковы Шав-Датуашвили, Ивалъ-богатырь, Черный Теймураз и их братья. Чудеснорожденные герои обычно обладают необычной силой, благодаря которой они добиваются своего. Все сказочники, характеризуя героев этого типа, особо подчеркивают их быстрое мужание, необычайные физические возможности; их отличают бесстрашие, благородство, выносливость, сохранение твердости духа в самых тяжелых испытаниях.

Типологически сходен с чудеснорожденным героем младший сын царя, выступающий в сказках сюжетных типов АТ 432, 502, 516, 550, 551, 707, 709 и др.

Особой популярностью пользуются такие герои грузинской волшебной сказки, как Незнайка, Кочора, Сиротинка, младший сын или зять. Как и чудеснорожденные герои, они отличаются физической мощью, сообразительностью, ловкостью. Правда, эти качества они обнаруживают не сразу, а после ряда унижений и насмешек, которым их подвергают окружающие. Развитие сюжета строится на контрасте: глупый становится умным, униженный — героем-победителем.

Герои грузинской волшебной сказки в основном типологически сходны с подобными героями сказок других народов, но выходя за общепринятые рамки и сохраняя многие их характерные черты и признаки. В то же время герои грузинской сказки выступают выразителями ее национального своеобразия, ибо в них отразились народные представления о добре и зле, о чести и мужестве и воплотились многие черты нравственного кодекса народа.

Композиция грузинской волшебной сказки, как и композиция любого фабульного произведения, включает конфликт, его развитие и разрешение. Герой проходит «предварительное испытание», после чего его ожидает «основное испытание»¹¹, благополучным исходом которого разрешается основной конфликт.

¹¹ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение волшебной сказки.— *Пропи В. Я. Морфология сказки*, М., 1969, с. 159.

Композиция сказки организуется внутренней взаимосвязью и логической последовательностью составляющих ее элементов, разнородных как по содержанию, так и по назначению, причем отдельные элементы характеризуются относительной самостоятельностью и завершенностью.

Из составных частей грузинской волшебной сказки особую роль приобретают действия-акты, в которых отражены конфликтные отношения, но более частного значения по сравнению с основным конфликтом сказки. Каждое событие, описанное в действии-акте, композиционно закончено. Композиционная завершенность действий-актов характерна для различных по содержанию частей волшебной сказки; их взаимосвязь обеспечивает целостность более высокого уровня¹².

При развертывании сюжета сказители постоянно пользуются типическими или общими местами-клише. Эти клише переходят из сказки в сказку и встречаются в разных по типу сказках. Они используются для характеристики однотипных ситуаций, персонажей, их внешнего облика и поступков. Для типических мест характерна стереотипность, но для каждого национального эпоса наряду с универсальными клише характерны свои собственные, этнические. Так и в грузинских сказках можно найти немало специфических формул, придающих им значительное своеобразие.

К числу традиционных эпизодов грузинской волшебной сказки, которым свойственны относительно стабильные содержание и форма (хотя возможность вариаций не исключена), принадлежат следующие: «чудесное рождение детей», «чудесный цветок», «позолоченный камень», «хорошая жена», «запродажа детей», «обманутые лешие», «девушки-птицы», «ночевка на могиле отца» и др.

Эти эпизоды по усмотрению сказочников по-разному используются во многих различных сюжетах. В традиционный арсенал общих мест входят и магические действия, которые используются в соответствии с характером ситуаций и традицией, особенностями повествовательной манеры сказочника. Наличие «готовых» традиционных магических действий дает сказочнику возможность использовать их без изменений, хотя не исключена возможность и вариаций.

Словесная основа типических описаний в разных сюжетах может меняться в зависимости от мастерства и возможностей сказочника, но их смысловое содержание и структура в основном остаются неизменными.

¹² Мелетинский Е. М. и др. Еще раз о проблеме структурного описания волшебной сказки.— Семшотика. Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971, с. 83.

Грузинской волшебной сказке, подобно сказкам многих народов, свойственна так называемая тричность, при которой эффект достигается применением принципа перехода от простого к сложному и описанием действий противостоящих друг другу героев¹³.

Наблюдения над композиционной структурой волшебной сказки позволяют сделать вывод, что по композиционному строению она не отличается от сказок европейских народов или русского сказочного эпоса. Вместе с тем национальная специфика грузинской сказки проявляется, например, в выборе материала, его интерпретации, в своеобразии употребления эпических клише и т. д.

Как и сказки других народов, грузинская волшебная сказка начинается с зачина или присказки. Назначение присказки — заинтересовать слушателей, заставить их слушать сказочника внимательно, создать соответствующее настроение и дать сказочнику возможность блеснуть своим мастерством:

Сказка была, была сказка,
В лесу птичка померла.
Наверх поднял ее — сгнила,
Вниз положил ее — высохла.
В большом котле тесно ей,
В маленьком — просторно,
Сотне людей с ней не справиться,
Молодице — один глоток!

Или:

Вот идет черный пес,
За ним идет гвелешапи,
Кто промолвит за мной слово,
Посет змей и лягушек¹⁴.

Прозаические начальные формулы сходны с зачином русской сказки: «Было то или не было, что могло быть лучше бога. В давние времена на свете жил царь». Как видим, в этой формуле подчеркнута нереальность повествования и сразу же представлены основные персонажи сказки. Кроме того, в начальных формулах сказочник выражает свое отношение к исполняемой им сказке как к вымыслу («Было то или не было»), напоминает о традиционном времени повествования («холодная зима»), называет персонажей сказки («У одного царя было три дочери», «Жили-были девять братьев»), благословляет слушателей («Пусть благословит вас бог»).

¹³ Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки. — Семиотика. Труды по знаковым системам. Т. 4. Тарту, 1969, с. 131.

¹⁴ Вирсаладзе Е. Б. Сказка, с. 257.

Упоминание бога в грузинских сказках весьма часто — это следует объяснить тем, что христианство имело в Грузии тысячелетнюю историю. Естественно, что его представления глубоко проникли в произведения разных жанров грузинского фольклора. Однако со временем признание величия бога вытесняется признанием того, что человек — лучшее существо на земле («Было или не было ничего, что могло быть лучше нас»).

Первая часть начальной формулы, подчеркивающая нереальный характер повествования, стабильна, вторая же ее часть, обычно широко варьируется — в ней даются сведения о социальном и материальном положении («Жили-были бедные муж и жена»), о занятиях персонажей, о месте сказочного действия («Жил-был у реки старик, рыбак»), о возрасте героя («Жил один пятнадцатилетний мальчик»).

Отличительная особенность грузинской волшебной сказки — параллельное развитие нескольких сюжетных линий, повествующих о событиях в жизни ряда персонажей. В таких случаях в конце рассказа о каждом из эпизодов истории, например о младшем брате, следует сообщение: «В это время старший брат, оказывается...»; «Пока младший брат искал живую воду, старшие братья, оказывается...»; «Вернемся теперь к младшему брату»; «Пока будем вести речь только о младшем брате». С помощью этих формул сказочник сообщает слушателю о завершении одного эпизода или приключений одного героя и переходе к началу другого эпизода или к рассказу о другом герое. Эти формулы помогают сказочнику мобилизовать внимание слушателей.

Многие формулы грузинской волшебной сказки определяют перемещение персонажей в пространстве. Как правило, они показывают длительность пройденного героем пути: «Шел он, шел и в конце концов дошел до широкого поля»; «Шел он, много прошел, перешел девять гор, испытал тысячу бед, пришел в окаменевший город»; «Идет этот юноша, легко сказать языком, идет, наконец пришел...»; «В сказке легко сказывается, да мы-то ведь не знаем, какой путь он прошел».

Иногда сказочники включают в повествование такие распроstrанные в быту формулы-выражения, которые не имеют никакой связи с сюжетом («Да будет добрым ваше завтрашнее утро»; «Да будем радоваться, я вы и я, возвращению домой наших близких, как обрадовалась мать, увидев своего сына»). Чтобы сохранить постоянный контакт со слушателями и оправдать затянувшийся рассказ, сказочники используют особые традиционные формулы: в первой части этой формулы говорится: «чтобы не надоедать»; «что там много рассказывать», а во второй сообщается о продолжении действия.

В комментариях сказочника передается его личное отноше-

пно к действию и, следовательно, к персонажам: «Оказывается, этот сукин сын издалека подглядывает, когда он заснет»; «Разумеется, где уж большому человеку у царя правды добиться!»; «Младший брат просил поднять его наверх, но разве они выполнили его просьбу — они опускали его все выше и ниже».

Сказочные действия завершают традиционные конечные формулы. В простых формулах содержится как пожелания добра слушателям («Эласа-меласа, висел кувшин на мне, сказителю и слушателю счастья вам и мне»), так и проклятия тем враждебным силам, с которыми сражался герой («Мор — там, шир — здесь, отсев — там, мука — здесь»).

Иногда в конечных формулах, как и в начальных, имеются указания на вымышленный характер сказки («И я там был и от дупи попиравал. А как вернулея... будто я не был нягде!»; «Улотега птица девятикрылая, сто раз ложь, однажды правда»).

В некоторых случаях сказочник старается убедить нас в том, что события реальны («Так оно и было. Из сказки слов не выкинешь, как в старипу говорили») и он был их очевидцем («Был я на том пиру и видел все своими глазами. Можете себе представить, что там творилось!»). Или: «Позавчера отпраздновали великоленную свадьбу, не смог пойти, хотя был приглашен».

В ряде формул указывается на традицию¹⁵ и место рассказывания сказки: «Я в мельницу засыпал зерно, накопил помола, вы уйдете, мы останемся, выовь придете с миром»; «Седло в Мцхета я забыл, сбрую — на Арагви. Дай вам бог победы, кто добром живет».

Иногда конечные формулы носят юмористический характер: «Пока я в паперстке не сварю гоми, иголкою не помешаю его, а ногтем не выну его оттуда, до тех пор у слушавших сказку да не заболит голова!» [СМОМПК, 1904, т. 33, отд. III, с. 35]; указывается на необходимость вознаграждения сказочников: «Кто не купит мне табак, у того выпадет борода».

Присказки, начальные и конечные формулы грузинской волшебной сказки нередко ритмизованы:

Дрозд веселый папевае,
Милость божью призывает.

Мастера-сказочники, как правило, выбирают из большого запаса традиционных формул те, что наиболее точно подходят к сюжету сказки, многообразно варьируют их. Значительная часть

¹⁵ В Грузии сказки рассказывали на празднестве поминовения усопших под аккомпанемент музыкальных инструментов, во время свадьбы, разных хозяйственных работ и отдыха. Излюбленным местом для этого считалась мельница.

тивность начальных и конечных формул грузинской волшебной сказки — характерная особенность ее стиля.

Художественные достоинства традиционных формул свидетельствуют о развитом творческом мышлении народа, на протяжении веков создававшего эти сказки.

Язык грузинской волшебной сказки соединяет бытовую лексику с условно-сказочной. Тон и манера исполнения сказки обидные, хотя их условный характер явно ощущается. Героев — носителей народных идеалов — сказочники представляют живыми людьми. Соответственно и рассказ о них ведется в народной, разговорной манере с использованием просторечных выражений и оборотов, что должно приблизить слушателей к героям сказки. При удоминировании древних обычаев и обрядов употребляется архаическая лексика. Встречаются также термины и понятия, связанные с сельским хозяйством древней Грузии и вышедшие сейчас из обихода. Преобладание разговорной речи особенно ощутимо потому, что сказка вследствие обобщенности и особой типичности лишена возможности индивидуализировать язык персонажей.

Из стилистических средств, характерных для грузинской волшебной сказки, особо следует выделить эпитеты, сравнения, гиперболы. Многозначными постоянными эпитетами — они указывают на цвет (белые полосы, пестрая корова, черный пес) и возраст (старый отец, маленький мальчик), характеризуют физическое и душевное состояние персонажа (хромая старуха, несчастный старик, разозленная жепципа), его внешность (хромой дэв, лысый чогурият, златокудрая девушка, уродливая женщина, не виданная под солнцем красавица), определяют качество — сущность (водяной конь, жемчужный лед, завистливый пастух), количество, длину, высоту, величину и материал (стоглавый дэв, длинный ковер, высочайшая гора, огромный дэв, золотой мост).

Наряду с постоянными нередко встречаются эпитеты, представляющие собой индивидуальные определения качеств героев и окружающего их мира: человек-золото («окрокца»), бедолага («ухеиро»), человеколев («ломкаца»), стальной Али («Алиполада»).

Среди сравнений можно отметить простые и сложные. В простых сравнениях называются лишь сравниваемые предметы и подчеркивается соотношение между ними («валится башмачок в воде и так светит, как солнце», «этот гном вскочил, как блоха», «летит конь, как ветер»). В сложных сравнениях не только один предмет сравнивается с другим, но за первым сравнением следует второе с целью усилить впечатление («Жепципа была так красива, что в темноте светила, как солнце, в безлунной ночи блестела, как месяц»). В некоторых случаях сравнения построе-

ны на антонимах («Женщина посадит в тонэ белые, как вата, хлеба, а вынимает черные, как грязь»).

В волшебной сказке широко применяется персонификация как художественный прием. Персонификация природы — птиц, животных, деревьев, скал и разных предметов — обычное явление в волшебной сказке («умоляет голубь юношу...»; «и вдруг дверь крикнула...»; «пошла сабля, отрезала голову охотнику и вернула хозяйку кожаный мешок»).

Гипербола — одно из средств создания фантастического мира волшебной сказки, где гиперболизируются почти все предметы и явления. Характерно, что одними и теми же качествами наделяется как главный герой, так и его противник, хотя нередко встречаются гиперболы, определяющие персонаж или того или иного типа.

В волшебной сказке чаще всего гиперболизируются красота героини, богатство, возможности, размеры и физическая сила других персонажей. Гиперболизируется возраст героя, сказочники преувеличивают его физические возможности. Богатство, добытое героем, гиперболизируется с целью показать, насколько велики его заслуги. При гиперболизации враждебных герою сил подчеркивается необычность фантастического мира. Конкретные изобразительные функции гипербол разнообразны. Обычно преувеличиваются устрашающие черты внешности, прожорливость, непомерная мощь и другие качества, свойства и атрибуты «вредителя» — сказочного героя.

В волшебной сказке прием гиперболизации важен для поддержания интереса слушателей. Использование одновременно гиперболы и литоты достигается особая выразительность в кульминационных эпизодах борьбы героя и его противника. Некоторые грузинские волшебные сказки построены на мастерском чередовании этих двух приемов.

В грузинской волшебной сказке ритмически организованы формулы-фразы, отдельные абзацы, диалог. Для ритмизации текста применяются синтаксический параллелизм, повторение фиксированной формы, аналогичные интонации, инверсия и другие ритмообразующие средства.

Вот как выглядит ритмический абзац в сказке «О полевой деве» (№ 79). Юноша спрашивает у пришедшего просить руку его сестры: «Кто ты, откуда ты родом, куда путь держишь, как имя твое, чем занимаешься? Ты верующий или нет в тебе веры? Хочешь ли ты, чтобы в гости к тебе я пришел — или от врага защити у тебя некать, или оставшись без нищи в пути, или в пужде помощь твою испросить? Сестра ведь она мне, плоть от плоти моей. Кто же захочет сестру или брата своих навек позабыть?»

С помощью ритмизации прозы сказочники стремятся придать некоторым местам текста экспрессивность, выделить их из общего повествования, как особо значительную часть содержания, заслуживающую акцентирования.

В композиции грузинской волшебной сказки значительное место занимают вставные стихотворения, функция которых сводится к акцентированию внимания слушателя на том или ином персонаже или связанном с ним событии, подготовке аудитории к новому повороту рассказа.

В сказке «Лесная девушка» (№ 93) героиня в песне-жалобе рассказывает о своей необычной судьбе:

Годилась я на лодыжки крестьянина,
Бросили меня на берегу реки,
Ворона подобрала меня,
На ветвях кипариса вырастала,
Старуха обманула меня,
Заманила в царский дворец,
Распущу-ка я черные волосы
Да оплачу своего супруга...

Стихи, имеющие характер обращения-просьбы (они сходны с традиционными формулами, связанными с волшебными предметами), появляются в кульминационный момент сюжета и призваны выделить из основного повествования самый значительный или решающий момент, сделать на нем акцент, что должно изменить создавшуюся ситуацию, ввести действие в новое русло:

Солнце — мать, отец — месяц,
Звезды — братья в синем небе,
Сбросьте вниз мою скамейку,
Умер милый мой царевич [Долидзе, № 8].

Во многих сказках грузин упоминаются христианские обряды (обет, крещение, разные праздники), а в качестве второстепенных персонажей выступают Христос или святой Георгий, хотя мы не встречаем в этих сюжетах ни возвышенной лексики, ни патетической приподнятости, что так характерно, например, для грузинских духовных стихов, которые переложены из Библии и апокрифической литературы.

Грузинской волшебной сказке как произведению традиционного фольклора присуща определенная типичность стиля, обусловленная одинаковым восприятием мира, что, конечно, не исключает вклада талантливых сказочников в совершенствование изобразительных средств сказочного эпоса.

В грузинской бытовой новеллистической сказке и анекдотах существуют свои законы и собственная мера отношения к жизненной правде, чем в других видах сказочного эпоса, а художественный вымысел выполняют иную функцию. В бытовой сказке восприятие реальной действительности обострено и ее видение доведено до уровня фантастического вымысла. И хотя сказочный конфликт, персонажи и место действия вмещаются в пределы возможного, поведенные истории все же невероятны.

В то же время проблематика бытовых новеллистических сказок — жизненная, и решение социально-бытовых проблем направлено на выявление социальной несправедливости и других противоречий жизни. Жизненность мотивов бытовой сказки, ее сравнительно позднее оформление в качестве особой жанровой разновидности не исключает возможности присутствия в ней некоторых значительно переработанных черт архаических верований и представлений. Древнее и исторически сравнительно более позднее начала слились в бытовой сказке, составив ее эстетическую специфику. При создании своей эстетики бытовая новеллистическая сказка искусно воспользовалась опытом предшествовавших ей форм. Так, сказочники охотно обращаются к вымыслу фантастической сказки, используя чудесные свойства волшебных предметов¹⁶.

В основу сюжетов большинства сказок-повелл положены социальные, моральные и правовые противоречия. Конфликтные ситуации в грузинских народных повеллах развиваются в среде, максимально приближенной к действительности.

Сказочники создают условное художественное пространство, почти ничем не отличающееся от реального, и этим достигают типизации. Типизации событий способствуют не только герои сказки, но и место действия, обстановка, в которой оно протекает.

Сюжетный состав бытовой сказки определяется тематикой, связанной с жизненными проблемами трудового народа. Ведущее место среди них занимают социальное неравенство, угнетение немущих. Борьба между представителями полярных классов — непримиримая, и герои прилагают все усилия, добываясь победы справедливости.

Анализ сюжетного состава грузинской новеллистической сказки в соответствии с указателем сказочных сюжетов Ларие — Томпсона показывает, что в Грузии распространено большинство сюжетов, зафиксированных в мировом сказочном фонде. Многие типологические сюжеты получили в грузинском репертуаре са-

¹⁶ Аникин В. И. Русская народная сказка. М., 1977, с. 170.

мобытное оформление. Так, сказка «Три сестры» (№ 117) по основному конфликту относится к типу АТ 923, хотя грузинский сказочник по-своему раскрывает идею сказки: переносит действие из царского дворца в крестьянскую хижину, мотив изгнания младшей дочери заменяет мотивом противопоставления сестер. По-разному проявляется любовь дочерей к отцу в типологическом сюжете и его грузинской версии.

Национальным своеобразием отличаются и такие типологические сюжеты, как «Преданный муж и изменница жена» — АТ 968 А* (№ 124), «Про лентяя» — АТ 1370* (№ 132), «Сын мельника и три плешивых лгуна» — 1423* (№ 136) и другие.

Представляется возможным включить в гнездо «Умные дела и слова» международного указателя сказочных сюжетов грузинскую сказку «Царем быть — не ремесло» (№ 118). Идея этой оригинальной сказки заключается в жизненной необходимости владеть ремеслом. Народ считает, что сегодня можно быть царем, а завтра — нет и только знающим ремесла человек в состоянии прокормить семью, поэтому девушка не выходит замуж за царевича, пока он не научится какому-нибудь делу.

К этому же тематическому гнезду следует отнести сказку «Заработанный рубль», в которой выражено отношение народа к труду. Когда отец бросал в огонь деньги, не добытые трудом, сын смеялся и уходил; но когда отец бросил в камин честно заработанный сыном рубль, юноша бросился к камину и голыми руками выгреб из огня свои деньги. «Теперь-то я верю, что ты сам этот рубль заработал, сердце у тебя за него заболело. Видишь, сынок, как трудно самому заработать деньги», — сказал отец сыну (№ 119).

Грузинские бытовые повеллестические рассказы, несмотря на типологичность, отображают жизнь именно грузинского народа. Это в первую очередь достигается художественно-поэтической интерпретацией темы, т. е. приближением жизненной среды и места действия персонажей сказки к национальному быту Грузии, акцентированием этнических черт характера и речи героев, приданием рассказу местного колорита и т. п.

Связь проблематики бытовой сказки с действительностью прослеживается во всех основных тематических группах грузинских повеллестических сказок: о женитьбе героев и замужестве героинь, о супружеской верности и неверности, об исправлении строптивых жен и ленивых мужей, о разбойниках и ворах, о духовенстве и т. д.

Персонажей в повеллестической сказке на первый взгляд великое множество — крестьянин и купец, мастеровой и поп, барин и вор, глупая женщина и царь, староста и работник и т. д. На самом деле герои бытовой сказки являются обобщениями. игно-

рирование собственных имен свидетельствует о том, что сказка избегает конкретизации.

Вечная тема фольклора — противопоставление зла и добра — получает художественное воплощение в грузинских новеллах о лживых и правдивых людях (№ 104, 127). Эта же тема лежит в основе сказок цикла «О трех неправдах», в которых ум и находчивость простого крестьянина (№ 106) противопоставлены глупости и чванливости царя, князя, купца.

Один из популярных героев грузинских сказок — плешивый обманщик — превосходит всех своей хитростью и ловкостью. Рассказывая о нем, сказочники создают такие острые ситуации, в которых раскрывается умение обманщика перехитрить, казалось бы, всех. Однако и он в конце концов остается ни с чем (№ 136; [Мудрость, II, 344—346] и др.).

Жизненная правда характеризует многие народные новеллы о духовенстве. Основные персонажи сказок этого цикла — поп с попадшей и дьякон — представлены как обжоры, сластолюбцы, алчные и лживые люди (№ 111, 143 и др.).

Популярный персонаж грузинских новелл — чудаковатый на первый взгляд нарецъ. Но он всегда добр, справедлив, предельно доверчив, жалостлив, никогда не думает о своей выгоде. За его дурашливостью, неумением жить, как другие, скрыты душевная чистота и бескорыстие (№ 148).

Конфликтные ситуации, в которых действуют чудаковатые персонажи новеллистической сказки, дают сказочнику возможность заострить поступки персонажей и отдельные черты их характера, с помощью вымысла вскрыть сущность жизненных нелепостей и тем самым натолкнуть слушателей на поучительный вывод. Эстетика новеллистической сказки основана на гиперболизации бытовых ситуаций. Неразумные поступки персонажей сознательно доведены до степени невероятного, что особенно наглядно прослеживается на примере отрицательных героев.

Таким образом, и бытовых грузинских сказках явно обнаруживается тенденция акцентировать и гиперболизировать сущность отрицательного, неприемлемого. Беспощадно высмеиваются скудность и жадность, глупость и болтливость, лень и упрямство. Порицая эти человеческие пороки, сказочники раскрывают нравственные идеалы трудовых масс, их этические представления.

В народных рассказах сурово высмеяны невежды-жены (№ 130; [Долядзе, № 63]), до глупости доверчивые, недалекие женщины [Умикашвили, т. 4, № 25; ГНН, 217] и мужчины (№ 135; [Умикашвили, т. 4, № 28]), осуждается супружеская измена в сказках о неверной жене (№ 111, 112).

Композиция бытовой новеллистической сказки проста. Сказка начинается с короткой экспозиции, в которой характеризуется

социальное положение героя: «Был один великий государь», «Жил злой и жадный поп», «Жили муж с женой. Трудно жили, бедно». После этого сразу же завязывается конфликт и следует основная часть сюжета. Концовка обычно совпадает с финалом событий, о которых шла речь в сказке.

В отличие от полшебных рассказов, бытовая сказка, как правило, односюжетна, хотя в ней и встречаются случаи контаминации нескольких однотипных сюжетов (№ 127, 129, 143 и др.).

Пространство грузинской народной новеллистической сказки строго локализовано пределами реальных мест обитания ее создателей. Характерное для этого типа сказки начало: «В одной деревне жил лживый бездельник», «Пахал как-то человек землю сохой», «Жил бедный сврота». Хотя на первый взгляд действие развивается в условном пространстве («в одной деревне») и времени («однажды»), эти категории на самом деле весьма приближены к действительным, реальным.

Диалог бытовой сказки весьма близок к обычной разговорной речи: «— Сынок, а сынок! — Что тобо, мама? — Кто сегодня сделал свое дело? — Я и ты, — ответил сын. — А кто может есть? — Ты да я, разумеется» [ГНН, № 2]. Разговорная речь в сказке — норма. Некоторые сюжеты открывают перед сказочником возможность индивидуализировать речь персонажей. В новеллистической сказке немало тонких характеристик, явственно выражено отношение рассказчика к персонажам, рассказ ведется занимательно.

Очень близок к бытовой новеллистической сказке анекдот. При общности тематики и персонажей бытовая сказка и анекдот различаются художественными приемами и средствами изображения действительности. Изложение событий в анекдоте по сравнению со сказкой допускает большую двусмысленность. Отличаются анекдоты и по форме: им свойственны одномотивность, лаконизм, острота содержания и неожиданная концовка. Сказочники высмеивают в них лентяя, который зимой не может припести дров из-за стужи, а летом сетует на жару; весело потешаются над незадачливым неоломщиком, которого заставляют согнать верону с золотого креста над куполом церкви; по-доброму высмывают глухих стариков, которые не могут понять друг друга.

На современном этапе своего существования традиционная грузинская сказка во многом трансформируется. Прежде всего отмечается замена некоторых традиционных мотивов новыми и переосмысление традиционных функций персонажей. Это приводит к утрате элементов необычного, фантастического, бытовизации повествования. Иначе говоря, происходят деформация и разрушение жанра.

Этому способствует и введение в сказочное повествование элементов современного городского быта: в сказках часто упоми-

паются такие реалии, как театр, магазин, ресторан, библиотека, аэроплан, профессор, патефон и т. д. В сказку все более проплетаются современные лексика, современные представления о жизненных коллизиях.

Как видим, грузинский народный сказочный эпос богат и разнообразен. Прочтя сборник, читатель сам оценит богатство тем и идей грузинских сказок и их художественные достоинства, найдет оригинальные сюжеты и их вариации, почувствует свойственную сказке тонкую стилистику, познакомится с мыслями и чувствами ее создателей.

Первые записи грузинских сказок относятся к XVII в. и связаны с именем католического миссионера, патера Бернардо Псалолитанского, жившего в Грузии в 1670—1680 гг. Его рукопись хранится в капуцинском монастыре Торре дель Греко в Италии и содержит двенадцать сказок, известных в международном фольклоре и широко распространенных в Грузии и по сей день. По данным специалистов, эти народные сказки Бернардо Неаполитанский зафиксировал на месхском диалекте грузинского языка, который близок к говорам типа восточногогрузинских¹⁷.

Грузинские писатели обрабатывали народные сказки уже в середине века. Писатель XII в. Мосэ Хонели, автор сказочно-приключенческой повести «Амиран-Дареджанпани», повествуя о фантастически-сказочных похождениях героев, вводит в рассказ образы мифических и сказочных персонажей, использует мотивы и стилистику волшебной сказки¹⁸.

Создавая поэму «Витязь в тигровой шкуре», Шота Руставели использовал образы грузинской волшебной сказки (дэв, каджи), а также мифическую символику (затмение солнца и луны, проглоченных гвелецани)¹⁹. Более того, по новым данным, в основе сюжета поэмы Руставели лежит инвариант волшебной сказки, а композиция поэмы является модификацией композиции волшеб-

¹⁷ *Вирсаладзе Е. Б.* Сказка, с. 236; *Дзидзигури Ш.* Описательный анализ месхского диалекта с точки зрения его отношения к другим говорам.— *Эпические моамбе.* 1941, т. 10, с. 243 (на груз. яз.). Эти сказки исследованы и с вариантами издаши *М. Я. Чиковани* (см.: *Мравалтави. Сборник грузинского общества истории, археологии, этнографии и фольклора.* Тб., 1964 (на груз. яз.). Сказки опубликованы на русском языке: *Грузинские народные сказки и мифы.* Тб., 1985, с. 288—304.

¹⁸ *Чиковани М. Я.* Грузинский народный эпос. Т. 2, Тб., 1965 (на груз. яз.).

¹⁹ *Чиковани М. Я.* Шота Руставели и грузинский фольклор. Тб., 1966, с. 103—122 (на груз. яз.).

пой сказки в соответствии с идейно-художественным замыслом гениального творца²⁰.

«Великолепным импровизатором народных сказок» называют в Грузии известного писателя XVII в. Сулхана-Саба Орбелвани. Для создания своей «Мудрости вымысла» баснописец переработал притчи, сказки и сказания, сохранив их народный дух, прелесть языка и возвысив их познавательные, политико-воспитательные и художественные функции²¹.

По данным М. Макарова, русскому читателю грузинская сказка стала известна в 1773 г., когда появились первые ее переводы на русский язык²². С 1846 г. в Тбилиси начинает издаваться на русском языке газета «Кавказ», а с 1881 г.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В этих изданиях грузинские народные сказки широко публиковались в русском переводе. В конце XIX в. был издан ряд сборников грузинских сказок на русском языке²³.

Большое число сказок увидело свет на страницах «Сборника Акакия» (выходил в 1897—1900 гг.), основанного поэтом Ак. Церетели. Значительный вклад в публикацию сказок внесло грузинское Общество истории и этнографии, выпускавшее сборники «Древняя Грузия» (1909—1915). В эти сборники вошли 46 сказок, записанных на грузинском языке С. Гачечладзе, М. Джанашили, К. Калападзе и А. Каргаретели. Сказки печатались также в детских журналах «Накадули», «Джеджили», «Нобати» и др.

* * *

Ранние сборники грузинских сказок включали лишь небольшую часть богатейшего материала, собранного за последние сто пятьдесят лет. Настоящий сборник составлен так, чтобы у читателя сложилось наиболее полное представление о грузинской народной сказке. Сказки расположены по системе Аарне — Томпсона. Составитель стремился представить каждый сюжетный тип наиболее полным и совершенным текстом.

Характерные образцы грузинского сказочного эпоса отображены из сборников и периодических изданий, увидевших свет на

²⁰ Карбелашвили М. В. Я. Пропп и его «Морфология сказки». — Пропп В. Я. Морфология сказки. Пер. с рус. Тб., 1984, с. 20 (на груз. яз.).

²¹ Сигарулидзе К. А. Народные источники «Мудрости вымысла» С.-С. Орбелвани. — Грузинские писатели и народное творчество. Т. 2. Тб., 1966, с. 82—133 (на груз. яз.).

²² Цит. по: Чиковани М. Я. История грузинской народной словесности. Т. 1. Тб., 1975, с. 343—344 (на груз. яз.).

²³ Грузинские народные сказки, собранные Б. Бебур. СПб., 1884; Грузинские народные сказки и игры, собранные Б. Бебур. Тифлис, 1887; Цагарели А. А. Мингрельские сказки, 1914; Харулини В. И. Сказки русских инородцев. Т. 2, 1898.

грузинском и русском языках начиная с середины XIX в. и вплоть до нашего времени.

В первую очередь мы обратились к сказкам, собранным Тедо Разикашвили и Петре Умикашвили — большими знатоками фольклора, тонко чувствовавшими особенности грузинского сказочного эпоса. Тедо Разикашвили записал очень много текстов, но для издания отбирал наиболее совершенные из них. В зафиксированных им сказках сохранены народная манера повествования, диалектные формы и другие специфические особенности народных сказок. Собрание П. Умикашвили, в котором преобладают волшебные и бытовые сказки, отличаются тематическое многообразие и высокие художественные достоинства. Сказки эти записаны во всех уголках Грузии учениками известного педагога и коллекционера фольклора. Очень важно, что в большинстве случаев эти сказки вообще записаны впервые.

Из сборников XX в. (их составили Е. Б. Вирсаладзе, К. А. Сихарулидзе, М. Я. Чиковани, А. А. Глonti)²⁴ нами были выбраны тексты, зачастую записанные в наше время. Тексты эти при своей традиционности представляют современную стадию бытования народной сказки.

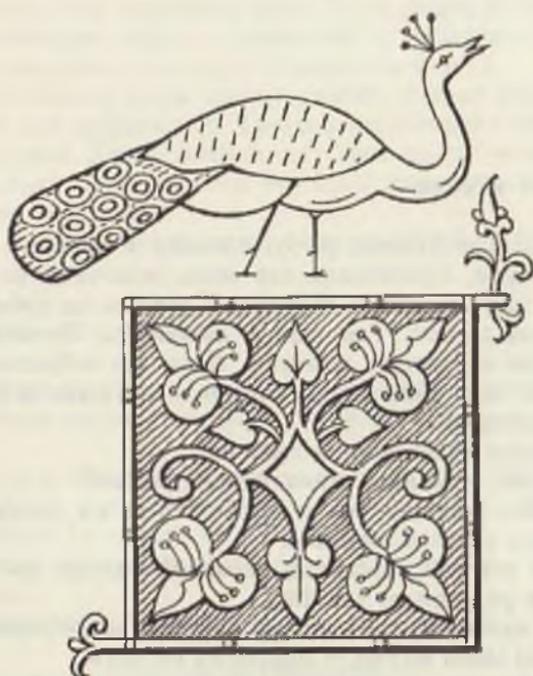
Большая часть сказок публикуется на русском языке впервые. Переводчики старались сохранить повествовательный стиль и образительно-художественные средства народного грузинского языка, поэтому естественно, что в тексте встречаются просторечные обороты, разговорные формы и другие особенности живого, красочного народного языка, богатого образами и идиомами.

Перевод выполнен разными переводчиками, чем объясняется несколько различный подход к использованию языкового материала. Мы уже говорили о вариативности схожих сюжетных мотивов и индивидуальной окраске, вносимой сказочниками. В данном сборнике к этому добавляется и своеобразие стилистической манеры, свойственной отдельным переводчикам. Однако весь текст не перегружен архаизмами, что могло бы затруднить читателю восприятие, а также непереведенными словами, которые мешали бы целостности звучания сказок на русском языке.

Толкование не поддающихся переводу на русский язык выражений и понятий содержится в пояснительном словаре. В конце книги приводятся источники текстов, сведения о сказочниках и лицах, их записавших, место и время записи. В комментарии объясняются этнографические и бытовые реалии. Завершает книгу типологический анализ сюжетов по системе Ларсе — Томпсона.

Т. Д. Курдованидзе

²⁴ Библиографические данные о перечисленных здесь сборниках читатель найдет в «Списке сокращений».

**сказки
о животных**

1. Лиса и волк

Наловил крестьянин рыбу, сложил в корзину и повез домой на арбе. Прометил его лиса, вскочила на арбу и забралась под брезент, в корзину. Едет она на арбе, а сама кидает вниз рыбку. Так всю и выкинула. Потанцил крестьянин домой пустую корзину. Лиса же собрала рыбу и приволокла ее в свою пору. Устроилась уютно и уплетает рыбу за обе щеки.

Пробегаёт мимо волк, а лиса ему:

— Входи, куманек, отведай моей рыбки!

Волк был голоден (он и прибежал-то на запах) и мигом кинулся в лисье жилище.

— Где это ты, сестрица, столько рыбки достала? — спросил он радушную хозяйку.

— Эх, куманек, сама жизнь научила меня ловле рыбы.

— А ты меня научи, — попросил ее волк.

— Отчего же не научить, пойдём-ка со мной, — ответила лиса.

Повела она волка к реке и говорит:

— Ты ляг на бережку, а хвост опусти в воду. Так и лежи, не двигаясь, всю ночь. Наловишь ровно столько, сколько на твоём хвосте волос. Но если желаешь половить побольше, ни за что не вставай раньше времени, на мелкую рыбешку не зарься. Я только так и ловлю рыбу, потому и сыта бываю. К утру к твоему хвосту пристанет такая тьма рыбы, что трудно будет его поднять. Однако не бойся, я приду помочь тебе. Так гляди, до утра не вставай с места.

Вот лежит волк всю ночь напролет у реки, опустив в воду хвост. А мороз в то время был лютой, и примерз волчий хвост ко льду.

Утром прибежала лиса, а волк ей и говорит:

— Спасибо тебе, сестрица, за доброе дело. Столько рыбы облепило мой хвост, уж не знаю, как до дому ее донесу. Если не приведешь подмогу, самому не справиться: больно тяжел груз.

— Ладно, будь по-твоему, подожди еще чуть-чуть, я мигом сбеглю за помощью. — И лиса умчалась в деревню, давась от смеха.

Подняла она в деревне визг. Выскочили на ее визг собаки, высыпали люди с дубинками и погнались за лисой. А та прыгнула в сторону и спряталась в лесу.

Как увидели люди прикованного к реке волка, стали избивать его дубинками. Тут только смекнул волк, в чем дело, и взвыл. Хотел бежать, да хвост не пускает, так примерз ко льду. Дернулся он что было сил, сам оторвался, а хвост в реке оставил.

Так и удрал несчастный — израненный и бесхвостый.

2. Лиса и куропатка

Поймала как-то раз лисица куропатку, зажала ее лапами и только собралась откусать, как куропатка возьми да скажи:

— Уж я, конечно, теперь — твоя добыча, что ж тут поделасшь! Да только неужто ты меня съешь, сперва бога не поманув? И не стыдно тебе будет?

Воздела лиса лапы к небу, а куропатка — порх! — да и улетела...

Заплакала тут лиса с досады и говорит:

Куропаткою обмапутой,
Горе лисопьке-лисе:
Не поможет бог поманутый,
Коль живот мой пуст совсем!

3. Лиса и медведь

Одна лисица вечно рыскала сама по себе. Надоело ей одиночество, и решила она найти побратима.

Пошла лисица по дороге, а навстречу ей медведь.

— Давай побратаемся, — говорит ему лисица.

— Ладно, — отвечает медведь. — Но что ты принесешь в дом? Я так каждый день добываю по овце.

— А я буду притаскивать по курице, — говорит лисица.

Пришлось это медведю по душе, и они побратались.

Приволочет медведь овицу, а лисица отделит жир, перетопит его и сольет в глиняный горшок.

— Что это ты делаешь, лисица? — спрашивает ее медведь. — На что тебе жир?

— Побратим мой, — отвечает ему лисица, — не всегда желудок у нас бывает полный. А ну как настанет десть, что не добудем мы ни овцы, ни курицы, что нам тогда делать? Если не приготовим про запас, так и есть будет печего.

— Хорошо, — говорит медведь, — только ты без меня не ешь.

Однажды лисица и медведь не смогли раздобыть никакой нищи и сидели голодные.

«Дай-ка обману медведя и наемся одна досыта», — подумала лисица.

Так она и поступила, а потом поднялась на плоскую кровлю и ну бегать по ней взад-вперед: день был ненастный, так она будто землю притаптывала, чтоб дождевая вода не протекла. Только нет-нет остановится и кричит:

— Недосуг мне, не могу я пойти!

Услышал это медведь и спрашивает:

— Что такое, чего ты там кричишь?

— На крестины меня зовут, а мне некогда, — ответила лиса.

— Да что ты, иди поскорей, — говорит ей медведь.

Лисица и вправду ушла. Только не было там никаких крестин, и она об этом, конечно, знала.

Воротилась она домой и говорит медведю:

— Тоже, крестины называется! Испекли одну пресную лепешку и катают ее вверх-вниз, чуть ли не до порога священника докатили; была еще одна винная чарочка, да пустопорожняя, никакого вина в пей не было.

А на второй день говорит лисица медведю:

— Шла я мимо одной свадьбы, звали меня, по теперь иди ты, я-то ведь уже побывала на крестинах.

Поплелся медведь, да только где там свадьба — никакой свадьбы нет и в помине.

Пришел медведь к одному пастуху и говорит:

— Дайте мне чего-нибудь поесть, у вас тут свадьба, оказывается.

— Проваливай отсюда, воючий! — схватился пастух за палку, — какая тебе еще свадьба, — и раз-раз медведя по шее.

Пустился медведь улепетывать, едва шкуру сберег.

А лисица опорожнила один горшок, наполнила его золой и поставила на прежнее место.

Пришел медведь и говорит:

— Помираю с голоду. Достань горшок с жиром, поедим. На какой еще черный день ты его бережешь?

— Ты сильно дуешь,— говорят лисица,— сдуй раньше золу — я ею жир сверху присыпала,— и поедим.

Дунул медведь что было мочи, заporошило ему золой глаза, а пока он тер их ланой, лисица — шасть за дверь и сгнула. Не то, мол, медведь меня заест.

Побежала она, выкопала чуть поодаль норку и присела возле нее, вся вымазанная в землю. А тут как раз идет медведь и спрашивает ее:

— Ты не видела, никто здесь не проходил?

— Да пробежала одна лисица. Она, сказывают, поссорилась с медведем, вот и убежала.

Спровадил так лисица медведя, воротилась домой, съела второй горшок, наполнила его медвежьим павозом, а сверху опять присыпала золой. Только собралась она уходить, как завылся медведь. Что тут делать лисице, теперь уж ей не уйти от медведя! И решила она пойти на хитрость:

— Вот тебе, дядюшка, горшок жира, поешь, ты небось голоден.

— Только теперь ты дунь на золу,— говорит медведь,— а то я чуть было без глаз не остался.

— Недостает у меня сил,— отвечает лиса,— дунь лучше слова ты сам.

— Ну уж пет,— ответил медведь,— теперь твоя очередь дуть!

Лисица чуть-чуть дунула, но не сдула золы и говорит медведю:

— Не подходит мой роток, чтоб так сильно дунуть, у меня вся сила в хвосте. Но не дунешь же хвостом.

— А мне и вовсе не дунуть,— говорит медведь,— не то вовсе без глаз останусь, если в них снова попадет зола.

— А ты пошире раскрой глаза и так дунь.

Поднатужился медведь, вытаращил всю глаза и дунул. Зола лучше прежнего заporошила, обожгла ему глаза. Трет он их, трет лапами, да чем тут поможешь!

А лисица тут ему и говорит:

— погоди, я сбегая приведу лекаря.

Ушла лисица, а воротившись, привела пастуха с ружьем и показала ему медведя.

Убил пастух медведя, забрал его шкуру и мясо, а лиси-

це пообещал давать раз в три дня по курице. Раз дал, другой раз дал, а потом и отказался. Уж как просила лиса пастуха: не лишай-де меня моих кур, не то бог тебя накарает, да только пастух будто и вовсе не слышал ее слов.

Были у того пастуха в кошаре молочные ягнята. Повадилась лисица в кошару и каждый день уносила по ягненку.

Каждый день недосчитывается пастух одного ягненка и ума не приложит, куда они деваются. В конце концов закрыл он один вход в кошару, а возле другого, открытого, поставил западню.

Подкралась ночью лиса к кошаре, юркнула в открытый вход и — хлоп! — попалась в западню.

Входит на другой день пастух в кошару, видит — в западню попалась лисица. Ухватил он ее за хвост, вытащил наружу и уже собрался было содрать с нее шкуру, как обратилась она к нему со словами:

— погоди, человек, послушай меня. Разве здесь нет судьи, который бы нас рассудил?

Привели двух пастухов, и обратилась к ним лисица с жалобой:

— Выслушайте меня, судьи праведные! Не дал мне господь бог отроду ни дома, ни поместья. Так и скитаюсь я всю жизнь по белу свету! Где встречу мышь, где курочку, тем и пробавляюсь. Днем мне носу показывать нельзя, все зарятся на мою шубку, вот я и бегаю по почам пестить где. Иду давеча в темноте и забрела ненароком в кошару. Дел-то у меня там не было никаких. А пастух выволок меня оттуда и норовил убить. А теперь поглядим, как вы нас рассудите. Жизнь и смерть моя в вашей воле.

Оправдали судьи лисицу. Задрала она хвост и побежала в поле.

Лисица и по сей день живет и шлет благословенные пастухам.

4. Как медведь учил дележу

Медведь, волк и лиса встретились и стали жаловаться друг другу, что часто и подолгу бродят голодные, да так, что им сводит животы. Поскулили они, поговорили и решили побрататься — отныне, что ни раздобудут, будут братски делить друг с другом. Поклялись они в верности друг другу и вместе пошли за добычей.

Идут они, ищут, чем бы поживиться.

Набрели на раненого олененка. Тотчас скрутили ему шею, уселись в тени на травке и стали делить добычу.

Вот и велит медведь волку, а у того уж челюсть сводит от голода, так и поскрипывают зубы:

— Ну, волк, дели добычу.

— Голову тебе,— начал волк,— как нашему главе и господину, туловище мне, а ноги лисе, что так любит богатать.

Не успел волк договорить, как медведь с такой силой хватил его ланой по голове, что горы эхом отозвались. Вывыл волк от боли и отлетел в сторону.

А медведь повернулся к лисе и говорит:

— А лу, лисонька, дели теверь ты.

Коварная лиса встала и льстиво пачала:

— Голову тебе, как нашему главе и властелину, туловище тебе, так как ты всегда отечески печешься о нас, а ноги тебе, так как ты всегда направляешь стопы свои для нашего блага.

— Умница, моя лисонька,— говорит медведь,— кто научил тебя такому умному да толковому дележу?

— Как было не научиться уму-разуму, господин, видя, как ты проучил волка,— сказала лиса.

5. Шакал и лиса

Шакал утащил у одной старухи курицу и побежал к лесу. А старуха за ним — ругается и кричит:

— Помогите, шакал утащил мою курицу!

Шакал оглянулся и прислушался, что там вонит старуха. А тут, откуда ни возьмись, лиса! Говорит она шакалу:

— Ты что, браток, стоишь тут выглядываешь?

— Да вот старуха-негодница бранится-ругается! Утащил я у нее паршивого куренка, и с кувшинчик не будет, а она твердит: курицу, мол, с целый котел, уволок. Ишь как клеветает! Слыханное ль дело?

— Ну, так поглядим,— предложила лисица,— с котел или с кувшинчик.

Шакал протянул куренка, а лисица подхватила его и крикнула:

— Пусть мне за целый стог зачтется! — и была такова.

6. Лиса

Лиса бегала по городу и угодила в краспльный котел. Выбралась из него, отряхнулась и говорит:

— Какая ж я стала красивая! Отныне, — объявила она другим лисицам, — я ваша царица. Поднесите мне дары — в день по мышонку!

А на другом берегу реки стоит еще одна лиса.

— И ты подноси мне по мышке, раз я царица! — крикнула ей новоявленная повелительница.

— Ступай сюда, поглядим — поднесу или не поднесу! — отвечает лиса с того берега.

Рассердилась царица, вошла в воду и поплыла. Выскочила на тот берег и что видит? В воде краска слиняла, и стала она прежней лисицей.

«И чего, — пригорюшилась, — лезла я в воду, ведь давали ж мне там в день по мышонку!»

Так и осталась ни с чем — что на этом, что на том берегу.

7. Человек, шакал, лиса, кот, медведь и волк

Жил один человек. Была у него одна-единственная дочь. Шел как-то этот человек по лесу, а навстречу ему шакал.

Спрашивает шакал человека:

— Куда путь держишь?

— Да вот иду тебя приглашать. Свадьба завтра у нас.

— Вот и хорошо, — обрадовался шакал. — Привесу цетуха в подарок!

Пошел человек дальше, а навстречу ему лиса.

— Куда, — говорит, — путь держишь?

— Тебя иду приглашать. Завтра-то у нас свадьба!

— Вот и хорошо. Привесу тебе меру муки.

Идет человек дальше. Навстречу ему кот.

— Куда, — спрашивает, — путь держишь?

— Тебя иду приглашать. Свадьба у нас завтра.

— Да ну! — обрадовался кот. — Сыру кружок с собой привесу.

Встретился потом человеку медведь. Спрашивает:

— Куда путь держишь?

— Тебя приглашать. Свадьба завтра у нас.

— Ладно. Вычка поднесу, — обрадовался медведь.

Идет наконец навстречу человеку волк.

— Куда,— говорит,— путь держишь?

— Тебя иду приглашать. Завтра свадьба у нас.

— Идет! — обрадовался и волк. — Большую свинью приведу.

Вернулся человек домой. Прибрал все, приготовил. Утром видит — шакал петуха тащит.

— Пожалуйте! — приглашает. — Прошу.

Загнал шакала в закуток, а петуха в поварне привязал. Глядит, и кот подоспел, кружок сыра несет. Взял он сыр, а кот спрашивает:

— А где же дочка твоя, невеста?

— Вон она, в комнате! — И бросил кота в закуток к шакалу, сыр же припрятал.

А в закутке шум пошел, возня поднялась: шакал беднягу кота сожрал.

Тут показалась лиса с мерой муки, протягивает хозяйнику, а тот приглашает:

— Пожалуй в комнату!

Вошла лиса, видит — шакал, съела его и осталась одна.

Тем временем и волк приволок свинью, оставил у порога.

— Где,— спрашивает,— барышня-невеста?

— Вон она, в комнате!

Загнал волка в закуток, а он там лису проглотил.

Явился наконец и медведь, поставил бычка у порога и рычит:

— Где тут жених да невеста?

— Вот они, в комнате,— отвечает хозяйин. Загнал в закуток и медведя. А медведь хлоп — и проглотил волка. А тут и человек подоспел...

Вылтрошил человек медведя, содрал с него шкуру и целый месяц горя не знал.

8. Заяц, лиса, медведь и волк

Быль то или небыль — жил да был один заяц. Расселся он однажды под дубом, а с дуба желудь упал — да прямо ему на голову. «Ну,— думает заяц,— не иначе, как мир рушится!» Вскочил — и давай бог ноги: мол, спрячусь где-нибудь...

Бежит он сломя голову, и навстречу ему лиса.

— Ты куда это,— спрашивает,— несешься как оумелый?

— Далеко бегу, далеко, — отвечает заяц. — Ты что, не знаешь разве: мир-то ведь рушится! Должен я где-нибудь спрятаться, да подальше...

— Я с тобой побегу, ладно? — сказала лиса и побежала рядышком.

Бегут они, бегут сломя голову, а навстречу им волк.

— Вы куда это несетесь, — спрашивает, — что с вами стряслось?

— Как это куда? — лиса отвечает. — Ты что, не слышал разве: мир-то рушится, спасаться надо!.. Вот мы и бежим спрятаться где-нибудь, да подальше...

— Я тоже с вами побегу, ладно? — сказал волк и побежал рядышком.

Бегут они, бегут во весь дух, а навстречу им медведь:

— Чего это вы летите сломя голову, что случилось?

— Как, да разве ты не знаешь, что мир рушится? Спасаться надо, вот мы и бежим спрятаться — куда-нибудь подальше.

— И я с вами побегу, — решил медведь.

Бежали они, бежали и добежали до огромного поля. Решили на этом поле поселиться. Вскоре, однако, все четверо проголодались, а еды нигде никакой нет...

Говорит тогда волк:

— Ну вот я, к примеру, господин; медведь, само собой, тоже господин; заяц — господин... А лиса-то, кто она такая?..

Схватили волк и медведь лису и сожрали, кости сложили в кучку, а сало в кувшин побросали.

Через некоторое время они снова проголодались, и говорит волк:

— Ладно, я — господин; заяц тоже господин... А медведь, кто он такой?

Напал волк на медведя, убил и сожрал. Кости положил отдельно, а сало в кувшин побросал. Спустия некоторое время волк опять проголодался и говорит зайцу:

— Что делать — полюбился ты мне очень, и не хотел бы я тебя тоже съесть... Пойди-ка посмотри, много ли там в кувшине сала-то.

Пошел заяц, насыпал в кувшин поверх сала золы, а потом вернулся к волку.

— Вот ведь, — говорит, — беда-то какая: сало, вишь ты, заплесневело...

Пошел волк посмотреть, а как стал заглядывать в кувшин, заяц глаза ему насыпал золой, которую держал в лапах...

— Что ты наделал? — кричит волк, а сам глаза протирает: — Ты зачем глаза мне засыпал?

— Да разве ж я это? — говорит заяц. — Это плесень сама тебе в глаза кинулась, когда ты в кувшин заглянул.

— Как же мне быть-то? — стопет волк. — Ведь я ничего не вижу... Как мне ходить теперь?

— Ну, это еще полбеды, — отвечает заяц, — давай я в маленький кувшинчик насыплю камушков да буду им потряхивать, а камушки в кувшинчике станут побрякивать; так вот ты на это бряканье и ступай за мной.

И вправду, насыпал он камушков в кувшинчик и пошел. Камушки побрякивают, а волк за зайцем идет. Завел заяц волка на вершину огромной скалы и сбросил кувшинчик вниз. Побежал волк вслед за кувшинчиком, да и рухнул с этой скалы и расшибся насмерть.

9. Про лису

Лиса сидела под деревом. Упал лисе на спину с дерева листок. Вскочила лиса и побежала, а навстрочу волк:

— Лисичка, что случилось?

— Как что случилось? Земля рухнет, небо валится!

— Кто тебе сказал?

— Своими глазами видела, своими ушами слышала! — и побежала.

— И я с тобой! — говорит волк.

— Бежим!

Бежали, бежали — навстречу медведь:

— Волк, куда бежишь, что случилось?

— Как что случилось? Земля рухнет, небо валится!

— Кто тебе сказал?

— Лиса.

— Лисичка, а тебе кто сказал?

— Своими глазами видела, своими ушами слышала.

— И я с вами!

— Бежим!

Бежали, бежали — навстречу козел:

— Медведь, что случилось, куда бежишь?

— Земля рухнет, небо валится!

— Кто сказал?

— Волк.

— Волк, а тебе кто сказал?

— Лиса.

— Лисичка, тебе кто сказал?

— Своими глазами видела, своими ушами слышала!

— И я с вами!

— Бежим.

Бежали, бежали, встретили еще барана да петуха и им так же сказали, и они побежали.

Собрались так и пошли вместе лисица, волк, медведь, козел, баран и петух.

К вечеру пришли на мельницу, решили там започевать. Вошли и расселись: на первом месте лиса, потом — волк, медведь, козел, баран, а на последнем — петух.

Встала лиса и сказала:

— Я старшая, волк старший, медведь старший, козел старший, баран старший, петух здесь самый младший.

Набросились все на петуха и на куски его разорвали. Когда копчили, опять встала лиса:

— Я старшая, волк старший, медведь старший, козел старший, баран здесь самый младший.

Набросились на барана и его на куски разорвали. Мясо съели, сало в горшок спрятали. Кончили, встала лиса и начала:

— Я старшая, волк старший, медведь старший, козел здесь самый младший.

Схватили козла, разорвали его, мясо съели, сало в горшок положили. Опять встала лисица:

— Я старшая, волк старший, медведь здесь самый младший.

Набросились на медведя волк и лиса. Началась борьба, дерутся, катаются по земле, тянут друг друга, не одолеть медведя волку с лисой!

Дрались, дрались, обессилел все же медведь. Убили его волк с лисой, шкуру содрали, мясо сварили, а сало в горшок положили. Наполнили горшок доверху.

Хватило медвежьего мяса лисе с волком на неделю. Когда съели все мясо, хотел волк за сало приняться, а лисица стала сердиться:

— Во всем вы, волки, жадны! Потерпи, знаешь ведь, чем больше сало лежит, тем вкуснее; подождем еще неделю, а там и съедим.

Согласился волк. Лисичка каждую ночь крадется к горшку, таскает сало, досыта наедается, а волк с голоду умирает.

Прошла неделя, съела лиса все сало.

— Открою горшок хоть сегодня, — говорит волк.

— Хорошо, — отвечает лиса, — только рука волка счастливой, ты открывай.

Сама на окошко влезла, волка к горшку подпустила. Открыл волк горшок — а он пуст. Рассвирепел волк, бросился на лисицу, а она из окошка — сок! — и убежала. Погнался волк за лисой.

Бежит лиса, догоняет ее волк, добежали до леса. Вбежала лисица в лес, проскочила меж двух деревьев, бросился за ней волк и застрял меж тех деревьев — ни вперед, ни назад не пролезть. Обернулась лисичка, посмотрела на волка, дальше побежала. Долго мучился волк, долго тянулся, но вылез все-таки из этих деревьев.

Вот как-то волк рубил в лесу дрова, видит — бежит лиса, замахнулся волк, запустил топором в лису и хвост ей отрубил. Радуется волк: «Теперь-то я тебя найду, не спрячешься!»

Бежит бесхвостая лиса, встретилась с подружками.

— Хорошо тебе, лиса, разжирела как!

— Оторвите себе хвосты, и вы, так же как я, разжиреете.

— Как же мы себе хвосты оторвем? А то бы с радостью!

— Пойдем, я вас научу.

Повела лисичка подружек к реке; опустили все лисицы хвосты в воду и всю холодную зимнюю ночь там продержали. К утру все лисьи хвосты примерзли ко льду и остались в реке.

Узнал про это волк, расстроился:

— Как же я теперь свою обманщицу узнаю?

Думал, думал волк и придумал; протянул через реку веревочный мостик и решил так: «Пройдут лисицы по мосту, всех он выдержит, а мою обманщицу не выдержит и прорвется: она самая жирная».

Так и вышло. Прошли все лисицы по тому мосту, только одна лиса как вошла на мост, так прорвала его и упала в воду. Подбежал волк и схватил лису.

Потащил домой, приставил к горлу нож, вот сейчас зарежет ее, а лисица кричит:

— Пеструн-перепеструн, пеструн-перепеструн!

— Что ты кричишь, лиса? — спрашивает волк.

— Ничего. Ах ты грянзуля этакий, копчай уж, режь поскорей!

— Нет, скажи, что ты говорила!

— А я говорила, что могу так разукрасить тебя, что никого на свете красивей тебя не будет.

— А как же ты меня разукрасишь?

— Отпусти, так скажу.

Отпустил волк лису. Велела лиса волку принести топор, пакалпть его на огне докрасна. Волк все исполнил. Взяла лиса топор и говорит:

— Теперь ты ложись, я буду топором водить по твоёй шео, а ты приговаривай: «Пеструн-перепеструн, пеструн-перепеструн».

Лег волк. Взяла лисица топор, водила, водила им по шею волка, так голову волку и отрезала.

Все волчье добро лисе досталось.

Если все это неправда, то пусть ничего у нас не заболит.

10. Лиса сердилась на свой хвостике

Лисица, бедняга, так изголодалась, так о еде размечталась, что пробежала деревню, даже ее не заметив. Видит только — собак что-то видимо-невидимо. Перепугалась-переполошилась: «Раз уж оказалась здесь, держаться надо с умником, как ходжа-богомалец»¹.

Бежит — жметесь, глядь — вывешена на плетне для просушки сарух — шапка ходжи.

Подхватила, падела себе на голову и идет уже важно, враскачку, не торопится. Делать-то нечего, побежишь — собаки погонятся.

Идет лиса, а навстрочу длинноногий петух. Глядит-удивляется: лиса это или ходжа — и спрашивает:

— Куда путь держите, ходжа-эфенди?

— В Каабу, — отвечает лиса, — поклониться Аллаху да грехи замолить².

Петуху поправились ее слова.

— Прихвати-ка, — просит он, — и меня!

— Ежели немного у тебя грехов, — отвечает лиса, — пойдем, а много, так по советую.

Петух долго думал, ломал голову, да так своих грехов и не припомнил. Пошли, стало быть, они вместе с лисой-ходжой-эфенди. Долго ли шли или коротко, видят — навстрочу стая гусей. Рассказали лиса с петухом, куда идут, а гуси просят и их с собой взять. Лисица, плутовка, хоть вроде и пехотя, а согласилась.

Шли они, шли, заприметила лиса — двое телят пасутся. «Лакомый, — думает, — кусочек», — и подходит поближе с петухом да гусями. Тут, откуда ни возьмись, пастушьи овчарки. Погнались они за лисой, еле ноги она унесла, в свою нору шмыгнула. Сидит в норе, пригорюнилась. «Что за напасть, — думает, — такой еды лишилась».

Рассердилась лисица и давай допрашивать свое тело:

— Ноги, ноги, что вы делали, когда показались собаки?

— Ты же видела, мы побежали!

— А вы, глаза, что делали?

— Как что? Видим: опасность — и на пору наострились!

— А вы, уши?

— А мы, как услышали, что лают собаки, дали знак глазам да ногам.

— А ты, хвост, что делал? — дошла наконец очередь до хвоста.

— Я-то? Я, как ты побежала, в погах у тебя путаться принялся!

Лиса, как услышала, так разъярилась, что высунула хвост из норы и зовет собак:

— Вот вам, собаки, неверный хвостике!

Собаки бросились к норе, вытащили хвост, а с ним и лису.

11. Лисьи проделки

Подружились лиса с медведем. Все, что за день они добывали, приносили вечером в нору. Посдал обычно медведь как свою, так и лисью добычу, а лиса оставалась голодной. «Погоди же, — сказала сама себе лиса, — я тебя проучу». Однажды, когда они, как обычно, отправились на охоту, нашла лиса на земле орех, разгрызла его и съела.

— Что ты там делаешь? — спросил ее медведь.

— Ничего, — ответила лиса. — Проголодалась я, вытащила у себя глаз и ем.

Медведь тоже выцарапал себе когтем глаз и съел его. Лиса между тем нашла второй орех, разгрызла его и съела. Заметил это медведь, вырвал себе второй глаз и съел.

Ослеп он на оба глаза и говорит лисе:

— Помоги, лиса, ничего не вижу.

Взяла лиса медведя за лапу и повела.

— Куда ты, лиса, меня ведешь? — спрашивает медведь.

— Туда, — отвечает лиса. — Там гуси, пойдем поймашим их и съедим.

— Веди, веди меня, да поскорей, очень я голоден, — сказал ей медведь.

Привела лиса медведя в глубокое ущелье, подняла его на вершину самой высокой скалы и сбросила в пропасть.

12. Сказка о медведе, волке и лисе

У одного медведя зашелудивели медвежата. Вывел он их па солнышко и стал чесать их, перебирать им шерстку.

В ту пору пробегала мимо лиса.

— Чем это ты занялся, дядюшка? — спрашивает.

— Ребята у меня занедужили, вот выхаживаю их от хвори.

— Чего ж ты меня не позвал, дядюшка, небось знаешь, какой я лекарь.

— Ну, если поможешь, я твой должник, — говорит медведь. — Только вылечи детей, я тебе век служить буду.

— Только принеси мне раньше одну курочку и каду, проголодалась я что-то. Подкреплюсь малость, тогда и лечение лучше пойдет. А еще разведи огонь да нагрей котел воды, надо, чтоб дети пропотели.

Пошел медведь, выпросил у кого-то курочку, притащил котел воды, развел огонь.

— А теперь, — говорит лиса, — видишь — воп там, на горе, часовня виднеется, — указала она медведю на какне-то развалины, — иди и помолись там за меня.

Спровадив медведя, лиса вскинула котел воды и сбросала медвежат в кипяток, а сама схватила курицу, повесила на шею каду и поскорее убралась.

Бежит лиса по дороге, а навстречу ей голодный волк.

— Бога ради, — взмолился волк, — или поделись со мной твоей курицей, или хоть научи, где ты это все раздобыла.

— Поделиться я с тобой не могу, потому что мне одной этого мало, — ответила лиса, — а вот научить, где раздобыла, научу. Иди все прямо-прямо и попадешь к одному медведю, который женил двоих сыновей. Повой, поскули перед ним пожалобней, и он даст тебе и курицу и каду. Я как раз сейчас оттуда, это он мне пожаловал курицу и каду.

Обрадовался волк, затрусил по дороге, а лиса отправилась дальше своим путем.

К этому времени воротился медведь домой и видит — сварились его дети в котле, так что мясо отшло от костей. Вавыл он, запричитал, стал колотить себя по голове. А тут и волк подошел, жалобно заскулил, начал ластииться к медведю. А тот как хватит его лапой, подмял под себя и ну тузить. Вырвался от него волк и побежал, взбешенный, искать лису.

Лиса издали увидела волка и живо смекнула, как его

обхитрить: сбежала в лоцинку и привялась деловито об-
ламывать с кустов гибкие прутья.

Подбежал к ней волк и спрашивает:

— Не ты ли это часом послала меня к медведю?

— Да помилосердствуй, сынок,— отвечает лиса,— не
вини меня понапрасну, я тебя до сих пор и в глаза-то не
видела.

— А что это ты делаешь? — спросил волк.

— Что делаю? Видишь внизу кур? Сплету я корзинку,
напялю ее на себя, скачусь к курам, затащу одну-другую
в корзинку и попирую на славу.

— Ради бога, сплети и для меня корзинку,— попросил
волк,— видишь — вои там овцы пасутся, я тоже хочу ска-
титься к ним.

Сплела лисица для волка корзинку, напялила на него
и покатила с пригорка вниз.

Сначала волк хорошо памял бока, а потом набросились
на него пастухи и давай лупить почем зря: одни колотят
дрючком, другие колют кишжалами. Едва вырвался от них
волк — и давай бог ноги.

Пошел он снова искать лису. Лисица и на этот раз из-
дали узнала волка, заскочила в коноплю, начала рвать ее
и крутить веревку.

Увидел ее волк и раскричался:

— И теперь скажешь, что это не ты сначала послала
меня к медведю, а потом напялила на меня корзину?!

— Да нет же,— говорит лиса,— я, кроме добра, ничего
к тебе не питаю, ты меня с кем-то спутал и теперь хочешь
правого превратить в виноватого.

Долго еще говорила лиса и в конце концов убедила
волка.

— А что же это ты делаешь? — спросил он.

— Вечно я живу впроголодь. Вот и решила зашить
себе зад. Поем разок, а опорожниться не смогу — шов не
пропустит, так и буду все время сыта.

— Ради бога,— взмолился волк,— и мне тоже зашей
этот проклятый зад, а то мое брюхо никак не насытишь.

Подопла к волку лиса и зашила ему зад.

Затрусил волк своей дорогой, но вскоре захотелось ему
облегчиться, да не тут-то было. Тужится он изо всех сил,
орет во всю глотку, наконец, разодрав весь зад, он кое-
как облегчился.

«Ну, лисица,— думает волк в ярости.— теперь-то ты от
меня не уйдешь! Я тебе покажу, как насмехаться над вол-
ком!»

Бежит, рыщет по лисьему следу, ищет злодейку. А как приметил издали, кинулся за пей. Сорвалась лиса с места, пустилась шутек, да не смогла убежать от волка. Нагнал он ее, вцепился зубами в хвост и оторвал.

Опечалилась лисица — теперь, мол, бесхвостой, никуда мне от волка не уйти. Думала она, думала и придумала: вывалялась в грязи и легла посреди дороги.

Ехали мимо свадебные дружки, увидели мертвую лисицу, спрыгнули с лошадей, подняли ее и перебросили через спину лошади позади невесты. Завтра, мол, сдерем шкуру, пригодится.

А лисица-то жива-живехонька. Приметила она на руках у невесты кольца и говорит:

— Отдай, голубушка, эти кольца мне, не то я испорчу воздух, а дружки подумают, что это невеста подпускает.

Отдала невеста лисе кольца, та спрыгнула с лошади и убежала.

Трусит она по дороге и видит — едет на лошади купец, везет в деревню рыбу. Лисица разлеглась на дороге и затаила дух. Увидел ее купец, обрадовался, поднял и привязал к тётшкам, которые свисали с лошади, притороченные к седлу.

Лиса живо пришла в себя, распутала ноги, оторвала одну большую тётшку, бросила ее на дорогу, затем прыгнула сама и, прихватив тётшку, улизнула.

В одном месте увидела лиса сорок лисиц — они, вишь, играли свадьбу. Напизала паша лисонька на огрызок хвоста невестины кольца, привязала тётшку и смешалась с лисьей стаей. От одного вида жирной тётшки у лисиц аж слюнки потекли. Стали они просить папу лису:

— Дай нам, сестричка, отведать рыбки.

— Как бы не так, — отказывает всем лисица, — не для вас я трудилась, подите сами наловите.

— Так ты хоть научи нас, как ловить-то.

Стоял январь, и лисица говорит им:

— Вот там-то есть одно озеро. Окуните хвосты в воду, а как рыба уцепится за хвост, вы ее и выдерните.

Погнала она вечером всех лисиц к озеру, велела им окунуть хвосты в воду и сидеть так до утра. А к утру вмерзли все хвосты в лед, и лисицы ни туда ни сюда. А пашей бесхвостой уже и след простыл.

Бежала, бежала она и выскочила на какую-то поляну, а там князья охотятся со сворой борзых. Только показалась лисица, как борзые кинулись за ней. А она прыпу-

стила к озеру и смешалась там с примерзшими лисицами. Увидя уйму борзых, лисицы стали рваться изо всех сил. Одни, оставив хвост во льду, успели убежать, а на других борзые изрядно потрепали шубы. Теперь паша лисица больше не боялась, так как появилось много бесхвостых лисиц.

Долго еще тешилась бесхвостая лисица, но нашел-таки ее волк. Он перебрал всех бесхвостых лисиц — то в одну вцепится зубами, то в другую — это, мол, ты меня дурачила? Но все они оказались невиновны перед ним. Наконец дошел черед и до нашей лисицы. Она было опешила сначала, но быстро нашлась и завела по своему обыкновению:

— И за что только ты меня, праведницу из праведниц, мучаешь? Зря ты меня вишишь, еще не ходил под солнцем никто честнее меня.

— Да ладно тебе,— сказал волк и отпустил ее.

Потом волк погнал всех лисиц перед собой к узенькому, в одну ступню, мостику через реку, там он надеялся их проверить. Когда они подошли к мосту, волк сказал:

— Боже милостивый, во имя твоей справедливости и моей правды сделай так, чтоб обманщица свалилась в реку.

Лисицы пронгли след в след, и ни одна не упала. Только наша, как дошла до середины мосточка, качнулась на дрогнувших ногах — и бултых в воду. Волк спрыгнул следом, наел на лису и схватил ее за горло.

На визг лисицы слетелись сороки, охочие полакомиться мяском. Слетелись и другие пестрые птицы.

— Кш, кш! — замахала на них лисица.— Улетайте, улетайте!

— Чего это ты их разгояешь? — спросил у нее волк.

— Эти птицы все у меня учились, я их и сделала пестрыми,— сказала лисица.— Услышали они мой вопль и слетелись на помощь. А теперь я говорю им: «Улетайте, детки мои, все равно мне не помочь, смерть моя пришла».

— Я отпущу тебя,— сказал ей волк,— если ты и меня сделаешь пестрым.

— Хорошо,— ответила лисица.— Только принеси вертела и добудь огня.

Волк так все и сделал. Лисица связала волку ноги, раскалила вертела и посадила на них волка. Запилила волчья кровь на огне. Стал биться волк и высвободил ноги. Бросилась лисица наутек, припустил за нею волк, но куда ему было, поджарешному, пагнать ее!

13. Волк и лиса

Встретились лиса с волком. Прошли они некоторое расстояние, увидели в чистом поле верблюда. Сказала лиса волку:

— А ну-ка, волк, подойди к верблюду поближе и хватай его за нос. Коли схватишь, никуда он не убежит.

Подошел волк к верблюду и потянулся к верблюжьему носу. Верблюд вертит головой и туда и сюда, никак от волка не отделается. А волк все до верблюда никак не дотянется, чтобы повалить его.

В этой потасовке верблюд волка прикончил и сам выдохся, согнулся и умер.

Явилась тут лиса и обоих потихоньку съела.

14. Лев и лиса

Лев занемог-запелужил и лежал без сил в своем укрытии. Приходили разные звери, навещали своего повелителя, приглядывали за ним, заботились. Одной только лисицы не было видно. Дивятся все, спрашивают друг у друга: «Куда ж это она запропастилась? Никто не видел, не слышал?»

А волк ухмыляется:

— На пиру небось всегда первая, а от пелужного какого ждать толка!

Лев и сам огорчается невниманием лисы, да что делать?

Лисице допелли про слова волка, она как взъярится:

— погоди, поглядит он у меня, как честить лису!

Собрались снова звери у льва. Прилелась и лисица. Поклоилась царю зверей, приветствовала его, а лев ей пелает:

— Что это ты не показываешься, сестрица?!

Лиса стала оправдываться:

— Как только я узнала, ваше величество, что вы занелужили, так со всех ног побежала искать ислелителя. Думаю, может, каких снадобий добуду! А мне говорят: оторвите волку ногу, вытащите кость-лодыжку и дайте се леву отведать. Тотчас же ислелится!

Бросился лев на волка и оторвал ему заднюю ногу, и волк, скуля и постанывая, отковылял на трех ногах в сторону.

Лисица бежит за ним вприпрыжку и приговаривает:

— Эй ты, красноногий! Куда путь держишь, голубчик? Наперед думай, что говоришь, да не рой яму другому!

15. Медведь, лиса и волк

Медведь, лиса и волк однажды побратались, а потом набрели где-то на корову, которая недавно подохла.

— Нам ее на троих, конечно, не хватит, — говорит лиса, — давайте сделаем так: кто докажет, что он — старше, тому пусть эта корова и достанется.

— Я, — сказал волк, — тогда появился на свет, когда впервые установились небо и земля.

Застонала тут лиса и говорит:

— Ой, как раз тогда мой старший сын помер.

— А мне, — сказал медведь, — два года. Но третий пусть ко мне не подходит, и не думайте, что я пли одного из вас подпущу, или другого. — И правда: обоих так ни с чем и оставил.

Верно ведь говорят: как сила пришла — так правда на крышу забралась. Рядом с соколом голубю не прокормиться.

16. Птичка и лиса

Жила птичка-певунья. Нашла она в лесу удобное местечко и свила себе на дереве гнездышко. Уселась в него и спесла три яичка. А через три недели вылупились из них три птенца. Мать таскает им червячков, кузнечиков, бабочек, мушек и растит деток, радуется — того и гляди, летать паучатся. А беда, оказывается, рядом ходит! Хитрая лиса набрела на след птички, подбежала к дереву и крикнула снизу:

— Птичка, пташечка, певичка!

— Что, сударыня Лисичка?

— Сбрось мне птенчика родного,

Или света ты невзвидишь:

Притащу пилу стальную,

Топорище пачочу я,

Срежу дерево с листвою.

Съем птенца, заем тобою! *

* Перевод стихов Э. Цулукидзе.

Напугалась птичка-певичка, подхватила одного птенчика и сбросила лисице. Лиса поймала птенца, отбежала в кусты и слопала. Облизнулась — и опять к птичке:

- Птичка, пташечка, певичка!
- Что, сударыня Лисичка?
- Сбрось мне птенчика родного,
Или света ты повзвидишь:
Притащу пилу стальную,
Топорище паточу я,
Срежу дерево с листвою,
Съем птенца, заюм тобою!

Совсем огорчилась-опечалилась птичка, подхватила и второго птенца и сбросила лисе. Лиса отволокла его в кусты и проглотила. Облизнулась — и в третий раз к птичке:

- Птичка, пташечка, певичка!
- Что, сударыня Лисичка?
- Сбрось мне птенчика родного,
Или света ты повзвидишь:
Притащу пилу стальную,
Топорище паточу я,
Срежу дерево с листвою,
Съем птенца, заюм тобою!

Совсем пригорюнилась птичка, подняла и третьего птенчика и скрепя сердце сбросила вниз, лисе. Лиса оттащила и его в кусты и сожрала.

Взлетела птичка с звезда и покинула грустное место. Летела-летела и опустилась на одно дерево, печальная и расстроенная. Увидел ее охотник и спрашивает:

- Что ты, птичка, печалишься?
- Пожалей меня, охотник! Как мне не печалиться?
Жадная лисица съела всех моих птенчиков.
- А ну пойдем искать ее, я ей покажу!

Птичка пошла с охотником и привела его к лисе. Охотник выстрелил и попал лисе прямо в пасть.

17. Медведь и лиса

Медведь и лиса подружились и пустились вместе в дорогу. Шли-шли, да и вышли на широкое поле. Медведь заметил овечью отару и говорит лисе:

- Принеси-ка, ежели можешь, сестрица, одну овечку.
- Ладно, — согласилась лиса, — да только уговоримся: я пойду, пастухи погонятся за мной, а ты тем временем извернись, подхвати овечку, да гляди, не ешь без меня!

На том и порешили.

Лиса подобралась к загопу, овчары погпались за ней, а медведь хватя ягненка, оттащил подальше, ждал-ждал лису, да не дождался и съел его.

Пришла лиса, видит: ягненка нет и в помине — и спрашивает:

— Где же, мишенька, овечка?

Медведь и так и этак уверяет лису, клянется, что не сл ягненка, а у него, мол, его волк отнял. Огорчилась лиса, да что делать? Затаила в душе обиду на медведя.

Пошли они дальние. Долго ли шли, коротко ли, видит лиса — какой-то человек вынес кусок курдюка и бросил на землю. А кусок был прицеплен к капкану. Лиса подобралась к мясу и принялась есть. Тут капкан хлоп — и прихлопнул лисе лапы. Подошел хозяин, видит — лисица попалась. А плутовка закатила глаза и притворилась мертвой. Человек вытащил лису и бросил на обочину дороги. Лиса — дай бог ноги! — вскочила и была такова. Хозяин хоть и погнался за ней, да куда уж ему настигнуть резвую!

Пришла лиса к медведю и говорит:

— Ступай вон к тому дереву. Там курдюк раздают, может, что и достанется.

Медведь обрадовался, побежал, бросился на курдюк, да и угодил лапами в капкан. Вышел хозяин капкана, видит — мишка попался. «Кабы,— думает,— и он не обманул меня, как лиса»,— и давай колотить медведя. Медведь — реветь. Бил его хозяин, бил, измолотил до полусмерти и отпустил. Кое-как поднялся медведь и побрел по дороге.

Долго ли шел медведь или коротко, подошел он к мельнице и видит — сидит лиса на пристушке, вся вываляна в муке.

— Что ж ты, сестрица, со мною сделала? — говорит медведь.

А лиса отвечает:

— Чего-о?! Иди своей дорогой! Не видишь, я тут мельничихой работаю?!

— Хоть бы и меня поучила,— просит медведь.

— Ладно! — согласилась лиса.— Возьми камешный жернов, да и подсунь под него язык.

Упала лисица, а медведь вошел в мельницу, поднял жернов и сунул под него язык. Тут жернов хлоп на пол, да и прицепил мишке язык — ни туда ни сюда. Взревел медведь от боли, кое-как высвободился, да как бросится,

разъяренный, нехоть плутовку лису! Видит, а лиса всю шкуру себе пестрым-пестро покрасила. Поостыл медведь немного и гонорит:

— Уж коли ты не научила меня муку молотъ, то хоть разукраситься научи.

— Ладно,— согласилась лиса.— Ступай-ка со мной.

Подвела она медведя к котлу, столкнула в него, плеснула воды и говорит:

— Сиди там да помалкивай — и перекрасишься.

А сама подкатила котел к пропасти, он и покатился вниз. Медведь, побитый-израненный, бросился за лисой, ищет — разорвать обманицу да проглотить, глядь — а она сидит вяжет корзину.

— Хоть этому ремеслу меня научи,— стал просить медведь.

— Ладно,— согласилась лисица, подвела медведя к корзине и посадила в нее.— И,— говорит,— ее пад тобой доплету.

Доплела, а медведь так в корзине и остался.

— Что это ты, сестрица, со мною делаешь? — спрашивает медведь.

А лиса отвечает:

— Да вот поглядишь!

Подкатила корзину к скале и столкнула ее вниз, а сама убежала.

18. Домовая мышь и полевка

Толстая полевая мышь пришла в гости к худосочной домовой мышке и спрашивает ее между прочим:

— Отчего ты, сестрица, такая тощая? Лакомишься вроде домашними разносолами, а я остаточками в поле перебиваюсь, и те едва добываю. А видишь, какая плотная да дородная!

Не успела договорить, как, откуда ни возьмись, кот. Домовая мышка изловчилась, да юрк к себе в норку, а полевая замерла в страхе, чуть не плачет — в норку-то ей не пролезть!

Смотрит в горящие глазница кота, в тот как бросится к ней да как вопизит в нее острые когти!

Тут домовая мышь высунула из норы нос и стала сочувственно спрашивать у гостя:

— Видишь? Вот от этого злодея, сестрица, и нет мне житья... Вот отчего я такая тощая...

19. Как волк душу спасал

Вот наелся раз волк падали, потянулся и подумал: «Что это я все грешу да грешу, надо и о спасении души подумать: пойду-ка в Иерусалим, стану монахом».

Подумал, да и за дело взялся. Помянул бога и отира-
вился в путь, прямо к Иерусалиму.

Идет он, а навстречу ему телка.

— Здорово, телка! — вскричал волк.

— Будь здоров, волк! — говорит телка. — Куда спе-
шишь, что у тебя за дела?

— Хочу монахом стать. Иду в Иерусалим душу спа-
сать.

— Счастливого пути, — сказала телка.

Расстался волк с телкой и пошел дальше, видит — две
овцы на лугу пасутся.

— Здорово, овцы! — закричал волк.

— Здорово, волк! — говорят овцы. — Куда собрался, да-
леко ли путь держишь?

— А я, овцы, в Иерусалим иду, в мошахи постригусь,
душу спасти хочу, много у меня грехов набралось, тяжело
их носить стало.

— Счастливого пути! — напутствовали его овцы.

Прошел волк мимо овец и пошел дальше.

Идет, а навстречу осел. И осел благословил волка и
напутствовал его в добрый путь. Идет волк в Иерусалим.
Шел, шел, дошел. Проголодался волк.

А Иерусалим стоит у воды. Подошел волк, глянул с бе-
рега, видит — церковей много, там и сям мошахи снуют с
кружками в руках. Подумал волк: «Чего я сюда пришел-
ся? И в церковь-то меня, волка, не пустят. Совсем я по-
глупел, что ни телки, ни овец не тронул, отпустил, да и
осла тоже».

Повернул волк обратно и пошел отыскивать телку, овец
да осла. И вправду, встретил того осла. Волк уж и не здо-
ровается, идет прямо на осла и пасть разинул. Удивился
осел:

— Ты же в Иерусалим шел душу спасать, а теперь меня
съесть хочешь?

— Когда в животе пусто, не до Иерусалима, — говорит
волк. — Готовься, сейчас съем тебя.

Сказал осел:

— Хорошо, съи. Только бедный мой хозяин вчера на
меня потратился, подковал меня, сними хоть подковы,
чтобы хозяина не разорять вдвойне.

Вцепился волк зубами в подковы, хочет оторвать их, а осел как лягнет его, свалил «мопаху» с пог, все зубы ему выбил и умчался. Только его и видели.

Еле отдышался волк, встал, ворчит:

— Ну что я за кузнец, подковами занялся, так мне и надо!

Пошел волк отыскивать овец. Идет и вправду встречает овец. Подскочил волк:

— Вот сейчас съем вас обенх!

Остановили его овцы, сказали:

— Это луг наших хозяев. Они недавно поделились и нас поделили, одна досталась одному, другая — другому, а луг этот еще не поделили. Вот мы ходим и не знаем, где кому пастись. Сделай доброе дело, помоги нам поделить его, а потом хоть съешь пас.

— Как же я поделю его, — спросил волк, — что я за землемер?

— А ты станешь посередке, мы побежим, кто раньше до тебя добежит, тому и пастись на этом лугу.

Стал волк. Побежали овцы, ударили в него что было силы, чуть не задавили бедного волка. Волк упал, а овцы побежали, и след их простыл.

Кое-как поднялся волк, потащился отыскивать телку, идет, сам себя ругает:

— Чего я влез не в свое дело, какой я землемер? Почему не оторвал им сразу курдюки?

Добрался волк-монах до телки, идет прямо па нее и говорит:

— Съем тебя сейчас.

Сказала телка:

— Хорошо, съешь, что же делать? Только сделай доброе дело: очень я люблю пение всякое да игру. Говорят, ты хорошо поешь! Спой что-нибудь, а потом уж и ешь меня.

Пошла телка, повела волка за собой па гору, приготовилась слушать.

Сел волк и завыл. Слушала, слушала телка, подкралась к волку сзади, боднула его хорошенько и сбросила с кручи, а сама пустилась бежать.

Избитый, искалеченный, волк еле добрался до своей поры, сел и закулил:

— Куда я лез? И что это я вздумал душу спасать? Какой из меня кузнец, что я осла вздумал расковать, и какой из меня землемер, что я овцам собрался поле делить, и какой из меня певец, что я за телкой потащился? Был

бы тут кто да избил меня хорошенько — поделом бы мне!

А в норе у волка один староста прячется. Услышал он волка, вышел из норы и давай лупить его дубинной изо всех сил.

Убежал волк и думает: «В этом мире и у порога своего дома ничего сказать нельзя».

Эту сказку староста от волка узнал, староста мне рассказал, а я вам пересказал.

20. Медведь и лиса

Было то или не было, жили на свете одни крестьянны. Ничего у него не было, только одна дочь и овечье стадо. Дойных овец он пас сам, а дочь посылал с ягнятами.

Как-то в знойный летний день припозднилась дочь — не вывела вовремя ягнят. Сбились стадо в кучу и ни туда ни сюда, а девушка сидит и плачет.

В ту пору проходила поблизости лиса.

— Чего ты плачешь, что с тобой стражось? — спрашивает она девушку.

— Да вот сбились овцы в кучу, ничего не могу с ними поделать.

— Дай мне одного ягнечка, — говорит лиса, — и я живо всех ягнят разгою.

— Хорошо, — говорит девочка.

Отделила она ягнечка, предназначенного для лисы, и привязала к дереву.

Прошмыгнула лиса в стадо и ну вилять во все стороны хвостом, а ягнята с перепугу бросились кто куда. Так и рассеялись по лугу.

Схватила лиса своего ягнечка, ног под собой не чуя от радости.

Очень полюбился лисе ягненок, она даже траву ему в пасти приносила и домик для него сложила — там и держала. Прибежит вечером домой и давай забавляться со своим ягнечком.

Но пришел день, когда подметил медведь, что у лисы завелся ягненок. Надо, думает, подобраться мне к нему и слопать.

Возвращаясь домой, лиса, бывало, просунет лапу под двери и кричит своему любимцу:

Отвори мне дверь, сыночек,
Твоя мать пришла, Мзекала¹,
Травушки несу пучочек,
Млеко в вымя набежало.

Ягненок увидит маленькую лисью лапку и бежит отпирать дверь.

Запомнил эти слова медведь, явился однажды к домишку ягненка, когда лиса куда-то убежала, и затынул хриплым басом:

Отпри мне дверь, сыпочек,
Твоя мать пришла, Мэкалала,
Травушки несу пучочек,
Млеко в вымя набезало.

— А ну-ка, просунь сюда лапу, — говорит ягненок.

Только сунул медведь под дверь свою огромную мохнатую лапицу, как ягненок воскликнул:

— Пошел вон отсюда, я лапку своей названой матери хорошо знаю, а у тебя вон что за лапища!

Повернул не солоно хлебавши медведь к лесу, бредет понуро и ломает голову, как бы ему все-таки прибрать к рукам того ягненка.

Стоял ненастный день, и пастухи, сев кружком, грелись подле огня. Медведь прыгнул в костер, раслугал всех пастухов, вывалился в золе, опалил на лапах шерсть и снова затопал к домишку ягненка. Подошел, просунул под дверь лапу и завел:

Отпри мне дверь, сыпочек,
Твоя мать пришла, Мэкалала,
Травушки несу пучочек,
Млеко в вымя набезало.

Отпер ягненок дверь, и медведь ввалился в дом. Но не стал он сразу есть ягненка — хотел найти повод. Кувыркнуется, напустит с шумом зловония и говорит:

— Это — отцу ягненка.

А ягненок в ответ:

— Это — отцу медведя.

— Цыц ты, — грозитя медведь, — не то съем!

— Куда тебе, руки коротки, — дразнится ягненок.

Снова кувыркнуется медведь, снова напустит зловония и опять свое:

— Это — отцу ягненка.

— Отцу медведя! — задиристо отвечает ягненок.

— Цыц ты, — грозитя медведь, — не то съем.

— Куда тебе, и мизипца не откусишь! — отвечает ягненок.

Не выдержал медведь, сграбастал ягненка, да не лез тот ему в горло — так он лисы боялся, — половину ей оставил.

Только медведь за дверь, приходит лиса. И сразу поняла она, что приключилось.

— Племянница, — окликает ее в это время из-за двери медведь, — половину я тебе оставил. Рассердил он меня, вот я его и съел.

— Спасибо тебе, дядюшка, — с притворной благодарностью отвечает ему лиса, — только я не ем баращпы. Моя еда — куры да мыши, а этого ты сам доедай. А теперь пошли-ка лучше на свадьбу, тут недалеко, охота мне отведать мяса упитанного тельца, оно и тебе не повредит. Пьяные дружки ничего не заметят, и мы полакомимся всласть.

Обрадовался медведь. Идем, говорит.

И впрямь, пошли они, пробрались в хлев, выбрали мясистого тельца, поелся медведь вдовсталь и говорит:

— А не затянуть ли нам с тобой свадебную?

— Да у меня голос сорвался, так я устала, спой лучше ты сам, у тебя ведь отменный бас.

Взревел медведь во все горло, услышали его ров дружки и бросились к охотникам до живности.

Лиса проворно юркнула под дверь и была такова, а медведь попался в руки дружек. Вывели на второй день нашего «дядюшку» и на потеху жепиху содрали с него шкуру. Однако медведь все же остался жив и убежал.

Злой-презлой, кипулся ободранный медведь на попки своей обидчицы и вскоре пошел ее — она сидела на пригорке под кустом колючего терновника. Увидя приближающегося медведя, лисица притворилась, что не узнала его, и отвернулась в сторону.

— погоди, доберусь я до тебя! — крикнул ей медведь.

— Слышите мне будто голос моего дядюшки, — пискливо откликнулась лиса, — да одежка на нем что-то незнакомая, такой он среди не нашивал! — и шмыгнула в колючие заросли. Только один хвост кажет медведю, чтоб заманить. Посидит-посидит и юркнет дальше в самые колючки. Медведь — за пей. Весь в кровь изодрался, рычит от боли. А лиса чуть-чуть покажется — и юрк на новое место.

Под конец крикнула лиса медведю:

— Замучил ты меня, будет тебе, оставь, а я за это сама тебя вылечу.

— Как? — спрашивает медведь.

— Как? Да очень просто. Не видел разве, как поступают пастухи, когда волк задерет овцу? Поди принеси мне секач, я раскалю его и прижгу тебе рапы. Ты и вылечишься.

Послушался медведь, пошел утащил секач и принес лисе.

Созвала лиса пастухов, попросила их связать медведю ноги и говорит:

— Не убивайте его, это мой дядюшка, я должна его вылечить каленым железом.— И принялась за свое дело.

Взвыл медведь от боли, а лисе хоть бы что. Заставила она его вдоволь наораться, потом развязала ему ноги и говорит:

— Теперь я пойду, сыщу где-нибудь большую корзину, выстелю ее соломой и пухом, и ты отлежишься в ней, пока снова вырастет у тебя шерсть.

И вриямь, силела лиса корзину, усадила в нее медведя и пустила под откос.

Только медведь выкарабкался из корзины, тут же погнался за лисой.

— Ах, горе мне, дядюшка,— кричит ему лиса,— мала оказалась для тебя корзина, вот ты у меня и покатишься вниз. Я теперь закажу корзину побольше, и ты там в тепле славно отлежишься.

И снова поверил ей медведь.

Повела лиса пастухов на верх утеса, показала им сплести большую корзину с ручками и крышкой, устлала ее изнутри соломой и пухом, усадила в нее медведя, закрыла наглухо крышку и покатила корзину вниз, а сама уселась на верху утеса и затянула песню:

Прыг-прыг-прыг — подпрыгивает
Злыдень, что в корзине катит,
А Хосро-богач посживает
Да на него глядит.

21. Крестьянин, медведь и лиса

Было то или не было, жил один крестьянин. Не было у него никого, кроме жены. Раз пошел он работать в поле. Видит — под грушей-дичком развалился медведь. Объелся мишка грушами и шевельнуться от боли не может. Глядит крестьянин и со смеху помирает.

— Ты гляди,— говорит медведь,— никому меня не выдавай,— не то, знай, проглотчу!

— Ладно,— отвечает крестьянин,— по рукам!

Пошел крестьянин к дому, а медведь подтянулся-подпаялся и затрусил украдкой вслед ему. Вошел крестьянин в дом, а медведь спрятался за угол и прислушивается.

Крестьянин рассказал жене про медведя. А медведь подслушал все и побрел назад. Залег в поле, где работал крестьянин.

Наутро вышел тот работать. Видит: медведь разлегся — и затрясся от страха. А медведь привстал да как рывкнет:

Выйдешь пахать спозаранку —
Поймаю и проглочу,
Выйдешь пахать на закате —
Тоже не пощажу.

Крестьянин так и трясется. Вышел на дорогу, сидит, печалится. В полдень принесла жена ему еду: жареную курочку, три пирога с сыром и кувшин вина.

— До еды ли мне, — говорит муж жене, — медведь развалился на нашем поле и угрожает:

Выйдешь пахать спозаранку —
Поймаю и проглочу,
Выйдешь пахать на закате —
Тоже не пощажу.

— А чем ты ему не угодил? — спрашивает жена.

— А тем, что рассказал вчера тебе про него.

Тут, откуда ни возьмись, появилась лиса.

Видит: крестьянин пригорюнился — и спрашивает:

— Что ты печалишься?

— Как же мне не печалиться, когда на поле у меня залог медведь и грозится.

— Ничего, — говорит лиса, — дашь мне курочку да пирогов с сыром, помогу тебе.

— Только помоги, дам еще и виша, — обрадовался крестьянин.

Села лиса, закусила и говорит:

— Ты принимайся пахать возле медведя, я же взойду на пригорок и позову тебя, а ты отвечай.

Пашет крестьянин, а лисица кричит ему с пригорка:

— Эй ты, человек!

— Чего тебе?

— Не видел ли медведя трех годовалого? Царь идет сюда с войском, ищет его.

— Скажи, что не видел, — взмолился медведь.

— Нет, не видел!

— А это что?

Крестьянин потихоньку спрашивает у лисы: что отвечать? Скажи, говорит она, что бревно.

— Бревно это!
— Ну, раз бревно, грузи его на арбу!
Влез медведь на арбу. А лиса кричит:
— А ну, привяжи бревно к арбе!
Крестьянин привязал медведя веревкой к арбе.
— А ну, руби его топором! — входит в раж лиса.
Крестьянин размахнулся топором и убил медведя.
Мясо он продал, сало растопил, а шкуру выдубил.

Эласа-меласа,
Висел на шее у меня кувшин.
И сказывающему, и слушающему
По глотку вина из него.
Мор — туда, нир — сюда,
Отсев — туда, муку — сюда.

22. Лиса-судья

Обезьяна-хлопотунья все скакала, совала везде свой нос, обнюхивала все, обшаривала. Увидела где-то горку камней, глава так и забегали: «Что же за сокровище под ней? Умру, а узнаю». И давай ворочать камни! Глядит — показалась в земле трещина-щель, она юрк в нее лапой — может, мол, что и ващунаю. Вдруг из щели — не к почи будь помянута! — выползает змея, да огромная, страшная. — кто-то завалил, должно быть, камнями.

Выползла и давай шипеть на освободительницу да грозить — прогложу, мол!

«И чего ты, дура, искала в этаким гиблом месте, кувшина с топленным маслом, что ли?» — попеняла сама себе в душе обезьяна и, дрожа всем телом, взмолилась:

— Прости мне, голубушка змея, грех! Знала бы, что ты там хорошишься, близко бы не подошла!

Да разве была бы змея змеею, ежели были бы ей ведомы жалость да сострадание?!

— Как?! — зашипела она. — Этакую грубость да непочтительность разве только смертью и искупить, а больше ничем! — и подползла ближе к бедняге.

Тут протрусил мимо сытая лисица, облизываясь да весело напевая. Обезьянка знает, какая лисица ловкая да изворотливая, и говорит змее:

— Вот, голубушка змея, идет божья избранница! Но сочти за обиду позвать ее разрешить наш спор.

— Ладно, зови! — согласилась змея. — Да только придется тебе, сестрица, краснеть со стыда!

Остановили лисицу и рассказали про свои нелады.

— Право, не знаю, как быть, — развела руками лисица, — как вас рассудить по справедливости без доказательств да без свидетелей. Своими бы глазами надобно убедиться, что тут стряслось между вами. Нужно, стало быть, чтоб змея вновь вернулась в свою норку, а обезьяна поднапряглась да сложила камни, как было прежде.

Змее пришлось по душе рассудительность и обстоятельность судьи-лисицы. Не долго думая, сунула она хвост и свою норку и свернулась в калачик.

— Ну, теперь очередь за тобой! — подзадорила лиса обезьяну.

Обезьяна расторопненько подкатила камни к трещине-щели, и не успела змея пригнуть голову к туловищу, как в мгновение ока оказалась под камнями, меж тем как лиса, держась за живот, покатывалась от хохота.

— Вот, госпожа пресмыкающаяся, и кончился суд! Раз уж ты обвиняешь глупую обезьянку в том, что она освободила тебя, хоть, правда, и нарушила твой тупой и глубокий сон, то спи теперь волюю, сколько влезет. А бедняжка-обезьянка свою ошибку исправила! — крикнула лисица змее и, простившись с обезьянкой-глупышкой, побежала к своей норе.

Обрадованная обезьянка и сама затрусилась к своему обиталищу, да, правда, с тех пор так и не могла избавиться от дрожи в сердечке...

23. Львиная преданность

Какой-то человек сбегал из тюрьмы и подался в горы — схоронясь, мол, от преследования. Побродил-поскитался, подыскал скалу, где была глубокая пещера, и пристроился в ней — хоть от дождя, мол, укроюсь. На закате видит — идет огромный лев. Человек весь так и затрясся от страха. Понял, что занял его жилище, да бежать уж поздно.

Лев, крихтя и прихрамывая, приближался к пещере. Видит он: в ней человек — и лапу ему протянул. Понял беглец: нечего льва бояться, подошел, глядит — в лапе застряла огромная колючка. Лапа вся распухла, покраснела. Вытащил беглец колючку, выжал гной, оторвал от своей рубахи рукав, перевязал рану, и с тех пор лев и беглец подружились. Лев носил оду человеку, и так они и жили.

А в той стране провинившихся наказывали, бросая их льву. Для того и искали беглеца, чтобы отдать его на расправу.

Поймали наконец и беглеца и льва вместе и просто диву дались. Беглеца бросили в темницу, а льва отвели в клетку с другими львами.

Как-то царь с царицей и их приближенные собрались на пиршество да па потеху, и царь повелел узнику схватиться со львами. Привели пять львов. А самый крупный и сильный преградил остальным дорогу и рычит, к узнику не подпускает. То одного повалит, то другого, то третьего, то четвертого. Царь с царицей и приближенными удивляются. Подозвали узника и спрашивают, отчего это лев так самоотверженно защищает его. Узник рассказал про свою дружбу со львом и про то, с чего она началась. Царь остался доволен разумностью и преданностью льва и отпустил восвояси и узника, и его.

24. Сила человека

Приковал как-то бог-отец к скале цепями дэва. Дэву никогда не приходилось видеть людей. Раз он замолчал:

— Господи всемогущий, столько времени томлюсь я здесь. Сжался надо мной, отпусти, хочу поглядеть на того, кого зовут человеком. Слышал я, будто никто на всей земле не может его одолеть. Пойду отыщу его и сражусь с ним.

Бог ответил:

— Хорошо, отпущу, только знай: человек поборет тебя и погубит!

Не послушался дэв и пошел искать человека. Идет и видит — со всех пог бежит лисица.

— Ты кто, человек? — спрашивает ее дэв.

— Нет, господин, лиса.

— Куда ж ты так бежишь?

— Да вот видишь — стадо козлов пасется. Хотела я утащить козленка, а человек увидел и чуть дух из меня не вышиб!

— А ну, — говорит дэв, — покажи мне этого человека!

— Нет, дорогой, и близко не подойду, он что-то прячет под мышкой. Увидит нас, вытащит, прищурится, щелкнет, и дух из нас воп!

Дэв не поверил и силой повел лисицу, он хотел, чтоб показала она ему человека. Идут, видят — стадо буйволов.

— Это и есть люди? — спрашивает дэв.

— Эх, господин! Если бы! — отвечала лисица. — Чело-

ник их всех стопит, накинет каждому на шею тяжелое бревно, сам пойдет за ними, взмахнет кнутом и заставит работать.

Пошли они дальше. Нагнали табун лошадей.

— Это и есть люди? — спрашивает дэв лису.

— Нет, господин. Люди их поймают, положат им что-то на спину, вскочат на них и гонят.

Пошли они дальше, видят — стадо козлов.

— Вот это и есть люди? — спрашивает дэв.

— Нет, что вы! Вы видишь, один человек сколько коз пасет. Во-он тот, маленький!

— Пошли! — позвал дэв лису, да не тут-то было. Пришлось дэву идти одному. Пастух увидел его, напугался, да собрался с духом и кричит:

— Слава богу, сбилось мое желанье. Сколько времени прошу бога показать мне тебя. Хочу с тобой побороться!

Дэв приблизился к нему и сказал:

— Ты и есть человек?

— Да, я и есть! — гордо отвечал человек.

— Давай сразимся, — сказал дэв. Человек согласился, но предупредил:

— Как же быть? Видишь, свидетелей у нас нет, некому поглядеть, кто кого поборо.

— Ну так ступай приведи кого-нибудь, пусть поглядит.

Пастух сделал один-два шага и возвратился:

— Дело так не пойдет! Я уйду, а ты удерешь! Что тогда делать? Давай-ка я лучше тебя свяжу.

Связал пастух дэва и, чтоб поглядеть, крепко ли, велел ему:

— А ну шевельнись!

Дэв шевельнулся, да и порвал кое-где веревки. Тогда пастух связал его еще крепче, взял большой топор, ударил по шее и спес ему голову.

А господь бог кричит дэву с неба:

— Говорил я, человек поборет тебя. Никто на всей земле не может одолеть человека!

25. Лисья хитрости

Бежала по гумну лиса. Видит — валяются, пропадают колосья. Подумала: «Эти колосья мне добро принесут». Села и стала их собирать, навязала целый спол, подхватила под мышку и пошла.

В пути застала ее ночь. Подошла лисица к одному дому, крикнула:

— Не пустите?

— Пустим! — ответили.

Дала лисица свой споп и сказала:

— В курятник отнесите.

Взяли лисичкин споп и отнесли в курятник, только уложили его так, чтобы куры не выклевали. В полночь, когда все спали, лисичка встала, вошла в курятник, взяла свой споп и разбросала все колосья возле самого большого рыжего петуха. Наутро лисица встала и потребовала свой споп обратно. Вошел хозяин в курятник и вынес лисице пустые колосья.

Заплакала лисичка:

— Только и было у меня что эти колосья, и то ваш петух все зерно выклевал.

Спросил хозяин:

— Что же теперь делать, лисичка, чем твоему горю помочь?

— Или отдайте мне зерно, или отдайте того петуха!

Что делать хозяйину? Пришлось отдать того петуха. Взяла лисичка петуха и пошла своей дорогой.

Много ли ходила, мало — застала ее в дороге ночь. Заночевала лисичка у одного пастуха, привязала своего петуха и говорит:

— Смотрите, не убейте моего петуха, не то овцу отниму.

— Хорошо, — сказали ей.

В полночь встала лисичка, взяла своего петуха и задела его на рога самой жирной овцы. Наутро лисичка требует петуха.

— Ухожу, — говорит.

Вошли, смотрят, а лисичкин петух на рогах у овцы.

Заплакала лисичка:

— Только и было у меня что этот петух. Каждую ночь оп меня будил, осталась я теперь сиротой!

Дали лисичке овцу и отпустили ее. Обрадовалась лисичка, идет и поет:

На зерно петуха я купила, на петуха — овцу.

Застала лисичку ночь в пути. Заночевала лисичка у одного крестьянина. Отдала ему на сбережение свою овцу и говорит:

— Смотрите, чтобы ваши быки мою овцу не забодали, не то отниму того быка, который ее тронет.

Взяли овцу и привязали ее подальше от быков. Ночью лисичка встала, пробралась в хлев, взяла свою овцу и надела ее на рога самого большого быка. Наутро отобрала этого быка у хозяина и погнала его перед собой. Бежит лисичка, радуется. Опять застала ее ночь, только уж никто не пускает лисичку почевать. Пристала лисичка к одной вдове:

— Бык у меня, боюсь, как бы ночью волк его не увел, дайте только привязать его в хлеву, а я хоть у дверей переночую, постерегу своего быка.

Ночью встала лисичка, взяла нож, зарезала своего быка, а нож подбросила в карман самой младшей вдовой дочери. Наутро требует лисичка своего быка:

— Надо идти мне!

Пошли, смотрят — зарезан бык. Испугалась вдова. Заплакала лисичка и говорит:

— Кто моего быка зарезал, того и уведу.

Отказываются вдовы дочки:

— Не резали мы твоего быка!

— У кого нож в крови, та и зарезала, — говорит лисичка.

Осмотрели карманы и нашли нож у младшей сестры. Забрала ее лисица. Усадила в бурдючок, привязала бурдючок на спину, идет и поет:

На зерно петуха я купила,
На петуха — овцу,
На овцу быка я достала,
За быка красавицу взяла!

Идет, видит — в поле люди пашут. Закричали лисице:

— Отдохни, лисичка, поешь с нами.

Отдохнула лисичка. Дали лисичке сито, сказали:

— Иди, мы еду сготовим, ты воду принеси.

Пошла лисица, льет воду в сито — только где ей воду ситом удержать!

Пока лисичка с ситом возилась, открыли люди бурдючок, вывели девушку, а вместо нее посадили большую собаку, дали собаке хлеба, чтоб не лаяла, увязали бурдюк и на место поставили. Вернулась лисичка, говорит:

— Отпустите меня, ухожу.

Отпустили лисицу с ее бурдюком.

Идет лисица, тащит бурдюк с собакой, поет, радуется.

Съела собака свой хлеб и стала царапаться о сухую кожу бурдюка. Лисица и говорит:

— Что тебе, девушка, что тебя заботит? Хочешь

пить — выведу, напою, хочешь есть — покормлю, а хочешь погулять — выпущу.

Не слушает «девушка» лисицу, царапается, кряхтит. Дотащила все же лисица бурдюк до своей норы. Влезла в пору, развязала бурдюк, выскочила оттуда собака, набросилась на лисицу, в куски изорвала.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

26. Про кувшин

Был один кувшин. Захотелось ему выпить вина. Встал и пошел к бабке. Идет кувшин по дороге, а навстречу ему петух.

— Здравствуй, кувшин!

— Здравствуй, петух!

— Куда идешь, кувшин?

— К бабке, хочу вина выпить.

— И я с тобой.

— Хорошо, иди впереди.

Пошли. Идут по дороге. Навстречу им яйцо.

— Здравствуйте, кувшин и петух!

— Здравствуй, яйцо!

— Куда собрались?

— Идем к бабке вино пить.

— И я с вами.

— Хорошо, иди впереди.

Пошло яйцо впереди.

Идут товарищи: кувшин, петух и яйцо. Идут по дороге, навстречу им булыжник.

— Здравствуй, кувшин!

— Здравствуй, булыжник!

— Куда идешь, кувшин?

— К бабке вино пить.

— Возьми и меня в товарищи.

— Иди впереди.

Идут четыре брата: кувшин, петух, яйцо и булыжник.

Идут, а навстречу им шило.

— Здравствуй, кувшин!

— Здравствуй, шило!

— Куда идешь, кувшин?

— К бабке вино пить.

— И я с вами.

— Ну, иди впереди.

Пошли. Идут пять товарищей: кувшин, петух, яйцо, булыжник и шило. Идут по дороге, а навстречу им осел.

- Здравствуй, кувшин!
- Здравствуй, осел!
- Куда идешь, кувшин?
- Вино пить.
- И я с вами.
- Иди впереди.

Пошли. Пришли к бабке. Вопел кувшин, а вслед за ним все товарищи. Взял кувшин булыжник и подвесил его к потолку, петуха посадил в глиняный горшок, шило воткнул в тюфяк, осла привязал в сених, сам спрятался в большом винном кувшине, а яйцо закопал в золу.

Проспулась от шума бабка. Подошла к огню и стала его раздувать: лопнуло яйцо и брызнуло ей в глаза. Испугалась бабка, а тут упал ей на голову булыжник. Посмотрела она вверх, петух залепил ей глаза пометом. Села бабка на постель, а шило воткнулось ей в ногу. Перепугалась старуха, бросилась в сени, а тут осел как лягушка се ногами. Обезумела от страха бабка, бросила свой дом и больше туда не возвращалась.

Сели братцы и стали шапки кверху бросать. Сидят они и до сих пор там, пируют.

Пусть будет смерть и мор там,
А здесь мир будет пышный!
Пусть будет там огонь,
А здесь — бусы ишеничные!

27. О змее и вороне

В поле на краю одной деревни сотня работников мотыжила кукурузу. Посреди поля стояла высокая раскидистая шелковица. Под ней мужики устраивались на передыхку. Над жарким костром висел огромный котел, и в нем кипело-варилось мясо. А на шелковицу тайком вползла полакомиться сладкими листьями большая змея. Работники подкинули в огонь хвороста, да и ушли себе мотыжить. А ветвь со змеей охватило огнем, и она — хлоп! — угодила в кипящий котел.

На том же дереве сидела ворона. Увидела она, что ветка свалилась, и давай наркать во все горло! Целый день не умолкала, не унималась. Мужики слышат, как вещунья разорвется, и знай поругиваются-браются. Промотыжили-таки деланку, подошли к шелковице и расселись вокруг костра.

А воровка думает: «Если съедят они что из котла, все перемрут, давай-ка лучше я собой пожертвую!» Пулей кинулась сверху вниз, да и упала в котел. «Вот чертовка,— ругаются мужики,— что с нами сделала, без еды после долгого дня работы оставила!» Никто и не притронулся к мясу, взяли и вылили весь котел: хоть собаки, мол, поедят. Выливают, а из котла змея вываливается, преогромная. Так дух у всех захватило! Это бог, говорят, послал паворону, не то бы все перемерли!

28. Лиса и перепелка

Голодная лиса набрела на падаль и давай рвать ее. Наелась, а переварить не может. Встревожилась и стала умолять перепелку:

— Только помоги мне, соседка, а я к твоим птенцам и не притронуся!

— Ладно! — согласилась перепелка. — Я полечу, а ты беги за мной по земле.

Взлетела перепелка, а лисица за ней. Бегает по горам, по долам, по оврагам-буеракам, бока даже ввалились.

— Ну что, кума, переварила? — спрашивает перепелка.

— Переварить-то переварила, — отвечает лиса, — а теперь вот посмеяться охота. Рассмеши-ка ты меня, кумушка, и в жизни к твоим птенцам не притронуся.

— Рассмешу, так и быть, дело нехитрое, — отвечает перепелка. — Беги за мной, а там поглядишь!

Привела перепелка лисицу на гумно, спрятала в стоге, а сама уселась на рог быка. Мужик замахнулся на нее, чтобы отогнать, а она взлетела, кнут пошел быку по рогу и отломил его. Лисица хохочет-заливается, помирает со смеху.

А перепелка тем временем опустила на горшок с мацони. Бросили в нее камнем, а попали в горшок. Горшок разбился, и мацони разлилось.

Лиса хохочет-заливается, помирает со смеху.

Села перепелка на голову ребенку, а тот взмахнул прутиком, перепелка улетела, прутик угодил по голове. Дитя ревет, а лисица хохочет-заливается, помирает со смеху.

Подлетела перепелка к лисе и спрашивает:

— Ну как, рассмешила?

А лиса тем временем проголодалась, потянулась она к

перепелке, хотела поймать и слопать ее, а та взлетела, опустилась на верхушку снопа и кричит лисе:

— Еще тебя рассмежу!

Подкралась молотилыщики к перепелке и взмахнули кнутом. Перепелка взлетела, а кнут ударил лисицу по голове.

Перепелка подлетела к своему гнезду и сказала лисе:

— Отныне, как начнешь хвастаться, вспоминай и про меня!

29. Овца и бедность

Вошла овца в дом, увидела в нем бедность, затопала на нее ногами и закричала:

— Вставай, бедность, и убирайся отсюда!

— Отчего это я должна убираться, это мой дом!

— Не твой он, а мой, убирайся сейчас же!

Надоела овце бедность, и попросила ова:

— Ладно, хотя бы крышу дома мне уступи.

— Нет, не уступлю!

— Ну хотя бы один уголок мне оставь.

— Не уступлю, не оставлю. Зачем он тебе?

— Зачем? Да затем, что в одном углу я сама буду валяться, в другом барашка помещу, в третий шерсть положу, а в четвертый — сыр.

Встала тогда бедность и убралась. Так весь дом овце и достался.

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..

... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..

**волшебные
сказки**

30. Сказка об удивительной женщине

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жили муж и жена, и был у них единственный сын. Взяли этого парня в солдаты.

Отслужил он свое, пора ехать домой, он и думает: «Негоже мне возвращаться к отцу-матери с пустыми карманами, дай-ка поработаю у кого-нибудь батраком, накоплю деньжат, а там и поеду». Ходил он, ходил, в одной деревне повстречался со старухой и спрашивает:

— Не пужен ли кому у вас на селе батрак?

— Мне самой нужен работник, если ты согласен служить у меня, — сказала старуха.

Взяла парня с собой, привела в дом и говорит:

— Работа твоя будет в том, чтобы вынести поутру деньги, разложить их во дворе на солнышке, а потом принести обратно в дом.

Дала она ему ключ и предупредила:

— Вторую комнату никогда не отпирай.

Настало утро. Вышел парень деньги на солнышко, а сам преспокойно прилег рядом. Вдруг кто-то позвал его по имени. Приподнялся — никого не видно. Он опять прилег. Зов повторился. Встал тогда парень, вошел в дом, поглядел туда-сюда — нет, никого не видно. Вышел и снова прилег. И опять кто-то его позвал.

«Старуха запретила мне входить в эту комнату, — вспомнил он. — А может, там кто-нибудь есть?» Открыл он дверь, вошел. Но нет, и здесь никого нет, стоит только один стол, а на столе — бутылка с водой. Взял он эту бутылку, повертел в руках, но ничего такого особенного в ней не приметил. Вышел во двор, снова лег и стал прислушиваться. И снова его кто-то окликнул — из той самой комнаты. Разозлился он, вбежал в комнату, схватил бу-

тылку и опрокинул, а оттуда вместе с водою выскочила женщина и говорит:

— Бежим поскорей, а то старая ведунья уже небось все проведала и теперь несется сюда. Я побегу, а ты за мной. Как окажемся у моря, я перелечу на ту сторону, а ты оставайся на этом берегу. Прибежит старая, спросит тебя: «Зачем ты ее отпустил?» — а ты отвечай: «Я взял ту бутылку, да ненароком обронил. Бутылка разбилась, оттуда выскочила женщина и пу бежать, я — за ней. Хотел поймать, да не удалось».

Старуха скажет: «Иди обратно ко мне домой», но ты больше туда не ходи. Гуляй тут почаще на берегу моря, а я как-нибудь вечером проплыву мимо на корабле и тебя заберу.

Кинулась та женщина бегом, а парень припустил за пей следом. Оглянулся, видит — и впрямь гонится за ними старуха. Прибежали к морю. Женщина перелетела через море, а парень остался на этой стороне.

Тут подоспела старуха и говорит парню:

— Почему ты отпустил ее, ведь я наказала тебе дверь в ту комнату не открывать.

— Откуда я знал! Кто-то звал и звал меня по имени, надоело мне, вот я и вошел, повертел в руках ту бутылку и ненароком обронил, бутылка разбилась, оттуда выскочила женщина и убежала. Я кинулся за нею, да не смог догнать.

— Иди, — говорит старуха, — обратно ко мне в работники.

Но парень отказался.

— Нет, не могу я к тебе вернуться, — говорит.

Тогда старуха определила парня в работники к одному человеку, который жил близ моря. Другим же слугам она дала желудь с наказом — не сводить с этого парня глаз. Когда-де на море покажется корабль, коснитесь парня этим желудем, и он уснет.

Ходит и ходит он по берегу моря, как повелела ему женщина. И вот однажды вечером показался корабль. Коснулись парня работники желудем, и он уснул.

Спрыгнула та женщина с корабля, подошла к парню, трясет его, трясет, но он никак не просыпается. И сказала тогда женщина работникам:

— Завтра вечером я вновь сюда вернусь, пусть он только не засыпает.

Проснулся парень и спрашивает работников, приходила ли, мол, та женщина?

— Была, — говорят, — да не смогла тебя добудиться. Сказала, что завтра к вечеру опять придет и чтоб ты в это время не спал.

Настало утро другого дня. Пришел и вечер. На море показался корабль. На корабле стоит та женщина, улыбается.

А работники подкрались к парню, прикоснулись к нему желудом, и опять на него папал сон.

Подошла к нему женщина, но опять не смогла его добудиться. Сказала она работникам:

— Передайте ему, что завтра вечером я в последний раз сюда приеду, если он и на этот раз будет спать, больше меня не увидит.

Настал вечер другого дня. Опять улыбается парню с корабля женщина, а парень ей отвечает улыбкой с берега. Но и тут подкрались к нему работники и снова усыпили его.

Сошла женщина с корабля, мучилась, мучилась и так и сяк старалась, но нет, не смогла его разбудить. Только оставила ему на память о себе перстень и ушла.

А парень, только она ушла, проснулся. И осенила его вдруг догадка.

— Это вы что-то делали со мной из вражды ко мне, — кричал он работникам. — Теперь-то мне не хочется больше спать! — Кинулся он на них да всех троих и убил.

Ходит и ходит парень по берегу, не знает, как ему попасть на ту сторону. Видит — человек спускает в море лодку. Подошел к нему и говорит:

— Сделай милость, доставь меня на тот берег и бери за это сколько хочешь.

А человек в ответ:

— Да к чему мне твоя плата, я и так собрался на тот берег, а с попутчиком только веселее.

Приплыли они к тому берегу, перекусили, и снова пошел парень искать себе место работника. Устроился служить у одного барина. Тот поставил его садовником.

А рядом с тем садом раскинулся дремучий лес.

Барин и говорит парню:

— Ни в коем случае не ходи в этот лес.

Призадумался как-то парень: почему это хозяин запретил ему ходить в этот лес? Будь что будет, а он должен посмотреть, что там такое.

Вошел в лес. Подошел к одному дереву, глянул наверх и видит — висит на дереве мертвец. Ударил парень саблей по ветвям, мертвец свалился на землю, но тут же подпрыг-

пул и снова повис на дереве. Несколько раз парень сбрасывал мертвеца, но тот так и не остался на земле.

В конце концов говорит мертвец парню:

— Если хочешь освободить меня, то обожди до вечера. Вечером пройдут здесь три скакуна: один — черной масти, другой — белой и третий — красной. Ты вскочи на черного, и он сам отвезет тебя куда надо.

И правда, вечером появились три скакуна. Парень поймал черного и вскочил на него. Поскакал черный скакун и привез его во двор одного дома, а там на лестнице сидела какая-то женщина. Увидела она парня и говорит ему:

— Если тебе дорога жизнь, уходи отсюда. Это жилище дэвов, придут они и съедят тебя.

Парень не послушался. Спрыгнул он со скакуна, поднялся вверх по лестнице и спрятался там за колонной. Видит — идет дэв о девяти головах. Подпустил его к себе поближе, гикнул на него во всю мочь и сбросил его вниз, а сам спрыгнул следом и отсек дэву все девять голов. Сел снова на своего доброго коня и уехал.

На другой вечер он опять пришел к дереву. На этот раз прыскакали белый и красный кони. Поймал он белого коня, вскочил на него, и конь привез его в тот же самый двор. Сидела там на прежнем месте та женщина.

— Теперь придет дэв о десяти головах, — сказала она парню, — его-то уж тебе не осилить, он тебя обязательно съест.

Но парень не послушался, подвинулся наверх и стал караулить. Видит — идет дэв о десяти головах. Гикнул парень, сбросил дэва вниз, сам спрыгнул за ним следом и отрубил ему все десять голов.

Та женщина подарила ему на память перстень.

На третий вечер он опять пришел к тому дереву. Теперь появился красный скакун. Поймал его парень, оседлал, и принес его скакуна в тот же двор.

— Теперь придет дэв об одинадцати головах, — сказала ему та женщина, — каждая извергает из пасти пламя. Не ввязывайся понапрасну в борьбу с ним!

Но парень не послушался и стал караулить дэва. Приближается дэв прыжками и с каждым прыжком извергает из пасти пламя. Испугался было парень, но пересилил себя и встретил дэва.

Дэв подошел к нему, парень замахнулся саблей и отрубил у чудика две головы, а потом спрыгнул с балкона и притаился за углом.

Дэв кинулся за вим, подскочил к углу, а парень снова замахнулся саблей и отрубил у него еще две головы.

После этого стали они сражаться врукопашную.

Женщина увидела, что дэв обжег правую руку парня, сыргнула с балкона, плеснула под ноги дэву воды, а под ноги парню бросила ивовые циновки. Парень приподнял дэва и так его бросил оземь, что тот по пояс врезался в землю. Отрубил парень у дэва оставшиеся головы, женщина перевязала ему руку и ушла, а парня одолел сон. Ему теперь надо было проспать три месяца, чтоб прийти в себя от усталости.

Пришла та женщина к себе домой, а отец, увидев ее, раскричался:

— Как ты смела уйти оттуда, хочешь, чтобы весь наш дом разгромили дэвы?

— Успокойся, отец, тех дэвов больше нет, всех их истребил один парень, вот я и ушла оттуда.

— Что ты мелешь, глухая?! Кому было под силу перебить всех дэвов?

— Если не веришь, сам погляди, отсюда видно. Все они валяются во дворе.

Поверил ей отец и оставил ее в покое.

Однажды этой женщине очень захотелось погулять по саду. Вышла она в сад и что же видит: спит там тот самый парень. Глазам своим не поверила. Пошла к отцу и говорит:

— Отец, тот, кто убил всех дэвов, спит в нашем саду.

— Да опомнись, что ты чушь мелешь? Я нанял в работники одного пмеретияца¹, но он же убил дэвов!

— Я говорю вам правду, отец. Это именно тот парень, который освободил меня от старой ведуньи, а теперь снова выручил из беды.

Пошел барин в сад, посмотрел и видит — это и в самом деле его работник.

Принесли спящего в барский дом, уложили в чистую постель. И проспал он ровно три месяца. А как проснулся и увидел, что спит в барском доме, сам себе не поверил.

А барин говорит ему:

— Оставайся, не я, а ты достоин быть тут господином. Пусть же отныне и дочь моя, и все, что я имею, будет твоим.

Парень привез своих родителей, и зажили они все сладко да счастливо.

Висит у меня на ипее кувшин, эласа-меласа,
Всем вам добрые сны чтоб привиделися.

31. Три брата

Жили-были три брата. Самым лучшим из троих был меньшей брат. Братья частенько хаживали в лес на охоту. Охотились они как-то на одной горе, потом перешли на другую гору, а там и на третью. На третьей горе повстречалась им не виданная под солнцем красавица. Оказалось, что эта красавица похищена девятью братьями-дэвами.

— Не ходите сюда, а то вас съедят дэвы,— сказала женщина братьям-охотникам.

Двое из братьев призадумались и говорят, не вернуться ли нам, мол, назад, а третий, меньшей брат, их стыдит:

— Что ж мы будем за мужчины, если испугаемся и перестанем охотиться на этой горе?

В это время видят братья — идет дэв. Вырвал он по дороге бук с корнями и несет, как тростинку. Два старших брата перепугались, а третий выстрелил в дэва из лука и уложил его на месте.

А красавица говорит:

— Это был самый младший из дэвов, а другие, как увидят вас, мигом съедят.

Тогда меньшей брат говорит старшим:

— Надо нам своими глазами глянуть на этих дэвов, что это за удалцы такие.

Потом сказал он женщине:

— Я должен пойти к тебе домой и сам посмотреть на дэвов.

А красавица ну отговаривать:

— Они съедят всех вас.

Но братья все-таки пошли.

Не успели они войти в первый дом, как меньшей брат объявил женщине:

— Я должен всех дэвов перебить, а тебя взять в жены.

Красавица, не долго думая, согласилась и сказала, где найти дэвов: они-де все в девятой комнате.

Тогда меньшей брат говорит старшим:

— Если вы будете молодцами и поможете мне — хорошо, а нет — я сам расправлюсь с ними. Мы должны истребить всех дэвов, а я потом возьму в жены эту красавицу.

Как подошли к той комнате, женщина открыла дверь и вывела дэвов во двор. Схватили они старших братьев, а меньшей брат — он стоял в стороне — стал разить дэвов из лука. И ни один не остался в живых, в кого угодила его

стрела. Скрыться удалось только самому старшему, огромному девятиголовому дэву.

Забрали братья ту женщину и отправились с ней домой.

А по дороге она предупреждает меньшого брата:

— Мы можем повстречать моего мужа. Тогда он отнимет меня у вас и возьмет с собой в преисподнюю. Ты подстереги, когда он выйдет на охоту, пусть братья твои — осли, конечно, они не изменят тебе — спустят тебя на веревке ко мне, а после поднимут нас обоих.

В пути они и в самом деле столкнулись со старшим дэвом, и тот отнял у них женщину.

Братья вспомнили ее наказ и стали караулить дэва.

Только дэв ушел на охоту, как меньшой брат говорит:

— Я спущусь вниз. Не подведите же меня — вытаци-те наверх живого или мертвого.

Братья поклялись ему в верности и спустили парня вниз. Он прихватил с собой лук и, спустившись, говорит женщине:

— Поднимись ты первой.

А женщина ему в ответ:

— Лучше сперва поднимись ты, не то братья, подняв меня, изменят своей клятве.

Эта женщина была ведунья и заранее знала, что братья предадут парня. Однако парень не послушался красавицы и послал ее первой. Но прежде чем подняться наверх, она сказала ему:

— Здесь есть два горячих скакуна. В случае чего они тебя выручат. Белый конь скачет в верхнюю страну, а черный — в нижнюю¹. Ты постарайся, чтоб белый не ушел от тебя.

С этими словами женщина дала парню ключ от конюшни, где стояли скакуны, и распрощалась с ним.

Когда братья спустили веревку второй раз, парень взял да и привязал к ней чурбан, чтобы испытать своих братьев. Те потянули было чурбан вверх, а как подняли его до половины, отпустили веревку, и чурбан рухнул вниз.

Опечалился парень, что братья его предали и обрекли на гибель.

Думал он, думал и решил под конец идти за помощью к скакунам. Пошел он к конюшне. Только отпер дверь, как белого скакуна и след простыл. Что будешь делать! Схватил он черного скакуна, вскочил на него, и понес его конь в нижнюю страну. А та не видавшая под солнцем красавица сказала ему перед уходом: «Буду ждать тебя три года и три дня, приходи».

Спустился парень в нижнюю страну. Пришел усталый к одной женщине и попросил ее подать водицы.

А женщина говорит ему:

— Откуда здесь быть воде? Воду сторожит у нас гвелешани. Подавай ему на съедение человека, иначе воды не получишь.

— Тогда дай хоть носеть чего-нибудь,— попросил парень.

Женщина вошла в дом и замесила тесто на мочке.

Увидел это парень и говорит ей:

— Что это ты делаешь?!

— А как же быть,— отвечает она,— если мы не можем добыть воды.

Ничего не ответил ей парень. Взял свой богатырский лук и ушел. Подходит к воде и видит — стоит там маленький мальчик, плачет-заливается.

— Почему ты плачешь? — спрашивает его парень.

А ребенок в ответ:

— Вот-вот придет гвелешани и съест меня.

«Подожду-погляжу», — думает парень. Ждет он, ждет, а печаль проклятая все не появляется. Стало клонить меньшего брата от усталости в сон, и говорит он мальчику:

— Как завидишь гвелешани, буди меня.

Положил голову на колени мальчика и уснул.

Прошло время, и видит ребенок — надвигается гвелешани. Но не осмеливается он разбудить пришельца. Вдруг по щеке спящего скатилась слеза, и он вскочил на ноги. Глянул на гвелешани, выстрелил в него из своего лука и рассек надвое.

Обрадовался мальчик и побежал домой.

— Ох ты погубитель,— ветрелили его дома,— теперь гвелешани всех нас истребит.

А мальчик им:

— Один человек пришел туда и убил гвелешани.

Люди не поверили ему и пошли поглядеть своими глазами. Приходят на место и видят: валяется гвелешани, разрубленный надвое, туша его растянулась на десять сажений, а рядом сладко спит тот парень. Кинулись все с радостной вестью к царю: «Какой-то человек убил нашего врага гвелешани».

Пошел туда царь, увидел там спящего парня, разбудил его и обо всем расспросил. Тот поведал ему свою историю. «Я,— говорит,— попал сюда из верхней страны».

Тогда царь молвил:

— Я хочу достойно тебя наградить. Проси, чего пожелаешь.

А парень в ответ:

— Ничего мне не надо, только, если можешь, доставь меня наверх, в мою страну.

Думал, думал царь, как бы помочь парню, и наконец говорит:

— На это никто не отважится. Но раз ты такой герой, ступай на такую-то гору, там живет Орел, только он и сможет поднять тебя в верхнюю страну, а все, что для этого нужно, я велю приготовить.

Парень тотчас же отправился к Орлу, да не застал его дома, а орлята говорят ему:

— Уходи отсюда поскорее, не то возвратится наш отец и съест тебя.

— Но я же столько добра для вас сделал! — отвечает им с укором парень.

Прилетел Орел, а орлята спрятали того человека.

— Чую я, человеческим духом пахнет, — говорит Орел своим детям.

А орлята ему в ответ:

— Здесь тот человек, который убил гвелешапи. У него к тебе есть просьба.

— Приведите его, — сказал Орел.

Вывели орлята того человека, и Орел у него спрашивает:

— Говори, что за просьба у тебя ко мне?

— Я прошу доставить меня в верхнюю страну, а все, что нужно, царь приготовит.

— Ладно, — говорит Орел. — Только сплетите из прутьев большую корзину и забейте триста шестьдесят три головы крупного скота, чтоб у меня хватило еды на весь путь, и я отнесу тебя за твое доброе дело куда надобно.

Парень передал царю все, как велел Орел.

Забили триста шестьдесят три головы крупного скота, наполнили мясом огромную корзину, сплетенную из ивовых прутьев, взвалили ту корзину на спину Орла, и он пустился в путь-дорогу, чтобы отвезти парня в верхнюю страну.

Летят они, летят. Орел то и дело поворачивает голову, а парень каждый раз кидает ему в клюв по куску мяса.

Летят они, летят, дороге не видно конца, а мясо-то уже на исходе. Совсем немного осталось до верхней страны, когда Орел съел все мясо.

Переполошился парень — что ему делать?

А Орел знай кричит свое: «Голоден я!»

Отхватил парень кусок от своей ноги и, только Орел к нему повернулся, забросил мясо ему в зев. Они как раз поднялись в верхнюю страну.

— Каким сладким было то мясо, что ты дал напоследок, — говорит Орел.

А человек ему в ответ:

— Я отрезал его от своей ноги.

Рассердился Орел:

— Если б я знал, — говорит, — об этом, то не принес бы тебя сюда живым.

Человек попрощался с Орлом, и они расстались друг с другом.

Шел, шел парень и наконец добрался до дому. В ту пору как раз истекло три года и три дня, и парень попал в дом к самому вечашию — средний его брат женился на той же виданной под солнцем красавице.

Когда парень вошел в дом, братья его не узнали, а жепщина узпала. Бросилась она к нему, обняла, приглубила.

Меньшой брат убил своих братьев-изменников и женился на той красавице.

32. Сын старухи

Было то или не было, жил на свете один царь, и отець долго не было у него сына. Наконец родился у него мальчик. Пуще глаза берег царь своего сына и никуда за пределы дворца не отпускал.

Как-то раз играл царский сын со своими сверстниками в лучников, а мимо шла с родника старуха с кувшином воды на плече.

Тут мальчики давай подзадоривать царского сына:

— А тебе небось не попасть в кувшин старухи.

Натянул царский сын лук и пустил стрелу. Попала стрела в дно, кувшин разбился, и вода полилась старухе за ворот.

Повернулась старуха и уж собиралась проклясть озорника, разбившего кувшин, но увидела, что это царский сын, и говорит:

— Проклясть я тебя не прокляну, потому что ты у матери единственый сын, скажу только: да упадет к тебе в сердце любовь и сестре девяти братьев-дзавов.

Сын царя хорошо это запомнил.

Шло время. Вырос царевич, и одно теперь заботило царя-отца — найти для своего сына невесту. Спросили царевича, кого бы он хотел в жены, а тот в ответ:

— Если женюсь, то только на сестре девяти дэвов, а нет, так не хочу ни жены, ни короны.

Загрустил царь-отец: не добратся мне, думает, до сестры девяти дэвов.

Призвал к себе сына и говорит:

— Не по силам мне доставить тебе твою избранницу.

— Мы сами приведем сюда эту не виданную под солнцем красавицу — я и сын старухи.

Заартачился было царь: как могу, моля послать единственного сына в логово к дэвам! Но упросил его сын всеми правдами и неправдами отпустить в дальний путь.

Призвали сына старухи, и говорит ему царь:

— Тебе я поручаю своего сына.

Царевич и сын старухи были сверстниками и росли вместе. Сын старухи был парнем на диво сильным — сожмет в кулаке камень, и рассыплется камень в порошок. Не менее того был он и умен.

— Пусть, — говорит, — изготовят для меня железный лук и стрелы, и мы пойдем.

Тотчас же вызвали кузнецов, велели им срочно выковать пятнадцатилитровый лук и вручили его сыну старухи. Стал он его натягивать, и лук сразу искривился. Изготовили двадцатилитровый, но и с ним произошло то же; так же вышло и с двадцатипятилитровым. Наконец сделали ему сорокалитровый лук. Этот как раз пришелся старухиному сыну. Перекинул он его через плечо, и пустились они с царевичем в путь.

Пока шли по своей стране, дороги искать не приходилось, а дальше — стали и не знают, куда идти.

Тогда сын старухи говорит:

— Я пушу стрелу, и пойдем по ее следу.

Натянул он лук и выпустил стрелу. Полетела, полетела стрела, перелетела через девять гор и воцарилась в землю в саду семи братьев-дэвов.

Пошли юноши по следу стрелы, глядь — там-сям дерево расщеплено, там-сям отколот край утеса.

Шли они, шли и подошли к усадьбе дэвов. Видят: раскинулся виноградник — дэвы были охочи до вина, — юноши вошли, присели в тени, стали лакомиться фруктами.

А мать дэвов сидела тем часом на плоской кровле дома за прялкой. Веретено у той прялки — с платановой

ствол, а вместо колеса мельничный жернов. Увидела она пришельцев и заворчала:

— Это кто же такие, что осмелились сюда заявиться? Из страха перед моими сыновьями тут и птица в небе не пролетит, и муравей по земле не проползет, а эти, смотри-ка, прохлаждаются!

Швырнула она вниз жернов-колесо и кричит сыну старухи:

— Иди, сынок, подай мне снизу колесо, соскочило, будь, оно неладно.

Подошел сын старухи, схватил жернов, подбросил вверх и выбил старухе зубы.

— Разрази тебя гром,— расшумелась она,— не мог поосторожней кипуть!

— Вот глупая баба,— крикнул ей сын старухи,— можешь ты думать, что обманула меня? Я же знаю, зачем ты сбросила вниз колесо.

К вечеру вернулись с охоты семь братьев, притащили семь оленей и семь платанов и свалили все у порога. Заприметили дэвы сына старухи и царевича и говорят меж собой:

— Неплохая дичь на ужин, жаль, не прихватили мы вертелов, чтоб их поджарить.

А потом давай орать:

— Сюда от страха и птица не залетит, а вы кто такие, что расселись в нашем винограднике и лопаете наши фрукты?

А сын старухи кричит им в ответ:

— Вы нам даже по саду запрещаете ходить, а я у вас еще и на ужин думаю остаться.

«Не будь он силач из силачей,— решили дэвы,— он бы так дерзко с нами не разговаривал».

Освежевали они оленей, накромяли в котел и кликнули сына старухи:

— Иди подвесь котел над огнем! — Они решились проверить его силу.

Подошел сын старухи, ухватился руками за котел и подвесил его над огнем.

Сварились олени, подали дэвы ужин.

А сын старухи говорит:

— Я без вина есть не могу, да и царевич к этому не привык.

— Вино у нас есть,— ответили дэвы,— но кувшин закопан очень глубоко, пока мы его откапаем, рассвет наступит.

— Давайте мне лопату,— распорядился сын старухи,— и покажите, где у вас зарыт кувшин.

Пошел, откопал по краям кувшина землю, отбросил ее лопатой, достал кувшин на восемьдесят чаш, сунул под мышку и отнес к дому.

В ту ночь все изрядно выпили, и сын старухи тоже.

На второй день юноши продолжили свой путь. Сын старухи снова пустил стрелу. Пряпула стрела ввысь, перелетела через восемь гор и упала у дверей восьми братьев-дэвов.

Пошли друзья по следу стрелы и подошли к жилищу дэвов. Вошли в сад, отведали фруктов...

Эту ночь они провели у восьми дэвов.

На следующий день стрела перелетела через девять гор и вошла в дверь жилища дэвов. Пошли они по следам стрелы и подошли наконец к жилищу девяти братьев-дэвов.

Вошли в сад, прогулялись. Там под яблоней валялись червивые яблочки. Царевич поднял одно яблочко и стал есть. Сын старухи рассердился на него.

— Не переведись же на свете яблоки, что ты взялся грызть червивое!

Схватил он первую попавшуюся под руку палку и швырнул в яблоню. Обнажились верхние ветви, одна даже подломилась и рухнула вниз, посыпались наливные яблочки и покрыли землю у ног царевича янтарным ковром.

Мать дэвов сидела в ту пору на кровле за прялкой. Завидела она в саду непрощеных гостей и давай орать:

— Кто вы такие, что явились в наш сад? Тут и птица в лебе не пролетит из страха перед моими сыновьями, и муравей по земле не проползет, а вы расселись в тени, наши фрукты пожираете, да к тому же обломали яблоню!

— Нынче ночью мы у вас еще и ужипать будем! — крикнул ей сын старухи.

«Не вел бы он себя так задиристо, коли не чувствовал за собой силы». — подумала мать дэвов и решила сбросить вниз жернов, что был у прялки за колесо. Если, мол, он притащит его сюда, значит, и вправду силен.

Швырнула она вниз жернов и крикнула сыну старухи:

— У меня воп колесо сорвалось, подай-ка мне его.

Схватил нарень жернов и метнул вверх, да так, что все зубы старухе напрочь искрошил. А у нее-то один

клык воизался в преисподнюю, а другої упирался в самое небо.

Вернулись под вечер братья-дэвы, притащили с собой девять оленей и девять сухих лесиг. Увидели они в саду сына старухи и обрадовались — неплохая, мол, для нас пожива.

Направился было один из братьев в дом, да застрял в дверях, не может пролезть: стрела старухиного сына закрыла полпрохода.

Кликнул дэв братьев. Бились они, бились над стрелой, да так и не смогли ее выдернуть. Ну и силач же он, думают про сына старухи, раз мы все скопом не смогли и с места сдвинуть его стрелу. Под конец и они тоже решили: позовем-де его, велим доставить на огонь котел.

Накромсали они в котел мяса и кликнули сына старухи:

— Ты, должно, грузин, иди приготовь нам по-вашему мясо.

— И приготовлю по-вашему, и поедем по-вашему, — ответил сын старухи, взял котел с четырьмя ручками, который с трудом ставили на огонь четыре брата, и одним махом водрузил его на таган.

Во время ужина сын старухи потребовал вина: мой-де господин без вина за стол не садится.

«Если этот слуга такой силач, то каков же будет его господин!» — подумали дэвы и решили: лучше, мол, обласкаем пришельцев, не то они, не ровен час, всех нас перебьют.

— У нас, — говорят, — не тропут еще годовой запас, только очень уж глубоко зарыт кувшин, разве что ты сам его выкопаешь.

Погнал сын старухи дэвов и заставил их отрыть кувшин. Наполнили они бурдюки, притащили домой и сели пить.

Сын старухи обгрыз кость и стукнул ею по лбу одного из братьев.

— Я, — говорит, — приготовил по-грузински и ем по-грузински.

А под конец сын старухи говорит дэвам:

— Я прознал, что очень хороша у вас сестра. Или вы отдадите ее за моего господина, или я всех вас до единого истреблю.

Педостало у дэвов сил противиться, отдали они сестру за царя сына.

На второй день сын старухи погнал всех дэвов на охоту, чтоб оставить паревича и его нареченную наедине.

Когда все ушли, девушка и юноша предались любви и ласкам. Потом молодая жена вручила мужу все ключи, показала ему достояние дэвов и, притомившись, уснула у него на коленях. Когда юноша любовно перебирал ей волосы, под руку ему попался крохотный ключик, который она прятала под косой.

«Вот так так, — подумал юноша, — значит, эта некрепчая не все мне показала!»

Взял он ключик и пошел по комнатам. Прошел восемь комнат, полных золота-серебра, драгоценных камней и жемчугов, и подошел к последней, девятой. Дверь комнаты была заперта снаружи.

«Здесь что-то да есть!» — подумал юноша, отпер дверь, вошел внутрь, и что же он видит: семикратно обвитый цепями, к стене прикован Кремень-дэв.

Кремень-дэв был лютым врагом девяти братьев, он хотел похитить их сестру и надвигался на них черной тучей. А звался он Кремень-дэв потому, что не брали его ни меч, ни стрела, и поймать его было невозможно. И все-таки девять братьев изловили его и заковали.

Едва только коснулся Кремень-дэва солнечный луч, повел он плечищами туда-сюда, потянулся, разорвал цепи, выскочил наружу, схватил женщину и был таков.

Зашлось сердце у юноши, и устал он наземь бездыханный, а как чуть пришел в себя, бросился в комнату женщины. Да где там! Расплакался бедняга в три ручья, да ведь слезами горю не поможешь.

Сын старухи сразил одним выстрелом девять оленей, взвалил их на дэвов, и двинулись они домой.

Увидел он издали заплаканного царевича, и пронзило ему сердце предчувствие: здесь стряслось что-то неладное.

Дэвы, узнав о том, что произошло, разозлились и оскалили на царевича клыки, но сын старухи сказал им:

— Я пойду на поиски Кремень-дэва, а паревич останется у нас. Вернусь через двадцать дней — хорошо, а нет — поступайте с царевичем, как пожелаете: он наш пленник.

Поднялся сын старухи, взял свой неполовинский лук и пустился в путь-дорогу. Шел он, шел и пришел в одно государство. Видит — ходит какой-то священник с церковью на спине. Придет в деревню, поставит церковь, сотворит молитву, вскинет церковь на спину и идет дальше.

— А и силен же ты,— говорит ему с удивлением сын старухи,— что таскаешь целую церковь на спине.

— Силен не я,— ответил священник,— а сын старухи, который отнял сестру у девяти братьев-дэвов и отдал ее в жены своему господину.

— А это ведь я сделал,— говорит ему сын старухи.

Очень обрадовался священник такой встрече и попросил:

— Сочти меня за брата или возьми как слугу.

Взял его сын старухи как брата, и пошли они дальше вместе.

Шли они, шли и подошли к широкой реке. Видят — сидит на берегу человек с помятой головой.

— Чего ты сидишь здесь один и о чем печалишься? — спрашивают.

— Мучает меня жажда, а я никак не могу напиться: один глоток сделаю, а уж на второй ничего не остается.

— Вот это человек! — поразился сын старухи.— Нам через эту реку не перейти, а ему всей ее воды не хватает, чтоб напиться.

— Да что там я,— говорит водохлеб,— вот сын старухи — это я понимаю! У девяти братьев-дэвов отнял сестру и отдал ее в жены своему господину!

— А ведь сын старухи — это я. Переправь нас через реку.

Обрадовался водохлеб и говорит:

— Возьми меня с собой, хочешь, как слугу, хочешь, как брата.

Взял его сын старухи как брата, и пошли они втроем. После долгого пути увидели одного человека. Лежит тот человек, приложив ухо к земле, и чему-то смеется.

Подожел к нему сын старухи и спрашивает:

— Чего ради ты приложил ухо к земле и чему смеешься?

— Да как мне не смеяться? Прилег я отдохнуть, да стал беспокоить меня какой-то шум, будто где-то переполох. Приложил я ухо к земле и только тут разобрался: идет, оказывается, у муравьев война, одному муравью оторвало голень и его перевязывают. Вот потеха-то, попробуй не смейся после этого.

— Вот это да-а! — воскликнул сын старухи.— Мы звука человеческих шагов по земле не различаем, а ты, удивительный человек, даже муравьиную возню услышал.

— Удивительный человек не я, а сын старухи, кото-

рый отнял сестру у девяти дэвов и отдал ее в жены своему господину.

— А этот человек я сам и есть,— говорит ему сын старухи.

И попросил тогда тот, слушавший муравьиною возню:

— Сочти меня за брата или возьми как слугу. Я хочу быть с тобой.

Обрадовался сын старухи — такие-то люди и были ему нужны. Взял его с собой. И пошли они дальше.

Идут, видят — стоит человек, уставился в небо.

— Чего ты там высматриваешь? — спросили его.

— Я, говорит,— пустил в прошлом году в небо стрелу, теперь она уже повернула обратно, вот я и смотрю, сюда ли она упадет, или отнесет ее куда ветром.

— Вот так диво, ну и глазастый же человек! — подивился сын старухи.

А тот говорит:

— Да что во мне за диво! Вот сын старухи и вправду парень всем на диво: отнял сестру у дэвов и отдал ее в жены своему господину.

И ему назвался сын старухи, взял его с собой за брата, и пошли они дальше впятером. Идут и видят: срывает один человек с места гору, тащит ее вверх на другую, а потом скатывает вниз.

— Что это ты делаешь? — спрашивает его сын старухи.

— Да нечем мне больше развлечься,— отвечает.— вот я и срываю с места горы.

Взяли и его за брата и пошли дальше.

Идут, и встретился им в пути еще один человек. Навесил на ноги жернова и гоняет взад-вперед меж редкой поросли, ловит зайцев. Приняли и его в свое братство и пошли дальше.

— А теперь,— сказал сын старухи,— нам надо узнать, где обитает Кремьнь-дэв: на земле, под землей или, может, в небе. Тогда и будем искать его, а то так словяться пользы мало.— А потом говорит востроглазому побратиму:

— А ну приглядишь-ка, не видать ли его на небе?

Поглядел тот, поглядел, все небо глазами обшарил и говорит:

— Нет, в небе его не видать.

После этого стал искать Кремьнь-дэва в преподнеях тот, востроухий. Приложил ухо к земле, послушал, послушал и говорит:

— Пошли, я отведу вас к Кремь-дэву.

Шли они, шли, подошли к высокой горе, и донеслись до них из той горы какие-то страшные звуки.

— Здесь и обитает Кремь-дэв,— сказал востроухий,— но как нам туда пробраться, когда нет ни дверей, ни даже щелей?

— А ну ты, срывающий горы, покажи нам теперь, на что способен! — сказал сын старухи.

Обхватил тот руками гору, сорвал ее с места и откатил в сторону, а священник взвалил ее на спину и отнес подальше.

Открылся перед ними верх крепости, из которого било в небо пламя. Оказалось, что пламя это вырывается из пасти Кремь-дэва, когда он вздыхает.

— Кому же из нас спускаться? — стали спрашивать побратимы.

А сын старухи сказал:

— Обвяжите меня веревкой и спустите, как только пламя стихнет.

Обвязали его веревкой, спустили и тут же услышали крик:

— Горю!

Но его спустили еще глубже, пока он не коснулся ногами тверди.

Минувал он покои дэва и подошел к комнате женщины.

Обрадовалась было приходу спасителя женщина, но тут же спохватилась и говорит в сердцах:

— Чего ты сюда заявился, ведь Кремь-дэв убьет тебя.

— Ну и пусть убивает, коли я не выполню желания моего господина и не вызволю тебя отсюда!

После этих слов женщина поведала сыну старухи, что Кремь-дэв обычно спит по пять дней кряду. Только, мол, в это время и можно с ним что-нибудь сделать. Но умереть он все равно не умрет, потому что душа его находится где-то в другом месте.

На это сын старухи ей сказал:

— Если ты любишь царевича, то узнай, где хоронится душа Кремь-дэва.

Спрятала женщина сына старухи и стала ластиться к Кремь-дэву.

— Уж как я тебя люблю, а ты не хочешь мне сказать, где запрятана твоя душа. Я бы молилась на нее.

«С чего это она меня вдруг так полюбила, ведь до сих

пор и близко к себе не подпускала», — усомнился Кремень-дэв и говорит:

— Душа моя вот в этом черепке от горшка.

Пока Кремень-дэв ходил на охоту, женщина отмыла, отчистила этот черенок, завернула его в пестрый шелковый платок и положила в ковчезец.

Только вернулся дэв с охоты, как женщина говорит ему:

— Ты только глянь, как я берегу твою душу, — и открыла перед ним ковчезец с горшочным черепком.

— Ах ты бедняжка! Душа-то моя не в нем, а в пенке.

На второй день женщина так же поступила и с венком.

После этого Кремень-дэв поверил в искренность женщины и решил ей открыться:

— Моя, — говорит, — душа находится в таком-то и таком-то месте. Перейдешь, мол, за девять гор, и откроешься перед тобою раздольное поле. Там семь косарей косят траву на корм оленю. А олепь тот до полудня бывает на черной горе, а к полудню спускается вниз, в долину, и, если увидит он, что недостаточно накошено травы, всех заточит. Того олепя не сразишь ни стрелой, ни мечом, если не прокалешь их в моей моче. А если и убьешь, то выскочит из него косуля и убежит. Внутри косули сидит заяц, а в животе у зайца — ларец, а в том ларце — три птенца. В одном из них — моя душа, в другом — сила, в третьем — разум. Если всех их убить, только тогда я и умру.

Женщина рассказала обо всем этом сыну старухи. Нашли они какую-то черепашку и поставили в том месте, куда дэв ходил мочиться.

Закалил сын старухи стрелы и бросился на поиски оленя.

Миновали они одну гору, миновали вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, шезде не видно оленя. Оставили за собой седьмую и восьмую, поднялись на девятую, глянули сверху — раскинулось внизу поле без конца и края, что вширь, что вдоль. Только далеко-далеко виднеются семь черных точек. Сообразил сын старухи, что это косари, спустился с горы и запагал в их сторону.

Подшли к косарям. Те уже скосили огромную делянку и сгребли сено в стога.

— На что вам такая уйма сена? — спросил их сын старухи.

А косари и говорят:

— Вон с той горы следит за нами олень. В полдень он сойдет вниз, и если укос ему покажется мал, он всех нас перебьет своими копытами.

— А ну приготовься! — повелел сын старухи тому, кто навесил на поги жернова, — а мы засядем за стогами тут поблизости.

К полудню примчался сверху олень, огляделся по сторонам, сунулся мордой к стогу и в один присест весь его проглотил, потом подвинул голову и устоялся в одну точку, переводя дух.

Тут и пустил в него сын старухи стрелу.

Олень припал на колени, рухнул наземь и испустил дух.

Только рассек сын старухи тупую оленья, как из нее и впрямь выскочила косуля и впустилась науток по полю. Но жерновоногий живо ее пагнал.

Не успели вспороть косуле брюхо, как из него выскочил заяц. Ну, косому-то было от жерновоногого не уйти. Поймал он зайца, взрезали его, вытащили ларец, открыли, а в нем, глядь, сидят три неоперившихся птенца.

А Кремь-дэв был в это время на охоте. Почуяло его сердце, что с оленем стряслась беда, и ринулся он в бешенстве домой, чтоб расправиться с женщиной.

Только подошел он к краю щели и отвалил гору, чтоб войти, как сын старухи оторвал голову у птенца силы.

Охватила дэва слабость, и привалился он к горе.

Подходит тут к нему сын старухи и говорит:

— Скажи, что там у тебя в доме, не похитил ли ты еще кого-нибудь?

— Жить все-таки лучше, чем помирать, — ответил дэв и протянул парню ключи:

— Вот этим ключом отопри комнату, в которой заточены шесть женщин. Выпусти их. Вот этим отопрешь комнату, где найдешь семь скакунов. Выведите их на волю, и да послужат они вам впрок.

Оторвал сын старухи голову у птенца разума, и помутилось в голове у Кремь-дэва, ничего он не может понять, все ему как в тумане.

Открыли побратимы двери первой комнаты и нашли там не виданных под солнцем красавиц; открыли вторую комнату, а там стоят на привязи борзые кони.

Раздал сын старухи побратимам не виданных под солнцем красавиц, наделил их конями, взял с собой жепу дровича, и двинулись они в обратный путь. Только перед

самым уходом оторвал он голову у птенца души. И дав так и застыл навсегда столбом.

Истек срок возвращения сына старухи, подошла к концу и их дорога.

Дэвы не могли дожждаться пастушества ночи, чтоб растерзать царевича в ключья.

А царевич, бедняк, не спускал глаз с дороги — не покажется ли на ней сын старухи.

И наконец появились побратимы. Впереди ехал сын старухи, а за ним следом — шестеро остальных, и с каждым сидела женщина.

Вручили царевичу и его не выданную под солнцем красавицу.

Устроили дэвы свадебный пир, почали кюври, который вмещал сто кувшинов.

После свадьбы поехали все к царю и там тоже на славу попиrowали. И зажили молодые счастливо.

А скоро царевич и сам стал царем. Сделал он сына старухи своим первым визирем, а других побратимов поставил начальниками над разными делами.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.
Пришлось ехать в гору мне,
Арба трещала и скрипела,
Здесь вас жизнь насытит сладко,
На том свете — благодать.
Голосист был дрозд пригожий,
Освей вас милость божья.

33. Волшебная птица

Жил один бедный человек. Ходил он в лес, собирал хворост, добывал пропитание семье. Однажды нашел он птичье гнездо и увидел там одно яичко. Достал его и взял с собой. Встретился ему по дороге купец и говорит:

— Продай мне это яйцо. Сколько за него просишь?

А бедняк в шутку отвечает:

— Прошу за него сотню туманов.

Купец, ни слова не говоря, заплатил сто туманов. Купил бедняк для своей семьи еду и одежду, а на следующий день снова отправился в лес. Смотрит — а та птица снова снесла яичко. Забрал его бедняк и снова по дороге купца встречает.

— Вчера я тебе даром яйцо отдал, — говорит, — но сегодня меньше чем за двести туманов не отдам.

Заплатил купец двести туманов.

На третье утро бедняк опять пошел в лес. Говорит ему купец:

— Если можешь, излови птицу, которая эти яйца кладет.

Схватил бедняк птицу, поймал ее и яичко забрал. А купец и говорит:

— Ты должен мне ее продать.

Заплатил триста туманов за яйцо, шестьсот — за птицу, потом отдал ее бедняку с наказом:

— Пусть твоя жена приготовит, а мы вместе съедим.

Сварила жена бедняка птицу и стала купца ждать.

А сыновья просят:

— Матушка, голодны мы. Дай нам поесть.

Не удержались дети, один съел желудочек, а другой — яичко. Когда пришли бедняк с купцом и увидели, что пет желудочка и яичка, пакинулись на женщину:

— Куда ты их дела?

— Не ела я их.

Дело обернулось так, что решили они женщину разрезать, чтоб вытащить желудочек и яичко.

А дети тем временем убежали.

— Что вы ко мне пристали, — говорит женщина, — дети съели то, что вы ищете.

Погнался купец за детьми, но поймать их не смог. А мальчики бежали-бежали и попали в другое царство. Дошли до перекрестка, где написано: «Туда пойдешь — не вернешься, сюда пойдешь — возвратишься». Младший выбрал первую дорогу, договорились между собой так: «Если туго нам придется, вода, которую будем пить, станет алой».

А старший сын пошел по другой дороге. Шел младший, шел и попал в опустевшую и разоренную страну. Там стоял единственный дом, возле которого в саду протекал родник. Напился юноша воды и уснул. Выглянула из дома служанка и говорит своей госпоже:

— В нашем саду спит юноша, прекраснее которого я никогда не встречала. Надо бы узнать, что привело его сюда.

— Эй, юноша! — крикнула она.

— Ой! — вскрикнул юноша. Он подумал, что это купец его настиг, но увидел служанку.

— Тебя наша госпожа зовет.

Последовал за ней младший брат и рассказал обо всем, что с ним приключилось. Госпожа и говорит ему:

— Оставайся здесь. Лучшего места тебе все равно не найти. Живи и владей всем.

Живет юноша, поживает и через некоторое время говорит жене:

— Пойду-ка я на охоту.

А она в ответ:

— Только вон за ту гору не ходи, родители мои тоже там охотились, да назад не вернулись. И все жители нашего царства ходили туда и исчезали. Поэтому не ходи туда.

Отправился юноша на охоту. Не встретил никакой дичи и перешел за ту гору. Наступил вечер. Убил он оленя, освежевал его, панижал мясо на прут и стал поджаривать на огне. Моет он руки перед ужином и слышит вдруг:

— А гостя тебе, парень, не нужно?

— Отчего же не нужно! Добро пожаловать!

— Так я тебе довериться не могу, дам тебе три волоска: один на себя положи, другой — на свое оружие, третий — на своих собак.

Сказано — сделано. Сели ужинать. Юноша один кусок успевает съесть, а гость — половину олея.

Тогда юноша и говорит:

— погоди, добрый человек, почему ты так спешишь?

— А потому спешу, что тебя самого сейчас проглочу!

Проглотил он юношу, его коня и собак.

А теперь вернемся к старшему брату. Поглядел он на воду, и показалась она ему кровью.

— О горе мне! Туго моему брату приходится! — И старший поспешил по следам младшего. Пришел в тот же сад. Выглянула из дома служанка и говорит:

— Госпожа, твой муж вернулся и спит у родника.

— Разбуди, — велела госпожа.

Вскочил старший брат.

— Ой! — вскрикнул, но смотрит — перед ним женщины.

— Чего ты тут лежишь? Входи в дом.

«Наверное, мой брат в доме мертвый лежит», — думает старший брат, но молчит.

В ту ночь отказался он с женщиной лечь в постель.

— Будем спать врозь, я обет такой дал.

— Ты никак рассудка лишился! — удивилась она.

— Дай мне ружье, утром я на охоту пойду.

— Так я же тебе вчера дала.

— Я потерял, дай другое и заодно покажи, в какую сторону я вчера ходил.

Дала она ему ружье и показала, куда идти. Ночью она все-таки легла с юношей. Тогда он положил кинжал между собой и женой брата, но она и тут не успокоилась, порезала мизинец. Юноша завязал ей палец своим платком. Утром пошел он на охоту. По дороге то и дело встречает только что убитую дичь. Перешел за ту гору, а тут и вечер наступил. Убил и он оленя, привял мясо жарить. Как стал руки мыть, слышит голос:

— Эй, парень, а гости не позовешь?

А юноша думает про себя: «Наверно, здесь мой убитый брат».

— Пожалуй, — говорит гостю.

— Так я тебе довериться не могу. Дам тебе три полоска: одну на себя положишь, другой — на своего коня, третий — на собак.

— Давай, чего уж проще! — ответил юноша, да и бросил волоски в огонь.

Подошел гость, глотает все, не мешкает.

— погоди, оставь и мне что-нибудь, — говорит юноша.

— Сейчас я и тебя съем.

— Попробуй, — ответил юноша и приказал собакам:

— Поскорее разорвите этого человека, да так, чтобы полоска от него не осталось.

Как растянули его собаки, словно гармошку, сказал тот человек:

— Все равно я умираю, а грехов у меня очень много, тяготят они мою душу.

Он показал на огонек вдалеке:

— Там мой дом, в одной из комнат валяются кости всех, кого я убил. И там найдешь платок бессмертия, смочишь его в роднике, оботрешь кости — все и оживут.

Разорвали его собаки на куски.

Пошел юноша на огонек и к рассвету добрался туда, куда шел. Увидел он дом и комнату, набитую костями. Целую неделю носил кости на большую площадь — все перетачил. Нашел и платок, намочил в роднике и оживил очень многих людей, лошадей и собак. Воскрес и младший брат, протирая глаза.

Обнялись братья, разделили царство и жили долго.

Так оно и было. Из сказки слова не выкинешь, как в старину говорили.

34. Сказ о двух тарнэлах — Христагане и Белтагане

Жил на свете царь. Имел он дочь, краше которой не было во всем поднебесье.

Однажды почью на царя напали и похитили у него юную красавицу. Царь разослал погоню во все концы, но похитителей и след простыл.

В то время в лесной чаще жил дикий человек, давний богу зарок, что никогда не выйдет из лесу и не будет встречаться с людьми. Облюбовал он себе участок земли и охранял деревья от живших по соседству коварных дэвов. Человек этот обладал такой исполпской силой, что даже дэвы его боялись.

Как-то раз лесной человек обходил свой участок, проверяя, не причинили ли какого вреда злые соседи. Шел он по берегу реки, не останавливаясь до тех пор, пока не заметил, что вода в реке стала алого цвета. Удивился он и подумал: «В чем дело? До сих пор эта вода всегда была прозрачной, пойду-ка взгляну, чем она окрасилась!»

Пошел он дальше вдоль берега, а тут и ночь его застигла. Вдруг в темноте он увидел, что два дэва избивают друг друга. Оказывается, это их кровью и окрашивались струи реки. Глянул он на противоположный берег и видит — сверкает там что-то, похожее на солнце! Подошел лесной человек к дерущимся, выхватил кинжал, взмахнул им, убил дэвов и сбросил их в пенящийся поток. И тут же он услышал голос солнцеликой красавицы, что сияла на том берегу:

— Скажи мне, не христианин ли ты?

— Не бойся меня, я христианин, но ты-то кто такая? — отвечал ей лесной человек.

— Я дочь здешнего царя. Меня похитил один из тех дэвов, кого ты сейчас прикончил. По дороге нам повстречался другой дэв и решил отбить меня у первого. В это время ты и подоспел. Благодарю тебя за то, что спас меня от них.

Открылся лесной человек девушке:

— Я дал зарок богу, что никогда не покину эти места. Поэтому я сейчас выведу тебя на опушку леса, а там, надеюсь, ты и сама найдешь дорогу домой.

Но молодая женщина ответила, что хочет остаться с ним навсегда. И лесной человек взял ее с собой, и зажили они на его участке вдвоем.

Прошло полгода, и женщина понесла. Когда же подо-

шел ей срок рожать, муж настоял, чтобы она отправилась в отцовский дворец, проводил ее до дверей и дал ей золотой перстень.

— У тебя родится сын, — сказал он на прощание, — назови его Христаганом и надень ому перстень на безымянный палец правой руки. Да смотри, чтобы он никогда его не снимал. — Произнеся эти слова, лесной человек оставил жепципу и вернулся в лес.

Когда жепципа вошла в отцовский дворец, родители безмерно обрадовались: они уже потеряли всякую надежду на встречу с любимой дочерью.

На другой же день было устроено пышное празднество, пригласили множество гостей. К полудню у молодой женщины разболелся живот, ее уложили в постель, и в скором времени она родила сына.

Молодая мать изъявила желание назвать младенца Христаганом, не скрыв, что то была воля его отца. Никто не стал ей возражать. А на безымянный палец правой руки ребенка торжественно надели золотой перстень.

Прошло три месяца. Ребенок рос очень сильным. Царь радовался и убеждал себя в том, что отец такого силача наверняка должен быть героем-тариэлом.

Что долго тянуть, мальчик быстро рос и наконец стал играть со своими сверстниками в поле.

Однажды он попросил своего деда-царя:

— Дедушка, вели изготовить мне стопудовый лук!

— Будь по-твоему, — ответил царь, хотя в душе не одобрил прихоти внука.

Послал он к кузнецу человека, кузнец выковал тяжелый лук, но посланники царя не смогли его притащить. Тогда царь выслал за ним арбу, запряженную буйволами, и лук с огромными усилиями был доставлен во дворец.

Увидев его, мальчик весело сбежал во двор, взялся за лук одной рукой и легко поднял его! Натянул Христаган тетиву, запустил ввысь стрелу, исчезла она с глаз и лишь спустя долгое время врезалась в землю. Шестьдесят человек еле вытащили ее оттуда. Сам же Христаган ловко подхватил стрелу одной рукой. Поглядели на это диво окружающие и молвили:

— Быть ему повелителем самих тариэлов!

Стал Христаган увлекаться охотой. Не проходило и дня, чтобы он не вернулся домой со множеством всевозможной дичи.

Прошло время, Христаган совсем уже вырос и наводил

на жителей страх своей могучей силой: никто никогда не встречал среди подростков такого богатыря.

Однажды Христаган, по своему обыкновению, отправился на охоту. Но не вышла ему удача в тот день, с пустыми руками возвращался он домой. Но дороге ему встретилась женщина, несшая на плече кувшин с водой. Чтобы хоть как-нибудь поразвлечься, юноша решил пробить стрелой кувшин. Сказано — сделано! Кувшин лопнул и обдал водой женщину. Та посмотрела на Христагана и сказала с болью в голосе:

— Неужто ты не нашел более подходящего развлечения, чем пробивать чужие кувшины?! Нацелил перстень на палец и радуешься! У прежних-то таряэлов на уме не кольца были!

Ничего не ответил ей Христаган, но перстень с пальца стянул и спрятал в карман.

Пришел домой злой-презлой и в сердцах заснул. А наутро позавтракал и позвал к себе мать.

— Мама, — обратился к ней Христаган. — Хочу спросить тебя кое о чем. Скажи мне правду: кто мой отец и где он?

Взволновалась мать, но делать нечего, поведала сыну всю правду:

— Отец твой — лесной человек и никуда из лесу не отлучается. Он дал богу зарок, что никогда не покажется людям на глаза.

— А где он обитает? — не отставал Христаган от матери.

— В таком-то и таком месте, — ответила мать и объяснила сыну, в какой стороне следует ему искать отца.

Христаган снял со своего скакуна сковывающие его цепи, оседлал его, перекинул через плечо лук и объявил домочадцам, что идет на поиски своего отца.

Хлестнул он изо всей силы коня, взлетел в небеса и перемахнул через поля прямо к тому месту, где жил его отец. Христаган переворошил весь лес, но нигде отца не нашел.

А тот, оказывается, пошел разделаться с дэвами, которые выкорчевали кое-где деревья. Возвращаясь домой, лесной человек увидел у своего жилища коля и поодаль юношу.

— Эй ты! Кто тебе дал право разгуливать в моем лесу? — крикнул он.

— Стану я отвечать всякому! Если ты такой уж герой, давай-ка сразимся! — отозвался Христаган.

— Бросать мне вызов может лишь один из всех тарпалов — Христаган-тариэл, — рассердился лесной человек.

Но Христаган не считал даже нужным назвать свое имя, а тут же пустил стрелу в хозяина леса. Тот перехватил рукой стрелу, глянул на правую руку противника и убедился, что на ней нет его перстня. Решив, что это не его сын, лесной человек, не долго думая, выстрелил из лука и убил Христагана на месте. Затем он осмотрел убитого, но ни на одной руке так и не нашел кольца. С минуту поразмыслив, он решил обшарить карманы незваного гостя, вытащил из одного кису и тут только обнаружил свой талисман. Взревел с горя лесной человек и стал биться головой о деревья. Словно раненый зверь, стонал он и метался, так что дэвы, услышав его рев, испугались и сбежали из тех мест подалее от греха.

И до того душераздирающим был вопль лесного человека, что бог на небесах не выдержал и послал на землю голубя с наказом разузнать, отчего страдает этот бедолага внизу.

Слетел голубь на землю и увидел, как горемыка бьется головой о деревья, сшибая их своими мощными ударами, и лес валится наповал. И еще заметил голубь, как человек этот оберегает лежащего на земле покойника, не давая и мухе сесть на него.

Взвился голубь в небо, явился к господу богу и поведал ему обо всем, что увидел на земле. Сжалился над несчастным бог и послал с голубем волшебный платок.

— Снеси-ка, голубь, в своем клюве этот платок на землю, дождись, когда тот горемыка будет у дальнего дерева, и набрось платок на лицо умершего.

Голубь в точности исполнил наказ бога. И когда лесной человек с ревом и болью мотнулся от дерева, глазам его предстал живой юноша. Бросился он к нему, стал его обнимать и целовать, а под конец спросил:

— Как тебя звать, сын мой?

— Христаган, — ответил юноша.

И открылся отец сыну, рассказал всю свою историю. Поговорили они, признался сын и в том, что шел на его поиски.

Долгое время пробыл сын у отца. Наконец лесной человек сказал ему:

— Сын мой, ты должен вернуться домой и сделаться другом тариэла Белтагана, сына славного тарпала Рувн.

Простились они, и Христаган пустился в обратный путь.

Идет он и думает, как бы ему отыскать теперь Белтаган-тариэла. Хлестнул он копя и перенесся к берегу далекого моря. Шел он сутки, другие и очутился у одного перекрестка. В конце одной из дорог Христаган увидал нечто, похожее на птицу. Потом он понял, что это должен быть человек, рванул копя и поравнялся с тем видением. От летящих друг к другу всадников поднялся такой вихрь, что им трудно было двигаться вперед.

Христаган сердцем почувствовал, что летящий на скакуне есть не кто иной, как тариэл Белтаган. Догадался и Белтаган, что это и есть его брат, тариэл Христаган. Поначалу они проскочили мимо, не сказав и слова приветствия.

Первым повернул копя Христаган, воскликнув:

— Приветствую тебя, брат мой Белтаган, сын славных тариэлов!

Обернулся на оклик Белтаган и ответил ему:

— Доброго тебе здравия, брат мой Христаган, сын храбрых тариэлов!

Соскочили они с коней, пожали друг другу руки, обнялись, расцеловались. Потом уселись в тени ветвистого дерева и завели беседу.

— В одном месте,— начал Белтаган,— поселились злые дэвы, возвели вокруг своего жилья высокую крепостную стену и повесили железные ворота. А спаружи их владения окаймляет глубокий ров, до краев полный такой горячей воды, что она ошаривает каждого, кто коснется ее. Есть у дэвов красавица-сестра, с которой не сравнятся ни луна, ни солнце. Но из-за этой обжигающей воды к ней невозможно подступиться. И если даже миповать воду, то уж крепостную стену никак не прошибить, так как ворота сделаны из тысяченудового железа.

— Брат Белтаган, какие же мы с тобой тариэлы, если не попытаемся добиться того, чего хотим?! — запальчиво вскричал Христаган.

Вскочили тариэлы на своих коней, стегнули их разок и очутились у владений дэвов, как раз в том месте, где их омывали горячие воды.

Белтаган сказал Христагану:

— Вот та самая вода. Как же нам переправиться через этот кипяток?!

— Слушай меня внимательно, брат Белтаган,— ответил ему Христаган,— как только я крикну «Гей!», ты огрей своего копя что есть силы.

Стегнул Белтаган копя, а Христаган схватил его за

хвост и перекинул через ров на противоположный берег. Затем и сам перемахнул туда же. К тому времени солнце ушло, все погрузилось во мрак, и нашим отчаянным тариялам пришлось заочевать у крепостной стены.

Наутро, когда солнечный луч озарил всю окрестность, они встали, и спросил Белтаган Христагана:

— Брат мой, как же нам быть теперь?

— Пошли, мой Белтаган, к железным воротам, — ответил Христаган.

Подойдя к воротам, Христаган ухватился за них руками и сорвал обе половины с петель.

Пока они подходили к середине двора, дэвы еще крепко спали, по тут их разбудил какой-то шум, они быстро вскочили и выбежали навстречу врагу.

Рванулся вперед Христаган, выхватил острый меч и стал рубить дэвов. До самой ночи отважно сражались тариялы с исполинами, истребили всех до одного и вошли в дом. И тут глазам их предстала девушка, поразившая обоих своей красотой. Испугалась красавица незнакомцев.

— Не бойся нас, красавица, — успокоили ее славные тариялы и сразу улеглись спать.

На другой день, поднявшись, они позавтракали и пошли осматривать владения дэвов. Но ничего не мило тариялу Белтагану: полюбилась ему молодая красавица и думает, что брат его тоже, может быть, втайне мечтает о ней. Не таков был Белтаган, чтобы мешать счастью своего друга и брата.

В полдень вернулись тариялы в дом к девушке, соли троим, и сказал Христаган:

— Брат мой, тариял Белтаган, пусть эта женщина будет тебе женой, а мне — невесткой!

Обрадовался Белтаган, женщине же стало немного обидно, ибо Христаган был красивее своего брата.

Прожили они вместе два месяца, а потом Христаган обратился к Белтагану:

— Теперь я вас покину, а вы будьте молодцами и живите счастливо.

Вывели Христагану коня, а жена Белтагана поднесла ему хурджин с вещами и сказала:

— В этом хурджиле лежит облачение трех видов: золотое, серебряное и медное. Беря его, может пригодится тебе.

Принял Христаган хурджин и приладил его к конскому крупу. Потом достал свой кипжак и отдал его Белтагану:

— Помни, брат Белтаган, если лезвие кипжала окра-
сится в алый цвет, значит, я попал в беду,— сказал он.

Простились они друг с другом, и пошел Христаган своей дорогой. Вот он стегнул коня и очутился у берега неизвестного моря. Идет по берегу, и встречается ему одна старуха. Спрашивает у нее Христаган:

— Скажи мне, мать, что это за страна?

— Это страна черного царя,— отвечает ему старуха.

— А что там, за морем? — продолжает выспрашивать Христаган.

— А за морем страна белого царя, у которого три до-
чери — одна другой краше,— говорит старуха.

Услыхав это, Христаган попрощался с женщиной и пошел в страну белого царя. Пройдя немного, он спешил-
ся, достал из хурджина медное одеяние, облачился в него,
затем вповь оседлал коня и бросился в морскую пену.
Хлестнул он скакуна и перемахнул на другой берег.

До самой ночи шел Христаган по пустынной дороге.
К вечеру соскочил он на землю, спрятал хурджин в кон-
ском ухе и отпустил коня на волю, наказав, чтобы тот
явился по первому его зову. Сам же направился к цар-
скому дворцу.

По дороге Христаган встретил оборванного свинопаса
и обменялся с ним одеждой. Облачился свинопас в мед-
ное одеяние и поскорее скрылся из виду. А Христаган
продолжил свой путь в нищенском облачении.

Подошел Христаган к царскому дворцу и вошел в от-
крытые ворота. Увидали слуги убогого человека и решили
взять его в работники. Один сказал:

— Возьму-ка я его к себе стойло подметать.

— Нет уж, он мне пригодится дворником,— перебил
его другой.

А кучер сказал:

— Вы себе говорите, а я его возьму к себе конюхом,—
и забрал Христагана с собой.

У Христагана были выющиеся волосы, за что царские
слуги прозвали его Кочорой¹.

Остался Кочора смотреть за лошадьми царя. А смотрел
он за ними так, что лучше и пожелать было нельзя.

Однажды царь поехал в своей коляске на прогулку.
Присмотрелся он к лошадям и спрашивает кучера:

— Кто моих лошадей чистит?

— Есть тут у нас один убогий, мы его Кочорой зовем,
пот он и следит за лошадьми в конюшне,— доложил ца-
рю кучер.

Вернулся царь домой под вечер, увидел Кочору, поправился тот царю, и взял он Кочору на свою кухню.

— Обучить его поварскому делу! — приказал он главному повару.

Пробыл Кочора на царской кухне с месяц и обучился готовить всевозможные блюда. Как-то главный повар отлучился из дворца по делам, и Кочора сам принялся за струю. Сели обедать. Царь отведал отменно яства и остался ими доволен. Позвал он к себе Кочору и приказал:

— С этого дня ты будешь моим главным садовником: сам будешь следить за работой своих подчиненных и сохранять красоту моего сада.

Поблагодарил Кочора царя и на следующий день приступил к обязанностям главного садовника дворца. И такой порядок павел, что через полгода царский сад превратился в райский уголок.

Как-то раз садовые работники в поте лица пытались сдвинуть с места огромную бочку с водой для полвки, но так ни с чем и разошлись. Выждав, когда работники скрылись из виду, Кочора одной рукой переставил бочку на пужное место.

Однако случилось так, что с верхнего этажа на все это смотрела младшая царевна. Спустя некоторое время все три царевны спустились в сад и, гуляя, прошли мимо спящего под деревом Кочоры. Вгляделась в него младшая сестра, и сердце подсказало ей, что этот силач к тому же непростого происхождения. С этого дня запал ей в душу красавец-юноша.

Настала для сестер пора замужества. Царь разослал гонцов по всему свету, пригласил лучших женихов и велел дочерям выходить по очереди к гостям. Своему избраннику девушка должна была поднести красное яблоко.

Наступил праздничный день. Собрались почтенные гости, началось царское угощение. В самый разгар застолья старшая царевна вышла к нирующим. Стали женихи прихорашиваться да внимание к себе привлекать: кто крутил свой ус, кто приглаживал кудри, а кто нарочито громко кашлял. Царевна прошла через весь зал и вручила яблоко одному счастливцу — царевичу соседнего государства. Гости воздали им славу, и молодых повели на верхний этаж.

Затем к столу вышла средняя царевна. Опять засуетились юноши, замахали дорогими платками, но девушка прошла мимо всех и лишь под конец ошастливила своим

вниманием царевича другой соседней страны, подав тому алое яблоко. Гости проводили молодую пару на верхний этаж возгласами «Слава! Слава!».

Наконец вывели и младшую царевну. Засмутились женщины, не знают, кому из них достанется яблоко. А девушка не останавливаясь так и прошла, не удостоив своим вниманием ни одного.

Спрашивает ее удивленный царь:

— В чем дело, дочь моя, неужто среди стольких молодых ни один тебе не пришелся по душе?

— Но, отец, к столу приглашены не все,— ответила царевна.

Царь приказал посадить за стол всех, кто там был. Сел все, кроме слуг.

Царевна снова обошла сидящих, но яблока так никому и не вручила.

Диву дается царь.

— Опять кого-то не хватает? — спрашивает он у дочери.

— Да, отец, кое-кого здесь все еще нет,— отвечает девица.

— Привести всех, кто только может называться мужчиной! — отдал царь приказ.

Теперь посадили весь царский двор. Девушка пошла по кругу в третий раз, дошла до Кочеры и, к удивлению окружающих, вручила тому алое яблоко. Наступило гробовое молчание. Никто не славил молодых. Все будто онемело и лишь в душе думали: «Боже милосердный, погубила себя, несчастная!»

Рассердился царь и предоставил новобрачным вместо жилья бывшее стойло.

— Большого ты недостойна. Всегда была не от мира сего, а теперь и вовсе умерла для меня! — в гневе сказал он.

Кочора с женой вошли в бывшее стойло. Слуга принес им на гоби остатки ужина. Уселись муж с женой возле очага, заплакала женщина, загрустила. А наверху все веселятся старшие зятья со своими высокородными супругами...

Прошло время. Тяжелый недуг поразил царя. Лучшие врачи не смогли поднять его на ноги. Наконец визири созвали совет, посоветались, и один сказал:

— Мне известно, что на такой-то горе живет дикий кабан. Вот если бы кто-нибудь принес царю его внутренности, то он бы наверняка вылечился от своей болезни.

— Кому же, как не его зятям, положено достать это лекарство! — порешили визири.

Объявили об этом царским зятям, те сварядились в путь и отбыли за лекарством для дорогого тестя.

Услыхал об этом наш Кочора, подослал к царице человека с просьбой дать ковы и ому.

— Я,— говорит,— тожо хочу попытать счастья.

А царица и говорит:

— Дайте ому старую клячу, может, пронадет он с ней где-нибудь.

Выдали Кочоре паршивую клячу, оседлали ее дрянным седлишком, уселся на нее Кочора и пустился в путь-дорожку. Дворовые ребяташки проводили его улюлюканьем:

— Глядите, мчится ретивый копь Кочоры!

Плетется по пыльной дороге кляча с седоком. Как только добрались они до того места, где Кочора оставил своего коня, кликнул хозяин, и копь мигом очутился возле него. Вытащил Кочора из уха коня серебряное одеяние, облачился в него, клячу оставил в поле, сам оседлал своего скакуна, ударил плетью и перелетел на ту гору, где обитал дикий кабан. Затем он спешился, расседлал коня и прилег в тени отдохнуть.

Прошло немного времени, и показались царские зятья. Осмотрелись и видят: гуляет красивый копь, а под деревом слит человек. Пригляделись они к нему и решили, что это сам святой Георгий³. Спрыгнули с лошадей, преклонили колена и стали молиться.

Спрашивает у них Кочора:

— Чего вы хотите, какая нужда привела вас ко мне?

Зятья поведали ему о своем деле. А Кочора и говорит:

— Вон там ваш кабан. Либо сами убейте его, либо ведите ко мне.

Отправились те к указанному месту, но ни убить, ни притащить кабана не смогли. Встал тогда Кочора, зарезал кабана, но потрошить его велел зятям. Разрезали зятья кабанье брюхо и с превеликим трудом вытащили оттуда внутренности. Когда с этим было покончено, Кочора обратился к старшему зятю:

— Дай-ка мне мизинец твоей правой руки!

Подал тот ему мизинец, а Кочора спокойно отодрал у него ноготь.

— Теперь можете отправляться,— приказал он обоим.

Зятья возблагодарили святого человека и пустились в обратный путь. Прибыли они во дворец слегка скопфуженные, по виду не подали и объявили встретившим их теще

и женам, что с трудом раздобыли лекарство для царя. Обрадовались домочадцы, сварили кабанья печень и сердце и дали вареву больному царю. Царь отведал его и выздоровел. А народу возвестили, что, дескать, царские зятья истинные тарилы!

Кочора же сел на коня, хлестнул его плеткой и перемахнул на то место, где дожидалась его паршивая кляча. Сбросил он с себя серебряное платье, спрятал его в конском ухе, переоделся в лохмотья и оставил коня пасть в чистом поле. Затем и он отправился домой. Когда Кочора приблизился ко дворцу, ребятишки встретили его гиканьем:

— Мчится галопом наш Кочора, царю лекарство несет!

Выглянула из своего жилища жена Кочоры, и стало ей больно за мужа: ковыляет бедняга на своей кляче, а зятья хохочут над ним!

Прошел еще месяц, и царь снова запемог, стал терять зрение. Опять созвали совет, посоветались визири и заключили, что вылечить больного может лишь молоко оленя, живущего на одной из гор.

— Но кто же его достанет? — спросил один визирь.

— Да все те же зятья-тарилы! — решили остальные визири.

Делать печего, согласились зятья, снарядились в путь, оседлали лучших коней и отправились за чудотворным молоком.

Прослышал об этом Кочора и попросил царицу отпустить за тем молоком и его.

— Выдайте ему клячу похуже и какое-нибудь седло, — приказала царица.

Дали Кочоре худущую клячу, уселся он в дрянное седлишко и отбыл за лекарством для царя. И опять вдогонку ему загалдели, засвистели ребятишки.

Вот Кочора достиг того места, где прятал своего коня. Слез он с клячи, седло в дупло засунул, а сам кликнул коня. Тут же явился на зов хозяина верный конь. Достал Кочора из его уха золотое платье и седло, переоделся, оседлал коня, взметнулся высоко в небо и очутился на той горе, где жил олень. Спешился, прилег отдохнуть под деревом, а коня отпустил погулять.

Прошло некоторое время, и вот появились герои-зятья. Глянули они на спящего и говорят:

— Никак, это сам боженька! Не поможет ли он в нашем деле?!

Подошли они поближе, преклопили колена и стали горячо молиться. А Кочора им:

— Что вам от меня надобно?

Рассказали ему зятя о своей нужде. Встал тогда Кочора, пошел на гору, поймал оленя, надоил кувшин молока, отдал его зятям, а среднему велел подойти поближе, взял его за ухо и оторвал его.

— Теперь можете возвращаться домой, — напутствовал он их на прощание.

Отправились зятя, пришли во дворец, смазали молоком царские очи, и вылезли царь от своего недуга.

А Кочора оседлал ретивого коня и перелетел туда, где паслась его худая кляча. Сбросил Кочора золотое одеяние, спрятал его в конском ухе, уселся на клячу и заковылял к царскому дворцу. Дворовые ребятишки всей ватагой освистали вернувшегося домой Кочору. Огорчилась бедная жена за мужа, но помочь ничем не могла. Вошел несчастный в свою хижину, паелся холодной гоми и улегся в постель.

После того прошло много времени, и вот однажды соседний царь объявил их царству войну. Принял наш царь вызов.

Когда подошло ратное время, царь со своим войском и обоими зятями отправился на поле брани. Подошли они к назначенному месту и встретились с противником.

А Кочора послал к царю человека с просьбой выдать коня и ему.

— Дайте-ка ему клячу, может, свихнет себе шею, непутевый, — велела царица.

Пустился Кочора к своему верному коню, переоделся в серебряное платье, вскочил на коня, стегнул его и замыл к небесам. Опустился он прямо на поле боя. Всполошились оба войска, а зятя сразу признали в нем своего знаменитого чудотворца, но ничего не сказали.

Вот выхватил наш Кочора меч и ринулся разить врагов, разогнал всех, принес победу своему царю и умчался обратно, к своей кляче. Принял он свой обычный вид и отправился во дворец.

А победоносный царь и его зятя вернулись домой счастливые. Царь рассказал всем, как за него вступился сам господь бог, и послал ему в помощники ангела.

Прошло еще время, и побежденный царь снова прислал вызов.

— Хочу, — говорит, — драться!

— Быть по-твоему, — ответил ему наш царь.

Встретились оба войска, а Кочора в золотом одеянии тут как тут, разит всех наповал своим мечом, никого в живых не оставляет. Решил враг, что бог его не милует, и ушел тот царь с остатками уцелевшего войска. А победивший царь стал перед Кочорой на колени, как перед богом. Хотел царь Кочору вложить свой меч в ножны, да поранил себе палец. Царь же снял с себя шелковый шарф и перевязал ему рану.

Хлестнул Кочора коня и перемахнул прямо в царский дворец. А конь принялся так гарцевать, что оставил на земле глубокие вмятины от копыт.

Дворцовые обитатели насмерть переполошились и спрятались по углам дворца. Кочора с конем метнулся к своему жилищу, вошел в дом, а коня в углу поставил. Не узнала жена собственного мужа, испугалась чужого человека. Кочора же смеется:

— Не бойся, женушка, это же я, твой Кочора!

Обрадовалась женщина, бросилась его обнимать, то смеется, то плачет от радости. Вот улеглись они, и Кочора положил свою кудрявую голову на колени жене. Та взяла чонгури и стала петь.

Удивилась царица:

— Кто этот человек и как он осмелился войти в жилище моей несчастной дочери, а та еще песни поет ему?!

Послала она слугу разузнать, что да как. Слуга без стука вошел в хижину и увидел там человека, похожего на бога, с его конем.

— Чего тебе надо? — спрашивает его женщина.

— Царица хочет знать, что это за человек у тебя? — ответил слуга.

— Не вашего ума дело! — бросила ему жена Кочоры.

А тут как раз подоспели царь со своими победителями-зятьями. Вступив во двор, они попадали в ямы, оставленные копытами коня Кочоры. Царь вскричал в недоумении:

— Что за светопреставление!? Уж не свиные ли ворвались в мой дворец?!

Вышла к нему царица, просит его не шуметь, так как сам господь бог изволит почивать в их бывшем стойле.

Перепугались царь с зятьями, поднялись наверх и расспросили домочадцев, что все это означает. Им подробно рассказали о происшедшем.

Послал царь в хижину слугу и пригласил того человека во дворец. А тот отвечает:

— Пусть царь сам ко мне пожалует!

Пошли в хижину всем двором — царь, царица и обе

царевны с мужьями. Вошли, увидели чудо и бросились на колени. А Кочора им и говорит:

— Вставайте, это же я, Кочора!

Затем он обратился к старшему зятю:

— Куда ты свой поготь подевал?

— Он оторвался у меня на такой-то горе, — отвечает старший зять.

— Да вот же он, бери его, забыл, как я его у тебя вырвал? — засмеялся Кочора, устыдив зятя.

Затем он обернулся ко второму.

— А где, — спрашивает, — ты свое ухо оставил?

— Ободрал о камень на одной горе, — солгал и этот.

— Вот тебе твоо ухо, забыл, как я его оторвал? — расхохотался Кочора.

Скопфузился средний зять, но промолчал.

Наконец Кочора спрашивает самого царя:

— Кто тебе помогал в прошлой войне?

— Человек в золотом одеянии! — не задумываясь ответил царь.

— А как он выглядел в нынешнем бою? — не унимался Кочора.

— Точно так же, как сейчас выглядите вы, мой повелитель!

— Что же с ним произошло на поле брани?

— Он поранил себе палец.

— И что же ты тогда сделал?

— Перевязал ему рану собственным шарфом, государь!

— Уж не этим ли? — показал Кочора перевязанный палец.

Царь очень обрадовался, повял все, обнял Кочору и тотчас же поселил его с женой в верхних покоях. А старшие зятя со своими женами навсегда исчезли, чтобы не позориться перед людьми. Счастью же царя и царицы не было границ.

Так прошли годы. Кочора ходил на охоту и приносил домой много разпой дичи.

Однажды его жена пошла купаться к морю. А падо сказать, что у нее были роскошные золотистые волосы. Во время купания один волосок с ее головы упал в море, и его волной отнесло к берегу противоположного царства. Увидел золотой волос сын того царя и объявил своему отцу:

— Если обладательница этого волоса не станет моей женой, не жить мне на белом свете!

Потребовал царевич, чтобы царь раздобыл ему ту жен-

щину. Закручинился царь, созвал людей со всей страны и обратился к ним с просьбой о помощи.

— Я тебе помогу, — сказала одна старуха.

— Как же ты мне поможешь? — удивился царь.

— Выдай мне такой ваниток, чтобы один его глоток усыплял человека. И еще вели дать мне быстроходную лодку, которая в мгновение ока проходила бы сто верст.

— Прекрасно, — согласился царь и выдал ей то, что она просила.

Старуха отправилась в путь, причалила к берегу недалеко от дома Кочоры, привязала лодку в укромном месте и пошла к его жилищу, опираясь о палку, будто нищенка.

К тому времени цари с царицей уже не было в живых.

Увидала старую женщину жена Кочоры, спросила у нее, какая нужда привела ее к ним. Та ответила, что хочет пацаться к ней в услужение. Хозяйка с радостью приняла ее, и, так как бог не дал им детей, они зажили втроем — Кочора, его жена и старуха.

Как-то утром Кочора ушел на охоту, а старуха стала спрашивать у его жены, где спрятана душа этого силача. Но жена сказала, что она этого не знает.

— Видать, муж неверен тебе сердцем, — молвила хитрая старуха.

Ночью жена с обидой в голосе упрекнула мужа, что он ее не любит. Кочора удивился и спросил, почему она так думает о нем. А та и отвечает:

— Любящий муж не должен скрывать от своей жены, где находятся его душа и сила! — и так пристала к нему, что он открыл жене свою тайну.

На другой день сразу после ухода Кочоры старуха расспросила обо всем молодую женщину. Та и выложила, что, оказывается, душа и сила ее мужа заключены в самом толстом волосе на его голове. Если вырвать этот волос, он тут же испустит дух.

Обрадовалась хитрая старуха, что добилась своего, и, когда Кочора заснул, прошаркала к шкафу, достала оттуда свой напиток, налила его в рюмку и поднесла женщине со словами:

— Испей, доченька, моего снадобья.

Молодая женщина отпила только глоток и мгновенно уснула крепким сном. А старуха тихонечко подкралась к ее мужу и вырвала тот самый волос. Кочора лишь раз дернулся и отдал богу душу.

Схватила старуха спящую женщину, приволокла ее к лодке, уложила и перевезла в свое царство. А волос Кочо-

ры забрала с собой и бросила па морское дно в самом глубоком месте.

Возрадовался царь и щедро одарил старуху. Потом обратился к проснувшейся женщине:

— Я хочу тебя взять в невестки, и ты должна обвенчаться с моим сыном.

Но та ответила отказом:

— Я пока не могу венчаться, ибо муж мой умер и я должна его оплакивать целых три года, три месяца, три недели, три дня, три часа и три минуты. Лишь после этого срока могу дать свое согласие.

Царь смирился и велел поселить женщину в комнате на верхнем этаже дворца.

Заперлась она изнутри на замок, открыла окно и стала смотреть на море. День и ночь проливала она горькие слезы, глядя на морскую гладь. Знает она, отчего все произошло, но помочь своему горю не может!

Однако вернемся к нашему таризлу Христагану. Когда его убила коварная старуха, лезвие меча таризла Белтагана окрасилось в красный цвет. Догадался Белтаган, что с братом случилось непоправимое, и помчался на поиски Христагана. Пришел он к его дому, взопшел наверх и увидел, что тот мертв. Оплакал славный таризл любимого брата, почувал сердцем, где может паходиться заветный волос Христагана, оседлал его ретивого коня и погнал к морю.

Войдя в воду, Белтаган стал искать волос в пучине моря и увидел, что он запутался в гальке, схватил волос и выплыл на берег. Затем вскочил на коня и вернулся к покойному брату.

Только он приложил волос к нужному месту, как Христаган тут же проснулся и произнес:

— Боже милосердный, как долго я спал!

Но Христаган прекрасно знал, что с ним произошло на самом деле.

Вот оба таризла оседлали коней, хлестнули их и переманули туда, где женщина, запертая в комнате, смотрела в отверстие окно. А надо сказать, что отведенный ей срок уже близился к концу.

Глянула женщина еще раз на море и вдруг увидела обоих рыцарей. Узнав их, она тут же перестала плакать.

Вступили таризалы во дворец, а царь удивленно спрашивает своих подчиненных:

— Отвечайте, что это за люди, посмевшие войти во дворец без моего позволения?!

— Это я, тариэл Христаган, со своим братом, тариэлом Белтаганом! — крикнул в ответ Христаган.

Братья выломали двери, вывели женщину во двор, и Христаган обратился к царю:

— Вели притащить сюда старуху, похитившую мою жепу!

Старуха тотчас же была доставлена во дворец, Христаган привязал ее к лошадиному хвосту и пустил лошадь в поле. Потом он поднял на руки свою жену, усадил на коня, оба тариэла сели на ретивых скакунов и, как вихрь, унеслись из тех краев.

Сначала прибыли они в дом Христагана, отдохнули двое суток, а на третьи отправились в гости к Белтагану.

Все были рады их возвращению. Жена Белтагана обняла и горячо расцеловала невестку. Целую неделю провели в гостях у брата счастливые супруги. Спустя неделю Христаган сказал Белтагану:

— А теперь, брат, поедем-ка к моим деду и матери!

Снова оседлали они коней и отбыли в родной дом Христагана. Как они были рады, застав в живых и мать, и деда, и бабушку, и остальных домочадцев. Долгожданных гостей встретили ликованием, и Христаган сказал своему деду:

— Это мой брат, тариэл Белтаган, это моя невестка, а вот — моя любимая жепка!

Отпраздновали они пышную свадьбу, там было великодушное угощение, и даже птичье молоко! Был на том пиру и я и видел все своими глазами. Можете сами предположить, что там творилось!

35. Дэвова половина

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жил да был один бездетный государь.

— Эх, — говаривал он часто, — нашелся бы такой человек, который дал бы мне средство от бездетности! Я бы ему полцарства не пожалел отдать.

Однажды даже сказал он своим назирам и вазирам:

— Расспросите повсюду, может, есть у кого лекарство от бездетности.

Как-то раз увидели они — идет дэв и кричит:

— Кому нужно средство от бездетности? Отдам за половину!

Побежали они к своему государю и говорят:

— Да благословит господь бог дни государя нашего! Ходит тут один и кричит: «Кому, мол, нужно средство от бездетности — отдам за половину!»

Позвал к себе царь того дэва.

— Ну, — говорит, — за сколько ты мне это лекарство продашь? Все, что только у меня ни попросишь, обязательно получишь!

— А мне ничего не надо, — отвечает дэв, — и ничего я не продаю, а за половину, если хочешь, отдам. Что у тебя родится — половина твоя, а другая половина будет моя.

Что оставалось делать государю! Согласился он отдать дэву половину.

Дал ему тогда дэв яблоко.

— Разрежь, — говорит, — это яблоко пополам, и половину съешьте вы с женой в этом году, а вторую половину — в будущем году.

Разрезали муж с женой яблоко пополам, съели половину — и тотчас же царица понесла. Родился у них златокудрый мальчик, да такой красавец, что никто не смог бы посмотреть на него дурным глазом. За день вырастал он на столько, на сколько другой ребенок растет за целый год.

На следующий год съели вторую половину того яблока, и снова родился златокудрый мальчик, такой же красавец, как первый. Росли эти двое мальчиков, похожие друг на друга, как близнецы, так что никто не мог бы сказать, кто из них старший, а кто младший. Отдали их учителям, и за десять лет они оба все науки изучили.

А как прошли эти десять лет, занялся тот дэв к государю.

— Ну, — говорит, — как тут папи сыновья?

Тяжело было государю расставаться хотя бы с одним из сыновей, и приказал он своему подданному, у которого были два сына такого же возраста, отдать их ему. Привел этих мальчиков, сыновей верного своего слуги, и говорит:

— Вот они — наши дети.

— И не стыдно тебе меня обманывать, — обиделся дэв, — ты ведь и сам так не знаешь своих детей, хотя они тобою выращены, как я их знаю.

Услышав эти слова, повял государь, что против судьбы не пойдешь, и привел обоих сыновей; ведь у него такой был договор с дэвом: половина того, что у него родится, должна дэву принадлежать. Дэв оставил государю младшего сына, а старшего повел с собой. Перед уходом этот сын говорит родителям:

— Оставлю я вам вещий знак, и он даст вам знать, когда я умру.

У них перед домом стоял тополь, и юноша подошел да обвязал его полотенцем.

— Как это дерево повалится,— говорит,— знайте, что нет меня больше в живых.

Прощаясь сын с отцом и матерью, и благословили они его в дорогу.

Пошли дэв и юноша. Долго ли шли, недолго ли, прошли мимо одного дома, в котором жила бедная старуха.

— Пить очень хочется, можно, сбегая к этой старушке, выпью у нее воды и сразу же вернусь? — спросил юноша у дэва. Тот согласился.

— Ступай,— говорит,— сынок, да приходи поскорее.

Вошел юноша в дом и говорит старухе:

— Слышь, хозяйка, будь матерью, дай мне, путнику, воды напиться.

Подала ему старуха воды, напоила и спрашивает:

— Почему ты идешь за этим дэвом, что нужно от него такому прекрасному юноше?

Рассказал он ей свою историю.

— Сынок,— говорит старуха,— он же тебя ведет, чтобы съест. Хорошо, что ты ко мне зашел: я спасу тебя от верной гибели, если сделаешь все, что я скажу. Как пройдете в ту сторону еще немного, встретится вам речка, а через речку перекинут мост. Дэв скажет тебе: «Сядь ко мне на плечи, я тебя перенесу», но ты не соглашайся, а трижды перейди через мост туда и обратно, а потом закрой глаза и бросайся в воду. Попесет тебя река и в одном месте выбросит на берег, а там поблизости, увидишь, стоит дом. Войдешь — и чего только в этом доме нет! И музыкальные инструменты там играют так прекрасно, что заслушаешься, и еды и питья там вдоволь найдешь — все, чего душе угодно, все, чего хочешь. Ты покушай и выпей вволю, а потом выходи и увидишь — привязан там отменный конь с собакой. Этот конь уже взнуздан, а на нем сложено царское одеяние и лежит добрый меч. Вырви у коня один волосок из хвоста, положи в карман, садись верхом и поезжай. Когда тебе конь уже не понадобится, отпусти его — конь сам себе найдет еду и питье. А когда снова захочешь сесть на коня, достаточно тебе будет достать из кармана завязанный в узел волосок конского хвоста, развязать его, и сразу же конь окажется перед тобой. Сядь на него и поезжай, куда захочешь. А когда приедешь, снова свяжи волосок, положи в карман и отпусти коня.

Вслушав это наставление, юноша вернулся к дэву, и пошли они дальше. Пришли накопец к той реке.

— Давай,— говорит дэв,— садись ко мне на плечи, я тебя на тот берег перенесу.

— Нет, отец,— сказал юноша,— ты сам перейди, а я по мосту перейду за тобой.

Перепахнул дэв через реку, а юноша три раза перешел туда и обратно, потом закрыл глаза и бросился в воду. Смотрел дэв в воду, смотрел, да так и ничего не увидел. А ведь дэву-то ни руку нельзя в воду опустить, ни ногу¹. Досада его взяла, да ничего не поделаешь, так и пришлось уйти с пустыми руками.

Река несла юношу, несла и выбросила на берег поблизи от того дома, о котором рассказывала старуха. Вошел он в дом. Все, чего бы он ни захотел, любая еда и нашитки там были. Пошировал юноша власть, а потом вышел из дома, отвязал коня и собаку, сел верхом и ускакал. Нес его конь, нес, принес к одному городу и говорит:

— У здешнего государя есть прекрасный сад. Ты меня сегодня на почь отпусти, я войду в сад и все там вытопчу. Когда утром государь выглянет и увидит свой сад таким разоренным, прогонит всех садовников. Начнут они искать другого садовника, а ты достань бараний желудок и натяни его себе на голову, чтобы не было видно золотых кудрей, и пойдн к нему наймись. Возьмут тебя в сад работать и окрестят лысым садовником. Тогда я сделаю так, что сад снова станет таким же прекрасным, как прежде.

Отпустил юноша скакула, а тот перемахнул через ограду в сад и так все там потоптал да повибрирал, что ни травы, ни кустов и ни одного дерева не оставил — полностью разорил прекрасный сад.

На следующее утро государь выглянул в окно. Увидел свой сад таким разоренным и в гнев вызвал садовников, приказал слугам их поколотить и прогнал.

Послал государь назиров и вазиров искать нового садовника. Встретился им этот юноша и говорит:

— Если меня наймете, я снова сделаю сад таким же прекрасным, как раньше.

Напяли его в садовники, а конь его прискакал, прошелся по саду, и снова все деревья и кусты возродились, цветы расцвели — никто не смог бы даже подумать, что этот сад был опустошен.

Так и зажил молодой садовник в скромном домике, стоявшем в саду. Каждое утро спозаранку он снимал с

головы барабий желудок, обмывал свои золотые кудри, а потом снова натягивал на них желудок и по-прежнему казался лысым.

Однажды утром младшая дочь государя выглянула из окна в сад, и надо же было, чтобы как раз в это время садовник мыл голову. Как увидела дева ярко сверкавшие золотые кудри, ей прямо-таки дурно стало, и она упала без чувств. Увидев царевну в обмороке, бросились к ней слуги: то водой обливают, то зовут; наконец еле-еле привели ее в чувство.

— Что,— спрашивают,— с тобой случилось и что ты такое увидела, отчего тебе плохо стало?

— Да нет,— отвечала царевна,— ничего я такого не увидела, просто плохо себя почувствовала.

Спустя некоторое время сидели вместе три сестры-царевны и заговорили о замужестве.

— Должны же мы,— говорят,— замуж наконец-то выйти? Но век же сидеть в девушках! Вот только как нам сказать об этом нашим родителям?

— Да никогда мы не осмелимся сказать им об этом,— говорит тут младшая,— а вот давайте лучше попросим лысого садовника принести три арбуза: один — спелый, другой — так себе, а третий — совершенно зеленый. Старшая сестра пусть воткнет свой нож в спелый арбуз, средняя — в средний, а я воткну свой нож в зеленый арбуз. Положим их на золотое блюдо, отошлем нашим родителям, и они поймут, что дочери их хотят выйти замуж.

Понравился им совет младшей сестры, вызвали лысого садовника, велели ему принести три арбуза, воткнули в арбузы свои ножи, положили на золотое блюдо и отослали к родителям.

Как принесли им эти арбузы с воткнутыми ножами, муж посмотрел на жену, а жена — на мужа.

— Что это значит? — спросила жена.

— А то значит,— отвечает муж,— что замуж хотят наши дочери.

Разослал государь людей по своему царству, приказав привести всех подданных — от мала до велика — к дверям дворца.

После этого говорит он дочерям:

— Ступайте, обойдите всех моих людей — и кто вам понравится, садитесь тому на колени, а я с вашими избранниками вас обвенчаю и свадьбу справлю.

Вышли дочери к народу. Старшая подошла к царскому назиру и села ему на колени, средняя уселась на ко-

лени вазиру, а младшая обошла всех, но не нашла своего лысого садовника и сказала:

— Моего желанного здесь нет.

Рассердился государь на своих слуг:

— Кого же еще вы не привели? Вот ведь говорит моя дочь, что нет здесь ее желанного!

— Да нет, — говорят слуги, — никого не осталось во всем вашем царстве-государстве, кроме лысого садовника.

— Так ступайте и его тоже приведите, — приказал государь.

Пошли царские слуги к лысому садовнику и говорят ему:

— Государь тебя зовет.

Отправился юноша к царскому дворцу, а по дороге попался ему кролик; он его изловил и посадил за пазуху так, что кролик выглядывал оттуда.

Привели его ко дворцу. Только увидела его младшая дочь государя, подбежала, хотела сесть ему на колени, но увидела, что из-за пазухи у него кролик таращит глаза, испугалась и убежала.

— Чего же ты убежала? — спрашивают родители.

— Да у него за пазухой, — сказала царица, — кто-то сидит и оттуда глаза таращит, вот я и испугалась.

— А ты, — говорят они, — закрой глаза и так садись к нему на колени. Кто бы там у него ни сидел, что он может с тобой поделаться?

Подошла девушка, зажмурила глаза и села на колени к лысому садовнику.

Старшую и среднюю дочь с их мужьями государь поселил во дворце, а младшей приказал жить в курятнике: не мог он ей простить, что вышла она замуж за лысого садовника. Лысый садовник в курятнике жить отказался и увел жену в сад, где у него был маленький, но уютный домик, и там они поселились.

Вот однажды заболела царица, и захотелось ей покушать зайчатины.

— Если, — говорит, — дадите мне поесть зайчатины — поправлюсь, а нет — не мнать мне смерти.

Назир и вазир, мужья старшей и средней дочерей, вскочили на своих коней и отправились охотиться на зайцев.

— Ступай и попроси у своей матери, чтобы дали мне хромого коля, — сказал лысый садовник своей жене, — я тоже хочу отправиться на охоту и добыть ей зайчатины.

Пошла его жена к матери и говорит:

— Зять ваш просит дать ему хрошую лошадь, чтобы мог он поохотиться на зайцев.

Дали лысому садовнику хрошую лошадь. Он сел, отъехал немного, а потом сошел с хрошой кобылы, привязал ее, вынул и развернул волосок своего скакуна — и в тот же самый миг, откуда ни возьмись, явились перед ним скакун и гончая собака. Снял добрый молодец с коня царскую одежду, облачился в нее, прицепил к поясу царский меч, свистнул, и в одно мгновение согнала туда гончая всех зайцев, какие только где-либо родились. Некоторых он перебил и ободрал, а некоторых живьем изловил.

В то время прискакали туда его свояки, назпр и вазир. Увидели, что он паловил столько зайцев, а сами-то они ни одного подстрелить не сумели.

— Продай,— говорят,— нам пару-другую зайцев, добрый человек, и возьми с нас достойную цену.

— Сколько бы вы мне ни предложили,— сказал он,— продать не могу.

— Ради бога,— взмолились они,— поверь, нам очень нужна зайчатина: нужна для лекарства, чтоб вашу больную тещу вылечить, и чего бы ты у нас ни потребовал, мы тебе все дадим, только поделись с нами своей добычей.

— Ну ладно,— сказал лысый садовник,— раз уж у вас такая нужда, отрежьте у себя мочки ушей и дайте мне, а я вам за это уступлю немшого зайчатины, так уж и быть.

Делать печего, пришлось им обрезать у себя мочки ушей и отдать незнакомцу.

Получили у него каждый по зайцу, вернулись домой и принесли их государевой жене.

Лысый же садовник, забрав с собой столько зайцев, сколько ему надо было, воротился к хрошой лошади. Снял с себя царское облачение, уложил на скакуна, привязал вместе с мечом, связал узлом конский волос, положил в карман и отпустил коня. После этого надел свою одежду, натянул на голову бараний желудок, сел на хромого коня, вернулся в сад и говорит жене:

— Отнеси этих зайцев своей матери.

Увидели свояки зайцев и давай насмехаться над садовником:

— Чтоб его громом поразило, да разве мог он убить зайца? Видать, подобрал где-то одного из подстреленных нами зайцев и вот притащил сюда.

Накормили государеву жену зайчатипой, и она выздоровела.

Спустя некоторое время она снова заболела и говорит своим зятьям:

— Принесете мне оленьего молока — я поправлюсь, а нет — помру, значит.

Опять отравились на охоту назир и вазир. Лысый садовник послал жену к теще и попросил взять для него хромого лошадь. Сел на нее, выехал в поле и там привязал эту лошадь к дереву. Вынул и развязал копский волос, и в тот же миг стали перед ним конь и гончая собака. Раздевшись, он уложил свою одежду на хромого лошадь, снял со скакуна царское одеяние, облачился в него, подпоясался мечом, вскочил на коня, свистнул гончую, и пригнала она целое стадо оленей. Подоив их, он наполнил котлы молоком.

Свойки его ходили-ходили, да так нигде ни одного оленя им не повстречалось, и пришли они к нему и снова начали его умолять:

— В тот раз ты нам помог заслужить добрую славу, дал нам зайцев, а теперь, добрый человек, нуждаемся мы в оленьем молоке, нам для большой нужно, и ты непременно должен нам продать немного.

— Ну нет, — отказался тот, — ни за какую цену я не стану продавать оленьего молока.

— Во что бы то ни стало, — снова захныкали они, — ты должен продать.

Увидел лысый садовник, что не отстадут они.

— Ну ладно, — говорит, — раз уж такая у вас нужда... Теперь вот что: снимайте оба штаны и дайте моему коню хорошенько лягнуть каждого из вас в ягодицы. После этого можете взять немного молока.

Что ж поделаешь — спустили оба штаны, дали коню лягнуть себя хорошенько, а потом получили свое молоко, да и убрались восвояси.

Лысый же садовник, забрав с собой столько молока, сколько ему было нужно, сел на коня, воротился к хромоу лошади, снял с себя царскую одежду и уложил ее на своего скакуна. Переоделся, шатицул на голову бараний желудок, уселся на хромого лошадь и вернулся к себе в сад.

— Возьми, — говорит жене, — да отнеси это молоко матери.

А государеву-то жену уже успели напоить молоком, принесенным другими зятьями, а молоко от лысого садовника со смехом на землю вылили.

— Кто,— говорят,— дал бы ему оленьего молока!

После этого прибыл в их царство гонец от соседнего государя и передал от своего повелителя письмо, а в письме том сказано: «Должен ты или воевать со мной, или выплачивать мне дань».

Приготовились назир и вазир идти на войну, а лысый садовник послал свою жену к ее родителям.

— Попроси,— говорит,— одолжить мне еще разок хромую лошадь, я тоже пойду на войну.

Пришла царевна к родителям и сказала:

— Одолжите еще разок ему эту нашу хромую лошадь. Ваш зять тоже собирается идти на войну.

— Ах ты бедняжка,— говорит ей мать,— да как же он сможет воевать? Ведь растопчут его копытами кони, и ты останешься вдовой.

— Да пусть хотя бы издали посмотрит,— отвечала дочь,— а то ведь в бой он, конечно, и сам не выживет.

Послали ему лошадь.

Отъехал немного лысый садовник, слез с хромой лошади, привязал ее к дереву, вынул из кармана и развязал конский волосок, и в тот же миг, глядь, стоят перед ним скакун и гончая собака.

Снял юноша свою одежду, уложил ее на хромую лошадь, облачился в царское одеяние, подпоясался царским мечом, вскочил на скакуна, прискакал туда, где тесть его вел войну, да как набросится на врага: сколько смог — сам зарубил мечом, а кого не зарубил, тех его гончая и конь загрызли да растоптали, и так перебили они втроем все то огромное войско.

Как только битва окончилась и он истребил всех врагов, повернул он обратно. Тут вышел ему навстречу тесть и давай его благодарить.

— Ты все мое войско спас,— говорит,— и царство мое сохранил, так скажи: как мне теперь отблагодарить тебя за такую твою доброту?

В это время его зять окровавленным мечом планим проводил по руке, как будто чистил меч, и слегка порезал руку. Вынул тут государь платок из кармана и перевязал ему руку.

Уехав оттуда, лысый садовник воротился к хромой лошади, снял с себя царское одеяние, уложил на скакуна, переоделся в свою одежду, натянул на голову бараний желудок, сел на лошадь и как ни в чем не бывало вернулся к себе домой, а хромую лошадь возвратил тестю.

Призвал государь ко дворцу всех мужчин своего цар-

ства и сам каждому стал мыть руки. Помыл он всем руки, а когда настал черед лысого садовника, подошел и к нему.

— Протяни,— говорит,— руки, должен я тебе их помыть.

— Да разве я достоин, чтобы ты мне руки мыл? — говорит ему садовник.

Не отстал от него государь: «Протяни, мол, руки, а я тебе их помою».

Протянул он тогда левую руку, а правую спрятал. Все же царь заставил его показать правую руку, посмотрел он — и сразу узнал свой платок. В тот же миг поднял его, сперва расцеловал, а потом повел и посадил на свой трон.

— Не подобает,— говорит,— такому герою, как ты, садовником быть.

— Ну ладно,— сказал тогда царю зять,— теперь вот ты мне объясни, пожалуйста: мною вы пренебрегали, а другие зятя ваши, назир и вазир, вам нравились, а кто из нас лучше — я или они? Позови-ка их сюда обоих, тех, что надо мной насмеялись, да спроси: кто изловил для них зайцев, кто добыл оленьего молока? Ведь зайцев я им дать не согласился, сколько ни умолял я они, до тех пор, пока не отрезал у обоих мочки ушей.

Вынул он из кармана их мочки ушей и положил перед государем.

— Вот,— говорит,— смотри.

Посмотрели все — и действительно, у обоих мочки ушей обрезаны.

— А оленьего молока я им не давал до тех пор, пока не согласились оба, чтобы мой скакун лягнул их хорошенько. Вот посмотрите-ка сами, правда ли это,— ведь следы копыт у ваших зятьев до сих пор, наверно, остались.

Посмотрели и видят: на самом деле у обоих остались отпечатки конских копыт. Тогда благословил государь младшего зятя на царство, назира и вазира с их женами определил младшему в слуги, привел из сада его жену и снова справил свадьбу — девять дней и ночей веселились они и пировали.

Через некоторое время захотелось младшему зятю отправиться на охоту. Сел он на коня и прихватил с собой гончую собаку.

Долго скакал он по разным местам, и вдруг на его пути ограда, да не простая, а огненная. Спрашивает он тогда у своего коня:

— Сможешь ты перескочить через этот огонь?

— А как же,— отвечал конь,— ты только хлестни меня нагайкой хорошененько, так, чтобы девять слоев кожи сошло у тебя и столько же — у меня, ведь я должен так перелететь через этот огонь, чтобы даже ногой не задеть пламя, а иначе останусь без поги.

Хлестнул его всадник с такой силой, что у каждого из них по девять слоев кожи сошло. Взвпялся скакун и перемахнул через огонь, даже ногой его не коснулся.

Отправился юноша дальше, поохотился вдоволь, перебил немало оленей, а потом разжег костер и зажарил мясо себе на ужин.

Вдруг, откуда ни возьмись, идет к нему какая-то старуха.

— Сынок,— говорит,— я ведь тебе в матери гожусь, положи, пожалуйста, вот эти волосы на твоего коня и на собаку — уж больно я боюсь их. А это присло положи на свой меч — боюсь, не порезал бы он меня.

Набросил юноша волосы на скакуна и гончую, а присло положил на меч.

А старуха та была дэвом, да только откуда юноше было знать это! Присела она к костру, взяла мясо с огня и в один миг сожрала.

— Ты что же это,— говорит юноша,— все мясо съела а меня голодным оставила?

— Ишь ты какой,— усмехнулась в ответ старуха,— да я и тебя самого съем.

— Как это съешь?

— А вот так и съем,— говорит,— пусть эти волосы превратятся в цепи и накрепко скуют твою собаку и коня. А это присло да превратится в жернов, да такой тяжелый, чтобы ты не смог его с места сдвинуть.

И правда, в тот же миг те волосы превратились в цепи — скакун и собака оказались прикованными,— а присло — в жернов. Разинула старуха пасть и проглотила юношу.

И в тот же самый миг рухнул на землю тополь, стоявший перед домом его родителей,— тот самый тополь, который юноша, уходя из дома, обвязал полотенцем и оставил им в знак того, что он жив. Так узнали родители, что сын их умер.

Отправился тогда второй сын на поиски своего брата. Долго ли шел, недолго ли, добрался до того места, где его брат когда-то нашел к старухе напиться воды. Пришел и он к той старухе и говорит ей:

— Заклинаю тебя, будь матерью, дай выпить капельку воды.

Подала ему женщина воды и спрашивает:

— Зачем идешь ты в эти места, заселенные дэвами? Ведь они съедят тебя.

Рассказал юноша, какое у него дело:

— Иду за своим братом.

— Сынок,— говорит ему старуха,— твой брат проходил здесь однажды, и его я научила, а теперь и тебя научу. Пойдешь вот так, все прямо, прямо и дойдешь до реки, а через реку — увидишь — перекинут мост, ты пройди три раза по нему туда и сюда, потом закрой глаза и бросайся в воду. Понесет тебя река и в одном месте выбросит на берег, а там поблизости — увидишь — стоит дом. Войдешь, и чего только в этом доме нет — все, что душе угодно! И музыка играет так прекрасно, что заслушаешься, и еды и питья там вдоволь. Ты поешь да выпей вволю, а потом пойдешь в конюшню, там привязаны кони с голыми собаками, а на каждом коне — царская одежда и добрый меч. Отвяжи скакуна, какого выберешь, а собака сама следует за тобой. Понесет тебя конь и принесет туда, где твой брат женился на царевне. Там ты проведешь ночь со своей невесткой. На следующее утро скакун понесет тебя дальше, а когда прискачет к огненной ограде, скажет: «Хлестни-ка меня нагайкой хорошенько, так, чтобы девять слоев кожи у тебя сошло и столько же слоев — у меня».

Хлестнешь его нагайкой, и он перелетит. Там можешь ты власть поохотиться. Потом разжогни костер и нажарь мяса себе на ужин. Вдруг, откуда ни возьмись, приковыляет туда старуха — да только на самом деле это дэв — и скажет тебе: «Сынок, я ведь тебе в матери гожусь, положи, пожалуйста, вот эти волосы на твоего коня и на твою собаку — уж больно боюсь я их».

А потом бросит тебе прясло и скажет: «А вот это положи на свой меч — боюсь, не порезал бы он меня».

Но ты смотри, этого не делай, а зажми волосы да прясло в руке. И только притворись, что положил. Тогда старуха подойдет и сразу сожрет все мясо, что ты закарлил. А ты ей скажи: «Мать, ты что это сделала — все мясо съела, а меня оставила голодным?»

Она тебе скажет: «Ишь ты какой, да я и тебя самого съем». Тогда ты ей скажи: «Как это съешь?» — «А вот так и съем,— ответит старуха,— пусть эти волосы превратятся в цепи и скуют накрепко твою собаку и коня».

А ты сразу же брось волосы в огонь и скажи: «Горите, горите!» — и они сгорят.

«А это прясло, — скажет она тогда, — да превратится в мельничпый жернов, чтобы ты не смог его с места сдвинуть». Только скажет она эти слова — ты сразу же прясло по земле покати, и уйдет жернов далеко.

А потом занеси меч над ее головой и скажи: «Ну что, собака, убить тебя?» Тут она взмолится: «Не убивай, не то и брат твой умрет. Вот здесь, видишь, у меня большая бородавка? Ты ее срежь, и оттуда выйдет твой брат целым и невредимым».

Так вернешь ты брата к жязпц. Только он будет лысым, да это не беда: помажь его кровью из этой бородавки, и снова отрастут у него такие же волосы, как раньше. Конь и собака твоего брата закованы. Их тоже помажь кровью, и они будут свободны. А потом вы непременно убейте эту старуху.

Выслушал юноша наставления и отправился в путь-дорогу. Шел, и шел и дошел до реки, увидел мост, перешел его трижды, а потом вышел на середину моста, зажмурил глаза и бросился в воду. Река несла юношу, несла и выбросила на берег вблизи от того дома, о котором ему рассказывала старуха. Вошел он в дом, попировал влать, потом вышел, отвязал коня, снял царскую одежду, что лежала на нем, надел на себя, опоясался мечом, сел верхом и ускакал, а собака погналась за ним. Нес его скакун, пес и принес к дому его невестки.

А невестке и невдомек, что это не муж ее, а деверь: братья-то ведь из одного яблока были созданы и походили друг на друга, как две половинки одного яблока.

— Где ты был, — спрашивает, — почему так задержался?

— Откуда мне знать, — говорит ей деверь, — задержался, и все тут.

Как настала ночь, постелила женщина постель, уложила его и легла рядом. А юноша положил меч между собой и невесткой.

— Это, — говорит, — не шутка: сегодня я сердит, и ты не подумай даже через меч перелезть, не то этим мечом голову тебе срублю!

Так провели они ночь, а утром встал младший брат, вскочил на коня и поскакал дальше. Долго скакал он по разным местам, и вдруг на ого пути выросла ограда, да не простая, а огненная. Говорит ему тогда конь:

— Хлестни-ка меня нагайкой хорошенько, так, чтобы

девять слоев кожи у тебя сошло и столько же — у меня, ведь я должен через этот огонь так перелететь, чтобы даже погой не задеть пламя, а не то останусь без ноги.

Хлестнул его всадинок с такой силой, что у каждого из них по девять слоев кожи сошло. Взвился скакун и перемахнул через огонь, даже погой его не коснулся.

Отправился юноша дальше, поохотился вдоволь, а потом разжег костер и зажарил мясо себе на ужин.

Вдруг, откуда ни возьмись, идет к нему старуха.

— Сынок,— говорит,— я ведь тебе в матери гокусь, положи, пожалуйста, вот эти волосы на твоего коня и на твою собаку — уж больно боюсь я их.

Потом кинула ему прясло.

— А вот это положи,— говорит,— на свой меч — боюсь, не порезал бы он меня.

А юноша взял да и спрятал волосы и прясло в руке. Подошла старуха, разинула пасть и сразу проглотила все мясо прямо с огня.

— Ты что же это, мать,— говорит юноша,— все мясо съела, а меня голодным оставила?

— Это что,— усмехнулась в ответ старуха,— да я и тебя самого съем.

— Как это съешь?

— А вот так и съем,— говорит,— эти волосы пусть превратятся в цепи и скуют накрепко твоего коня и собаку, это прясло да превратится в жернов, и пусть придавит он твой меч, да так, чтоб ты его с места не мог сдвинуть,— и что ты теперь сделаешь?

А пока она говорила эти слова, юноша бросил волосы в огонь: горите, мол, горите; они и сгорели.

Потом покатил прясло по земле, и, когда стало оно жерновом, укатилось уже далеко-далеко.

Занес тогда юноша меч над ее головой.

— Ну,— говорит,— собака, убить тебя?

— Не убивай,— взмолилась тогда старуха,— не то и твой брат умрет. Вот здесь, видишь, у меня большая бородавка? Ты ее срежь, и твой брат выйдет оттуда целым и невредимым.

Срезал он бородавку, и вышел его брат, облезлый, как лиса. Помазал он кровью той бородавки коня и собаку — распались их цепи, помазал меч — скатился с него жернов. Тогда помазал он своему брату голову той кровью, и сразу же отросли у него золотые локоны, какие были раньше. Убили они старуху, сели на копей и поскакали.

Воротились братья в дом бывшего садовника и задали

там знатный пир. А потом старший брат сварядил младшего в дорогу и отправил к родителям, а сам сел на царство в стране, подаренной тестем.

Вернулся младший брат домой к родителям, смотрит — а упавший тополь снова стоит.

И сегодня эти братья живут врозь — каждый сам по себе.

Горе все я там оставил, радость к вам сюда принес.

Отруби я там рассыпал, а муку сюда принес.

Жил да был один хозяин и имел трех добрых слуг,

Спа вам доброго желаю, да и сам пойду усну.

Срезал я в лесу колоду — и давай ее катать.

Здесь вас жизнь насытит сладко, на том свете —
благодарь.

36. Десять братьев и одна сестра

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жили-были жена с мужем, и было у них десятеро детей: одна дочь, а остальные — сыновья. Умер отец, и остались дети жить с матерью.

Отправились однажды все девять сыновей работать в виноградник.

— Дети, — сказала им мать, — а коли вы все уйдете, то с кем же вам прислать обед?

— Сестрица принесет.

— Так ведь она дороги не знает.

— А пусть она идет по нашим следам, — сказали сыновья, — мы будем по дороге чистить огурцы и бросать кожуру, так эти очистки и приведут ее в наш виноградник.

А их сестру давно уже мечтал похитить один дэв, живший неподалеку. Увидела мать этого дэва, что сыновья идут и бросают по дороге кожуру от огурцов, да сразу смекнула, в чем тут дело. Пошла вслед за ними, все очистки подобрала и стала бросать их по дороге, ведущей к своему дому.

Вот пошла сестра с обедом для братьев, да и пришла прямо к дому дэва. А старуха тут ее подстерегала, схватила и утащила в дом. Пришел вечером дэв и, уж конечно, обрадовался, увидев девушку.

Вечером воротились девять братьев домой и спрашивают у матери:

— Ты что же нас голодом уморила?

— Как? — воскликнула мать. — Ведь сестра пошла
нам обед... Ах ты, горе-то какое! Не иначе как мать дав
похитила ее да в свой дом затащила.

Отыскал старший брат лук и стрелы и на следующий
день отправился к дому дэва. Пришел и видит — сидит
старуха на прогле.

— Эй ты, дэвова мать, где твой сын?

— Сынок, что ты так сердито со мной разговарива-
ешь? — отвечает ему старуха. — Подыми-ка лучше вот это
прясло, что я тебе брошу, да принеси сюда, а уж потом я
все скажу.

А вместо прясел у матери дэва были мельничные жер-
нова. Сняла она один из них с веретена и сбросила вниз.
Как ни старался юноша поднять этот жернов, но даже
сдвинуть его не мог.

— Ну вот что, — говорит тогда мать дэва, — войди-ка
лучше вот сюда в садик, отдохни в тени, отведай фруктов,
а вечером придет мой сын, — ты с ним и поговоришь.

Вышел юноша в сад, перекинул через плечо лук и
стрелы, а больше ничего сделать не смог.

Вечером вернулся с охоты дэв.

— Ого, — говорит, — ко мне в гости никак сам шурип
пожаловал! Что ж, милости прошу. Только ведь гостю,
знаешь, тоже надо потрудиться, так вот ты давай-ка то
буковое дерево наруби без топора, вон того оленя, что я
с охоты принес, разделай без ножа, положим его в ко-
тел, а как сварится — сядем да попируем.

Сколько ни старался бедный юноша, ни дров не сумел
нарубить, ни оленя разделить.

Вечером, как поужинали они, дэв спрашивает:

— Ты на пуховой перине привык спать или на сене?

— Какое сено! Я всегда сплю на пуховой перине.

Постелили ему, он лег и заснул.

Через некоторое время входит дэв к матери и говорит:

— Мать, а мать! Чего-то я проголодался...

— А ты пойдй, сынок, в спальню, — улыбнулась
мать, — там, я видела, на пуховой перине валяется не
очень хорошо выпеченный хлеб, так ты его и покушай.

Вошел дэв в спальню, прислушался, принюхался, да
и проглотил того юношу. А утром опять, как ни в чем не
бывало, отправился на охоту.

Когда стало ясно, что первый брат, ушедший к дэву,
не вернется, за ним отправился второй, затем — третий,
четвертый, и так всех девятерых проглотил дэв. А потом
как-то раз разозлился, да и сестру их тоже проглотил.

Вышла мать на кровлю своего дома и плачет горькими слезами. А в это время как раз проходил мимо Христос-бог.

— Что ты плачешь, мать? — спрашивает.

— Как же мне не плакать? Были у меня девять сыновей и одна дочь, да всех их проглотил проклятый дэв, нет на него ни управы, ни погибели.

— А ты, — говорит Христос, — испей водицы, которая скопится в следах от копыт моего мула, глядишь — это тебе и поможет.

Выпила женщина воды и забеременела, а когда пришло время, родила сына. Стал ребенок расти не по дням, а по часам, и силы с каждым днем у него прибавлялись — сразу видно, что великий богатырь растет. Мать скрывала от него, что были у него братья и сестра, да погибли, боялась, как бы и он не ушел к дэву да не пропал вслед за ними.

Однажды играл этот юноша с детьми в кости, а в это время мимо проходила женщина с кувшином воды. Бросил он камень и разбил кувшин.

— Чем разбивать чужие кувшины, — крикнула в сердцах женщина, — лучше бы ты наказал дэва, что проглотил твоих девять братьев и сестру.

Побежал юноша домой и говорит матери:

— Да-ка мне грудь пососать.

— Да что ты, сынок, — удивилась мать, — разве тебе грудь сосать, ты ведь уже взрослый мужчина!

Сын, однако ж, не отставал и наконец заставил мать согласиться. Ухватился за сосок зубами и спрашивает:

— Правда ли, мать моя, что были у меня сестра и девять братьев и всех их проглотил дэв?

— Да нет, сынок; тот, кто это сказал, солгал тебе.

Стиснул он зубы на соске еще крепче, и больно стало матери, пришлось ей признаться, что правду ему говорили.

Тогда юноша пошел в кузницу и говорит:

— Слышь, кузнец, изготовь-ка мне лук со стрелами, да только такой, чтобы не сломался, даже если три раза его натяну.

Изготовил кузнец лук и стрелы, а юноша как натянет лук, так сразу и сломал.

— Эх, — говорит, — кузнец, кузнец! Плохой ты мастер. А ну-ка, сделай мне такой лук, чтобы три человека не смогли его перевернуть.

«Вот это да, — подумал кузнец, — из этого малыша и

вправду великий силач вырастет». Взялся он тогда за дело со всем усердием и изготовил добрый лук со стрелами. Пришел юноша, натянул тетиву, но лук не сломался.

— Ну, — молвил, — спасибо тебе, кузнец!

Нацепил на себя колчан со стрелами, повесил лук на плечо и направился напрямиком к дому дэва. Видит — сидит мать дэва на кровле. Окликнул ее парень и спрашивает:

— Где дэв?

— Сынок, ну чего ты сердисься? — сказала мать дэвов и сбросила ему прясло:

— Ты лучше припеси сюда вот это прясло, и тогда я тебя паучу, как найти моего сына.

Юноша поддел мельничный жернов мизипцем, подбросил и попал прямо в старуху. Тогда она ему сказала:

— Войди сюда в сад, сынок; скоро придет мой сын и даст тебе ответ.

Вошел он в сад и видит — растет там яблоня турашаули. Пустил в нее юноша стрелу из лука — половину дерева оторвал. Одно яблоко полетело в ту сторону, где охотился дэв, и упало прямо к его ногам. Посмотрел дэв, узнал свое яблоко и подумал: «Ого, вот теперь плохо мое дело: видать, сильно бог на меня гневается». Убил он зверя покрупнее, вырвал с корнем самый высокий бук и потащил домой. Пришел и говорит юноше:

— Давай-ка, гость мой, вот этот бук наруби без топора, оленя, которого я принес, разделай без ножа, а вечером хорошенько попируем.

Юноша и оленя и бук превратил в мелкие кусочки. Настало время ужина, сели они за стол, приступили к еде и давай швырять друг в друга костями. Обгложет дэв кость, швырнет в юношу и кричит:

— Будь здоров, шурик мой любезный!

Юноша в свой черед швырнет в дэва:

— Будь здоров, зять мой!

Этими костями они хорошенько побили друг друга.

— Ты на пуховой перине любишь отдыхать? — спросил дэв, — или на соломе да на сене?

— Что такое пух, я не знаю, — ответил юноша, — сплю всегда на сене да на соломе.

— Тогда, — говорит дэв, — ступай в копышню и ложись в ясли.

Вошел юноша в копышню и говорит дверям:

— Смотрите, чтобы дэв сюда не прокрался потихоньку, а не то в щепки вас разобью!

И коней предупредил:

— Если дэв сумеет пробраться в двери, то смотрите, чтоб он мимо вас тихонько не проскользнул и ко мне тайком не подобрался.

Через некоторое время дэв решил, что юноша уже спит, и говорит матери:

— Мать, а мать! Чего-то я проголодался.

— А ты ступай, сынок, в конюшню: там, я видела, в яслях валяется не очень хорошо выпеченный хлеб, так ты его и покушай.

Пошел дэв в конюшню, приоткрыл двери, но они такой скрип подняли, что пришлось ему уйти восвояси ни с чем. Так трижды он приходил и возвращался. На четвертый раз юноша его окликнул:

— Чего ж ты ходишь взад и вперед без толку? Не стыдно ли тебе возвращаться обратно в четвертый раз?

Тогда вошел дэв в конюшню и спрашивает:

— Тебе где сподручнее бороться — на железном току или на земляном?

— Какой там еще железный ток! — ответил юноша. — Я даже не знаю, что это такое; будем бороться на земляном току.

— Ну что ж, вот настанет утро — и выйдем, поборемся.

Настало утро — вышли они на ток и начали бороться. Схватил дэв юношу да как взмахнет — по щиколотку всадил его в землю. А взмахнет юноша — по колена всадит дэва в землю. Наконец совсем уже одолел юноша дэва и по самый пояс всадил его в землю. Тут увидел дэв, что не миновать ему гибели, и взмолился:

— Заклинаю тебя богом твоим, пощади, не убивай меня. Твои девять братьев и сестра сидят у меня в одном боку, вот сейчас разрежу и выщущу их оттуда.

Разрезал себе бок и вытащил всех десятерых. После этого выпул из-за пазухи платок бессмертия, провел по ним и всех оживил.

Юноша все-таки убил и дэва, и его мать, забрал с собой сестру и братьев, и отправились они домой.

В дороге младший брат на некоторое время задержался и поотстал от них. Заметив это, братья стали говорить, что если, дескать, мы ничего не придумаем, чтобы избавиться от этого могучего богатыря, нашего нового братца, то ничего, кроме вреда, мы от него не увидим.

Шли они, шли и наконец, когда младший брат с ними

снова поравнялся, увидели возле дороги колодец. Повернулась тогда сестра к своему повому брату и говорит:

— Ну до чего мне пить хочется, прямо мочи пет. Неужели, братец, для того ты избавил меня от дэва, чтобы я умерла теперь от жажды?

Тут загалдели все девять братьев, заспорили:

— Ну-ка, кто из нас молодец, кто спустится в этот колодец воды набрать?

Шоболтав так, обратились они к меньшому брату, богатырю:

— Должен ты туда спуститься — ни один из нас на это не способен.

Полез младший брат в колодец и вскоре подал им оттуда бадью с водой. Тогда братья поднатужились, притащили огромный камень и завалили колодец. Похоропив брата в колодце, извалили на себя его лук и стрелы и с большим трудом дотащили до дому.

Обрадовалась мать, увидев детей живыми-здоровыми.

— А что, — спрашивает, — с вашим младшим братом? Где же он?

— Нас-то он успел спасти, но самого его дэв съел, — обманули они мать.

А младший брат сидит в колодце и думает, как ему быть.

— Боже, — взмолился он наконец, — сделай так, чтоб у меня одна рука стала заступом, а другая — лопатой и чтобы я смог или снова вылезти на землю, или спуститься в подземное царство.

Смотрит — а ведь впрямь исполнил бог его желание: и лопата у него есть, и заступ! Начал он тогда копать землю. Копал, копал и наконец спустился в подземное царство. Видит — сидит там старуха у дверей своего дома.

— Слышь, мать, — сказал юноша, — я очень голодеп, дай мне пемного хлеба.

— Беда в том, сынок, — отвечает ему старуха, — что хлеб у меня весь ковчился. Придется тебе немного обождать, я быстрепько испеку новый.

Просеяла она муку и стала замешивать ее на собственной моче.

— Что ты делаешь, мать? — воскликнул юноша.

— Эх, сынок, а как же нам быть-то? Ведь водой в нашем царстве завладел гвелешапи, он позволяет нам брать воду только после того, как мы отдадим ему на съедение не вданшную под солнцем красавицу. Так вот мы и живем.

— Скажи мне, а есть ли здесь где-нибудь кузнец? — спросил юноша.

— А как же не быть у нас кузнецу? Есть, конечно.

Отправился юноша к кузнецу, заказал у него лук и стрелы, а получив их, прихватил с собою ушки и пошел туда, где гвелешапи стерег воду. Там увидел он красавицу, царскую дочь, которую государь послал, чтоб она ценой своей жизни добыла для людей хоть немного воды.

— Ты чего пришел сюда, юноша, — говорит ему дева, — ведь придет гвелешапи и сожрет тебя.

— Сожрет или не сожрет — это мы еще посмотрим, — отвечал юноша. — У меня к тебе только одна просьба. Очень давно я не спал; дай положу голову к тебе на колени и посилю малость. А ты, как увидишь чудовище, урони на меня три слезы, да такие, чтоб меня обожгли и заставили проснуться. — Сказав это, он лег и заснул.

Когда показался вдали гвелешапи, заплакала красавица, и юноша проснулся. Пустил стрелу и поразил гвелешапи насмерть, а потом изрубил его на куски — девять огромных куч мяса там лежало и столько же костей.

Побежала красавица домой, а сама плачет от радости.

— Зачем ты вернулась, дочка? — испугался отец, увидев ее. — Ведь гвелешапи разозлится, придет сюда и всех нас сожрет.

— Нет больше гвелешапи! — кричит ему дочь. — Нашелся один добрый богатырь, пришел ко мне и убил чудовище.

Не поверил царь, сам побежал туда и своими глазами увидел мертвого гвелешапи. Созвал тогда всех людей своего царства и объявил:

— Должен я и дочь свою, и все царство отдать тому богатырю, кто этого гвелешапи убил. Проходите теперь по одному перед моей дочерью, чтобы она могла опознать нашего спасителя.

Как пройдет кто перед ним, государь спрашивает:

— Неужто, дочь моя, ты не можешь узнать того человека?

— Как же мне его не узнать, батюшка, да только нет его здесь.

Осмотрел государь всех подданных своего государства, но богатыря так и не нашли.

— А что, — спрашивает, — никого больше не осталось в моем царстве?

— Да вроде бы никого больше, — доложили ему, — остался только один нищий, что живет у старухи.

— Ну-ка, приведите его сюда.

Только увидела царица его издали, радостно закричала:

— Вот он, вот! Это он!

— Так вот, — сказал государь и обнял своего спасителя, — должен я теперь и дочь свою выдать за тебя замуж, и все мое царство будет твоим.

— Ты не прогневайся, государь, — возразил ему юноша. — Дочь твоя — сестра мне, а я ей — брат, по никак нельзя мне здесь оставаться. Окажи ты мне лучше великую милость и подари трех орлов, чтобы вынесли меня отсюда на землю.

Что ж поделаешь? Подарил ему царь трех орлов и велел принести в дорогу побольше мяса. На прощание он так напутствовал юношу:

— Каждый раз, как орлы взмахнут крылами, должен ты давать им по куску мяса, но смотри, ни одного взмаха не пропусти.

Подхватили его орлы и вынесли на землю, по каждому из них не хватило по куску мяса на один-единственный, последний взмах крыла. Пришлось юноше вырезать у себя куски мяса и положить им в клювы.

— Какой ты, оказывается, злусный! — сказали ему орлы. — Знать бы нам это раньше — так всего бы тебя съели.

Вырвал один из них у себя перо, провел по ране и заживил, как будто ничего и не было.

— Теперь отойди подальше, — велели ему орлы, — да ухватись за дерево, а не то, когда мы будем улетать, такой ветер подымет, что как бы он не подхватил тебя да не упес вместе с нами.

Как улетели орлы, отправился юноша в родные края. Шел, шел и наконец дошел до своего дома. Смотрит — а дом полон гостей, все веселятся. Оказалось, свадьбу справляют. Юноша вошел в дом как простой нищий. Усадили его за стол вместе с другими гостями. Посмотрел он по сторонам и видит — валяется его оружие — лук да стрелы, и все, кто только в силах, перетаскивают их с места на место.

— Да пет, — говорят, — хозяин их, видать, не таким уж силачом был, так, ничего особенного.

Слушает их молодой богатырь да про себя посмеивается.

— Что это, — спрашивает, — у вас там такое? Дали бы и мне потрогать.

А они давай над ним насмехаться. Сперва один из го-

стей стукнул его по голове, затем другой: куда, мол, тебе, ты их и с места сдвинуть не сможешь. Юноша, однако, так их упрашивал, что всех ввел в заблуждение, и наконец уговорил подтащить оружие к тому месту, где он сидел. Как подтащили, вскочил он с места, схватил лук, положил стрелу и натянул.

— В быка, — кричит, — стрелять или в корову?

— А в чем вишавата корова, — говорят ему, — стрелай в быка.

Пустил младший брат стрелу и всех братьев перебил.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

37. Сказка про охотника и большого орла

Было, да и не было ничего, жил бедный охотник. Вот охотился он однажды и видит — лежит, распластался на трех дубах орел. Прицелился охотник из лука, а орел и говорит:

— Не убивай меня, птенец я еще. Возьми меня домой, полечи, у меня подбито крыло. Пригожусь я тебе.

Не убил охотник орла, взял его домой, стал лечить. А жена сердится:

— Самим есть нечего, еще орла притащил.

Две недели лечил, вылечил охотник орла.

Сказал орел:

— Отведи меня теперь к тем дубам.

Отвел охотник. Взлетел орел, выхватил один дуб и забросил его за три горы.

— Нет, не вылечился еще, — сказал орел, — пойдем, лечи еще.

Опять привел охотник орла. Сердится жена:

— У самих ничего нет, еще его приволок!

Еще две недели пролечил охотник орла.

— Веди меня к тем дубам, — сказал орел.

Отвел его охотник. Взлетел орел, схватил второй дуб, вырвал его, забросил за девять гор.

— Не вылечился еще, веди снова лечить, — говорит орел.

Опять отвел охотник орла домой, опять сердится жена, а охотник не слушает, лечит орла, кормит его. Полечил еще две недели.

— Ну, веди теперь! — сказал орел.

Повел его охотник, взвился орел, полетел, выхватил третий дуб, забросил его — и не найти куда.

Сказал орел:

— Теперь я вылечился. заколи быка, возьми с собой, садись на меня, и полетим к моим отцу и матери. Рассыплют они перед тобой все богатства, но ты ничего не бери, проси дать тебе только старую ржавую шкатулку.

Пошел охотник, заколол быка и сам на орла взобрался и быка уложил. Взвился орел и полетел, да все выше и выше забирает. Повернет орел голову к охотнику, отрежет охотник кусок мяса у быка и положит орлу в клюв. Со всем уж было прилетелц, как повернул голову орел, а мясо быка все вышло. Вырезал охотник у себя из-под колена кусок мяса и дал орлу.

— Вот это вкусное так вкусное мясо! — говорит орел.

Прилетели. Сошел охотник, прихрамывает.

— Ты что хромаешь? — спрашивает орел.

— А то мясо, что ты похвалил, было из моей ноги; мясо же быка все вышло.

Провел орел крылом по ноге охотника — зажила нога.

Привел орел охотника к матери и говорит:

— Мать, лежал я с перебитым крылом, и этот человек спас меня от смерти. Одари его, дай ему что ни попросит.

Рассыпала мать орла перед охотником золото, серебро, жемчуга, самоцветы, платья да шапки — ничего не берет охотник.

— Чего же ты хочешь? — спросила мать орла.

— Дайте мне вашу ржавую шкатулку.

Достала мать орла еще больше драгоценностей, еще лучше и прекрасней, — не берет охотник, встал, уходит.

— Хорошо, иди бери что хочешь, — сказала мать орла.

Вернулася охотник, разложила мать орла перед ним огромные богатства — и не смотрит охотник, встал, собрался уходить.

— Иди же, бери, — говорит мать орла, сама шкатулки не даст, а только драгоценности и дорогие вещи показывает. Ничего и в руки не берет охотник, так было и ушел. Вернула его мать орла в третий раз и отдала шкатулку.

Сказала:

— Смотри, не трогай шкатулку, не открывай ее, пока не донесешь домой, не то пожалеешь.

Посадил орел охотника на спину, слетел вниз, посадил охотника и улетел.

Идет охотник, несет шкатулку, думает: «А ну как обманули меня и пустую шкатулку всучили! Дай-ка посмотрю, что там лежит. Может, там такое, что убьет меня».

Открыл шкатулку — вышли оттуда лавки, дворцы, раскинулся огромный город; бегают по городу купцы, суетятся, шумят, идет торговля, кипит жизнь. А охотник стоит смотрит, не знает, как загнать все это обратно в шкатулку да закрыть ее. Стоит ломает голову, волосы на себе рвет.

В это время идет дэв.

— Что ты убиваешься, человек?

— Да как же не убиваться — открыл шкатулку, вырос целый город, а как загнать его обратно и закрыть шкатулку, не знаю.

— А что дашь за помощь? — говорит дэв. — Дашь то, о чем не знаешь?

— Дам, — сказал охотник, — отчего нет?

Не знал охотник, что жена его родила златокудрого сына, пока он летал с орлом.

Закрыл дэв шкатулку и весь город туда загнал; как было, так там голое поле и осталось.

— В свое время спрошу обещанное, пришлешь, — сказал дэв.

Пришел охотник домой, открыл шкатулку — вышли лавки, дома, дворцы, вырос огромный город. Ходят по городу купцы, торгуют, суетятся, шумят. Стал наш охотник хозяином всего города.

Печалит его только судьба сына: требует дэв обещанного, не отстает. Пришло время, встал и пошел этот златокудрый юноша к дэву. Шел, шел, встретил старушку.

— Куда ты, сыночек? — спрашивает старушка.

— К дэву на съедение, — говорит он.

— Сынок, — сказала старушка, — пойдешь туда, увидишь реку, к той реке дочка дэва купаться придут. Спрячься там. Та, которая выше встанет, — старшая, пониже — средняя, а в самом низу — младшая, выкради у нее платье и спрячь... Сестры уйдут, а она останется раздетой, что ей делать? Не дашь ей одежды — станет твоей женой; во всем она тебе поможет и от беды избавит.

Все в точности выполнил юноша, как его старушка научила. Пошел к той реке, спрятался, подстерег сестер. Пришли сестры, разделись, купаются. Вышел юноша, взял одежду младшей и спрятал. Искупались сестры, выпли из воды, старшие оделись и ушли, осталась одна младшая, ищет одежду, ищет, не нашла и позвала:

— Кто ты, выйди, покажись, ты брат — я сестра!

По выходит юноша. Еще раз позвала девушка:

— Выйди, покажись, ты брат, а я сестра!

Не выходит юноша. Тогда позвала девушка:

— Выходи, покажись, будь по-твоему — ты муж, а я жена!

Вышел он, отдал одежду. Взглянула девушка, понравился ей златокудрый юноша. Спросила:

— Кто ты и что привело тебя сюда?

— Я к твоему отцу на съедение иду.

— Не бойся,— сказала она,— ты только скажи мне, когда трудно придется.

Пошел юноша к дэву. Дэв сказал:

— Закажу тебе одно дело, не выполнишь, знай — съем. В одну ночь весь мой дом и двор покрой золотой тканью.

Грустный, пошел юноша к жене.

— Так и так велит твой отец. Что делать?

— Ты иди спать,— сказала жена,— я сама все сделаю.

Призвала она своих людей — велела покрыть золотой тканью весь двор и дом. Наутро сказала мужу:

— Пойди сядь, подправь там-сям, будто ты все соткал.

Вышел дэв, смотрит — сидит юноша и подправляет золотые ткани. Что делать дэву? Велел он юноше:

— Поставь мне к утру такой дворец, чтобы и царю не зазорно было в тот дворец войти.

Пошел юноша к жене, сказала она:

— Ты иди спи, я сама все устрою.

Лег он и заснул. Познала жена своих людей, сказала:

— А ну, работайте половчей, на вас одна надежда!

Поставили к утру дворец, взглянешь — глаз не отвести.

Утром сказала жена мужу:

— Вставай, поднимись наверх, возьми молоток, постучи немного, будто чего за ночь недоделал.

Поднялся юноша, держит молоток, постукивает.

Вышел дэв, видит — стоит чудесный замок. Закусил губу, да что делать? Сказал дэв:

— Есть у меня копь необъезженный; объездишь его — хорошо, а нет — съем тебя.

— Хорошо,— сказал юноша.

Пошел к жене, рассказал.

— У твоего отца копь необъезженный, надо его объездить.

— То все было еще ничего,— сказала жена,— настоящее дело только теперь начинается. Мой отец сам станет конем, а ты должен его объездить. Я тебе дам удила, надешь их на него, возьми с собой молоток железный: вверх взлетит — по голове бей, вниз пойдет — в нос колоти. Не

жалей его, ведь он — твоя смерть, бей что есть силы, не то живым не уйдешь.

Наутро взял юноша удила и железный молоток, пошел, сел на коня; взлетел конь к небу. Летит конь кверху — бьет его юноша железным молотком по голове, бьет что есть силы, а пойдет конь к низу — он в нос его колотит. Исколотил всего. Устал конь, замучился, остановился еле жив. Отвел юноша коня в конюшню, снял удила и ушел.

Обернулся конь дэвом и стал в дверях.

— Ну как, объездил коня? — спрашивает.

Смотрит юноша — у дэва вся морда в крови.

— Что это с тобой? — спрашивает.

— А это ты меня так отделал, — говорит дэв, — конь, на котором ты сидел, был я. Но завтра я тебя все равно съем, не спасешься.

Испугался юноша, идет к жене.

— Ну как, объездил коня? — спрашивает жена.

— Твой отец завтра все равно съест меня, — сказал муж.

Встали в ту ночь муж с женой и пошли. Идут, бегут сколько сил хватает. Как рассвело, узнал дэв, что сбежали они, и погнался за ними.

Бегут муж с женой.

— Оглянись, не гонится ли кто? — сказала жена.

Оглянулся юноша:

— Что-то вдали с муху виднеется.

Обернулась жена нивой, муж — жнецом. Стоит жнец, потом обливается.

Подошел дэв, спросил:

— Здесь юноша с девушкой не проходили?

— Целый день живу, потом исхожу, до прохожих ли мне? — говорит жнец. — Никого и не видел.

Вернулся дэв домой.

Стала бьовь нива девушкой, а жнец — юношей, и пошли они дальше.

Пришел дэв домой, говорит жене:

— Никого не нашел!

— Так совсем никого и не было? — спросила жена.

— Да нет, было: в одном месте стояло хлебное поле и жнец жал его. Подошел я, спросил, да не видел он никого.

— Так это и были твоя дочь и твой зять, — говорит жена дэва.

Погнался дэв за беглецами.

Говорит жена мужу:

— Оглянись, не видно ли кого?

— Что-то с муху виднеется, — говорит муж.

— Это мой отец.

Стала девушка дремучим лесом, таким густым, что и луч солнца в девшешую его грудь не проникает, а юноша — стариком; бродит старик возле леса и щепки подбирает. Подошел дэв.

— Здесь юноша с девушкой не проходили?

— Клянусь этим лесом — с тех пор как он стоит, здесь никого, кроме тебя, не было. Я старик, что мне до прохожих?

Повернулся дэв, пошел домой.

Стал лес девушкой, а старик — юношей, и пошли они своей дорогой. А дэв пришел домой.

— Ну что, не догнал, не поймал? — спрашивает жена дэва.

— Нет, — сказал дэв, — никого не нашел, кто бы их видел. Дорогой только и встретился мне один старик — щепки у леса подбирает, — больше никого не было.

— Ах ты дурак! Тот лес — твои дочь, а тот старик — твой зять. Теперь я сама отправлюсь, посмотрим, как они уйдут от нас.

Сели на коней и поскакали вдогонку. Свешат беглецы, догоняют их дэв с женой.

Сказала девушка:

— Оглянись, не гонится ли кто?

Оглянулся юноша, говорит:

— Что-то с муху виднеется.

— Это мой отец, — сказала дочь. Посмотрела, видит — двое их и мать с ним вместе, теперь уж не спастись им.

Стала она бездонным озером, а он — уткой.

Подошел дэв с женой, видят — блестит озеро, плавает по озеру утка. Приникла жена дэва к озеру, пьет, хочет все озеро осушить, пьет и дэв. Пили, пили и лопнули.

Стало озеро девушкой, а утка — юношей, обнялись они, поцеловались на радостях. Сели на коней дэва и поехали к отцу того юноши.

38. Сын орла

Было то пль не было, жил да был один царь. Детей у него не было, и он очень горевал. Спустя некоторое время вдруг родился у него орел. Огорчился государь, да только что он мог поделаться? Приказал вырыть большую яму и бросить туда этого орла.

Орел был таким ненасытным, что в один присест съедал быка, и за короткое время изничтожил он весь царский скот. Трудно было царю его прокормить, и издал он по всему своему царству приказ: из каждой семьи поочередно приводить одну скотину, а если скота нет — взамен него по человеку орлу на съедение. И так вскоре съел орел все царство.

Наконец пришел черед одной семьи, в которой воспитывалась девушка-сирота. Сироту отдать орлу той семье, конечно, не так жалко было...

Узнав, что ее собираются отправить орлу на съедение, пошла девушка на материнскую могилу и стала там горько рыдать. Вдруг услышала из могилы голос своей матери:

— Ты меня внимательно выслушай, дочка, и сделай все, как я скажу. Достань буйволиную шкуру и, когда тебя поведут к орлу, завернись в нее хорошенько, так, чтобы орел не смог тебя увидеть. Когда тебя сбросят в яму, ты из шкуры не вылезай. Орел будет ходить вокруг тебя, но ничего не сможет с тобой поделать. Тогда он заговорит и скажет: «Кто ты такой? Вылезай-ка из этой шкуры». А ты ему в ответ: «Нет, сперва ты вылезай». Орел будет долго на своем стоять, но ты в конце концов заставь его выбраться из его шкуры. А когда орел вылезет из шкуры и скажет: «Ну вот, вылез я, а теперь ты вылезай», ты все равно ему не показывайся, а скажи: «А вот, один ноготь у тебя остался, вытащи и его, тогда выйду». Орел снова заупрямится и долго будет стоять на своем, но ты ни за что не соглашайся. Когда же он в этот ноготь вытащит, тогда и ты выходи из шкуры и не бойся: ничего он тебе не сделает.

Обрадовалась девушка, встала и пошла искать буйволиную шкуру. На следующий день пришел человек от господаря и повел ее к орлу. Сиротка прихватила с собой шкуру и, когда пришла к яме, завернулась хорошенько в эту шкуру, да так ее в яму-то и сбросили.

Ходил орел вокруг нее, ходил, да никак не нашел места, куда можно было бы хоть один зуб вонзить¹. А как увидел, что ничего поделать не может, заговорил:

— Кто ты там? Вылезай из своей шкуры!

— Сперва ты вылезай,— возразила девушка,— а потом уж и я вылезу.

Не поправились орлу такие слова, и он пытался вытащить девушку из шкуры, но она держалась крепко и не вышла.

В конце копцов вылез орел из своей шкуры и сразу превратился в прекрасного юношу.

— Ну вот, — говорит, — вылез я из шкуры, а теперь ты выходи из своей.

— Нет, — заупрямилась девушка, — у тебя один ноготь в шкуре остался, так пока и его не вытащишь, я не выйду.

Не хотелось орлу вытаскивать ноготь из шкуры, но девушка на своем настояла, и пришлось ему подчиниться.

Тогда и девушка сняла с себя буйволпную шкуру и вышла. И были те юноша и девушка такими прекрасными, что красота их всю яму светом озарила.

Прошло несколько дней, и удивились слуги: почему не кричит больше орел, не требует пищи? Подошли к яме, заглянули — и видят там прекрасного юношу и девушку необычайной красоты. Побежали, доложили об этом царю.

Царь сперва не поверил: думал, обманывают его слуги — и приказал их казнить. И других слуг, приносивших ему эту весть, всех убивал. Накопец один человек, известный своей честностью, попросил царя сходить туда и самому убедиться.

Встал тогда царь и пошел к яме. Видит — и вправду сидят там прекрасные юноша и девушка; пожалел он тогда о невинно казненных слугах, да уж сделанного не исправишь.

Вышли юноша с девушкой из ямы и повенчались, стали мужем и женой.

Подарил царь этой женщине прекрасного скакуна. А скакун тот, надо сказать, ведунгом был. Как прошло немало времени, захотелось царевичу съездить в одно царство-государство, и попросил он у своей жены того скакуна.

— Если ты одолжишь меня царевичу, — говорит ей тут скакун человеческим голосом, — то предупреди его, чтоб там, где он с меня соскочит, привязывал бы меня только за одну ногу. А еще запомни, что я тебе скажу: когда будут тебя вином подпивать, ты про себя так говори: «Пусть мой скакун пьянеет», а после этого пей на здоровье.

На следующий день отправился царевич в другую страну. А жена его тяжелая была и через неделю родила златокудрого мальчика. Царь с царницей написали письмо и отправили сыну с гонцом. Гонец этот в дороге переночевал у одной женщины, где все путники останавливались, — в таком месте дом ее стоял.

Как заснул ночью гонец, эта злая женщина достала у него письмо из кармана и прочитала. А в нем родители

сообщали сыну: «Родила твоя жена златокудрого мальчика». Порвала женщина это письмо и написала другое: «Жена твоя на весь божий свет нас опозорила: родился у нее щенок». Запечатала письмо и положила голицу в карман. Наутро встал голец, поехал дальше и доставил то письмо царевичу.

Страсть как огорчился царевич, прочитав такое письмо. Написал в ответ: «Сохраните и мать и сына до моего возвращения» — и вручил письмо тому же голицу.

На обратном пути заночевал голец у той же самой злой женщины. Ночью, как заснул голец, она снова вытащила у него из кармана письмо, порвала и написала так: «Дорогие мои родители, прошу, не дожидаясь моего возвращения, разожгите известковую печь, бросьте в нее мать и ребенка да сожгите».

На рассвете встал голец и отправился к своему царю. Прочитал царь письмо — и остолбенел: таким страшным показался ему ответ сына. Решил он, однако, не идти против воли любимого сына и велел развести огонь в известковой печи.

За обедом царь с царицей все подливали вина своей певестке: пей, мол, да пей. Невестка, однако, не забыла, чему ее учил скакун-ведун, и каждый раз, прежде чем пить, повторяла про себя: «Пусть мой скакун пьянеет» — и не опьянела, хотя царю с царицей хотелось ее напоить допьяна, чтоб она не почувствовала страданий.

После обеда женщину с сыном усадили в сундук, крепко обвязали и бросили в печь. В тот же миг скакун, привязанный за одну ногу, оборвал привязь и бросился к той печи. Прыгнул в нее, схватил сундук, выскочил из печи и унесся с ним в пустынное место. Там поставил он сундук и сорвал с него крышку. Вышли оттуда мать с сыном целые и невредимые. А скакун к тому времени настолько ослабел, что жить ему уж немоготу стало. Умирая, дал он женщине такое наставление:

— Когда я умру, ты отрежь мой хвост и, куда ни пойдешь — в ту или в другую сторону, хлестай им по земле, и превратится эта пустыня в цветущий край.

Сказал эти слова скакун и тут же испустил дух. Женщина сделала так, как он сказал, и вмиг стала вся пустыня цветущим краем. Поселилась она там и стала жить-поживать да сына своего растить.

Вырос мальчик, стал могучим богатырем-красавцем. Начал ходить на охоту и однажды во время охоты познакомился с семью братьями-девами. Так полюбился им этот

юноша за мужество и красоту, что они стали его учить и давали ему наставления.

Но прогневался бог на мать этого юноши — захотела она выйти замуж за одного хромого дэва. Только стыдно ей было перед сыном, и решила она отделаться от него. Попросила своего дружка — хромого дэва — научить ее, куда бы послать сына, чтобы оттуда он уже домой не смог вернуться.

— А ты притворись больной и пошли его к кабану, — научил ее хромой дэв. — Скажи, что излечить тебя сможет только печень того кабана, и если, мол, принесешь ее — поправлюсь, а пет — умру.

Вернулся сын домой и видит — лежит мать и стоит. Очень он огорчился.

— Что с тобой? — спрашивает. — И как можно тебя вылечить?

Мать ему в ответ сказала все так, как дэв ее научил.

Утром встал юноша, пошел к своим друзьям-дэвам и поведал им о своей печали. А они рассмеялись и говорят ему:

— Эх ты! Не знаешь даже, что мать убить тебя хочет, она же тебя на хромого дэва променяла.

Не поверил им сын и попросил объяснить ему, где живет тот кабан.

— Да ты что, в своем уме? — говорят они. — Еще не было такого, чтобы тот, кто к этому кабану подошел, домой живым вернулся! Впрочем, если уж ты нам не веришь и все-таки решил идти туда, то знай: должен ты стрелу прямо в лоб ему нацелить, и если попадешь — так и убьешь его, а пет — погибнешь ии за что ни про что.

Отправился юноша к кабану. Как приблизился да увидел лютое чудовище — страшно ему стало. Разъяренный кабан бросился прямо на него, да парец не растерялся и пустил ему стрелу прямо в лоб. Издох кабан, а молодой богатырь вырезал у него сердце и печень и отнес матери.

Мать не поверила: не может быть, думает, чтобы он того кабана убил. Показала внутренности своему хромому дэву, а он подтвердил: истинная, мол, правда — это и есть тот самый кабан.

После этого снова научил дэв свою возлюбленную.

— Ты, — говорит, — опять больной прикинься и скажи сыну так: «Принесешь мне, дескать, живой воды — поправлюсь, а пет — смерти мне не миповать». Еще скажи ему, что об этом снадобье ты во сне узнала.

Пришел сын домой, видит — мать опять больная лежит.

— Что с тобой? — спрашивает. — Скажи, как тебя вылечить?

Сказала ему мать все, как дэв научил.

Опять отправился сын к своим друзьям-дэвам, а те его снова на смех подняли.

— Да неужели, — говорят, — ты до сих пор не понял, что мать хочет со свету тебя сжить? Впрочем, если не веришь, воля твоя. В то место, где живая вода из родника вытекает, есть только один вход — через скалу. Раз в году эта скала раздвигается, и проход ненадолго открывается, а потом снова закрывается на целый год.

Отправился юноша в путь. Шел, шел, а как пришел к той скале, видит — проход открыт. Он и вошел туда, подошел к роднику, набрал живой воды. Потом стал оглядываться — и поразился красоте, что была вокруг: дивный сад, полный небывалых цветов, и в нем такая прохлада. Лег он в густую траву среди цветов и заснул крепким сном. А пока он спал, скала снова закрылась.

Жила в том саду дева солнечной красоты со своей служанкой. Как раз в то самое время спустилась служанка в сад, к роднику, воды набрать. Увидела спящего юношу и долго стояла, любуясь его красотой. Очень он ей понравился. Потом очнулась, побежала к своей госпоже и говорит:

— Какой-то юноша спит в нашем саду, да такой красавец — глаз не оторвать!

Встала тогда дева и пошла в сад поглядеть. Разбудила юношу.

— Ты кто такой, — спрашивает, — и откуда взялся да зачем к нам пожаловал?

Рассказал он ей свою историю, и рассмеялась красавица:

— Мать твоя сегодня ночью венчается с хромым дэвом, а тебя она хотела убить, потому что стыдно ей было перед тобою.

— Как ты можешь так говорить? — не поверил ей юноша. — Разве мать так со мной поступит?

Сняла тогда красавица перстень со своего пальца, дала его юноше и говорит:

— Я же знаю, что ты все равно назад вернешься; так вот, покажи этот перстень скале, и она откроется.

Дала еще ему свою собачку, чтобы та ему дорогу показала.

Подошел юноша к скале, показал ей перстень — и открылась скала. Пошел юноша к себе домой, приходит и видит — дом полон гостей и в нем веселье: свадьбу справляет его мать с хромым дэвом. Он очень рассердился, схватил свой лук, натянул — и пустил стрелу сперва в мать, убил ее на месте. Потом выстрелил в дэва — и тоже убил.

После этого пошел к своим друзьям-дэвам и все им рассказал, что пришлось ему пережить. Попрощался с ними и отправился обратно к деде бессмертия. Подошел к скале, снова показал ей перстень и вошел в открытый проход. Обвенчался с той девой, и стали они жить.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

39. Любовница дэва и ее сын

Было то или не было, жил да был один человек, и было у него три дочери. Жена его умерла, и он привел другую. Прошло немного времени, и стала новая жена приставать к нему:

— Хочешь не хочешь, а спровадь куда-нибудь своих дочерей, чтоб они мне на глаза не попадались.

Долго отказывался муж, долго спорил с женой, но она не отставала:

— Уведи их подальше, чтоб они там заблудились и потерялись.

Пришел он однажды в лес, разыскал там яблоню, целую педелю копал под ней землю и выкопал глубокую яму. Копчив копачь, сорвал с дерева три яблока и принес дочерям.

— Отец, — попросили его дочери, съев по яблоку, — отведи нас к той яблоне, пожалуйста.

— Ну что же, дочки, завтра сходим туда, — обещал им отец. А жене сказал:

— Сделай им хоть одно доброе дело напоследок: папеки хлебов, я возьму с собой и брошу дочерям, чтобы была у них еда.

Встала жена, наполнила суму сушеным навозом, а сверху положила три хлеба.

Настало утро, взвалил отец на плечи суму и говорит дочерям:

— Ну, пошли, да не забудьте взять с собой ковер.

Шли они, шли и наконец пришли к той яблоне. Расстелил отец поверх ямы ковер, взобрался на дерево и сказал девушкам:

— На ковер пока не становитесь, а как патрясу я побольше яблок, так сразу ступайте на него и собирайте.

Посбивал он яблоки, потом слез с дерева и говорит:

— Ну-ка, дочки, теперь спешите на ковер, а то как бы кто вас не опередил.

Вбежали они на ковер и провалились в яму. Отец открыл суму, заглянул внутрь, увидел там сушеный навоз и окликнул дочерей:

— Что я могу поделатъ, пусть ляжет грех на вашу махеху! — И пошел домой.

Проголодались девушки в яме, и одна из них предложила:

— Давайте, сестрицы, каждая отрежем у себя по мизинцу, и у кого он окажется вкуснее, ту и съедем.

Отрезали мизинцы, попробовали, но так и не смогли на вкус отличить один от другого.

— Ах, — сказала тогда старшая сестра, — вот если бы одна рука превратилась у меня в заступ, а вторая — в лопату!

Смотрят — а желание-то ее исполнилось! Тут начала она рыть землю, копала, копала, спускаясь все ниже и ниже, и наконец оказалась в подземном царстве. Там одна старуха пригласила ее к себе в дом и угостила хлебом. Девушка один кусок сама съест, второй кладет себе на правое колено, а третий — на левое.

— Для чего ты откладываешь хлеб? — удивилась хозяйка.

— Да там, наверху, — ответила девушка, — у меня две сестры сидят голодные, вот для них я и откладываю.

— Так ступай же, приведи их сюда, — сказала старуха.

Пошла девушка и привела с собой сестер.

Через некоторое время прослышал царский сын, что у одной старухи в его царстве живут три девушки, три невиданные под солнцем красавицы. Пошел повидать их и спрашивает:

— Ну, а кто из вас каким ремеслом владеет?

— Я могу, — сказала старшая, — соткать такой ковер, что если все твое царство посадить на него, половина ковра останется свободной.

— А я, — сказала средняя сестра, — могу в яичной скорлупе приготовить столько еды, что, если пригласишь все свое государство, все насытятся, а половина еды еще останется.

Младшая сказала ему:

— Господи, мне нечего сказать вам.

Но царевич пристал к ней:

— Нет, скажи да скажи.

— Ну ладно,— отвечала младшая.— Я ничего такого делать не умею, но только, кто на мне женится, тому рожу сына или дочь с золотыми кудрями.

Обрадовался царевич и женился на ней. Всех трех сестер забрал с собою.

Через некоторое время уехал царевич на войну, оставив жену на сносях, и дома поручил:

— Кого бы ни родила моя жена, сразу напишите мне.

Родился у нее златокудрый сын, а сестры написали царевичу: «У твоей „писаной красавицы“ родился щенок».

Вскоре от царевича пришел ответ: «Не дожидаясь моего возвращения, мать и ребенка сожгите в печи». Пожалели их царицы и вазирьы и не стали сжигать, а увели на высокую гору и там отпустили. Потом разожгли печь, бросили туда свинью и показали пепел от нее.

Когда мальчик, живший в горах, немного подрос, он однажды спросил у матери:

— Где бы мне достать лук и стрелы?

Мать дала ему перстень и сказала:

— Ступай, сынок, в город и, когда придешь к царскому двору, отнеси государю этот перстень и попроси взамен лук и стрелы.

Отправился юноша в город и попросил слуг передать перстень царю.

Доложили слуги царю:

— Пришел какой-то мальчик и принес вот этот перстень, а взамен просит дать ему лук и стрелы.

— Верните ему перстень,— повелел государь,— и пусть забирает лук и стрелы даром.

Получив лук и стрелы, мальчик вернулся в горы. Начал охотиться и вскоре настолько окреп, что лук перестал годиться для него. Снова попросил он у матери перстень. Получив его, спустился в долину, пришел в город и опять отослал перстень государю.

Доложили слуги царю:

— Пришел молодой человек, принес вот этот перстень, а взамен просит дать ему лук и стрелы.

— Верните ему перстень,— повелел государь,— и дайте лук и стрелы.

Получил молодой человек лук и стрелы и снова вернулся к матери. Поохотился еще некоторое время и стал

таким сильным, что и эти лук и стрелы оказались для него непригодными. Снова попросил у матери перстень, отправился к царскому дворцу и отослал перстень государю.

— Опять пришел тот юноша, — доложили слуги царю, — просит новый лук и стрелы.

Царь велел выдать ему оружие, но, когда юноша натянул лук, он у него в руках сломался. Доложили об этом государю, и тот приказал:

— Отведите его в город, пусть там изготовят ему такие лук и стрелы, какие он хочет.

Отвели его в город к ремесленникам.

— Сделай мне трехпудовый лук, — попросил юноша кузнеца.

Изготовил кузнец трехпудовый лук, а юноша натянул его и сломал. Попросил изготовить шестипудовый, натянул и только немного помял. Забрал и унес.

Пустил юноша стрелу в сторону горы, и попала она в скалу. Скала взлетела кверху, а из-под нее что-то выпало. Пришел он к матери и говорит:

— Знаешь, мать, в одном месте я сбил стрелой скалу, а оттуда что-то выпало.

— Да вряд ли, сынок, — сказала мать, — там ничего не могло быть.

Снова пошел юноша на охоту. Выстрелил из лука — полетела стрела далеко-далеко и возилась в степу дома, а в том доме жили девять братьев-дэвов. Увидел старший брат стрелу и говорит младшему:

— Пойди-ка выкинь эту стрелу.

Взялся за стрелу младший брат, но даже пошевелить ее не смог. Встали все дэвы, все девять братьев, но ни одному из них не под силу оказалось вытащить ее. Перепугались дэвы, покинули дом и убежали, только один остался, спрятался в самой дальней комнате.

Пришел тот юноша, поддел стрелу мизинцем и вытащил без труда. Осмотрелся по сторонам, понравился ему дом, пошел к матери и говорит ей:

— Знаешь, мать, в одном месте я нашел хороший дом, совсем пустой, пойдем туда.

Привел он мать в дом дэвов, и стали они там жить да поживать.

Юноша снова отправился на охоту. Только ушел — вылез из своей комнаты тот дэв, который там спрятался, и затеял любовную игру с матерью юноши. Понравилось это ей, и они полюбили друг друга.

Однажды женщина говорит дэву:

— Надо нам что-то придумать, чтобы извести моего сына, а не то прознает он о нашей любви — недобровать нам тогда.

— Об этом,— сказал дэв,— и говорить не смей: ведь он такой сильный, что никто его убить не сможет.

Но женщина опять за свое.

— Ты,— говорит,— если захочешь, обязательно что-нибудь да придумаешь.

— Ну ладно, ты прикинься больной,— научил ее дэв,— и скажи ему так: «Есть в одном месте огромный кабан, принесешь мне его сердце и печень — я поправлюсь, а не принесешь — умру». Только тот кабан может его убить.

Пришел сын с охоты, видит — мать больна.

— Что с тобой, мать? — спрашивает.— Чем ты больна?

— Плохо мне, сынок,— отвечала мать,— вот, говорят, есть в одном месте огромный кабан; принесешь мне его сердце и печень — я поправлюсь, а не принесешь — умру.

— Только бы ты была адорова, мать,— говорит ей сын,— а уж я, если останусь жив, припесу.

Отправился юноша на ту гору, где жил кабан. Бросился на него кабан, а юноша как выстрелит из лука, так и развалился кабан пополам. Вырезал он у него сердце и печень, отрубил ему голову и захватил с собой. Принес домой и говорит матери:

— Вот, мать моя, ты просила сердце и печень, так я их припес вместе с головой.

Только пошел он снова на охоту, а женщина опять пристала к своему дэву: «Придумаем да придумаем, как бы извести моего сына».

Дэв говорит ей:

— Оставь меня в покое: только бы он обо мне не про- слышал, а то ведь и меня убьет.

Но женщина опять не отстает:

— Ты, если только захочешь, что-нибудь да придумаешь.

— Ну ладно,— научил ее дэв,— ты скажи ему так: «В одном месте жар-птица папкунджи поедает орлят: принесешь мне сердце и печень орла — я вылечусь, а не принесешь — умру».

Потребовала мать у сына того, чему научил ее дэв. Отправился юноша в путь-дорогу и наконец пришел к ор- ляткам. Прилетела папкунджи пожрать итенцов, а юноша как выстрелит из лука, так и убил жар-птицу. Уставший,

он прилег и уснул, а орлята вылетели из гнезда и расправили крылья, образовав над ним навес, чтобы он отдохнул в тени. Когда прилетел орел, юноша проснулся, выстрелил в него из лука и убил. Вырезал у него сердце и печень, прихватил с собой орлят и ушел. Вернулся домой и говорит матери:

— Вот, мать моя, ты просила сердце и печень орла, так я их привес вместе с птенцами.

Как только юноша снова пошел на охоту, женщина спросила дэва:

— Неужели мы так ничего и не сможем придумать, чтобы его извести?

— Знаешь, — сказал тогда дэв, — есть в одном месте глина для мытья головы; стоит ему туда прийти и накопать этой глины, как он сразу же ослепнет.

Вернулся сын с охоты.

— Оказывается, — говорит ему мать, — в таком-то и таком-то месте есть глина для мытья головы, и ты должен мне ее принести, иначе я умру.

Отправился туда юноша, взяв с собой спасенных им орлят. Пришел в указанное место, начал копать глину, вспотел и ослеп. Сидит и не знает, как быть.

В это время идут по дороге погонщики лошадей. Услышал юноша человеческие голоса и взмолился:

— Возьмите и меня с собой!

— Что ты, что ты! — говорят погонщики. — Разве до тебя нам сейчас? Мы боимся, как бы на нас враги не напали, и поэтому должны очень спешить.

И все же встал слепой юноша и пошел вслед за ними, прислушиваясь к их шагам. Только стемнело — напали на погонщиков враги. Окликнул тогда слепой своих птенцов:

— А ну-ка, орлята мои!

Как полетели орлята на врагов, так сразу всех и перебили.

Настало утро, и пошли они дальше. Двинулся и слепой юноша вслед за погонщиками.

Шли они, шли и пришли в город. Здесь погонщиков все стали спрашивать:

— А не продаете ли вы вот этих орлят?

— Ну нет! — отвечали погонщики. — Эти орлята — не наши, они принадлежат вот тому слепому.

И вдруг в это самое время выбегает из дворца царевна, девушка не виданной под солнцем красоты, обнимает слепого юношу и давай его целовать. Вышел и ее отец, и говорит ему царевна:

— Ни о ком другом я и слышать не хочу, так и знайте: если отдадите меня кому, так только этому юноше, а нет — я с собой покончу.

— Да что с тобой, дочка, — говорит отец, — на что тебе этот слепой человек?

Но девушка продолжала стоять на своем.

— Вы помните, — спросила она, — как меня похитил дьявол и держал в скале? Так вот именно этот человек разбил скалу своей стрелой и освободил меня.

Обвенчал тогда государь свою дочь с этим слепцом и приказал устроить ему ложе под тополем, стоящим у дверей. Слепой юноша часто лежал там.

Однажды прилетели три голубя, сели на тополь и стали между собой разговаривать. «Бедный юноша! — сказал один из них. — Вы знаете, кто он? Это — тот самый, которого предала родная мать. Если бы он только мог услышать наши слова, протянул бы руку назад, поворачиваясь, содрал кору с этого дерева и потерял ею глаза, он прозрел бы».

Протянул юноша руку назад и сорвал кору, поворачиваясь, потерял ею глаза и сразу прозрел. Послалли человека к дарю с радостной вестью о том, что зять его прозрел. Государь так обрадовался, что снова справил свадьбу.

После этого прозревший юноша закупил разного мелкого товару и отправился к матери. Подойдя к дому, он стал кричать:

— Мелкий товар, мелкий товар, кому нужен мелкий товар?

Позвала его мать, завела в дом, набрала мелкого товару.

— Ты бери сколько хочешь, — говорит юноша, — только дай мне взамен вон тот железный лук, что там валяется.

— Возьми, — сказала мать, — если справишься. Был у меня когда-то сын, и это — все, что от него осталось.

Взял юноша в руки лук и стрелы и крикнул:

— В быка или в корову?

Взмолился дэв:

— А при чем тут бык? Коровы виноваты — в нее и стреляй!

Пустил юноша стрелу в дэва и оторвал ему голову. Забрал мать с собою, вернулся к тестю, и стали они жить да поживать.

40. Мастер и ученик

Жил бедный крестьянин, и был у него один сын. Пришла к крестьянину жена:

— Научи сына какому-нибудь ремеслу. Не хочу, чтоб оставался он неучем, как ты.

Не дает жена покоя, пришлось крестьянину подчиниться. Взял он сына и пошел отыскивать какого-нибудь мастера.

Дорогой подошли к источнику, крестьянин пришел к воде, пил, пил, а как напился, поднял голову и воскликнул:

— Ах, как хорошо!

Вдруг выскочил из воды черт в облике человека и говорит:

— Зачем ты звал меня? Ахракар — это я!

— Я тебя не звал, я сказал: ах, какая хорошая вода.

— Все равно, скажи, что за нужда у тебя.

Поведал крестьянин ему свою нужду. Черт сказал:

— Отдай мне сына в ученики. Год буду учить его. Через год приходи, узнаешь его — хорошо, нет — так останется моим, не тронь его.

У черта было много таких учеников. За год он так изменил их, что родители не узнавали своих детей, и они навсегда оставались у черта.

Крестьянин не знал этого и согласился, оставил сына черту и вернулся домой.

Прошел год. Пришел отец за сыном. А черта нет дома. Видит крестьянин — во дворе много юношей в возрасте его сына, но сына среди них нет. Приуныл отец. «Не узнаю уж, видно», — подумал он.

Тут подходит к нему один юноша и говорит:

— Это я, отец. Сейчас придет наш хозяин, обратит нас всех в голубей. Как будем улетать, я полечу впереди всех, а полетим обратно, я отстану. Спросит тебя хозяин, который твой сын, ты и укажи на меня.

Обрадовался отец, ждет мастера с надеждой.

Появился мастер, обратил всех учеников в голубей, взлетели они на глазах у крестьянина. Полетели голуби обратно, а сын крестьянина отстал, летит позади всех.

— Ну, узнай, который твой сын? — говорит черт.

Крестьянин тотчас указал на последнего голубя.

Рассердился черт, понял, что ученик сам научил отца, но что было делать, пришлось вернуть сына крестьянину.

Идет отец с сыном.

— Чему же научил тебя мастер? — спросил отец.

Только он проговорил это, как сын прыгнул в колючий кустарник, а оттуда выкатилось золотое яйцо. Погнался старик за яйцом, а оно — в колючки, и не достать его. Выскочил сын из кустарника, а отец ему:

— Видно, нет у тебя счастья, совсем близко было золотое яйцо, да закатилось в колючки.

Только проговорил это отец, сын прыгнул в кустарник, а по земле побежала, переваливаясь, золотая курица. Погнался за нею старик, не догнал, а сын опять к нему возвратился.

— Эх, нет у тебя счастья, — вздохнул слова старик.

И вдруг бежит золотой заяц. Погнался за ним, заяц — тоже в кусты, а оттуда уж сын выходит. Рассердился старик:

— Чему же учил тебя мастер? Как счастье — тебя нет, а ушло счастье — ты тут как тут.

— Не сердись, отец, — сказал сын. — И золотой заяц, и золотая курица, и яйцо — это все был я.

Обрадовался старик, и пошли они дальше. Вышли в поле. Видят — князь охотятся. Напустили на одного зайца уйму гончих, да никак не поймают. Говорит тогда сын отцу:

— Ты иди лесом, выгони зайца, а я превращусь в гончую и на глазах у князей поймаю его. Пристанут к тебе князь — будут просить продать меня, ты долго не соглашайся, запроси побольше — любую цену дадут. Потом я улучу время, сбегу и догоню тебя.

Так и сделали: отец пошел в лес, выгнал зайца, сын превратился в гончую, погнался за зайцем и на глазах у князей так ловко схватил его, что князь чуть с ума не сошли. Бросились к отцу, кричат: «Хочешь не хочешь, продавай собаку!»

Крестьянин долго отказывался, но, когда уж очень подняли цену, согласился, взял деньги и отдал собаку. Взяли ее князь на цепь и повели.

Вспугнули князь другого зайца и напустили на него новую гончую, та погналась за зайцем, отбежала подальше и, скрывшись с глаз новых хозяев, обернулась опять юношей.

Сын скоро догнал отца. Идут отец с сыном.

— Надо еще как-нибудь денег достать, — сказал сын.

Идут, видят еще князей, эти соколиной охотой заняты.

Напустили на фазана соколов, носятся те, никак не поймают.

Обернулся юпаша соколом, взыграл сокол на глазах у всех князей, схватил фазана. С ума посходили князья, так им сокол понравился. Кричат крестьянину: «Хочешь не хочешь, отдавай сокола!»

Крестьянин и тут поторговался хорошенько, а когда набавили цену, отдал сокола князьям и отправился домой.

Князья дорогой напустили сокола на другого фазана. Полетал, полетал сокол, отлетел подальше, скрылся с глаз новых хозяев, опустился на землю, обернулся человеком и стал догонять отца.

Идут отец с сыном, песут деьги, но сыну все кажется мало, вот и говорит он отцу:

— Я стапу копом, садись на меня, поезжай в город и продай, помни только — не отдавай меня пестроглазому человеку, а если отдашь — продавай без узды, не то, знай, погубишь меня.

Сказано — сделано. Оборотился сын прекрасным копом, сел отец на него и погнал к городу. Набросились на коня покупатели, а больше всех один пестроглазый торгуется: отвалил золота столько, что совсем коня золотом насыпал. Не удержался старик, продал коня пестроглазому. Взялся тот за узду, а отец не отдает. Пестроглазый, а это был черт, поднял тут крик: «Как это, за такую цену и без узды коня отдавать!» Что делать? Пришлось отдать и узду. Сел на коня черт, погнал его: не едет — летит от радости, что так легко вернул своего ученика. Приехал домой, загнал коня в конюшню и накрепко запер его.

Затосковал ученик, видит — помощи ждуть неоткуда. Идет время, ничего не может придумать. Однажды заметил он в темноте луч солища, пригляделся, видит — в стене маленькая щель. Обернулся мышью и вылез. Увидел это хозяин, обернулся коникой, погнался за мышью. Бежит мышь, гонится за нею кошка, вот-вот догонит, а мышь обернулась рыбкой и шмыг в воду. Хозяин превратился в сеть и пытался накрыть ее. Плывет рыбка, настигает ее сеть; тут рыбка обернулась фазаном, и взвился он в небо. Корнуном понесся за ним хозяин.

Летит фазан, догоняет его коршун, вот-вот вопзит в него когти. Ученик оборотился красным яблоком и упал прямо царю в корзинку. А черт обернулся ножом в руках царя. Только собрался царь разрезать яблоко, как ученик рассыпался зерном. Черт превратился в пядьку с щиплятами, и стали они клевать зерно. Все зерно было выклевали, только хотела пядька склевать последнее зернышко, как покатилося оно иголкой. Тотчас в ушко про-

делась нитка; обкрутилась нитка вокруг иголки, вот-вот закрепит ее, а игла прыг в огонь — и прошла через него. Нитка сгорела, а игла вышла из огня, как была.

Так ученик уничтожил своего хозяина. Избавившись от черта, юноша пошел к отцу, и зажили они вместе счастливо.

41. Бототина и шесть его братьев

Было то или не было, жили семь братьев. Младшего звали Бототина. Пришло время им жениться. Отправились они искать себе жен. Шли, шли, перешли через одну высокую гору. Навстречу им — дэв.

— Здорово! — говорит дэв.

— Здравствуй! — отвечают братья.

— Куда путь держите?

— Нас семеро братьев, ищем себе невест, хотим жениться.

— У меня семь дочерей, пойдем — поженю.

— Твоего ничего не хотим, — сказали братья и пошли дальше.

Шли, шли, перешли еще одну гору, навстречу — дэв.

— Здорово!

— Здравствуй!

— Куда путь держите?

— Нас семеро братьев, ищем семь невест, хотим жениться.

— У меня семь дочерей, пойдем — поженю.

— Твоего ничего не хотим, — сказали братья и пошли дальше.

Много ли ходили или мало, перешли еще одну гору, навстречу — дэв.

— Здорово!

— Здравствуй!

— Куда путь держите?

— Нас семеро братьев, ищем семь невест, хотим жениться.

— У меня семь дочерей, пойдем — поженю.

Братья подумали: «Может, это наша судьба» — и пошли. Дошли до жилища дэва. Поужинали, легли.

Все заснули, кроме Бототины. И дэв не спит, ворочается. Встал дэв и закричал:

— Кто спит и кто не спит?

— Я не сплю, — сказал Бототина.

— Что тебе мешает?

— Рев твоих волов.

Встал дэв, убил всех волов. Легли. Не спит Бототина. Дэв подумал: «Теперь-то все спят».

Встал и кричит:

— Кто спит и кто не спит?

— Я не сплю,— говорит Бототина.

— Что тебе мешает?

— Мычание твоих коров.

Встал дэв и убил всех коров, только одну оставил. У этой коровы из одного соска текло масло, из другого — молоко, из третьего — сливок, а из четвертого — мацони. Легли. Бототина все не спит.

Встал дэв и кричит:

— Кто спит и кто не спит?

— Я не сплю,— отвечает Бототина.

— Что тебе мешает?

— Кудакташе твоих кур.

Встал дэв и поотрвал всем курам головы. А Бототина переложил братьев на постели дочерей дэва, а тех на постели братьев. Встал дэв и закричал:

— Кто спит и кто не спит?

Притих Бототина, будто крепко спит, и звука не издает. Подошел дэв, перерезал всех своих дочерей: думал, что это братья. Лег и заснул.

— Вставайте, братья, бежим, не то дэв всех съест.

Встали, пошли и корову дэва с собой захватили.

Наутро проснулся дэв, зовет дочерей:

— Вставайте, дочки, зажигайте огонь, будем варить Бототину и его братьев.

Не встают дочки. Подошел дэв, видит — лежат все зарезанные, а Бототина с братьями давно ушли и корову его увели. Понесся дэв вдогонку. Догоняет дэв беглецов, а те уж перешли волосяной мост.

— Ай, Бототина, твое счастье, что успел мост перейти! Не вернешься?

— Вернусь как зять и господин,— откликнулся Бототина.

Нанялся Бототина в батраки к царю.

Царь узнал про ловкость своего батрака, призвал его к себе и говорит:

— Бототина, иди к дэву, принеси ковер, что у него есть.

— Дайте мне только шило и иголку,— сказал Бототина.

Взял шило и иголку и пошел. Пришел к дэву, залез под тахту, где дэв спит, и давай его колоть. Крихтит дэв, ворочается, что твой вертел. Не выдержал, встал.

— Совсем искусали проклятые блохи, пойду вытряхну ковер.

Взял, вынес ковер на кровлю, выбил его и повесил проветриться. Бототина только и ждал: схватил ковер и был таков.

Проснулся дэв, смотрит — нет ковра:

— Это негодяй Бототина подстроил! — и попесся вдогонку.

Догоняет дэв беглеца, а тот уже перешел волосяной мост.

— Ах, Бототина, и это сумел. Ну, погоди ж, придешь еще! — закричал дэв.

— Приду как зять и господин, — откликнулся Бототина.

Принес ковер царю. Обрадовался царь:

— Ну и парень наш Бототина! Ай да Бототина! Сходи-ка еще разок к дэву, принеси котел, что у него есть.

— Дайте мне только камень, — сказал Бототина. Взял и пошел. Пришел к дэву, влез под тахту и давай стучать.

— Ну, это уж ты, Бототина! — закричал дэв. — Теперь не уйдешь, съем тебя.

— Съешь так съешь, что ж делать! — говорит Бототина. — Только есть падо с умом. Вот привяжи меня к верхушке этого бруса у дверей, а внизу поставь твой котел, за ночь набежит с меня полный котел сала, и сало тебе достанется, и я не уйду.

Поверил дэв, пожадничал. Привязал Бототину к матице, поставил внизу котел, сам лег и заснул. Бототина отвязал веревку, слез, извалил котел себе на плечи и был таков.

Проснулся дэв паутро — ни котла, ни Бототины, зарвел и помчался вдогонку. Догоняет дэв Бототину, а он уж перебрался через волосяной мост.

— И это ты подстроил, Бототина! Ну, погоди ж, придешь еще!

— Приду как зять и господин!

Принес Бототина царю котел. Радуетя царь, какой у него батрак хороший, а все ему мало:

— Эй, Бототина, приведи ко мне самого дэва.

Задумался Бототина, а как царю отказать?

— Дайте только столярные инструменты, — сказал Бототина.

Дали ему топорик, молоток и пилу — все, что нужно, и пошел Бототина за дэвом. Приходит, а дэв сундуки сколочивает.

— Дай я сколочу, а ты садись туда, посмотри, крепко или нет, — сказал Бототина.

Согласился дэв. Сколотил Бототина сундук. Влез в него дэв, потянулся — на куски разнес. Сколотил Бототина другой сундук, разнес дэв и этот. Сколотил Бототина и третий, еще крепче. Сел дэв, тянется — никак не разцесет, а Бототина закрыл его крышкой, заколотил, взвалил на спину и бежать. Злится дэв, тянется, а Бототина бежит себе.

Попросил дэв Бототину:

— Скажи, как будем на волосяном мосту. (А сам думает: «Потянусь хорошенько, сброшу его».)

Бототина перешел мост и говорит:

— Вот мы на волосяном мосту.

Тянется дэв, дергает крышку, а Бототина бежит уж себе по гладкой земле.

Бежал, бежал Бототина — добежал до царя, поставил сундук и говорит:

— Дайте мне высокую-высокую лестницу.

Дали. Приставил Бототина лестницу к высочейшей башне, влез на нее, поднял лестницу и говорит царю:

— Вот теперь открывайте сундук.

Открыли сундук, выскочил взбешенный дэв. Сначала царя сожрал, потом всех его царедворцев. Ищет он Бототину, а Бототина сидит на верхушке башни и посмеивается. Смотрит дэв, злится:

— Как ты туда забрался, Бототина?

— А я собрал много-много сена, зажег и прыгнул в огонь — так пламя меня и подбросило сюда.

Побежал дэв, тащит сено стогами, взгромоздил целую гору, зажег, прыгнул в огонь и сгорел.

А Бототина слез с башни, все царство ему досталось; привел он своих братьев, и зажили они все вместе счастливо.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

42. Сын охотника

Жил-был охотник, у него был единственный сын. Отец умер, и сын однажды спросил у матери:

— Каким делом занимался мой отец?

— Он был охотником, — отвечала мать.

— Ну, а я займусь тем же, — заявил сын.

Мать его предупредила:

— Сынок, когда пойдешь в горы, можешь охотиться на белой горе и на черной, но на красную гору не ходи.

Ушел юноша на охоту, охотился на двух горах, да так ничего и не добыл. Тогда перешел он на красную гору. Наступила ночь, и стал он под деревом. Вдруг раздастся крик петуха, и на дерево садится птица, переливающаяся тысячей красок. Говорит себе юноша: «Не убить ее — что же мне тогда делать? А убить — вдруг потом пожалею?» Выстрелил он из ружья — и убил. На рассвете взял он с собой птицу и принес матери.

— Дай-ка, мать, отнесу я эту птицу государю.

— Ладно, сынок, — говорит мать, — только когда придешь к государеву двору и пазеры и вазеры станут с тобой торговаться, отдай им, иначе пожалеешь.

Отнес он птицу ко двору. Вазеры предложили ему двадцать туманов, да только он не согласился и преподнес птицу государю. Сказал царь назерам и вазирам:

— Отведите юношу в казну и дайте ему столько драгоценных камней и жемчужин, сколько он сумеет унести.

Назеры и вазеры повели его, дали ломоть хлеба, кусок сыру, поднесли стакан вина, а потом вlepили пару затрещин. Отправился юноша домой.

— Вот если бы эту птицу да поместить в комнату из слоновой кости, — говорят однажды вазеры царю, — тогда действительно был бы ты государем.

— А кто же мне сделает комнату из слоновой кости?

— Да тот же, кто принес птицу: сын охотника и слоновую кость добудет.

Вызвал государь сына охотника и велел доставить ему слоновую кость. Опечаленный, ушел юноша домой и пожаловался матери:

— Велел мне государь слонов ему привезти, а как же я их привезу?

— Предупреждала я тебя, что пожалеешь, — говорит мать. — Теперь ступай, сынок, и попроси у царя сто телег описи и сто телег ваты. Затем отправляйся в такое-то и такое-то место, там увидишь большое озеро; осуши его ватой, а потом панаусти туда описи. В полдень придут слоны на водопой, ошьянут и повалятся. Тогда ты подойди и перережь им глотки.

Идет юноша к государю, просит у него то, что посоветовала мать, и, забрав описи и вату, отправляется к озеру,

осушает его ватой и напускает туда опия. Как приплили слоны — напились они и, одурманенные, повалились. Подкравшись, юноша им всем перерезал глотки. Взвалил слонов на телеги и привез государю. Царь велел назирам и вазирам отвести юношу и дать столько драгоценных камней и жемчужин, сколько он сумеет унести. Назиры и вазиры повели его, дали ломоть хлеба, кусок сыру, подпесли стакан вина, а затем, влепив пару затрепачи с одной и с другой стороны, прогнали.

Прошло немного времени, и говорят вазиры государю:

— Между белым морем и красным морем живет не виданная под солнцем красавица; так вот, если станет она вашей женой, тогда вы действительно будете государем.

— А кто же мне ее приведет?

— Тот, кто все это тебе достал, и ее привести сумеет, — отвечают они.

Слова вызвал царь сына охотника:

— Должен ты привести ко мне ту не виданную под солнцем красавицу, что живет между белым морем и красным морем.

Опечалился юноша и ушел. Приходит к матери и жалуется ей:

— Велел мне государь привести к нему красавицу, что живет между белым морем и красным морем.

— Ступай, сынок, — посоветовала мать, — попроси у государя денег и, когда встретишь в пути кого-нибудь в беде, помоги ему и отпусти.

Идет юноша к государю и просит дать ему денег. Приказал царь назирам и вазирам:

— Дайте ему столько, сколько сможет унести.

Повели его назиры и вазиры и отсыпали одних медяков. Отправился юноша в дорогу. В одном месте видит — мальчишки мучают ястреба. Отдал он им все свои гроши и отпустил птицу на волю. Улетая, ястреб обернулся и говорит:

— Возьми вот это перо; может, когда и я тебе пригожусь в беде.

Идет юноша дальше и видит — у берега реки плавает на привязи рыба. Он подошел, обрезал веревку и отпустил рыбу на волю. Подплыла к нему рыба, дала косточку из плавника и сказала:

— Может, и я тебе пригожусь в беде.

Прошел юноша еще немного и видит — государев сын преследует оленя. Юноша поймал оленя и взмолился:

— Этот олень сбежал от моего хозяина, и, если подаришь его мне, доброе дело сделаешь.

Государев сын возьми да и подари ему оленя. Повел юноша этого оленя с собой, а по дороге отпустил на волю. Повернулся к нему олень, дал травнику и сказал:

— Когда-нибудь и я тебе в беде пригожусь.

Идет юноша дальше и видит — гонятся собаки за лисицей. Юноша поймал лисицу, да и спрятал. Встретились ему люди, спрашивают:

— Не видел ли ты лисицу?

— Нет, не видел, — ответил тот.

Когда люди ушли, юноша выпустил лису на волю. Повернулась лиса, дала ему свою шерстинку и сказала:

— Может, и я тебе пригожусь в беде.

Накопец подошел юноша к тому морю, где жила красавица, и говорит себе: «Что же делать, что сообразить? Если выстрелю из ружья — она ведь умрет и упадет в море».

Окликнула его красавица:

— Зачем пришел?

Юноша ответил:

— Пришел тебя увести.

— Ты должен, — говорит красавица, — трижды от меня спрятаться, да так, чтобы я найти тебя не смогла; не спрячешься — голову отрублю. Вот у меня уже три дома выстроены из мужских голов, и как раз одной головы не хватает.

Пошел юноша и, выпув ястребиное перо, встряхнул его. Летит ястреб и спрашивает:

— Что за беда у тебя?

— Должен ты меня так спрятать, — просит юноша, — чтобы красавица найти не смогла.

Посадил ястреб юношу на спицу, поднялся ввысь и, прилепив его к самому небу, своим телом прикрыл снизу.

Настало утро. Умылась девушка, посмотрела в зеркало и сразу же увидела его с земли. Приходит к ней юноша и спрашивает:

— Ну как, видела ты меня?

— Как же не увидеть: был ты на небе, а снизу тебя прикрывал ястреб, — отвечала красавица. — Ступай теперь, снова спрячься.

Ушел юноша, тряхнул косточкой из рыбьего плавника. Приплыла рыба и спросила:

— Что с тобой стряслось?

— Ты должна меня спрятать, — говорит юноша.

Посадила рыба его на спину, проплыла через белое море, выплыла в красное, спрятала юношу под камнем, а сама прикрыла его сверху.

Настало утро. Умылась девушка, посмотрела в зеркало на море, сразу же увидела юношу и говорит себе: «Смотри-ка на этого хитреца, с ним и рыба дружит». Приходит к ней юноша и спрашивает:

— Ну как, видела ты меня?

— Как же не увидеть, — отвечает красавица. — Ты проплыл белое море и вышел в красное, спрятался там под камнем, а сверху тебя прикрывала рыба. Теперь еще раз попробуй спрятаться.

Тряхнул юноша оленьим волосом. Примчался олень и спрашивает:

— Что за беда с тобой приключилась?

— Ты должен меня спрятать, — говорит юноша.

Посадила олень его на спину, пропел по девяти горам, привел на десятую гору, спрятал под скалой и сам прикрыл его.

Настало утро. Умылась девушка, посмотрела в зеркало и увидела юношу. Приходит к ней юноша и спрашивает:

— Ну как, видела ты меня или нет?

— Как же не увидеть, — отвечает красавица, — по девяти горам ты прошел, на десятой спрятался за скалу, а с этой стороны тебя прикрывал олень.

Тогда юноша попросил:

— Позволь мне еще раз спрятаться.

— Ну что ж, спрячься, — отвечала девушка.

Достал тогда юноша лисий волосок и встряхнул его. Примчалась лиса и спрашивает:

— Какая беда с тобой приключилась?

— Поскорее спрячь меня, — говорит юноша, — а не то голову мне отрубят красавица.

Посадила лиса его к себе на спину, унесла и столько носила, что в конце концов посадила его под полом в том месте, где жила красавица, прямо под ее ногами.

Настало утро. Умылась красавица, посмотрела в зеркало, глянула на небо — не увидела, взглянула на море — не увидела. Схватила зеркало, разбила, достала другое. Снова взглянула — не увидела. Разбила и его. Достала третье, посмотрела — и опять не увидела. Схватила и его, хотела разбить, но служанка взмолилась:

— Не разбивай этого зеркала, ведь в нем — наша жизнь. Лучше дай клятву тому юноше.

Окликнула юношу красавица:

— Клянусь богом всевышним и землей, что внизу, я буду тебе верна: ты — муж, а я — жена.

Проломил юпона пол головой и вылез наружу. Спрашивает красавица:

— Ты для себя меня добывался или для кого другого?

— Для государя, — ответил тот.

Отправились они в путь и прибыли к тому государю. Говорит ему тогда красавица:

— Ты должен от меня трижды спрятаться, а не сумеешь — голову срублю.

Пошел царь к своим назирам и вазирам и велел спрятать его в конюшне. Уложили его там, сверху засыпали саманом, а коням задали ячменя.

Умылась утром красавица, глянула в зеркало и воскликнула:

— Скорей выводите, а не то сердце у него вот-вот лопнет от страха перед конями!

Вылез царь и спросил:

— Ну как, видела ты меня?

— А как же! Ты лежал в конюшне, — отвечала красавица. — Еще два раза тебе осталось прятаться.

Царь велел назирам и вазирам вести его в девять комнат и навалить на него все постели, какие только есть во дворце.

Утром умылась дева, глянула в зеркало и воскликнула:

— Скорей, скорей выводите его, не то задохнется!

Вышел царь и спрашивает:

— Ну как, видела ты меня или нет?

— А как же, — сказала красавица, — был ты в девяти комнатах, а сверху на тебя были навалены все постели, какие только есть во дворце. Теперь еще раз можешь спрятаться.

На этот раз велел царь назирам и вазирам выкопать в навозе яму, посадить его туда, накрыть корзиной, а сверху засыпать навозом.

Утром умылась девушка, глянула в зеркало, увидела государя и воскликнула:

— Скорее помогите ему, не то он задохнется там, где находится!

Выходит царь и спрашивает:

— Ну как, видела ты меня или нет?

— А как же: ты в навозе задышался, — сказала красавица, да как взмахнет мечом — и срубла ему голову. Назиров и вазирова же привязала к конскому хвосту и пустила коней вскачь.

Достались юноше и красавица, и все государство. Привел он свою мать, и зажили они вместе.

Мор — там, пир — здесь.

Отсев — там, мука — здесь.

43. Смерть

Жил некогда знаменитый разбойник, не знавший удержу в своих дерзких деяниях. А у одного крестьянина рос теленок. Задумал разбойник увести теленка. Дорогою слышит из какого-то дома пронзительный крик. Удивился и бросился туда, откуда послышались вопли. Подбежал к воротам и видит — сидит на лошади человек с белою бородой, а за ним девушка молоденькая, лет шестнадцати. Руки девушки лежат на коленях мужчины, и копь идет к воротам. Ну, думает разбойник, старик похитил девочку. Подскочил украдкой к воротам, ухватил коня за узду, да и остановил.

— Скорей отпусти девочку, — закричал разбойник на старика, — не то сейчас же дух из тебя вышибу!

А мужчина с седой бородой усмехается и спрашивает:

— Кто ж ты такой, что смеешь приказывать мне?

— Я, — отвечает, — такой-то и такой-то разбойник!

— Ну, так знай же, кто я, — говорит белобородый, — меня зовут Смертью. Ныпче увожу с собой эту девушку, а через неделю, день в день, приду к тебе в гости. Встреть меня достойно, если ты настоящий мужчина, — и исчез.

Разбойник побелел с перепугу. Пришел домой и говорит братьям:

— Вот вам золото. Потратьте сколько угодно, только возведите мне за неделю такой дворец, чтоб в нем была всего одна дверь и чтоб был он такой крепкий — никакой силой в него не проникнуть.

Заметались братья, засуетились, навезли извести да камней, согнали народ, да и возвели каменный замок, точно такой, как велел им брат.

Наступил назначенный срок, заперся разбойник в комнате, обложился всяким оружием, какое только нашлось, и принялся ждать прихода Смерти. А дверь заперта крепко-накрепко и засовом наглухо закрыта. «Откуда бы ей проникнуть?» — трясется разбойник, ждет. А Смерть не идет, запаздывает. Боится разбойник уснуть, то маузер повертит в руках, вытащит из него пулю, загонит обратно, то за саблю схватится... А Смерти все нет и нет. «Прилягу-ка я, — думает разбойник, — отдохну чуток». Прилег и

успул. Прошло немного времени, слышит — будит его кто-то. Проснулся, глядит, а это Смерть пришла, как и обещала. Всполошился разбойник, перепугался, да что делать!

— Готовься,— говорит,— уведу тебя с собой по уговору.

— Ладно,— согласился разбойник,— пойду с тобой, пещего делать, да только знай, давно уже я разбойничаю, много грехов взял на душу, так не убивай, пока не замолю их, как пристало христианину, хоть разок по прочту «Отче наш»!

— Идет,— отвечает Смерть,— только читай поскорее, мне недосуг.

— Да нет, так-то как раз мне и не пойдет,— возражает разбойник,— обещай, что, пока не дочитаю, не убьешь.

— Валяй,— говорит Смерть,— обещаю.

— Да что они, одни обещаия-то,— отвечает разбойник,— ты мне бога в свидетели дай, поклянись им, что не убьешь, пока я «Отче наш» до конца не дочитаю.

Поклялась Смерть богом, а разбойник принялся за молитву:

— Отче наш, иже еси на небеси...

Дочитал до середины и остановился.

— Скорее, скорее,— торопят Смерть,— кончай свою молитву, а то мне недосуг!

— Ты мне дал клятву богом, что не убьешь, пока не кончу молитву, а я вот не желаю читать ее до конца!

Поняла Смерть, что обманули ее, и говорит разбойнику:

— Раз ты такой умный, давай подружимся, я тебя доброму научу.

Подружились-побратались, а Смерть наставляет разбойника: брось, говорит, ты свой промысел и примься за врачевание. Я при всех буду, кто страдает недугами, или в ногах, или в головах. Никто меня не увидит, один ты будешь знать, что я там. Если увидишь меня в головах, значит, не исцелиться недужному, откажись от лечения. В ногах — стало быть, выживет. Хоть простую водицу ему пропиши, все равно поднимется.

Ударили по рукам и расстались.

Бросил разбойник разбойничать и повесил вывеску: лечу, мол, от всех болезней-хворостей. И впрямь, где ни скажет — вылечится этот больной, и в самом деле он вылечивается. Про кого говорит — помрет, тот помирает. Прославился как искусный лекарь и разбогатея еще больше. Едет он как-то спустя несколько лет на коне к недуж-

тому, видит — на берег реки выбросило утонувшего ребенка. Подъехал, повертел, пощип — ничего уж поделать нельзя, и принялся рыть могилу. А у ребенка на шее крест. Христианская, думает, душа, прочту-ка я над ним перед погребением «Отче наш». Затянул молитву и дочитал до конца. Ребенок вдруг хлоп глазами, — и ожил. Глядит разбойник, а это Смерть прикинулась ребенком, подстерегла его.

— Вот, — говорит, — и дочитал ты «Отче наш» до конца. Сходи-ка в могилу, благо — готова...

Понял разбойник, что дело худо, и говорит:

— Раз уж столько добра ты мне сделала, исполни и последнюю просьбу. Отец у меня старый-престарый, позволь мне проститься с ним перед смертью.

— Ладно, — смилоствовала Смерть, и пошли они вместе.

Пришли к отцу, разбойник ему говорит:

— Смерть, мол, за мной пришла, — и пачпнает прощаться.

— Скорее, — торопит Смерть, — исполнила ведь я твою просьбу!

— Сейчас, — отвечает разбойник, — вот только выпью стакан воды из колодца да съем одну грушу.

— Пей и ешь, да поторапливайся!

Принесли воды, а грушу сорвать с дерева некому.

— Старый я старик, — жалуется отец, — не могу взобраться на дерево. Может, сами сорвете и поднесете ему!

Взобралась Смерть на дерево, сорвала грушу, а сойти вниз не может.

А когда Иисус Христос ходил в рубище по земле, взглянул, оказывается, и к отцу разбойника, старику. Отец принял его радушно, угостил щедро и оставил у себя на ночлег.

Утром встал пищий в рубище и объявляет ему:

— Я Иисус Христос и исполню, что ни попросишь, за то, что ты принял меня так хорошо.

— Не о чем таком мне просить, — отвечает старик, — все у меня, слава богу, есть, вот только груш на этом дереве никогда не могу убересть. Как поспеют, соседская ребятня облепит все ветки и не стонишь ее, пока все не съедят.

— Ладно, — говорит Христос-бог. — Отпыне кто взберется на дерево без тебя, назад дороги уже не найдет, пока сам ты не скажешь!

Вот и застряла Смерть на ветвях груши.

Крутится, вертится, извивается — то вверх, то вниз, — а сойти не может. Разбойник кричит снизу: что ты, мол, там замешкалась, сходи скорей с грушей, да и отправимся. А Смерть мечется по ветвям, суетится, да ничего поделать не может.

Взмолилась наконец:

— Спусти только вниз, исполню, что ни попросишь.

— Обещай, — отвечает старик, — что не убьешь моего сына до тех пор, пока он сам не попросит.

Поклялась Смерть богом, что не убьет, и старик позвал ее.

И во второй раз спасся разбойник от Смерти. Прошло с тех пор много лет. Состарился разбойник, еле ноги тащаст.

— Смерть, — зовет он время от времени, — эй, где ты? Тотчас же появляется Смерть с косой.

— Ну, чего тебе? — спрашивает. — Идешь, что ли?

— Еще немножко подожду, — просит разбойник.

Время не ждет, бежит, а разбойник слепнет от старости, глохнет, зовет опять Смерть, да только, как она явится, просит: подождем, мол, немножко еще.

Взмолился в конце концов: убей, мол, меня. Так и добралась-таки Смерть до мудреца-прозорливца, что целых три раза обводил ее вокруг пальца.

44. Небесная дева

Быль то или небыль, жил да был один молодой человек. Однажды он сказал:

— Давай-ка пойду куда-нибудь, может, что-нибудь найду.

Сказано — сделано: отправился он в путь-дорогу. Шел, шел и вошел в один прекрасный город. Идет, а навстречу ему — купец.

— Кто ты такой, — спрашивает, — и куда идешь?

— Да вот, — ответил юноша, — если встретится мне какой-нибудь добрый человек, пожалуй, наймусь к нему в работники.

— А ты наймись ко мне, — говорит ему купец, — вот только о жалованье я с тобой договариваться не стану: что бы я тебе ни дал, бери и уходи, не возражая.

— Ладно, — согласился парень, и взял его купец к себе домой.

Начал юноша служить у купца и так хорошо работал, что любо-дорого посмотреть. Очень он полюбился купцу.

С тех пор прошел ровно год, и как раз в тот самый день один царевич пришел в гости к купцу. Встретил его юноша, подал обед, затем ужин...

А на следующее утро говорит юноша купцу:

— Ну вот, год прошел, как я у тебя работаю, так что давай рассчитаемся.

Выносит тогда купец тростинку и дает юноше.

— Вот,— говорит,— получай свое жалованье за год...

Удивился царевич, который у купца-то гостил. «Что это,— думает,— за жалованье? Тростник-то, наверно, не простой... Дай-ка пойду за этим юношей, прослежу, да и узнаю, в чем тут дело, что это за тростинка такая»,— и пошел следом за парнем.

Идет парень да печалится: «На что мне этот тростник?» — думает.

А купец увидел, что царевич пошел за юношей.

— Эге,— говорит,— падо будет и мне за слугой моим пойти, не то, боюсь, не отнял бы у него царевич эту тростинку...— и пошел за ними следом.

Шел юноша, шел и видит — стоит дерево среди пустого поля. Подошел он к этому дереву, тростинку к стволу прилонил, а сам лег и заснул.

Глядь — а из тростинки дева вышла, да такая раскрасавица, что красотой своею все поле озарила.

Проснулся парень, взглянул на нее и от ее красоты чуть сознания не лишился. Встал и поцеловал ее.

— Ты,— говорит,— жена моя отныне.

Тем временем подошел туда царевич и давай с тем парнем ссориться.

— Я,— говорит,— государь здешний, и нет у меня такой жены; так по какому же такому праву ты должен ею владеть?

Стал он отнимать у него жену.

Тут подошел купец.

— Ну, чего ты,— говорит,— пристал к этому парню? Знаешь ведь: целый год он мне верой и правдой служил и деву эту за службу свою получил, и не можешь ты ее отнять. Оставь его лучше в покое.

— Да я вас обоих убью,— не унимается царевич,— и себя самого порешу, но не бывать тому, чтобы она стала его женой!

— Послушай,— говорит ему наконец хозяин,— пойдем со мной, и я тебя научу, как еще более красивую деву

раздобыть, да такую, что эта ей и в служанки не будет годиться.

Уговорил он царевича: отстал тот от юноши и пошел за купцом.

Воротился купец к себе домой и говорит царевичу:

— Ступай в такое-то и такое место на берег белого моря, выкопай там яму и спрячься в нее. Есть на небесах царь, а у него — три дочери, одна другой краше. Каждый день они туда в полдень кушать приходят. Ты из ямы-то своей посматривай: как они раздеются да платья свои на землю положат — а платья на них из голубиных перьев, — тут ты постарайся незаметно подкрасться к платью той царевны, которая тебе больше всех приглянется. Выдержи у нее из платья перо — и снова спрячься. Те две царевны улетят, а твоя с тобой останется.

Отправился царевич на берег моря, куда ему купец указал, выкопал там яму, затаился и ждет.

Глядь: и впрямь слетели с неба три девы — что твои ангелы. Разделись, а юноша на них смотрит — глаза оторвать не может, так они прекрасны. И все-таки младшая больше всех ему приглянулась.

Подкрался он тогда и одно перышко у нее из платья выдернул.

Искушавшись, вышли сестры на берег. Две из них сразу оделись и улетели, а третья осталась.

— Вы летите, — кричит своим сестрам, — я вас сейчас догоню!

Ищет она свое перышко, ищет — никак не найдет. Наконец поняла в чем тут дело.

— Ну, выходи, — говорит, — кто ты такой есть! Раз уж сумел меня здесь задержать, так покажись теперь.

Вышел тут царевич.

— Должен, — говорит, — я тебя в жены взять.

Повел ее с собой к тому самому купцу. Обвенчал их купец, свадьбу добрую справил и отпустил.

Как пришли они во дворец к царевичу, говорит ему жена:

— Ну, теперь куда мне деться — твоя уже... Ты только мне скажи, что ты с тем пером сделал?

Вернул ей царевич перо. А когда он заснул — вставила девушка перо в свое платье, обернулась голубем, да и улетела.

Проснулся царевич, видит: нет ее — и ну бить себя по голове: «Где жена моя?» — горько рыдает, да только слезами ведь горю не поможешь...

Пошел он снова к купцу.

— Если,— говорит,— кто мне поможет, так только ты. А не поможешь — знай: и тебя убью, и с собой покопчу!..

Что делать купцу! Позвал он тут одного слона, которого держал у себя в услужении.

— Вот этого юношу,— говорит,— перепеси через тапне-то и такие моря, а за это, как вернешься, дам тебе волю.

— Да ты что,— взмолился слон,— уж лучше тут же меня и убей на месте. Как я могу его туда перенести? Это невозможно.

— Нет,— говорит купец,— во что бы то ни стало ты должен его перенести.

Усадил тогда слон царевича к себе на спину, и отправились они в путь-дорогу. Вышли на берег первого моря, а вода в нем горячая...

— Ну как могу я,— говорит слон,— перенести тебя через такую горячую воду?

Вошел он в море и перенес-таки царевича.

Пошли дальше и вышли к берегу второго моря — а вода там еще горячее, чем в первом...

Вошел слон в море и опять перенес царевича, только вся кожа у него пооблезла.

Наконец подошли к третьему морю и видят: вода в нем кипит...

— Ну как же мне тебя,— снова говорит слон,— через такой крутой кипяток перенести-то? Ведь я умру, знаю точно, а ты той девы все равно не добудешь. Ведь она, вишь ты, у своего отца на небе живет. А внизу, на земле, есть у них свой мельник. Раз в год слетает к этому мельнику огромный павлин, и несет он несколько тысяч коди пшеницы, а мельник эту пшеницу перемалывает. Потом нагружают павлина этой мукой, и он уносит ее на небо. Не знаю, разве только, может быть, сумеешь на небо взобраться, а иначе — не видать тебе той девы, как своих ушей.

Вошел слон в кипящее море, еле на другой берег вылез, а как вылез на берег, сразу упал замертво...

Пошел царевич дальше. Идет, идет и видит — открылось перед ним широкое поле, а за полем — гора, а на той горе стоят три человека.

— Слава тебе господи,— говорит царевич.— Наконец-то я человека повстречал!

А те трое, что на горе-то стоят, ссорятся друг с другом. Завидели шагающего к ним царевича и говорят:

— Ну чего мы ссоримся? Подождем-ка лучше: подойдет этот человек и нас рассудит.

Дождались они, пока подошел к ним царевич, да и говорят ему:

— Рассуди ты нас, пожалуйста, добрый человек!

— А из-за чего спор-то у вас? — спрашивает царевич.

— Да вот, видишь ты, должны мы четыре вещи между собой поделить, и все никак не получается. Потому и ссоримся мы...

— А что это за вещи такие? — спросил царевич.

— Ковер, скатерть, шапка и палка.

— А что в них особенного?

— У ковра такая сила, — отвечают, — что, куда прикажешь, мигом тебя доставит. А скатерть-то — самобранка: расстелешь ее, и, какие только яства и напитки ни потребуешь, в тот же миг на ней появятся: если даже миллион гостей за нее усадишь — всех накормит-напоит. А кто паднет эту шапку-невидимку да возьмет в руки палку, то на каждого, на кого он затаил злобу, эта палка забросится и будет колотить его нещадно, сколько хозяину палки захочется, а самого его никто даже не увидит...

«Ну, — думает царевич, услышав это, — видать, сам бог мне на помощь пришел».

— Вы, — говорит, — отойдите все туда, подальше, и подождите там, а я подумаю и напишу здесь, кому из вас что должно достаться. Потом подойдете и получите каждый свое.

Они поверили и отошли в сторонку, а царевич разостлал ковер, уселся на него и говорит:

— А ну-ка, ковер, сей же час перенеси меня к дверям того мельника.

Не успел он это сказать, как в тот же миг очутился у дверей мельника.

Надел шапку-невидимку, взял в руки палку, вошел в дом и давай лупить мельника палкой, чуть не до смерти избил.

— Кто ты такой, — кричит мельник, — и откуда ты взялся? Сколько времени колотит меня кто-то, а я никого не вижу. Да кто же ты? Покажись хоть!

Снял тогда царевич шапку и говорит:

— Так, мол, и так, должен ты во что бы то ни стало меня на небо доставить.

— Да ты что, — говорит мельник, — в своем ли уме? Как это я могу туда тебе доставить? Раз в год присылает ко мне оттуда государь огромного павлина, нагруженного

пшеницей; я ее перемалываю, а потом павлин уносит муку обратно. Как же мне тебя туда доставить?

— Что-нибудь да придумаю,— не отстаёт от него царевич,— а не то живым я тебя не отпущу.

— Не знаю,— говорит тогда мельник,— вот разве вернуть тебя в цинковку да уложить в мешки? Когда павлин прилетит, он тебя на небо-то возьмет, да только там ведь у лих амбары... Ну, уложат тебя в амбар и что же?

— А это уж моя забота,— отвечал царевич.

Вошел он на мельницу и стал ждать. Наконец слетел с неба павлин, нагруженный пшеницей. Перемолол мельник всю пшеницу, а царевича завернул в цинковку да уложил между мешками, и павлин унес его на небо.

Как прилетел павлин на небо, там его разгрузить стали. Царевич тем временем выбрался из цинковки, надел шапку, взял в руки палку и вошел к женщинам. Они-то его не видят, а он их видит хорошо.

Когда все они разошлись по своим спальням, осталась одна — та самая младшая царевна. Тут спял царевич шипку, и видит она — муж ее пришел.

— Настоящее мужество,— говорит ему тогда царевна,— не в том, что ты меня обманом на месяц покоришь; настоящее мужество в том, чтоб отсюда меня увести.

— А это уж — твоя воля,— отвечает царевич,— если пойдешь со мной — уведу тебя. Я за тобой ведь пришел.

Согласилась она, сели оба на ковер и полетели. Долго летели, а потом царевна говорит:

— Оглянись-ка назад — не видно ли чего?

Оглянулся царевич.

— Вижу,— говорит,— облака клубятся.

— Это,— говорит тогда царевна,— нар идет от войска моего отца.

Дала ему жена полотенце.

— Кинь,— говорит,— его позади себя.

Царевич бросил его, и превратилось то полотенце в старика с овцой. Подскакало войско небесного цари к тому старику и спрашивают:

— Никто здесь не проходил?

— Да нет,— старик им ответил,— никого я не видел...

Повернуло тогда войско обратно, и доложили своему повелителю:

— Никого там не было; попался только нам на пути старик один, еле ноги передвигает, да при нем овца. Мы и его спросили, так он тоже никого не видал.

Рассердился на них государь.

— Дурачье, — говорит, — зачем вы старика того с овдой сюда не привели? Ведь это они и были!

Опять отправил войско в погою.

— Оглянись-ка, — снова говорит царевна мужу своему.

— Слегка моросит, — ответил он, обернувшись.

— Это, — говорит тогда царевна, — пот от войска моего отца.

Дала ему еще одно полотенце. Бросил его царевич, и превратилось оно в свинью и старика-свинопаса.

Подскакало к нему войско.

— Никто здесь не проходил? — спрашивают.

— Да пот, — отвечает свинопас, — никого я не видел...

Повернуло тогда войско обратно, и доложили государю:

— Никого там не было; один только свинопас на пути нам встретился, а при нем свинья. Мы и его спросили, а он поклялся, что никого не видал.

Разозлился тут царь, вскочил на коня и сам вместе с войском пустился за беглецами в погою.

— Ну-ка, — говорит царевна, — оглянись теперь.

Оглянулся он и говорит:

— Очень сильный дождь идет.

— А уж это, — говорит царевна, — пот от коня моего отца.

Дала ему снова полотенце, и только бросил его царевич — возникло там кипящее море, да так сильно вода в нем бурлит, что до самого неба доходит. Они, беглецы-то, на этом берегу, а отец со своим войском — на другом, и ничего с ними поделать не могут!

Повернул тогда отец с войском обратно, а царевна с царевичем отправились в свое царство. Обвенчались там и свадьбу справили. Девять дней и девять ночей свадьба та продолжалась.

И я там был...

Мор — там, пир — здесь.

45. Царевич и лягушка

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жил да был один могущественный государь, и было у него трое сыновей. Пришла пора этим сыновьям жениться. Позвали они садовников и говорят:

— Ступайте-ка да припесите три хорошие дыни, положите на золотой поднос, воткните в каждую нож с алмазной рукояткой, поднос накройте крышкой и все поднесите нашему отцу.

Побежали тотчас же садовники, приготовили все, как им было велено, и поднесли золотой поднос государю.

Удвинулся царь.

— А ну-ка,— говорит,— откройте крышку, покажите, что там такое?

Открыли — и посмеялся он.

— Так вот,— говорит,— в чем дело: оказывается, мои сыновья жениться хотят.

Велел он слугам отнести сыновьям три стрелы.

— Пусть,— молвит,— каждый из моих сыновей пустит свою стрелу наугад. А мы посмотрим: в чью дверь воткнется стрела, на его дочери и женим моего сына.

Вышли братья из дворца. Старший взял в руки лук, наложил стрелу, натянул тетиву — и пустил стрелу. Полетела она, полетела и воизплась в дверь царского вазира. Теперь средний сын пустил свою стрелу — она воткнулась в дверь второго вазира.

Настал черед младшего брата. Натянул он лук, пустил свою стрелу, а она полетела, полетела, да и скрылась из глаз.

На следующий день справили при дворе две свадьбы, а после этого пришел младший сын к отцу и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, пойти да поискать свою стрелу хорошенько: должен ведь и я найти свою судьбу.

— Конечно, сынок,— согласился отец.— Иди, и желаю тебе удачи.

Отправился царевич в путь-дорогу. Шел, шел и наконец вышел во широкое поле, а в конце поля увидел высокую гору, а на той горе, смотрит, три тополя растут. «Надо,— думает,— мне на ту гору взобраться; может, там и свою стрелу найду».

Взобрался на гору, глядь — а стрела его и впрямь там в землю воткнулась. Рассмеялся царевич.

— Эх, гора, гора, неужто же ты — судьба моя? — спрашивает.

Выдернул стрелу из земли, отряхнул, положил на плечо и отправился домой. Только отошел оттуда, как из земли, в которую воизплась стрела, вылезла лягушка и поскокала вдогонку.

— Стой,— квакает,— куда идешь, ты должен взять меня с собой!

Рассердился царевич и отшвырнул ее ногой подальше. А лягушка снова за ним скачет, не отстает. «Черт с ней, — подумал тогда царевич, — возьму ее с собой и пусть валяется; или с мусором ее выкинут, или убьют».

Положил лягушку в карман и пошел дальше. Как пришел он домой, слуги сразу же доложили царю:

— Пришел ваш младший сын, да вместо жены принес лягушку.

Рассердился отец и велел передать сыну, чтоб поги его больше не было в родительском доме. Ушел тогда царевич из дворца и поселился отдельно.

Спустя некоторое время государь велел передать своим невесткам:

— Каждая из вас должна написать для меня по блюду жемчуга.

Обрадовались дочери вазиров:

— Мы-то изготовим пити и панижем, а вот что будет делать бедная лягушка?

Вернулся младший сын и пошел в дом, опечаленный. Увидала его лягушка и заквакала:

— Ты почему так повесел, муж мой?

— А с чего мне веселиться, — отвечал царевич, — когда отец мой велел своим невесткам написать для него жемчуг. Жены моих братьев, те хоть что-то да смогут сделать, а вот хотел бы я посмотреть, как ты станешь жемчуг называть.

— Ты вот что сделай, — говорит ему лягушка. — Пойди снова на ту гору, где меня нашел, подойди к трем деревьям и постучи в то дерево, что стоит на краю. Оттуда выйдет моя тетка, и ты скажи ей так: «Кланяется вам ваша племянница, Мариам, и просит, чтобы вы прислали ее грачей».

Пошел юноша, поднялся на гору и постучал по дереву. Вышла из-под дерева огромная, безобразная лягушка. Рассказал юноша, что ему нужно, и лягушка дала ему грачей. Погнал их царевич впереди себя и так привел домой. Велела тогда лягушка принести жемчуг, и за один час грачи написали его. Отправила их лягушка домой, а мужу говорит:

— Теперь возьми, поднеси своему отцу.

Взял юноша и поднес. Все очень удивились: «Как это, мол, у других невесток все рассыналось, не смогли написать, а лягушка написала?»

Через некоторое время государь снова передал невесткам поручение:

— Должны вы соткать ковер, да такой, чтобы всех людей моего государства можно было на него усадить.

Дочери назиров опять обрадовались.

— Уж теперь-то, — говорят, — мы себя покажем: и шерсть выкрасим, и соткем, а вот что будет делать лягушка?

Загрустил младший сын и пошел к себе домой, а лягушка спрашивает:

— Что ты так невесел?

— Как же я могу веселиться, — ответил царевич, — когда отец мой велел теперь своим невесткам соткать ковер, да такой, чтобы на нем людей со всего нашего царства усадить можно было. Жены моих братьев хоть что-то да соткут, а вот хотел бы я посмотреть, как ты будешь ковер ткать.

— Ты об этом не кручинься, — говорит ему лягушка, — а лучше снова отправляйся на ту гору да постучи в среднее дерево. Выйдет оттуда моя сестра, и скажи ей: «Сестра твоя шлет тебе привет и просит прислать ей то яйцо, что лежит у нее в ящике».

Пошел он туда, постучал по дереву. Вышла из-под дерева огромная, безобразная лягушка. Объяснил ей царевич, что ему нужно, и дала ему лягушка яйцо. Когда пришел он это яйцо домой, жена ему говорит:

— Теперь отнеси это яйцо туда, где тебе велят разостлать ковер, и там ударь его оземь и разбей, а потом доложи своему отцу: приходите, мол, и посмотрите ковер.

Взял юноша яйцо, пошел во дворец и спросил:

— Ну, где разостлать ковер?

Показали ему место. Взял он и разбил там это яйцо о землю: глядь — такой появился ковер, что все люди сбегались посмотреть на него. Да только где у государя наберется столько людей, чтобы на него усадить? И опять все удивляются: «Как это, мол, лягушка сумела такой огромный ковер соткать?»

Прошло еще немного времени, и государь передал невесткам новый заказ:

— На таком-то и таком-то поле в Триалети должны вы построить такую деревню и разбить такой сад, чтобы лучше и красивее нигде не было.

Как услышали про то невестки, снова обрадовались:

— Ах, как хорошо! Мы поставим работников выжечь известь, научим всех, как пужно строить, заставим все сделать красиво, а вот бедная лягушка ничего не сумеет сделать!

Огорчился младший брат и пошел домой, повесив голову.

— Почему ты, муж мой, так невесел? — заквакала лягушка.

— Как же мне веселиться, — говорит ей царевич, — когда велел отец мой, чтоб его невестки построили такую деревню и разбили такой сад, лучше и красивее которых нигде нет. Сможешь ты выжигать известь, руководить работами — как бы не так!

— Да ты не горюй, — ответила лягушка. — Ступай-ка лучше снова туда, постучи в самый большой тополь, и выйдет оттуда моя мать, а ты ей скажи так: «Дочь ваша велела вам кланяться, да просит прислать ей бутылочку с маслом, камень и пило, что лежат у нее в ящичке».

Пошел муж и принес домой все, что жена поручила.

Посмотрела лягушка и говорит:

— Ну вот, теперь все в порядке. Пойди теперь к отцу да попроси, чтоб тебе показали, где нужно разбить сад и построить деревню. Когда покажут тебе место, все это отнеси туда, воткни пило в землю, сверху положи камень, разбей об него эту бутылочку с маслом и беги оттуда поскорее, да смотри, назад не оглядывайся. Будут тебя звать: верпись, мол, все уже готово, но ты не оборачивайся и не смотри, не то и сам превратишься в камень, и положат тебя сверху.

Пошел царевич к отцу и спрашивает:

— Ну, где должна моя жена построить деревню с садом?

Привели его на то место, а когда народ разошелся, он воткнул в землю пило, положил сверху камень, разбил об него склянку с маслом и побежал что было мочи — несколько верст пробежал. А сзади, слышит, шумят, кричат:

— Постой, куда же ты бежишь? Верпись, все уже построено!

Да только он и не взглянул в ту сторону, а отправился напрямик к отцу.

— Так, мол, и так, — говорит, — батюшка, жена моя, лягушка, построила деревню с садом по вашему требованию, а теперь просит вас пожаловать да посмотреть на нее.

Отправился туда царь со своей свитой, а за ним народ бежит, торопятся все. Увидел царь деревню — и обомлел: ну и красота! Вот уж, правда, ни в одном царстве, ни в одном государстве ничего подобного не сыскать. И опять все

дивятся: ай да лягушка! И как это смогла она такое диводинное сотворить!

После этого пожелал государь пригласить своих невесток на обед. То-то обрадовались дочери вазяров!

— Мы, — говорят, — нарядимся красиво и придем, а вот лягушке-то бедной как прийти ко дворцу? Разве что муж ее в руках принесет...

Услышал это младший брат, огорчился и пошел домой, повесив голову.

— Почему ты, муж мой, опять невесел? — спросила его лягушка.

— А чего мне веселиться? — отвечает царевич. — Вот мой отец приглашает невесток во дворец на обед, пригласят, конечно, и тебя, и что ты тогда будешь делать? Ничего себе, прекрасно ты будешь выглядеть на пиру.

Только он это сказал, приходит царский слуга и приносит лягушке приглашение от государя.

— Ну и хорошо, — говорит лягушка. — Ступай теперь опять к моей матери да скажи ей: ваша дочь, мол, велела передать вам поклон и просила прислать ей девять девушек, девять юношей, царскую одежду для нее и для вашего зятя, двух скакунов с полным убранством и стремяного.

Пошел государев сын, все передал, как ему было велено, а мать вывела к нему два с лишком десятка лягушек. Юноша в отчаянии спрашивает сам себя: «Что же мне с ними делать, ну куда я столько лягушек погоню?» Пригнал все же их домой, а сам вышел из дому, спрятался и следит. «Что-то, — думает, — будет?» Вдруг видит: сняла с себя его жена лягушачью кожу — и оказалась девицей, да такой красоты неопишуемой, что никакая другая красавица с ней не сравнится: куда ступит ногой — там золотой слиток остается; стоит ей зевнуть — вокруг вырастают фиалки и розы; моргнет глазами — сыплются на землю драгоценные жемчужины. Увидел это государев сын — и вбежал стремглав в дом.

— Ни стыда, — говорит, — нет у тебя после этого, ни совести! Как могла ты столько времени такую красоту свою от меня скрывать? За что меня так мучила? — Схватил в сердцах лягушачью кожу — и в огонь. Красавица только успела крикнуть:

— Не бросай в огонь, а не то пожалеешь! — глядь, а кожа-то уже и сгорела вся... И ничего ведь не поделаешь — ехать во дворец все равно надо...

Приказала тут дева своей свите, и все они сняли с себя

лягушачьи козп. Царевич с женой надели царские одежды, сели на скакунов, выслали впереди себя стремянного и двинулись в путь, а за ними следуют девять девушек и девять юношей. Приехали, соскочили с коней, вошли во дворец, сели за стол, и пошел тут у них пир горой. Подали кушанья. Как поднесут жене младшего сына сухое блюдо, она все, что не съест, кидает в правый рукав, а подадут жидкое блюдо — так в левый. Увидели это две другие невестки и тоже побросали свою пищу в рукава. А потом потряхнула жена младшего сына рукавами — посыпались оттуда жемчуга и драгоценные камни. Тут и другие невестки замахали рукавами, да потекла у них с рукавов грязь одна!

— Ну-ка,— говорит государь,— пускай теперь невестки мои нам спляшут.

Встали дочери вазиров, заплясали, а грязь с них так и течет.

Попросили теперь сплясать жену младшего сына, расстелили для нее ковер драгоценный, и пустилась она в пляс; только двинет рукой — рассыпаются жемчуга и драгоценные камни, шевельнет губами — и расцветают вокруг фиалки и розы.

Через некоторое время снова повелел государь — пусть, мол, жена младшего сына еще раз спляшет. Стала она снова плясать, а свекор в это время подошел к ней и поцеловал. Обиделась на это чудо-дева, превратилась в птицу и улетела. А вслед за ней ее слуги тоже обернулись птицами и улетели. Только успела напоследок она крикнуть мужу:

— Коли захочешь меня найти, надень железные сапоги, возьми в руки железный посох и ступай, но только помни: пока их не износишь, не найти тебе меня!

Встал царевич, надел железные сапоги, взял в руки железный посох и пошел искать свою жену.

Долго ходил он из края в край, всюду расспрашивал, как ее найти, но безуспешно. Вышел наконец к морскому берегу, смотрит — сапоги-то его железные совсем износились, прохудились даже, да и посох сломался... Посмотрел на море — диву дается: проложен через море мост. Присел царевич на камень и думает, идти ли ему дальше по этому мосту или по берегу. Только надумал ступить на мост, как настал вечер, и вдруг мост кто-то убрал. «Вот ведь,— думает,— незадача. Ну да ладно, подожду до утра, а там видно будет...»

Только рассвело, глядь — а мост снова лег на море! Тут

уж он долго раздумывать не стал: вступил на мост и зашагал. Шел он, шел и дошел наконец до прекрасного острова в самом центре моря, а на острове увидел большой и красивый город.

Запал царевич по городу, видит — сад, а в саду садовник работает. Царевич наился к нему в работники. Спросил:

— А кто в вашей стране царь?

— Нашим городом и всей страной правит государыня, повелительница женщин, — объяснил ему садовник. — Порядок у нее очень строгий: никто посторонний сюда без ее ведома входить не должен.

— А вот у тебя такой прекрасный сад, — заметил царевич, — почему же ты не соберешь красивый букет да не пошлешь госпоже?

— Ну что ты, — рассмеялся садовник, — для чего ей наш букет? Она сама, знаешь, какая красавица? Стоит ей хотя бы даже зевнуть разок, и сразу кругом вырастают розы и фиалки.

— И все же, — говорит царевич, — давай один букет пошлем ей, я сам соберу.

Уговорил он все же садовника, собрал букет, а в него положил свой перстень, и садовник преподнес букет цариче. А она как увидела перстень, воскликнула:

— Слава богу, муж мой пришел наконец!

Спрашивает садовника:

— Кто посторонний вошел в мое царство?

— Пришел только один прекрасный юноша, а больше никого и не было.

Тотчас же велела она того юношу привести и, конечно, сразу узнала.

— Видишь, говорила я тебе: не сжигай лягушачью кожу!

Теперь-то уж она никуда не отпустила юношу. Надели на него государеву одежду. Обвенчались они и зажили вместе в любви и согласии.

Отсев — там, мука — здесь.

Мор — там, пир — здесь.

46. Брат и двузубая сестра

Было то или не было, жили-были муж с женой. Жили богато: много у них было скота. Был у них сын, а потом еще родилась дочь с двумя зубами, и потому прозвали ее двузубой.

Через некоторое время после ее рождения повадился кто-то к ним в загон для скота по ночам ходить да скотину поедать — весь скот у них извел.

— Надо мне подстеречь,— сказал однажды брат,— что это за хищник паш скот пожирает.

Начал караулить и видит — встала ночью двузубая, вышла во двор и за один присест съела целого буйвола. Смотрел на это брат, смотрел, а потом пошел, разбудил отца и говорит ему:

— Вот что я вам скажу: пли вы убьете мою сестру, пли поги моей больше не будет в вашем доме. Уйду навсегда — только вы меня и видели.

— Убить ее у меня рука не подыметя, сынок,— сказал отец,— а ты волея поступать как хочешь.

Ушел парень из родного дома. Шел, шел и пришел наконец к одноглазому дэву.

— Будь мне,— говорит,— как отец родной, позволь у тебя переночевать.

Согласился дэв. Заколот овцу, съел ее так, что гостю своему не дал ни кусочка, да еще вдобавок сказал ему:

— Сегодня — эта овца, а завтра — ты.

Юноше-то и невдомек, что он такое сказал. Улеглись вместе дэв и парень. Ночью подошел баран, поставил ногу на парня и говорит:

— Дэв хочет тебя завтра съесть, как же ты, дурень, не догадался! Теперь вставай, возьми вертел, хорошенько раскали на огне и воткни дэву в глаз, пока он спит; потом зарежь овцу, натяни на себя ее шкуру и сам ложись средп овец.

Встал юноша и сделал все так, как научил его баран: выколол дэву глаз, натянул на себя овечью шкуру и смешался с овцами.

Вскочил дэв, привалил к дверям огромный камень и рычит:

— Ну, стой, теперь ты от меня никуда не уйдешь!

На следующий день дэв пересчитал овец, пропуская их у себя между ног. Ну, а на парне ведь была падета овечья шкура, так он и прополз между ног дэва, как овца. Вышел наружу и кричит:

— Ну вот я и вышел, а теперь что ты со мной сделаешь?

Появ дэв, что одурачен, да уж поздно было.

— Ну, ладно,— кричит,— возвращайся домой! Будешь мне вместо сына, а я тебе — как отец родной.

— Конечно,— говорит юноша,— так я тебе и поверил.

— Клянусь богом всевышним и землей, что внизу, — умоляет его дэв, — я тебя больше не обману: ты — сын, я — отец.

Вошел этот парень к дэву как сын. Дэв передал ему все свое имущество, отсчитал овец и говорит:

— На такой-то горе сидит черный дэв, а у него — черные овцы и черные собаки. Так ты, знай, на ту гору походи, а не то его овцы нападут на твоих овец, собаки — на собак, а дэв нападет на тебя и убьет, и пашни овцы достанутся ему.

Ушел парень со своими овцами и собаками — и напрямком на ту самую гору. Только взошел на гору — бросился на него черный дэв. Сразились они, и юноша победил: убил черного дэва, забрал его овец и привел их к своему названному отцу.

— А пу-ка, — говорит, — выходи, сосчитай своих овец.

Обошел дэв свое стадо и сказал:

— Прзумпожились они, да не лишает тебя бог победы, сынок.

Снова говорят ему дэв:

— Сынок, на такой-то горе сидит красный дэв с красными собаками, и у него — стадо красных овец. Так ты знай, на ту гору не ходи, а не то все твои овцы ему достанутся.

Ушел юноша и повел своих овец прямо на ту гору, о которой говорил его приемный отец. Только взошел на гору — набросились красные овцы на его овец, красные собаки — на его собак, а красный дэв — на него самого. Сразились они — и юноша победил: убил красного дэва, забрал его овец и пригнал их домой к своему приемному отцу.

— А пу-ка, — говорит, — отец, выходи, сосчитай теперь своих овец.

Вышел дэв, но за целый день не сумел обойти все стадо — столько овец у него теперь было.

Снова сказал дэв:

— Сынок, на такой-то горе живет орлица, так ты, знай, на ту гору не ходи, не то она тебя съест.

Отправился парень со своими овцами прямо на ту гору, где жила орлица. Завидев его, орлица сказала:

— Кто ты такой, что посмеет забраться сюда? Ведь из страха передо мной птица в небе не пролетит, а на земле муравей не проползет. Вижу, что ты — пастух, а значит, умеешь принимать роды. Иди помоги мне, у меня живот болит.

Подошел парень и помог орлице родить¹. Родила она двух орлят — одну самку и одного самца. Парень самца припрятал для себя, а орлице говорит:

— Вот, у тебя родилась дочь.

Орлица-то знала, что родила двух орлят, и сказала парю:

— Ну, раз ты так хочешь, можешь взять себе обоих.

Забрал юноша обоих орлят, привел к названому отцу. То-то обрадовался дэв!

На следующий день говорят юноша:

— Схожу-ка я навестить родителей.

Дэв напек ему хлеба, заколод овцу и дал в дорогу.

Приехал юноша к своему дому, соскочил с коня и привязал его к дверям.

Потом взобрался на кровлю, заглянул оттуда в дом и видит — сидит его двузубая сестра, держит в руках головы отца и матери и говорит им:

— Съесть вас сегодня — что же мне делать завтра? Съесть вас завтра — что же мне делать послезавтра?

Оказывается, всех людей в деревце двузубая дочь сожрала, так что больше не осталось там ни одной живой души, кроме кузнеца, который точил ей зубы. Того она не трогала.

Посмотрела двузубая наверх и, увидев на кровле брата, воскликнула:

— Ах, братец, родной мой, никак ты пришел?

Слез юноша с кровли и вошел в дом. Двузубая тем временем вышла из дома, увидела коня и отгрызла у него одну ногу, а потом вошла и спрашивает брата:

— Ты что, на трехногом копе приехал?

— Да, на трехногом, — ответил ей брат.

Тогда она опять вышла, отгрызла коню вторую ногу и снова спрашивает:

— Да ты, видать, на двуногом приехал?

И так отгрызла она у коня все четыре ноги, а потом спрашивает брата:

— Братец, а ты разве не на безногом копе приехал?

— Ну да, на безногом, — ответил брат.

Вышла тогда двузубая и совсем сожрала коня. Затем спрашивает:

— Да ты никак без коня пришел?

— Ясное дело, без коня!

Теперь захотела двузубая съесть брата. Пошла она точить зубы к тому кузнецу, которого в живых оставила, а брат тем временем уснул. Тут прибежала мышка, омочи-

ла хвост в укусе и сунула ему в нос. Он как чихнет — так сразу и проснулся, а мышка ему говорит:

— Твоя сестра-то пошла зубы точить, вот придет, да и съест тебя.

Встал тогда юноша, взял огромный камень и положил его в постель, над постелью повесил мешок с золой, а сам вышел из дома и взобрался на тополь.

Пришла двузубая и спрашивает:

— Ты все спишь, братец?

Ей-то казалось, что брат еще в постели. Подошла она и вонзила зубы в камень, лежащий в постели, — осколки так и полетели во все стороны. Посмотрела наверх, увидела мешок:

— Ах, вот где ты, братец!

Прокусила мешковину — зола посыпалась ей в глаза. Прочистила она глаза, вышла наружу. Увидела: сидит ее брат на тополе — и давай своими острыми зубами грызть дерево, хочет сбросить брата.

Когда уже оставалось перегрызть совсем немного, вдруг, откуда ни возьмись, бежит лисица и говорит:

— Ты, двузубая, отойди пока в сторонку, я очень зла на него, вот сейчас стукну веткой и сброшу его с дерева.

Провела веткой, и тополь снова стал целым, как прежде. Погналась двузубая за лисой, но не догнала.

Вернулась сестра и снова начала грызть дерево. Когда опять грызть осталось совсем немного, откуда ни возьмись, бежит медведь и говорит:

— Ты, двузубая, отойди пока в сторонку, я очень зла на него, вот сейчас ударю веткой и сброшу его на землю.

Провел веткой по дереву и убежал. А тополь снова стал целым, как прежде. Погналась за медведем двузубая, а его и след простыл.

Снова вернулась она к дереву и давай грызть его. Казалось — вот-вот дерево повалится, как вдруг в то самое время вспомнил юноша своих орлят и позвал их. Прилетели оба и разорвали двузубую: половину съел один орленок, а половину — второй.

Три капельки крови двузубой упали на листок тополя. Покатился этот листок, стал перед юношей и говорит:

— Возьмешь меня с собой — пожалеешь, а не возьмешь — тоже пожалеешь.

Решил юноша взять с собой этот листок, но только положил за пазуху, как сразу же отсох у него один бок. «Пойду-ка, — решил он, — к своему приемному отцу — дядю».

По дороге повстречались ему двое купцов, и везли они два сундука: в одном из сундуков — вата, а в другом — не виданная под солнцем красавица.

— Угадаешь, — говорят ему купцы, — что у нас в этих сундуках, они твоими будут, а не угадаешь — отдашь нам твоих орлят.

Долго думал юноша, но никак не смог угадать, и пришлось ему расстаться со своими орлами. Пошли они дальше, а через некоторое время листок говорит:

— Эх ты, не сумел угадать, что в одном сундуке — вата, а в другом — не виданная под солнцем красавица.

Погнался юноша за купцами и кричит им:

— Вернитесь, может, я все-таки угадаю!

Вернулись купцы.

— В одном из ваших сундуков — вата, — сказал им юноша, — а в другом — не виданная под солнцем красавица.

Делать нечего — пришлось теперь купцам отдать ему и орлят, и не виданную под солнцем красавицу, и вату. Увел юноша красавицу в дом к своему названому отцу и справил свадьбу.

Мор — туда, шир — сюда.

47. Дочь лука и сельдерея

Жил-был один царь, и был у него единственный сын. Пошел однажды царевич в конюшню проведать коней. Одна старая лошадь всегда стояла у входа на привязи. Когда царевич выходил, старая лошадь остановила его:

— погоди, юноша!

Вздрогнул от удивления царевич — лошадь, словно человек, разговаривала.

— Не удивляйся, что лошадь с тобой говорит. Родители твой не собираются женить тебя. Так вот попроси их, чтобы они позволили тебе оседлать меня, я отвезу тебя туда, где найдешь ты свою судьбу. Только ни в коем случае никому не выдавай, что я волшебный и говорящий конь. Иначе плохо тебе придется.

Пошел царевич к родителям:

— Хочется мне в чисто поле съездить, коли будет па то ваша воля.

Родители согласились:

— Выбери себе коня по вкусу и поезжай.

Когда царевич выехал из города, лошадь молвила:

— Ударь меня плетью что есть силы, а сам закрой глаза.

Взмахнул царевич плетью, закрыл глаза и в один миг очутился посреди необозримого поля. Смотрит — на том поле девять аршин снега лежит, а на снегу — девять аршин зеленой травы, а на той траве-мураве — еще девять аршин снега.

Взлетел копь и говорит юноше:

— Сорви траву, сколько в горсти уместится, и спрячь в карман. Потом разложи ее на золотом блюде и покажи отцу с матерью. Только не признавайся им, где видел эту траву и где нарвал ее.

Вернулся царевич во дворец и говорит:

— Ну и чудо я видел! Посреди чистого поля девять аршин снега лежит, на том снегу — девять аршин травы-муравы растет, а сверху — еще девять аршин снега.

А родители ему в ответ:

— Для тебя это чудо, а для нас в этом нет ничего удивительного.

— Как это ничего удивительного! В снегу трава зеленеет! А ну-ка, принесите что-нибудь, я эту траву разложу, сами удивитесь!

Разложил юноша траву на золотом блюде, и превратилась трава в девушку не выдашней под солнцем красоты.

Стали ее расспрашивать:

— Кто ты, откуда и как на свет появилась?

— Я — дочь лука и сельдерея, — отвечала девушка.

Отвели ей отдельное жилье, взяли в служанки. А царевич ходит сумрачный да насмурный. спрашивают его родители:

— Что невесел, сынок?

А он в ответ:

— Я эту девушку люблю и хочу, чтобы вы меня на ней женили.

Привели девушку, спрашивают:

— А какого ты роду-племени?

Она отвечает:

— Я уже говорила вам: я — дочь лука и сельдерея.

Отказали царь с царицей сыну: не можем-де мы женить тебя на такой простушке.

И обвенчали они его с дочерью другого царя. Прошел месяц, и попросила дочь лука и сельдерея у царицы:

— Позвольте мне пригласить к себе вашу сноху.

Явилась царская сноха в гости. Подняла руку дочь лука и сельдерея, и слетелась к ней все птицы, какие были

на свете. Натянула красавица шелковые нити, и стали птицы на лету шелк ткать и при этом щебетать на своем языке. А дочь лука и сельдерей золотым слитком выравнивала нити. Сбежались все жители города и дивились этому зрелищу. Сноха же царская говорит свекру и свекрови:

— Чему тут удивляться? Я тоже могу золотым слитком нити выравнивать.

Подала ей красавица золотой слиток, не смогла сноха его удержать, выронила из рук, а сама упала, расшибла колени и через три дня скончалась.

Умолял царевич родителей женить его на дочери лука и сельдерей, но царь с царицей обвенчали его с дочерью другого царя.

Прошел месяц, и попросила дочь лука и сельдерей у царицы разрешения пригласить новую сноху к себе.

Явилась та в гости. Вышла дочь лука и сельдерей, высоко воздела руку — сбежались к ней сорок оленей. Всех оленей она сама выдоила, велела принести большой котел, поставила его на огонь. Когда молоко закипело, бросила туда колечко с мизинца и стала купаться в кипящем молоке. Окружающие сильно тому дивились.

А царская сноха и говорит свекру, свекрови и мужу:

— Чему тут дивиться! Если уж дочь лука и сельдерей в молоке купается, то неужто я не искупаюсь!

Вышла из котла красавица, полезла в кипящее молоко царская сноха, да и сварилась в нем.

И подумал тогда царевич: падо бы проверить, всем ли сердцем любит меня красавица. Сказал он своим родителям:

— Уйду я ненадолго из дому, притворюсь умершим, когда понесут меня в гробу к церкви, поглядим, как поведет себя дочь лука и сельдерей.

Согласились мать с отцом. Ушел юноша, а через неделю разнесся слух, будто царевич умер. Принесли гроб в церковь. А дочь лука и сельдерей с криком вбежала в церковь, упала возле гроба на колени и взмолилась:

— О Солнце и Луна! Вы ведь приходите к мне родителями, воскресите суженого моего!

Встал из гроба царевич и тотчас обвенчался с дочкой лука и сельдерей.

48. Жемчужные слезы

Было, да и не было ничего, жили на свете два брата. Оба были женаты, но у одного были дети, а у другого — нет. Так и жили они вместе ладно и дружно.

Но вот подросли дети у младшего брата, а жена и говорит ему:

— Надо нам разделиться с братом, стары уж он и его жена, что в них пользы!

Рассердился муж:

— Что ты, жена, как можно! Куда им податься, старикам! Пока были молоды, как волы трудились, работали на нас да на наших детей, а теперь, как состарились да занемогли, так и гнать их?

— Нет и нет! — говорит жена. — Не разойдешься с братом — пойду брошусь в реку, порешу себя.

Что делать? Пошел муж, сказал все брату.

Загрустил бездетный брат, говорит:

— Зачем тебе гнать меня на старости лет? Уж и так я на пороге смерти. Брат ведь я тебе, грехом тебе зачтется. Не объедем тебя, моя доля не то что нас со старухой, целую семью прокормит, и детей у меня нет, не в могилу же возьму свое, твоим детям все и останется!..

— Как мне быть? — говорит брат. — Мне и самому неохота расставаться с тобой, да вот жена совсем засла, грозится руки на себя наложить.

Что оставалось бездетному брату? Пошел он, рассказал все жене, и на другой же день отправились они в путь-дорогу. Ничего не взяли с собой, так с пустыми руками и пошли.

Шли они, шли и пришли в один лес.

Стали искать себе в этом лесу пристанище.

Побродили так два дня, а на третий нашли старый, заброшенный домик. Вошли они, хозяев не видать, а хлеба и вина столько, что на много лет достанет. Старик со старухой и говорят:

— Что же, видно, это добро дэва. Придет он, съест нас, хоть от мўки избавит.

Стали жить.

Живут так месяц, два. Идет время. Уж много месяцев прошло — не видать хозяина.

Тихо, спокойно живут старик со старухой на новом месте, только иногда заскучают:

— Вот умрем, кто глаза нам закроет, кто нас схоронит?

Прошло еще время, и почувяла старуха, что во чреве ее ребенок шевелится.

Обрадовались они, ждут.

Настало время, и родилась у старухи дочь, да какая: засмеется — вокруг розы, фиалки зацветают, так что и умирающий исцелится от их красоты и аромата; заплачет — слезы жемчугами сыплются.

Так и живут. Как заплачет ребенок, посыплются жемчуга, подберет старик, продаст их, купит все, что им нужно.

Зажили старики с дочкой счастливо и безбедно. Старик и замок возвел для дочери.

Идет время. Подросла дочка, стала девушкой-красавицей, такой, что только взглянешь на нее — все на свете забудешь.

Вот раз пошел на охоту сын царя той страны. Целый день охотился сын царя вместе со своими советниками да охотниками, одного только фазана и убил.

Вечером и говорит сын царя:

— Пойдите зажарьте где-нибудь этого фазана. Здесь заночуем, а завтра еще поохотимся. Не возвращаться же во дворец с одним фазаном!

Взял один охотник фазана и пошел искать, где его зажарить. Добрей он до жилья того старика. Вошел. Принял старик его как должно, угостил.

Сказал гость:

— Я — слуга сына царя, вот должен зажарить для него этого фазана.

Хотел старик взять фазана жарить, не дает охотник:

— Я сам должен его приготовить для господина.

Развели огонь, вздел охотник фазана на вертел и стал его жарить.

Тут вопла дочь старика.

Взглянул на нее охотник и загляделся. Стоит девушка, а тот смотрит — глаз не оторвет, птица и подгорела на углях.

Что делать? Встал охотник и понес подгоревшую птицу.

Посмотрел сын царя и говорит:

— Что это фазан у тебя так подгорел?

— Виповат, господиц, — говорит охотник, — там старик так хорошо меня встретил, просил и вас к себе в гости. Хотел и фазана зажарить, да я не дал, решил, что сам приготовлю его для вас. А пока он жарился, вошла дочь старика, такая красавица — глаз от нее не оторвать, загляделся я, вот птица у меня и сгорела.

Пошел сын царя со своими советниками к старику в гости.

Обрадовался старик гостям, встретил их со всем почетом.

Все, что было в доме, на стол подал. А как стали садиться за стол, взял старик кувшин с водой, стал обходить гостей, чтобы полить им на руки. Подошел к сыну царя, а тот отказывается:

— Не дам старику полить мне на руки воду. Есть, верно, у вас кто помоложе, пусть польет¹.

Взяла тогда воду жена старика, обошла гостей, а сын царя и ей не дает полить себе. Хотел сын царя, чтобы дочь старика подала ему воду.

Позвали старики дочь. Вошла девушка, несет кувшин с водой, а сын царя как взглянул на нее, так обмер и лишился чувств. Засмеялась девушка, глядя на него, и посыпалась вокруг розы и фиалки. Этими-то розами да фиалками и привели юношу в себя, и все сели за стол.

Отуживали, и стал юноша просить у старика отдать ему в жены дочь.

Сказал старик:

— Господин мой, не стоим мы того, по уж если ваша воля на то, кого лучше нам и желать?

Обрадовался сын царя. В ту же ночь обручился с красавицей, а наутро поехал к родным с радостной вестью.

И родители согласны.

— Если тебе по сердцу, то и мы наперекор не пойдем.

Был у этого царя злой дядька. А у дядьки дурная дочка — чернявка. Вот и задумал злой дядька непременно выдать свою дочь замуж за сына царя.

Вызвался дядька ехать за невестой. А как сажился в коляску, упрятал в задок и свою чумазую, что ворон, чернявую девку, повез с собой.

Приехали, взяли невесту, везут.

Взял дядька с собой два кувшинчика воды. Дал он доброй невесте поесть соленую пшцу — умирает девушка от жажды.

Просит она:

— Дайте мне хоть каплю воды.

А дядька говорит:

— Где здесь в глухом лесу взять воды?

— Дайте воды, что хотите берите взамен, — молит девушка.

— Вот разве только отдашь глаз, достану тебе воды, — говорит дядька.

— Борите глаз, только дайте напиться,— говорит девушка.

Дал дядька кувшинчик воды, вырвал у нее глаз и спрятал.

Вышла девушка до дна весь кувшинчик, а все не утолила жажды. Опять просит воды. Дал ей дядька еще кувшинчик с водой и вырвал другой глаз.

Потом сказал дядька слугам:

— Устала невеста, надо дать ей отдохнуть, а вы поезжайте, не останавливайтесь.

Слуги уехали, а дядька оставил коляску, вывел ослапшую девушку, подвел ее к дереву, снял с нее все наряды, вырядил свою дочку-чернавку невестой, усадил в коляску и укатил.

Приехали во дворец.

А сын царя затеял богатую свадьбу, назвал гостей, ждет свою красавицу-невесту, не дожидется.

Привезли ему вместо его красавицы девушку-чернавку, уroda леписашого. И ни роз, ни жемчугов, ни фиалок.

Разгневался сын царя — что это за урод, кто подменил мою красавицу этой чернявой, что ворон, девкой?!

— Где моя красавица-невеста, что ты учинил над нею?! — кричит он на дядьку.

— Господни мой,— говорит дядька,— это она и есть. Только плакала она долго, прощаясь с родными, вот от слез в лице и изменилась. Отойдет, такой же будет как была.

Не верит сын царя. Не подпускает к себе чернавку.

Так и живут — жена сама по себе, муж сам по себе.

А слепая девушка осталась одна в лесу. Стоит она у того дерева, где ее дядька ссадил с коляски, плачет, плачет-убивается. Текут слезы жемчугами. Сыплются жемчуга, засыпают девушку.

Засыпали ее жемчуга до самой груди, укрыли пагую девушку.

Возле того леса, где девушка плачет да убивается, был город. В городе жил один бедный старик. У старика только и имущества что осел.

Пойдет утром старик в лес со своим ослом, наберет там сухих веток, хворосту, нагрузит на осла, привезет все в город, продаст, а деньги раздаст нищим; пойдет в полдень, привезет еще хворосту, продаст, внесет деньги в храм на бедных; пойдет к вечеру, опять соберет сучья, привезет, продаст и уж на себя и на жену-старуху деньги потратит. Так и живут добрые старики.

Вот раз пошел он в лес, отпустил осла попасться, а сам режет сухие ветви. Собрал, связал, ищет осла, а его нет.

Пошел старик, ходит по лесу, ищет. Видит — стоит осел у горы жемчуга, а в жемчуге по грудь зарыта девушка.

Рассердился старик на осла, стал отгонять его, а девушка и говорит:

— Кто ты, человек? Будь мне братом или отцом, спаси меня, отрой из этой горы жемчуга.

Отрыл ее старик, отвел домой, собрал потом жемчуг, снес и его в дом.

Разбогател старик. Одед, обул девушку, возвел богатые хоромы и отвел ей отдельные покои.

Вот сидит раз у себя девушка и слышит: наседка во дворе рассердилась на цыпленка и клюнула его. Запищал цыпленок, прибежал петух, стал ругать наседку:

— Что ты моего ребенка обижашь?!

Услышала девушка, рассмеялась. Посыпались розы, фиалки, так и зацвело все вокруг.

Вошел старик, удивился: откуда эти чудесные цветы, словно сад вдруг расцвел.

Сказала девушка:

— Отец, возьми эти розы и фиалки и пойдн в город, где царь живет. Носи, только не продавай, сколько бы ни давали. Найди дядьку царя. Захочет он кушнть эти розы и фиалки, а ты скажи: я не продаю, а только меняю на глаза. Даст он тебе глаза — отдай цветы, а глаза привеси мне.

Понес старик цветы в город.

Ходит, носит, а только никому не продает, хоть многие спрашивают. Наконец набрел он на того дядьку.

Сказал дядька:

— Продай розы и фиалки, старик!

Решил дядька кушнть цветы, рассыпать подле своей дочери и сказать: вот опять розы да фиалки цветут вокруг певесты.

А старик говорит:

— Я не продаю, я только меняю на глаза.

Дал дядька старику один глаз, забрал цветы, принес, рассыпал вокруг своей чернявой дочки, да только не пошло и это — и близко не подходит сын царя к дурншке.

А старик принес глаз красавице. Вставила она глаз, растерла жемчуга в соку своих роз и фиалок, промыла и оживила глаз.

На один глаз прозрела девушка, а на второй еще слепа. Как добыть его?

Приготовила девушка себе гроб и говорит старику:

— Вот у меня на шее ожерелье, сними его с меня и знай, что я умру, как спимень. А ты спеси это ожерелье к тому дядьке и обменяй на другой глаз. Приживи его мне, а потом уложи меня в гроб, отнеси на то же место, где меня пашел, и оставь там.

Пошел старик, обменял у дядьки ожерелье на второй глаз девушки, принес, вставил его умирающей и с плачем отнес ее на то место, где увидел девушку впервые в жемчужной горе.

У красавицы родился там сын. Лежит мальчик в гробу возле матери, встанет, пососет молоко и снова ляжет.

А царевич тоскует по ней и к дядькиной дочке не подходит.

Вот поехал он раз на охоту немного рассеяться. Вошел в лес. Вспугнул лань, побежала она. Пустил стрелу сын царя, убежала лань. Погнался за нею сын царя.

Бежит, бежит лань, бежит за нею юноша. Вдруг прыгнула лань, перескочила через гроб и исчезла. Подошел царевич, посмотрел, видит — лежит в гробу его красавица, узнал он любимую.

А она лежит, словно спит. Обнял ее царевич, плачет, льет слезы, да чему слезами поможешь?

Выплакался он, немного отошел, взял своего сына, что лежал в гробу возле матери, повел его с собою во дворец.

Привел он мальчика, взяла мальчика дядькина дочка, повела к себе, ласкает его, играет с ним, хочет тем царевича задобрить.

Взяла его на руки, а мальчик ухватился за ожерелье и тянет к себе, рвет, а сам плачет.

Рассердился сын царя, говорит чернавке:

— Отдай ему, что просит, не дразни ребенка.

Сняла она ожерелье, отдала ребенку.

А мальчик как заполучил, что просил, еще сильнее заплакал, просится к матери в лес.

Взял сын царя ребенка, посадил к себе на коня и помчался в лес. Увидел ребенок мать, успокоился, заулыбался, замахал ручками.

Посадил царевич ребенка к матери и смотрит, что он будет делать. А мальчик пополз, обхватил шею матери руками и набросил ей на шею ожерелье. Ожила красавица, раскрыла глаза, привстала, смотрит.

Обрадовался сын царя, не знает, что и делать от радости.

Посадил к себе на коня и жену и сына и помчался домой. Подъехал ко дворцу, кричит:

— Вот моя жена, а вот и сын!

Вышли навстречу царь, царица, обнимают, целуют пестку.

Вошла она во дворец, вспомнила все, что перенесла, расплакалась, полились слезы — так и засыпало пол жемчугами.

Увидела красавица дядькину дочку-черпавку, взял ее смех — зацвели вокруг розы да фиалки.

Злого дядьку и его дочь привязали к конским хвостам, а царевич женился на своей нареченной.

Мор — там, пир — здесь.

Отсев — там, мука — здесь.

49. Юноша-змея

Жила одна женщина. Уже на старости лет родился у нее сын. Да лучше бы и не было того сына: родился у женщины сын-змея. Мать все же любила своего сына-змея, ходила за ним, кормила грудью, и вырос он крупным и здоровым. Однажды заговорил змей человеческим голосом:

— Пойди, мать, к нашему царю, скажи ему: «Мой сын-змея просит у тебя в жены единственную твою красавицу-дочь».

Испугалась мать. Страшно, что ее сын, да еще змей, осмелится просить в жены цареву дочь, а еще страшней, что змей человеческим голосом говорит. Да что делать? Не дает покоя сын — иди да иди!

— Убьет меня царь, сыночек, — говорит она, а он и слушать не хочет. Осмелела, пошла старушка. Пришла ко дворцу. Призвал ее царь и спрашивает:

— Что тебе, старуха?

— Не дает покоя сын-змея, просит в жены нашу дочь. — И рассказала все.

Не удивился царь, выслушал ее и сказал:

— Все знают, что я не так могуч, как прежде. Теснит меня сильный сосед и разоряет. Вот и теперь прислал он послов и задал три задачи, не отвечу — разорит все царство. Скажи твоему сыну: отгадает он эти загадки и спасет тем меня и мое царство — отдам ему дочь, а нет — так и нет. Первая задача: есть у царя табун копей; требует он различить, кто в табуне мать, а кто ее дети; вторая задача: есть у царя пестик от ступы, и велит царь вырезать из того пестика тысячу локтей кожи и прислать ему; и третья:

в его царстве один край от безводья страдает — нужно от-крыть там воду.

«Эх,— подумала старуха,— вот связалась с бедой так связалась!» — И побежала домой.

— Ну как, сделала что? — спросил сын-змея.

— Да что сделала? — говорит мать, а сама еле дышит, и во рту у нее пересохло.— Смерть моя пришла, больше ничего,— и заплакала.

— Не плачь,— говорит змея,— не бойся, тот царь меня не одолеет.

Услышала мать, смеется, словно безумная:

— Это тебя, змееныша, царь не одолеет?

— Нет,— говорит змея,— не одолеет!

— А не одолеет, так слушай же! — И рассказала все три задачи.

Змея и не задумался:

— Иди сейчас же и доложи царю: «Пошли, царь, своего советника к тому царю и скажи: пусть вырежет он из того пестика образцы да скажет, какой ширины кожу угодно ему получить. Не вырежет царь, сам осрамитея, не мы. Потом: скажи, чтоб табуны не давали шить три дня. А как пустят его к воде, та лошадь, что заржет, и есть кобыла-мать. Где люди от безводья страдают, там стоит в таком-то месте дуб, пусть вырубят тот дуб — и найдут воду».

Послешила мать к царю. Пришла, а во дворце уже все загрустили, все надежду потеряли. Как ни тяжело всем, а увидели старуху, стали над нею смеяться. А как узнали ответ змея, поклонились все старухе и приняли ее с большим почетом. Рассказали все послам, отправили и советника с ними, оставили злого царя в дураках с его задачами.

Спасся царь и по слову своему призвал во дворец змея-спасителя. Приполз во дворец большущий змея. Встретили его с большим почетом. Ластятся все к змею, улыбаются, больше от страху, чем от радости. Посадили змея рядом с царевной-красавицей. Началась свадьба.

Сидит красавица, нет меры ее горю-тоске. Сидит, и ножом губы ей не разожмешь, да что делать? Такова, видно, ее судьба.

Кончилась свадьба. Отвели молодых — змея с красавицей — в опочивальню. Прикрыл царь двери и стал бить себя кулаками по голове, рвать на себе волосы, царапать грудь, стонать:

— Съест, съест змея проклятый мою красавицу!

А в опочивальне вот какие дела: обвил змея красавицу,

обнял ее, ласкает, целует. Стоит царевна ни жива ни мертва. И не глядит, и не дышит даже от страха, так и окаменела вся.

А змей ласкается, просит:

— Полюби меня, не отгоняй! Смотри, не обернулось бы так, чтобы ты меня о любви молила, а я, как вот ты теперь, бегал бы от тебя.

Просит он, молит, и вдруг — чудо: сбросил змеиную кожу, и явился статный, прекрасный, как солнце, юноша. Взглянула царевна и глаз отвести не может. Забилось у нее сердце, засверкали глаза, засветились. Стоят они, счастье — только взглянуть на них... Обнялись, ласкаются. Слово лучи золотого солнца, светятся волосы юноши, а жемчужные пальцы невесты перебирают их, ласкают.

Заглянула в щелочку пенька царевны — что это светится так, не выпустил ли змей проклятый пламя из своей пасти, не сжег ли царевну? Заглянула — и что же увидела? Нет ничего краше юноши и деушки, и блаженства их никак не описать.

Заплакала от радости старушка, побежала порадовать отца. Закричали все, зашумели. Прибежали к опочивальне, проломили на радостях двери. Вбежал царь, схватил змеиную кожу.

Испугался юноша, вадрогнул... хочет убежать куда, спрятаться, прыгнул и голубем взлетел вверх. Бьется голубь в опочивальне, бьется, ищет, куда вылететь. Бежит за ним красавица-невеста — боится не улетел бы навсегда от нее, сама и плачет, и смеется.

Нашел голубь дверь и вылетел. Выпросила красавица у отца коня. Вскочила на него и помчалась вдогонку за своим голубем-женихом. Летит голубь, воркует. Тень в тень несется за ним красавица-невеста. Присядет голубь на дерево, подлетит невеста. Взлетит голубь — мчит вдогонку и конь красавицы. Долетел так голубь, а с ним и красавица на своем коне до самого моря. В море, у берега, островок. На острове высский, прямой, как стрела, тополь. Валетел голубь на самую верхушку тополя и запарковал. Подует ветерок, склонит верхушку тополя к берегу — приблизится голубь к невесте. Выпрямится тополь — уйдет верхушка и унесет с собой голубя.

Ударил красавица коня, прыгнул конь, не устоял на маленьком островке, только ногами чуть-чуть зацепился за берег. Наклонился тополь, протянула красавица к голубю руки, подлетел голубь, сел на плечо к красавице и заворковал у самых ее щек. Прыгнул конь обратно на бе-

рег, а голубь то крыльями красавице лицо ласкает, то на колени садится. Ловит его невеста, хочет поймать — не дается голубь.

И сегодня все так же вьется голубь вокруг своей невесты — то сядет на плечо и воркует ей что-то, то ласкает ее колени. И нет конца-краю их любви, нежности и ласкам.

50. Крахламадж

Правил одним государством некий царь, и было у него три дочери. К каждой из них с самого малолетства царь приставил по няньке, и росли они под их неусыпным приглядом.

Собрался как-то царь в другое царство. Перед отъездом позвал он к себе дочерей и сказал им:

— Еду я в далекую страну. Каких бы гостинцев хотелось вам получить оттуда?

— О отец, привези мне такое расчудесное платье, какого у нас еще никто никогда не носил, — попросила его старшая дочь.

— А мне привези такое ожерелье, чтобы оно и днем и ночью сверкало ярче солнца.

Младшая же дочь спросила совета у своей няньки:

— Няня, научи меня, какой подарок заказать отцу?

— Проси его привезти тебе цветок крахламаджа, — посоветовала та, и дочка передала отцу эту просьбу.

Царь уехал в заморские страны, провел там целых три года, а когда закончил все свои дела, принялся за поручения своих дочерей. Долго искал он подарки, обошел множество лавок и наконец нашел самое драгоценное платье и сверкающее, как солнце, ожерелье. Огорчило его лишь то, что не нашел он нигде цветка, который попросила его привезти младшая дочь. Никто не слышал даже названия «крахламадж». И решил царь не возвращаться домой с пустыми руками. Сел он на корабль и отплыл в другую страну. Обошел все города и села, спрашивал каждого встречного, но и тут не нашел человека, который знал бы что-нибудь о цветке крахламаджа.

Тогда царь вновь сел на корабль и поплыл в самую далекую страну. После долгих скитаний и расспросов он узнал, что в этой стране живет одна гадалка, трехсот лет от роду, которой ведомо все на свете, даже то, сколько в

земле муравьев, в море — рыб, па суне — травянок, в небе — птиц!

Расспрашивая там и сям, царь в конце концов дошел до дома той гадалки.

— Пожалуйте, о великий царь! Пожалуйте! Знаю, знаю, что заставило вас снарядиться в такую даль,— обратилась к нему вещунья.— Цветок, который вы разыскиваете, растет в саду повелителя нашей страны, но никто не смеет и близко к нему подступиться: крахламадж стерегут два огромных и злоющих льва. Из страха перед ними на земле муравьи не ползают, в небе птицы не летают.

— Заклинаю тебя всеми святыми, помоги мне добыть этот цветок, и я уступлю тебе половину моей казны,— стал просить ее царь.

— А я ни в чем не пуждаюсь, божьей милостью и еды и питья у меня вдоволь,— гордо ответила старуха,— но раз вы из-за этого цветка перешли девять гор, то не к лицу будет вам, царю, возвращаться домой ни с чем. К тому же, кабы не был наш повелитель так жаден и злоющ, я ни за что бы не оставила его без этого цветка, по он не заслуживает лучшего к себе отношения! Слушайте меня внимательно,— продолжала старуха.— Вот как вам следует поступить: купите двух жирных овец, заколите, освежите и возьмите их под мышки — одну под правую, другую под левую. Только вы войдете в сад, львы сразу же вас заметят и с ревом бросятся па вас. Как только они поравняются, вы тут же бросьте им по овце. Изголодавшиеся животные накинутся па овечьи туши, а вы тем временем вырвите цветок и сразу же покиньте сад.

— Скажи, а почему ваш господин так строго охраняет этот цветок? — спросил царь.

— Долгое время у него не было детей. Однажды он взмолился: подари, говорит, мне, боже, сына, пусть даже будет он ангелом небесным! Услышал бог мольбу нашего господина и смилостивился, даровав ему наследника. Когда ребенок появился на свет, в господском саду вырос цветок неслыханной красоты и аромата. Родители были безумно рады рождению сына и денно и ночью воздавали богу благодарность. Но счастье их длилось недолго: через несколько дней у ребенка выросли крылья, он стал ангелом и вознесся па небо. Наш повелитель был в страшном горе и издал по всей своей земле приказ, дабы население облачилось в траур и оплакивало его утрату.

— Однажды,— продолжала рассказывать старая гадалка,— к нашему повелителю явился ангел и сказал ему:

«Отчего ты так печален? Ведь бог лишь исполнил твою просьбу: подарил тебе сына-ангела и он должен жить на небесах. Зовут его Крахламаджем. То же имя получил и цветок, который распустился в вашем саду в час рождения твоего сына. Как только вам захочется повидаться с сыном, наполните одну из комнат дворца блестящими предметами, но чтобы среди них не было битых стекол, затем нарвите цветов крахламаджа, рассыпьте их по всей комнате, и сын ваш тотчас же прилетит к вам». Наш повелитель так и поступил: он велел служанке украсить одну из комнат блестящими вещами, заставил рассыпать там цветы крахламаджа, и сын его в тот же миг явился к ним. Так и виделась родителям со своим любимым сыном, когда им очень этого хотелось. Долго хранили эту историю в строгой тайне, но в конце концов она вышла за пределы дворцовых стен и стала известна всему краю. Рассердился повелитель, заподозрил в неверности одну служанку и выгнал ее в один прекрасный день со двора, — закончила свое повествование старуха.

Дослушав ее рассказ, наш царь щедро одарил гадалку, тепло простился с ней и ушел. На другой же день он купил на базаре двух жирных овечек, заколол, освежевал, сунул обеих, как ему и было велено, под мышки и, подкравшись ко дворцу, осторожно перебрался через высокую стену в сад. Цветок крахламаджа ярко светился в почном саду, распространяя вокруг себя чудесный аромат.

Почуввав чужака, львы злобно зарычали и двинулись на него, раскрыв пасти. Царь быстро швырнул каждому по овце, а сам бросился к цветку. Изголодавшиеся львы так обрадовались добыче, что даже головы не повернули в его сторону.

Царь же вырвал цветок, благополучно выбрался из сада и не мешкая направился к берегу моря. Вскоре появился корабль, и царь пустился в обратный путь.

Долго длилось его путешествие, избородил он девять морей и наконец прибыл в свое царство.

Как только весть о возвращении царя дошла до дворца, все три царевны вышли на дорогу встречать отца. Войдя в дом, царь выложил добытые в чужих странах подарки и преподнес их своим неаглядным дочерям — каждой то, что та просила.

Порадовались старшие дочери дорогим гостицам, младшую же сестру подняли на смех:

— Можешь паценить этот цветок на платье и прогуляться с ним по городу!

А падо сказать, что нянькой младшей сестры была бывшая служанка повелителя того самого тридцатого государства, которая хорошо знала тайну цветка крахламаджа. И когда младшая царевна показала ей привезенный отцом цветок, нянька тут же посадила его в просторный горшок и поставила в одной из самых солнечных комнат.

Однажды нянька украсила комнату младшей царевны блестящими вещицами и густо рассыпала в ней цветы крахламаджа. И тут же в комнату влетел юноша небесной красоты. Стоило царевне увидеть Крахламаджа, как она воспыпала к нему любовью.

С того дня Крахламадж стал прилетать к ней каждый вечер.

Заподозрив пеладное, старшая сестра однажды ночью подкараулила влюбленных. Она увидела, как, откуда ни возьмись, с неба слетел красавец-юноша. Сердце сестры, увидевшей Крахламаджа, переполнилось завистью, и она решила заманить юношу к себе.

Она долго думала, как осуществить свой коварный замысел, но, ничего не придумав, призналась во всем няньке и приказала ей:

— Ты непременно должна подружиться с няней моей младшей сестры и подробно разузнать, кто тот прекрасный юноша, который является к ней по ночам, и как его заманить!

Но та решила все узнать сама. Она караулила несколько ночей кряду, пока не увидела, как прилетает юноша. После этого она рассыпала в комнате старшей сестры осколки блестящих стекол, парвала лепестки крахламаджа и рассыпала их по углам. Крахламадж тотчас же прилетел, но, войдя в комнату, сильно поранил осколками ноги и, окровавленный, улетел на небо. Но не смог раненый юноша летать и вернулся к своим родителям. Прикованный к постели, он громко стонал от боли.

Царевна долго оплакивала своего исчезнувшего возлюбленного и наконец решила отправиться на его поиски. Нарвала она цветы крахламаджа, спрятала у себя на груди и пустилась в путь.

Долог ли, короток ли был этот путь, но наконец привел он ее в самую отдаленную страну. Дорога туда проходила через молодой лесок; девушка прилегла на опушке и стала дожидаться какого-нибудь попутчика. В скором времени ей повстречалась какая-то старушка. Когда та поравнялась с царской дочерью, девушка встала и вежливо приветствовала старую женщину. Та ответила на приветст-

ние, и они обе, мирно беседуя, зашагали по затененной деревьями дороге.

Вот тут-то царевна и узнала, что единственный сын повелителя этой страны, по имени Крахламадж, уже многие годы прикован к постели, а его израненные ноги не перестают кровоточить.

Радость и боль перемешались в душе царской дочери. Всеми помыслами и чувствами устремилась она к страдающему Крахламаджу. Она тут же бы помчалась, побежала бы во дворец, чтобы скорее увидеть своего возлюбленного, но оставить свою добрую попутницу одну в пути не могла.

Наконец они подошли к городу, и старушка предложила девушке переложить у нее, но та отказалась и поспешила ко дворцу.

Подойдя к воротам, царевна обратилась к стражнику: — Я — запахарка и пришла сюда, чтобы вылечить царского сына.

Стражник немедленно сообщил об этом визирю, визирь доложил царю. Царь приказал тотчас же доставить к нему запахарку. Девушку привели к царю, и тот спросил ее:

— Неужели ты и вправду можешь излечить моего больного сына?

— Великий царь, сперва покажите мне больного, я взгляну на него и лишь тогда дам вам ответ, — сказала девушка.

Царь велел визирю проводить запахарку в опочивальню своего сына.

— О мой Крахламадж! — воскликнула девушка и, горько рыдая, припала к его изголовью.

Стояло больному лишь вдохнуть аромат сирятанских на груди царевны лепестков цветка крахламаджа, как он мгновенно открыл глаза, обнял ту, по которой давно тосковал, и крепко прижал ее к груди.

Визирь опрометью помчался к своему повелителю, чтобы сообщить ему о великой радости. Царь позвал жепу, та — слуг, слуги — еще кого-то, и вскоре весь двор был уже на ногах. Счастливые родители даперебой обнимали и целовали обожаемого сына. Наконец, насладившись ласками, они позволяли царевне вынуть из ног Крахламаджа стеклянные осколки и перевязать их.

Прошло несколько дней, у Крахламаджа зажили рапы, и он встал с постели здоровым и невредимым.

Начались свадебные приготовления. Крахламадж сам известил будущего тестя о радостной новости, пригласил

вельмож пловесных страп, и в один счастливый день молодые влюбленные обвенчались.

А прекрасный цветок крахламаджа стоял на свадебном столе, распростирая по всему залу чудесный аромат.

51. Тыква

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жили-были муж с женой. Говорит раз жена мужу:

— Небось не перевелись еще ворожеи. Найди какую, пусть поворожит нам.

Пошел муж и встретил подле колодца ворожею.

— Не знаешь ли ты,— спрашивает он ее,— такого лекарства, чтоб родилось у нас дитя?

— Как пет, сын мой! — отвечает ворожея.

Дала она ему два яблока и говорит:

— Одно съешь сам, а другое пусть съест твоя жена, и будет у вас дитя. Смотри только, не съешь оба яблока, не то родится у тебя тыква.

Пошел муж домой. Съел по дорожке одно яблоко. Идет дальше, захотелось ему пить, съел он и второе. Глядь — опростался он тыквой.

Шагает крестьянин по дороге, а тыква катится следом. Отпихивает он ее ногой, а она, зная свое, продолжает катиться за ним.

Вошел крестьянин в хату и прихлопнул потуже дверь. А тыква подкатилась к порогу и кричит: «Мама, отпхни мне дверь». Отпхнул крестьянин дверь, вкатилась тыква в дом, прыг — и уселась на тахте. Сидит себе посиживает и говорит ему:

— Надобно тебе, мама, женить меня на дочери царя.

Закручинился было крестьянин, но пошел все же к царю: мой сын, говорит, просит руки твоей дочери.

— Вырасти серебряный виноградник,— повелел царь,— вот тогда отдам я за твоего сына свою дочь.

Пошел крестьянин и говорит тыкве:

— Велел мне царь вырастить серебряный виноградник, иначе не отдаст он свою дочь.

А тыква, не долго думая, отвечает:

— Пойди воткни в землю спицы, и к утру вырастет виноградник.

Пошел крестьянин, попытывал в землю спицы, а поутру вышел царь поглядеть и видит — раскинулся во дворе серебряный виноградник. Очень пришлось ему это по душе, и говорит он крестьянину:

— Если соберешь всех птиц, какие ни есть на всем белом свете, то ладно,— забирай для своего сына мою дочь, а нет — так и нет.

Побрел крестьянин домой и передал тыкве слово в слово волю царя.

— Иди,— говорит ему тыква,— стань посреди виноградника и кличчи клич: «Слетайтесь сюда, большие и малые, слетайтесь сюда!»

Стоит себе крестьянин, покрикивает, и слетается несчетное множество птиц, весь виноградник заполнили.

Вышел царь, огляделся и видит — птиц налетело видимо-невидимо, вся округа ими заполнена. Говорит он тогда.

— А теперь доставь мне такие одежды, каких ни у кого больше на всем белом свете нет.

Пошел крестьянин домой и говорит тыкве:

— Велел царь доставить ему такие одежды, каких никто на земле и не нашивал.

А тыква ему в ответ:

— У тебя, мама, верно, сыщутся в доме лоскутья да обрывки. Неси-ка их сюда.

Нанес крестьянин всяких лоскутьев да обрывков от старого платья, свернула их тыква в узел, дала ему в руки и говорит:

— Отнеси их царю, брось у дверей, а сам беги со всех ног обратно.

Пошел крестьянин во дворец, бросил свой узел тряпья в покои через порог и опрометью кинулся бежать.

За ним вдогонку царь погнал человека.

— Беги узнай, чего этот мужик бросился улепетывать.

Нагнали мужика, вернули во дворец, развернули узел, а в нем тряпье, какого никто из них в жизни не нашивал.

— Веди своего сына,— сказал царь крестьянину,— обвенчаем молодых.

Пошли, привели тыкву, а священник отказывается венчать.

— Венчай, поп! — кричит ему снизу тыква,— не то, гляди, бороду тебе оборву.

Обвенчали жениха и невесту и отволи их в курятник. И тут вдруг расколосась тыква, и выскочил из нее красавец-юноша в черкеске с газырями и обнял, прижал к груди свою жену. И задал им царь такую свадьбу, что только птичьего молока и недоставало.

52. Сказка о Мзечабуки¹

Быль то или небыль, жил да был один государь, имевший трех дочерей-красавиц. Он держал их в высокой башне, куда ни один луч солнца не проникал. Однажды в праздник спрашивает у них царь:

— Что вам кушать в подарок, чего бы вы хотели?

— Хочу, — говорит старшая дочь, — такое зеркало, чтоб в нем весь мир был виден — и вся земля, и тот свет тоже.

— А мне, — попросила средняя, — купи такое платье, чтоб само на меня надевалось и снималось.

— Мне же, — говорит младшая дочь, — купи платье из цветка Эдема².

Купил царь старшей и средней дочерям то, что они просили, а просьбу младшей никак не может выполнить. Отправился он домой, а по дороге встречается ему дэв.

— Какая у тебя, государь, забота, — спрашивает, — что ты печалишься?

— Да вот нужно мне платье из цветка Эдема, — отвечает царь, — но нигде не смог я его достать.

— Ну, стоит ли из-за этого огорчаться? — говорит дэв. — Я дам тебе это платье.

Обрадовался государь, дал дэву много золота и серебра, взял платье из цветка Эдема и отнес его младшей дочери.

На следующий дощ вышли три дочери на балкон: старшая смотрит в свое зеркало, а средняя и младшая надели на себя привезенные отцом новые платья и друг на друга любят. Подкрался в это время тот самый дэв, который продал отцу платье, и похитил младшую дочь.

А у этого дэва было двое батраков: одного он пускал в дом, а второго брал с собой в лес на охоту. Велел дэв тому парню, который дома оставался, напоить девушку крепким вином, чтоб она опьянела, заснула и никуда не смогла убежать. Девушка-то хитрость эту разгадала и, прежде чем сели они за стол, послала парня за чем-то, а пока он ходил, свое питье ему подсунула, а его питье поставила перед собой.

Сели они за стол, и, как только парень выпил, сразу же опьянел и заснул на месте. Встала тогда царевна из-за стола — и давай бог ноги!

Бежит она, а тут вдруг камни и скалы, буераки, земля и вода крик подняли.

— Убежала, — кричат, — убежала, убежала!

Услыхал дэв крики и пустился за ней в погоню.

Бежит царевна, бежит и видит — прямо перед ней храм стоит. Обежала вокруг, а войти не смогла — не было у того храма дверей.

— Боже мой, судьба и мой цветок волшебный,— взмолилась она,— сделайте так, чтобы появились у этого храма двери!

И в тот же самый миг (бывают же чудеса на свете!) стена раскрылась, и девушка вбежала в храм. Снова она взмолилась:

— Боже мой, судьба и мой цветок волшебный, сделайте теперь так, чтобы исчезла дверь у храма!

И сразу же стопа снова закрылась, но часть ее платья осталась снаружи. Схватил дэв платье и не отпускает. Тогда скинула царевна с себя платье, и оказалось оно в руках у дэва, а царевна осталась в храме.

Осмотрелась кругом и видит — стоит посреди храма гроб, а в нем мертвец лежит. А мертвец тот вот какой оказался: как взойдет солнце — он умирает, а с заходом солнца оживает снова. А еду ему с неба приносили ангелы.

Стала тогда девушка эту плцу делить пополам — половину сама съедала, а половину оставляла тому человеку.

Удивлялся мертвец: раньше приносили ему много еды, а теперь — в два раза меньше.

Встал он однажды ночью и позвал:

— Кто ты там есть, выходи!

А царевна — молчок, ни слова ему не отвечает. Тут поклялся он, что никакого вреда ей не причинит.

— Не могу выйти,— отвечает тогда царевна,— раздетая я.

Вынул он тогда из гроба одежду и кинул ей. Только оделась она и вышла, слетели с неба ангелы и святым крестом их обвенчали.

Через некоторое время отяжелела царевна.

— Что же теперь делать,— говорит она мужу,— скоро мне рожать надо ложиться, а куда лечь-то?

— Ступай,— ответил он,— и найди дом царицы Тамары³ — я ведь ее сын; попроси у царицы, чтоб отвела тебе место, где лечь. Когда придешь туда, выскочат собаки да набросятся на тебя, но ты не пугайся,— тут вынул он из кармана перстень и дал ей,— покажешь им этот перстень, и не тронут они тебя.

Ушла царевна оттуда, шла, шла и нашла наконец дом царицы Тамары. Вошла по двор — сразу кинулись на нее

собаки, а она им показала перстень, и собаки ее не тронули.

Вышла царица на служанка, и попросила у нее молодая женщина дать ей место, где бы от бремени разрешиться. Отвели ей курятник, и там родила она мальчика.

А как солнце зашло, вышел тот оживший мертвец из храма, пришел к своей жене и окликнул ее с кровли:

— Ну, как ты там, жена моя, и как сын твой?

— На соломе я,— жопа ему отвечает,— а на поножке — сын мой!

— Горе мне! Пропади они пропадом, златотканые покрывала моей матери, раз не лежишь ты на них! — воскликнул царевич и исчез...

А слуги-то царицы услышали весь этот разговор и царице немедленно доложили.

— Так, мол, и так,— говорят,— пришел сын твой к той женщине и с ней разговаривает...

— Не может быть,— не поверила царица.

Следующей ночью снова пришел муж к своей жене и разговаривал. Побежали слуги, доложили царице, а она опять не поверила. На третью ночь сама уже не заснула и услышала, как пришел муж и разговаривал со своей женой.

Утром входит она к роженице и говорит:

— Когда снова придет тот юноша и пачнет с кровли разговаривать с тобой, ты должна его во что бы то ни стало уговорить сойти вниз, а не то вышвырну тебя отсюда, так и знай!

Обещала царевна его вниз свести.

Ночью, когда пришел муж, жена его просит:

— Спустись вниз, дай мне воды напиться.

— Да не успею я,— отвечает муж,— ведь рассвет уже скоро, и если свет меня коснется — умру.

Но жена так его умоляла, что в конце концов уговорила сойти вниз. Сошел он, а тут рассвет забрезжил — и умер юноша.

Как увидела его утром царица да узнала своего сына, обрадовалась безмерно. Сразу же вывели царевну с сыном из курятника, перевели в царские покои и уложили на златотканые простыни, а младенцу кормилицу привели.

Надела тогда царица на себя железную одежду, обулась в железные лапти, взяла в руки железный посох и отправилась в путь-дорогу лекарство искать для своего сына.

Ходила она, ходила и пришла наконец в одно место, где стоит огромный олень: одним рогом он в небо уперся, а другим — в землю и шевельнуться не может...

— Дозволь мне, — говорит оленю царица, — на рог твой взобраться: хочу я на небо взойти, к матери Солища.

— Ладно, — согласился олень, — только заодно и обо мне ее спроси...

Поднялась царица по оленьему рогу прямо на небо, а там пришла к матери Солища и бьет ей челом.

— Чего тебе здесь надобно, — говорит ей мать Солища, — ведь если б мой сын был дома, он тебя убил бы!

— Оди́н-единственный сын у меня, — стала царица ей про беду свою рассказывать, — и вот он каждый день умирает, а ночью оживает снова. И пришла я к тебе узнать, отчего это с ним и как его вылечить.

— А это из-за меня он так наказан, — отвечает ей мать Солища, — потому что прицелился однажды из ружья в меня да и выстрелил. Вот и получил за это... Теперь не исцелится он до тех пор, пока не возьмешь ты воды, которой я лицо и руки умыла, и ему той водой лицо не омоешь.

Попросила тогда царица дать ей этой воды, и палила ей мать Солища воды в склянку и дала.

Потом спросила царица про оленя:

— Почему с ним беда такая приключилась и как ему помочь?

— Пусть он тряхнет головой хорошенько, — говорит мать Солища, — рога у него обломятся, и освободится он.

Поклопилась ей царица и отправилась в обратный путь. Когда сошла на землю, передала оленю слова матери Солища. Тряхнул он головой и освободился.

Как только воротилась царица домой, сразу же умыла той водой лицо сыну, и ожил он: и днем живет, и ночью. Зажили все они после этого в большой радости — и сам царевич, и сын его, и жена, и мать.

53. Малый Георгий-охотник

Было то или не было, жил охотник по имени Малый Георгий. Однажды пошел он на охоту, подстрелил под вечер зайца, устроился на ночлег у подножия высокого дуба, развел огонь и стал свежевать зайца. Вырезал вертел, взял тушку зайца и изжарил над костерком. С голоду поторопился он вытащить из огня мясо, обжегся, да и от-

бросил кусок в сторону. Глядит — а тот обратился в живого зайчишку. Удивился охотник и вскрикнул:

— Пу и диковина, святая божья матерь!

Зайчишка обернулся и проговорил:

— Что тут диковинного? Вот с Большим Георгием-охотником и вправду приключилась диковина.

Услышав охотник, что зайчишка говорит человеческим голосом, и вовсе остолбенел. Давай креститься-молиться, всю ночь не сомкнул глаз с перепугу, а наутро пошел искать Большого Георгия.

— Не видели ли случаем такого охотника, — спрашивает у сельчан, — не встречали ли?

Добрался он наконец до дома Большого Георгия:

— Хозяин, а хозяин!

Хозяин впустил его в дом и говорит:

— Я вонусь Большим Георгием-охотником, а ты кто будешь и куда путь держишь?

— А я Малый Георгий-охотник. Пошел искать тебя после одного случая. Охотился я однажды, целый день пробродил в лесу без толку. К вечеру подстрелил наконец зайчишку, а тут и ночь опустилась. Устроился я под дубом, разжег огонь, вырезал вертел, наиздал на него мясо зайчишки и изжарил на огне. С голоду поторопился, подхватил кусок мяса, обжег руку, а мясо выронил. Гляжу — мясо обратилось в живого зайчишку. Удивился я и вскрикнул: пу и диковина, святая мать божия! А зайчишка обернулся и проговорил: это ли диковина, вот с Большим Георгием-охотником случилась диковина так диковина! Что ж, думаю, такое? Всю ночь глаз не сомкнул ни на минуту, а как рассвело, пошел искать тебя, чтоб ты рассказал, что с тобою случилось.

— Ладно, расскажу, раз просишь! Труда тут большого нет. Только пойдем прежде ненадолго ко мне в конюшню.

Малый Георгий-охотник пошел с Большим Георгием в конюшню. Видит — привязаны в пей два коня, жеребец и кобыла. Оба толстые — кожа да кости, на погах еле держатся. В яслях — ни зернышка корма. Увидели бедняги вошедшего, жмутся в страхе друг к дружке. А Большой Георгий подхватил лопату и давай колотить ею по спицам несчастных. Малый Георгий просит скалиться над конягами. Большой Георгий и ухом не ведет, все колотит бедолаг да колотит. Повалились они на землю. А Большой Георгий оборотился к Малому и повел его за собой обратно к дому. «Уж не тронулся ли хозяин умом», — засомневался Малый.

Сели они за стол, подняли роги, тут Малый Георгий и спрашивает Большого:

— За что ты так нещадно бьешь животину?

— Знал бы ты, — отвечал Большой Георгий, — за что колочу, сам помог бы мне. Жеребец этот — мой брат, а кобыла — моя жена. Волшебница она и чародейка. Оба, стало быть, такие же люди, как мы. Слюбилась чуть ли не у меня на глазах. У жены моей палочка есть, так она людей обращает во что пожелает. Обратила она меня однажды в дворняжку, назвала Мурней, а сама с братом моим мплетется на глазах у меня! Я хоть и собака, а все понимаю, только говорить не могу. Вспомнят когда обо мне, подкинут кость или корку, а я ем — голод-то не тетка.

Жил так и однажды решился, вышел на большую дорогу. Побрел сам не знаю куда. Вижу, едет по дороге арба, на ней купец с набитым хурджином. Поправился я купцу, и зовет он меня: «Сюда, Цуга, сюда!» И тянется рукою к хурджину. Вытащил сладкий хлебец, назуки, бросил мне и похлопывает рукою по колену, подзывает. Я вскочил на арбу, такой страх на купцу нагнал. Машу хвостом, а он хлеба и мяса достает, да еще и гладит меня по загривку. Я и сам визжу да ласкаюсь. Застигла нас в пути ночь, и заметили мы вдали овечий загон. Купец повернул к нему арбу и позвал: «Гей, овчары, где вы там? Я живу тут неподалеку, отзовите собак, боюсь, кабы не загрызли». Овчары подкочили, разогнали собак и подвели купца к самой овчарне. А купец говорит им: «Как бы ваши овчарки не загрызли мою собачонку».

Овчары приободрили его, посадили поближе к огню, а своих собак прогнали за дверь. Я улегся в дверях, овцы — в загоне, а главный овчар посадил одного мальчишку на лошадь, послал за вином, другим же велел заколоть ягнят. Сам подсел к купцу и давай спрашивать, куда и зачем он держит путь. Купец рассказал я теперь уже сам интересуется, целы ли все овцы и хорошо ли содержатся.

Овчар отвечает: «Да хорошо, брат. С божьей помощью травы и корма вдоволь. Да только сколько себя, старика, помню, никогда так много зверья не кружило вокруг отары». А я наострился и слушаю, что они говорят.

Тут, глядь, волки набежали. Овчарки со страха попрятались, а я хватить одного волка за загривок и тащу к загону. Овчары дивятся: «Ну и собака!» Хвалят меня купцу. А тут собаки опять расшумелись, я помчался, да и притащил еще одного волка. За ночь задушил пять волков.

Купец от радости усы зпай поглаживает. Овчары просят продать меня, торг с купчиной затеяли. А тот не уступает, отнекивается: жена моя, мол, его вот из какого щеночка вырастила, легко ли! Уломали-таки купца, отдал он меня овчарам за двадцать чедил. С той ночи стали они кормить меня только вареным овечьим мясом. Так я полюбился отаре, что уж и пастухов ей не требовалось. Только волк показался, как я мигом хватя его — и к овчарам.

По всему краю слава обо мне разнеслась, до царя дошла. А у царя была дочка, она жила в высокой башне, вдали от людей, потому что по ночам чего-то лугалась, вадрагивала и пробуждалась. Многие старались узнать отчего, да ничего не могли добиться. Наконец порешили царские визири, что один я и смогу помочь недужной царевне. Пошли к царю и говорят ему: «Попросим-ка у овчаров их прославленную собаку. Может, и исцелит она царевну».

Согласился царь и повелел привести собаку к нему.

Хозяин огорчился чуть не до смерти, долго просил посланца царя не уводить меня, да что было делать?

Оставили меня в комнате царской дочери. Разорвусь, думаю, а узнаю, в чем тут дело. В полночь гляжу — какая-то красавица скрипнула оконной рамой. Я так и замер. Прыг она в комнату, а я ее хватя — и поймал. А царевна спит себе на мягком ложе, горя не знает. Красавица просит-молит меня: «Не отдавай меня в руки царя, я тебя очастливилю». Я взял, да и отпустил ее. Наутро приходит царь и царица, спрашивают дочку, как она почивала. А дочка в ответ — хорошо, говорит, и спокойно. Царь с царицей радуются, вешают кисет с золотом мне на шею. За обедом царь сажает меня у ног и то и дело по загривку поглаживает.

Хозяин-овчар требует меня обратно к себе. А царь по отдает, сироваживает его со двора. Я хоть и в ласке и холоде живу, а по дому соскучился и улизнул из дворца со всеми подарками. Ночью шел, а днем прятался в зарослях. Наконец добрался на заре до своего дома, а жена, как увидела меня, обращается к брату: «Вот и Мурья вернулась». Отвизала она кисет с золотом, а я гляжу на нее умоляющим взором, может, думаю, смягчится да вызовет. Глядь, и впрямь берется за палочку, да только не в человека, а в дикую утку меня обращает.

Пригорюнился я, летаю весь день и думаю: был собакой, хоть что-то мог сделать да заслужил уважение, а теперь? Опустился, усталый-заморенный, на землю и уснул, устроился в стогу. А хозяин увидел меня, поймал — пу и

лакомый, говорит, кусочек! — связал по погам и повесил па арбу. Наказывает жене: «Зарезь,— говорит,— до моего прихода да свари». Я совсем было отчаялся, а хозяйка зарезала домашнюю утку и подает ее мужу. Хозяин ест да похваливает: «Ну и вкусны дикие утки». На третий день хозяйка вытащила палочку, точь-в-точь такую, как у моей женушки, развизала меня, постучала, сказала что-то, обратила меня в человека и спрашивает: «Ты что, не узнал меня? Я ведь та, что мучила царскую дочку. Хочу тебе отплатить за добро. Вот тебе палочка, стоит ею взмахнуть, как исполнится все, что ты задумал. Твоя жена мне сестра по ремеслу, да ее палочка сильнее моей, гляди, кабы она с братом твоим — в саду они сейчас — тебя не заметили, да их палочка не одолела мою, не то я погибла».

Я осторожно к ним подобрался, пожелал в душе, чтоб обратились они в лошадей, взмахнул палочкой, вижу — и в самом деле передо мной два коня. Так вот, брат Малый Георгий, чьи дела удивительнее — твои или мои?!

Покачал Малый Георгий головой в знак согласия и говорит:

— В самом деле, куда уж диковинней!

Мор — там, пир — здесь.

Отсев — там, мука — здесь.

54. Сестра и девять братьев

Жил на свете один крестьянин. Были у него жена да девять сыновей, но не дал ему бог дочери, о которой он давно мечтал.

Сыновья его ходили па охоту, падолго пропадая из дома.

Однажды, когда мать их понесла в десятый раз и уже была па сносях, они, как обычно, снарядились па охоту и, уходя, наказали матери:

— Если родинь нам снова брата, то выставь к нашему возвращению за порог ярмо, а подаришь сестру — веретено.

Мать обещала сыновьям, что так и поступит, и братья спокойно отправились па охоту.

Подшло время матери рожать, легла она в постель и родила девочку. Вспомнив о просьбе сыновей, она выставила за порог веретено.

Но случилось так, что наказ сыновей подслушала соседка, которая враждовала с семьей, и решила она сыграть

с ними злую шутку: убрала с порога веретено и заменила его ярмом.

Вернулись братья с охоты, увидели перед домом ярмо и, не заходя в дом, ушли куда глаза глядят.

— Раз у нашей матери появился еще один сын, ей и его хватит, мы же пойдем своим путем, — решили они.

Покинули братья отчий дом и ушли в горы, туда, где они обычно охотились.

Прошло несколько лет. Девочка выросла, а о том, что у нее есть братья, не слыхала.

Как-то раз, играя со своими сверстницами, она обидела одну из девочек, и та разревелась. Плачущую взяла под защиту ее мать и набросилась на обидчицу:

— Да ведь ты та самая девочка, из-за которой девять молодцев покинули родной дом и пропали неизвестно где?!

Эти слова запали в сердце девочки. Пришла она домой и упросила мать покормить ее грудью. Удивилась мать, по просьбу дочери выполнила. Взив материнскую грудь, дочь впилась в нее зубами и спросила:

— Мама, скажи мне правду, есть ли у меня девять братьев?

Мать огорчилась, что дочка узнала о судьбе ее братьев, и стала проклинать женщину, открывшую ей правду, — она еще надеялась обмануть дочь. Но та еще больнее зажала зубами грудь, и мать вынуждена была рассказать ей о том, как братья ее постоянно ходили на охоту, как наказали ей в случае рождения брата выставить во двор ярмо, а в случае рождения сестры — веретено, как злая соседка подменила веретено ярмом и, наконец, как вернувшиеся с охоты девять молодцев увидели выставленное за порог ярмо и, решив, что бог не послал им сестры, навсегда покинули отчий дом. Мать призналась и в том, что с тех пор их и след простыл и что она не знает, живы ли они.

Выслушала дочка рассказ матери и так захотелось ей найти своих братьев, что она тотчас же отправилась на их поиски.

Долго шла сестра по дорогам, но все никак не могла напасть на их след. Она уже потеряла всякую надежду, как вдруг набрела на хижину, стоявшую в большом и дремучем лесу.

Девушка вошла в хижину. В ней никого не было, но, судя по всему, здесь кто-то обитал. Она спряталась поблизости, чтобы поглядеть, кто сюда придет.

Был уже вечер, когда девушка увидела входящих в хижину девятерых молодцев, которые несли лесную добы-

чу. Так как на вид они были погодками, она догадалась, что это и есть ее братья.

Наутро молодые люди ушли, по своему обычаю, на охоту.

Как только они скрылись из глаз, девушка вышла из укрытия, вымела и прибрала хижину, приготовила обед и снова спряталась.

Когда хозяева вернулись домой и увидели чистый дом и горячий обед, они очень удивились и воскликнули:

— Видно, о нашем жилье кто-то проведал, но кто бы то ни был — мужчина или женщина, — он наш доброжелатель, и мы непременно должны его увидеть!

Утром они встали и собрались на охоту, но двое младших не ушли в лес, а спрятались у хижины. Некоторое время они сидели в своем укрытии, а затем направились к дому. Они подошли тогда, когда девушка с ведемком в руках собиралась начать уборку. Братья спросили девушку, кто она, что привело ее сюда, и узнали обо всем, что рассказала их мать. Юноши убедились в том, что это была их родная сестра, отец обрадовался и рассказал ей о своей судьбе.

Вечером, когда они собрались все вместе, девушка окончательно поверила в то, что это ее братья.

С тех пор они зажили одной семьей: сестра оставалась дома и хлопотала по хозяйству, братья же ходили в лес и возвращались под вечер с богатой добычей... Но, отправляясь на охоту, они всякий раз предупреждали ее, чтобы она непременно не погасила огня, так как достать его в тех краях было почти невозможно.

Но вот однажды, когда братья были на охоте, у девушки случайно потух очаг. Желая избежать упреков братьев, девушка в поисках огня вышла со двора. Оглядевшись вокруг, она заметила за одной из гор дымок и, решив, что там она раздобудет огонь, пошла туда.

Долго ли, коротко ли она шла, наконец пришла к тому месту и видит — стоит избушка, а из трубы дым так и валит. В избушке ее встретила старуха, которая пряла веревку, вертя веретено вснять.

— Заклинаю тебя твоими детьми, дай мне немного огонька, — попросила ее девушка.

— Ах, какой же ты лакомый кусочек, доченька. Кабы не твое заклинание, быть бы тебе моим ужином, — хихикнула старуха.

А та старуха была матерью дэва.

Подошла девушка к очагу, взяла головешку и только

собралась уходить, как старуха протянула ей кулечек с семенами киндзы.

— Вот тебе, дочка, семена; рассынь их по дороге, киндза взойдет, и, когда тебе еще раз понадобится огонек, ты легко найдешь наш дом.

Взяла девушка семена и сделала так, как научила ее старуха. И киндза тут же взошла.

Вернулся домой сын старухи, дэв, повертел во все стороны головой и учуял человеческий дух.

— Мать, чую я чужой дух. Кто и зачем здесь побывал? — грозно спросил он.

Поначалу старуха хотела было обмануть сыночка, но потом, со страху, рассказала ему все, как было, да еще прибавила:

— Если тебе так уж хочется разыскать ее, ступай по следу киндзы, вот он и приведет тебя к ее жилищу.

Дэв так и сделал: пошел вдоль зеленевшей киндзы и дошел до хижины девушки. Подошел он к двери и постучал. Подумав, что это вернулись из лесу братья, девушка взялась за щеколду и случайно высунула руку наружу. Дэв взял да и откусил ей палец. От жгучей боли девушка без памяти упала на пол. Дэв постоял-постоял и, вида, что ему никто не открывает, вернулся к себе домой. А девушка, придя в себя, встала и припаялась за стряпню, так как не хотела оставлять братьев голодными.

Когда те вернулись с охоты, сестра рассказала им обо всем, что с ней случилось. Братья мигом смекнули, кто был незванным гостем, ибо знали об одном дэве, живущем за горой.

На другой день они остались дома и стали дожидаться прихода вчерашнего посетителя: они были уверены, что тот явится еще раз.

Действительно, дэв снова пришел и постучал в дверь. В дом-то его впустили, но братья все разом напали на него и вышибли из него дух.

Прошло время, и случилось так, что у девушки снова погас огонь. Она снова отправилась за ним к матери дэва.

Старуха сначала рассердилась на пса, но потом сменила гнев на милость, дала огонь, какое-то зелье и сказала:

— Возьми, дочка, это спадобье, насынь его в еду твоих братьев, и у них никогда не будут болеть животы.

Поверила девушка старухе. Взяла зелье и, придя домой, густо сдобрила им ужин братьев. Но как только те съели свой ужин, то все, как один, превратились в олешей,

выскочили из дому и скрылись в лесной чаще. Лишь одного, младшего брата сестра успела поймать.

Осталась девушка с одним-единственным братом, и, куда бы она ни пошла, всюду водила его за собой, ни на шаг от себя не отпуская.

Однажды сестра с братом бродили по лесу в поисках птицы. А в ту пору в этом же лесу охотился сын одного царя. Приметил царевич олененка и хотел его пристрелить. Но сестра, увидев это, заслонила собой оленя и стала умолять царевича:

— Ради господ бога, не убивай его, на самом деле это не олень ведь, а мой кровный брат!

После этих слов царевич не мог тронуть олененка. А сама девушка так понравилась ему, что он взял ее вместе с ее несчастным братом к себе во дворец. А надо сказать, что до того дня царевич думал жениться на одной красивой девице, жившей по соседству с ними. Но так как сестра олененка была намного прекраснее той девушки, то вскоре он обвенчался с ней.

Жили они в мире и согласии, но царский сын не раз пытался заколоть олененка. И всякий раз жена удерживала мужа от этого, ибо очень любила и жалела своего брата. И всех во дворце просила приглядывать за ним и заботиться о нем.

Соседка же, обманутая царевичем, затаила злобу и поклялась жестоко расправиться с соперницей, надеясь хоть в будущем занять ее место и стать признанной всеми царевной.

Однажды она так пристала к невестке царя, уговаривая ее прогуляться с нею по городу, что та согласилась. Вот пошли они гулять, вышли за город и подошли к реке. Злая женщина подала знак своим слугам, схватили они царевну, сорвали с нее одежду, привязали к шее камень и сбросили в воду. Злодейка облачилась в одежду молодой царевны и отправилась во дворец, словно она была женой царевича. Тот ничего не заподозрил и принял ее за жену.

О гибели сестры знал лишь один олененок. Он без конца бегал к реке, громко кричал и заливался горячими слезами.

Видя это и боясь, что ее обман будет раскрыт, самозванная царевна приказала заколоть олененка.

Царевича удивила такая прихоть жены:

— Не понимаю, откуда в тебе такая перемена: до сих пор ты была единственной заступницей олененка, считала

его своим кровным братом, заботилась, лелеяла его, а ни-че велишь зарезать?

— Что же мне делать, — ответила хитрая злодейка, — до сих пор он был послушным, а теперь как с цепи сорвался, все воет и воет, покоя никому не дает.

Так и уговорила она мужа. Олененок же, узнав о том, что его собираются зарезать, принялся бегать взад-вперед — от дома к реке, от реки к дому. И так часто он бежал туда и обратно, что обратил на себя внимание царевича. Тогда царевич приказал своим верным слугам проследить за олененком и узнать, куда тот бежит и что там происходит.

Слуги выяснили, что олененок останавливается у берега реки и вливает кого-то человеческим голосом:

Сестричка, сестричка родная,
Ягодка моя паливная!
Братца милого закалывают,
Кинжал острый патачивают,
Водичку в котлы патаскивают!

И отвечает ему сестра из реки:

Прости царя-батюшку
Кинжал не патачивать,
Водички не патаскивать!

Услыхав это, слуги тотчас же бросились к реке, вытащили оттуда женщину и доставили к обманутому мужу. Тут только понял царевич, что это и есть его настоящая супруга. Узнал и то, из-за чьих козней чуть было не лишился любимой жены, привязал злоумышленницу к лошадиному хвосту и приказал волочить ее по земле.

Так ее и волокут по сей день, покуда мы с тобой не надумаем помочь злодейке.

55. В гостях у Солнца

Быль то или небыль, только жили-были трое братьев, все трое — женатые. С малых лет не научились они ни пахать, ни сеять и никакому другому делу не были обучены, только охотиться умели, тем и жили. Вставали снозаранку, клали ружье на плечо, лук брали под мышки — и напрямком в лес. Ходили там, охотились целыми днями, а добычу приносили домой: и жен с детьми кормили, и самим хватало.

Однажды поднялись они рано утром и отправились на охоту. Долго ходили по лесу, все горы обошли вокруг да

все долины, только никакой дичи не добыли. Так прошла целая неделя, но нигде им даже малой птицы не встретилось. И сами всю неделю голодают, и дома у них жены и дети умирают с голоду.

Однажды ночью, изнуренные голодом, сели они в лесу под деревом, разложили костер, натаскали травы, легли на траву у костра и заснули. К полуночи дрова прогорели, и огонь стал угасать. Проснулся младший брат, пошел в глубь леса за хворостом, а тьма была — хоть глаз выколи; так он идет, а сам по земле руками шарит, хворост, значит, ищет. Вдруг паткнулась его рука на что-то мягкое. Испугался охотник, воротился обратно и разбудил братьев. Рассказал им все, как было.

Обрадовались братья: не иначе, думают, какой-нибудь зверь там спит. Зажгли лучину, и повел их младший брат к тому месту. Пришли и видят: лежит там мертвец, а глаза ему вороны выклевали.

Звалили они труп на плечи и отнесли к своей стоянке. Положили у огня и сами присели: от голода они совсем обессилели.

— Вот что я вам скажу, — заговорил тут старший брат, — все равно еды у нас нет никакой, так не лучше ли будет, чем с голоду помирать, отрезать у этого бедняги кусок мяса да съесть?

— И то правда, — согласились другие, — все равно ведь помирать, так будь что будет — не отравимся небось!

Вырезали они кусок помягче, зажарили и съели.

— Ух ты, а вкусно-то как! — заговорили все трое вместе. — Зажарим-ка еще.

Так всего мертвеца они и съели в ту ночь. А младший брат незаметно от других кусок жареного мяса в карман спрятал: покормлю, думает, свою жену.

Утром рано отправились братья домой.

— Где вы пронадали целую неделю? — спрашивают жены.

— А где ж нам быть-то? — отвечали. — Все горы и долины обонли, да только никакой добычи найти не сумели, а воротиться с пустыми-то руками домой не хотелось.

Тут младший брат отвел свою жену в сторону и дал ей потихоньку от других отведать жареного мяса.

— Мамочка моя, до чего ж вкусно! В жизни ничего такого не ела! — воскликнула она, съев кусочек. И пристала к мужу: скажи да скажи, мол, что это за мясо! Тот не говорил, все отмалчивался. Да только женщина еще больше пристала, и в конце концов муж сдался.

— Ладно,— говорит,— поклянись только, что ни одной живой душе не проболтаешься,— и скажу.

Женщина, конечно, поклялась, и он ей все, как есть, рассказал: и как они с голоду чуть не умерли, и как мертвеца нашли...

Жена немножко мяса оставила для жеп остальных братьев и угостила их.

— Ах, какая вкуснота! — сказали те. — Откуда это у тебя, и что это за такое необыкновенное мясо?

Так пристали они, что не утерпела жена младшего брата и все им рассказала: так, мол, и так было дело, и муж мой принес мне немножко.

— Вот ведь, оказывается, какое вкусное человечье мясо! — сказали жены и решили убить и съесть своих мужей.

Утром встали братья пораньше и собрались на охоту. Старший и средний быстро собрались и пошли, а младшему крикнули: мы, дескать, пойдем потихоньку, а ты нас догони. Когда они ушли, а младший брат сидел, нагнувшись, и завязывал тесемки своих каламанов, подкрался к нему женщины сзади и ударили топором по голове.

Идут двое братьев по дороге и удивляются: где, мол, он до сих пор и почему это он так задержался? Потом решили, что ему, наверное, нездоровится и он решил на охоту сегодня совсем не ходить. Ушли они в лес, до вечера охотились, а вернувшись домой, спросили:

— Где наш брат?

Жены притворились удивленными:

— Как,— спрашивают,— неужели вы его не видели?

— Нет,— говорят братья,— мы думали, он дома.

— Да нет же, он пошел вслед за вами,— с плачем уверяла их жена младшего брата.

Пошли они его искать. Всю ночь бродили по лесу, все горы и долины обошли, да только нет нигде их младшего брата, как в воду капнул. И действительно, где был их брат и где они его искали, да и как могли найти? Пришли они домой, измученные от усталости и горя.

— Неужели нигде вы его не напли? — с притворной грустью спрашивают жепы.

— Не напли,— вздохнули братья и горько зарыдали.

Подумал старший брат и наконец решил:

— Завтра пойду и не вернусь домой, пока или не узнаю, что с ним стряслось, или сам не погибну.

Только рассвело, встал он, положил ружье на плечо и пошел на поиски.

Долго ли он шагал, коротко ли, вышел наконец в поле, такое широкое, что глазом его не охватишь. Видит — стоит среди поля олень; уперся рогами в небо и из-за этого ни вперед не может двинуться, ни назад. Прицелился в него старший брат, уже собирався выстрелить, как вдруг заговорил олень человеческим голосом:

— Не стреляй,— просит,— в меня, добрый человек!

Удивился охотник, подошел к нему ближе и спрашивает:

— Кто тебя научил человеческому языку-то?

— Кому ж было меня научить, как не богу,— говорит олень.— Я — царь оленей, но рога у меня, видишь, такие длинные отростки, что прямо извелся я с ними: никуда двинуться не могу.

Посмотрел на охотника олень и спрашивает:

— А ты почему такой печальный?

— Как же мне не печалиться,— рассказал ему старший брат,— вот как обстоит мое дело: брат у меня пропал. Всю землю я исходил, но нигде его не нашел, ни живого, ни мертвого, и ничего даже разузнать о нем не смог.

— Никто не сможет тебе помочь, кроме Солнца: уж оно-то, конечно, будет знать, что с ним приключилось,— объяснил ему олень.

— Как же мне до Солнца-то добраться? — спросил охотник.

— Если ты поклянешься, что избавишь меня от страданий и освободишь от этих рогов, когда вернешься от Солнца, я тебя научу,— обещал олень.

Поклялся охотник.

— Хорошо,— говорит олень,— тогда взбирайся ко мне на рога — по ним ты поднимешься прямо на небо. Там у входа встретится тебе мать Солнца и отведет она тебя к нему.

Вскарабкался охотник на нижние ветви рогов и полез кверху. Так добрался он до самого неба. Там встретилась ему мать Солнца, а самого Солнца не было дома, оно ушло освещать землю.

— Какая беда с тобой! Стяслась, человек,— спрашивает мать Солнца,— что ты сюда взобрался?

— Эх, матушка, уж это действительно беда так беда,— говорит охотник,— брат у меня пропал, прямо как сквозь землю провалился. Нигде я ничего не смог о нем узнать и пришел сюда, чтоб у Солнца спросить. Уж оно-то будет знать.

— Никак нельзя тебе приближаться к Солнцу, сынок,— объясняет ему мать Солнца,— не выдержишь его жара и тут же сгоришь.

— Нет, нет, во что бы то ни стало должен я с ним повидаться.

— Ну ладно,— говорит тогда мать Солнца,— я тебя превращу в иголку, а не то оно сожжет тебя.

Дунула на него, и он превратился в иголку. Взяла мать Солнца эту иголку да в стену воткнула.

Вечером вернулось домой Солнце, огляделось по сторонам и говорит:

— Что это здесь так человеческим духом пахнет!

— Да это, наверное, ты с собой прише этот дух,— успокоила мать,— по земле-то ведь ты ходишь, а не я.

Через некоторое время мать спросила:

— А что, если придет сюда такой-то человек, ты не сожжешь его?

— Нет, не сожгу,— обещало Солнце.

Повернулась тогда мать, дунула на иголку и превратила ее снова в человека.

— Что за беда тебя сюда привела, человеке? — спрашивает Солнце.

— Ну, как же не беда, господин ты наш,— отвечает охотник,— так, мол, и так,— и рассказал Солнцу все о своем горе.— Ты, верно, знаешь, что с моим братом случилось: вонь тебе сверху все на земле видно, как на ладони.

Задумалось Солнце, а потом говорит:

— Слушай-ка, а ведь это вы с братьями в таком-то месте мертвеца съели, правда это или нет?

— Суцая правда,— подтвердил охотник.

— Ну, так вот,— говорит Солнце,— кусок того мяса, что вы зажарили, младший брат ваш привратал для своей жены, а она и ваших жен угостила. А уж они, отведав человечины, сговорились меж собой, и, когда вы двое ушли на охоту, а младший потянулся и завязывал тесемки, женщины ударили его топором по голове и убили. Мне тогда с крыши дома все хорошо было видно. Когда его съели, кости собрали, завернули в его же одежду и закопали в землю у порога.

Сказав все это, петало Солнце, умыло лицо и говорит:

— Вот, братец, возьми эту воду, которой я лицо умыло, и, как придешь домой, выкопай из земли кости младшего брата и разложи их на чистом столе — косточку к косточке, сустав к суставу, да обрызгай на них водой:

они сразу обрастут мясом, только душа в него еще не войдет.

Вынуло тут Солнце платок и дает охотнику:

— Вот этим платком глаза его протрешь, и оживет братец твой, станет таким же, каким был раньше.

Встал тогда охотник, поблагодарил Солнце и пошел. Выйдя из дверей, стал спускаться по оленьим рогам. Сошел на землю и говорит:

— Скажи, в каком месте рога тебе отрезать?

— Оставь на каждом роге по аршину, а остальное отрежь, — попросил олень.

Так охотник и сделал: по аршину ему оставил, а остальное отрезал.

— Ну, спасибо тебе! — обрадовался олень и побежал к лесу.

Пришел старший брат домой, а навстречу ему выбегает средний брат:

— Ну как, — спрашивает, — узпал что-нибудь?

— Да нет, ничего, — ответил старший.

— Раз так, то теперь я пойду и во что бы то ни стало разыщу его, где бы он ни был.

— Подожди немножко, — остановил его брат. Взял он заступ и лопату, отправился к дверям, у которых были зарыты кости младшего брата, и начал копать землю.

Прибежали жены.

— Чего, — говорят, — ты тут копаешь?

— Да вот фундамент здесь искривлен, хочу его исправить.

Тут они напустились на него все втроем — на самих лица нет.

— Не падо здесь ничего исправлять, — говорят.

— Это не ваше дело — я сам знаю, где падо исправлять, а где не падо.

Отопли женщины в сторону, а у самих от страха зуб на зуб не понадает: ведь понимают, что, как увидит он одежду своего брата, несдобровать им тогда и ничто их не спасет от верной смерти.

Раскопал старший брат землю и вытащил одежду младшего, в которую кости его были завернуты. Со слезами на глазах разложил он их на чистой доске — косточку к косточке, сустав к суставу, потом обрызгал водой, в которой Солнце лицо умыло, — и мигом обросли кости мясом да кожей. После этого протер ему глаза платком, полученным от Солнца, и оживил своего брата.

Протирает младший брат глаза да говорит:

— Ну и долго же я спал!

— Чтоб враги мои так спали, как ты спал,— сказал тут старший брат.

— А что такое, что случилось?

Рассказал тогда ему старший брат все, как было и как удалось его оживить.

Только узнали всю правду младший и средний братья, тут же все трое привязали жеп к хвостам своих коней, вскочили в седла и давай скакать по полю.

Потом вернулись домой, взяли себе новых жен и зажили так же дружно, как раньше.

Мор — там, ппр — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.
Эласа-меласа,
Очень мне пить хотелось,
А стакан висел на шее,
Оттого и пелося...
Кто придумал эту сказку
И кто выслушал ее —
Боже, дай им в равной мере
Милосердие свое!

56. Купец

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жил один купец, и были у него жена и малолетний сын. Купец этот был богатым, но потом разорился и обеднел.

Однажды юноша спрашивает у матери:

— Матушка, может, от богатства моего отца остались деньги, дай их мне, я пойду с караваном.

— Шестьдесят туманов есть у нас, сынок, припрятанные на черный день, а больше нет ничего,— отвечала мать.

— Отдай их мне, я воспользуюсь ими, может, возвращу с прибылью,— сказал юноша.

Мать отдала сыну двадцать туманов.

Взял он деньги, идет по улице, сунул руки в карманы и глубоко задумался. Слышит — в одном доме книгу вслух читают. Он вошел туда и увидел, что повал в школу.

— Сколько вам надо заплатить, чтобы научиться читать, как вы, и писать разными почерками? — спросил юноша учителя.

— Дай десять туманов, и я обучу тебя,— сказал учитель.

— Дам двадцать, только обучи поскорее.

— Ладно.

И впрямь, так быстро и хорошо обучился он и чтению и письму, что превзошел самого учителя. Взял у него книги, бумагу, перо, заплатил двадцать туманов и отправился домой.

Матери он сказал:

— Товар мы купили добрый, по, когда возвращались назад, напали на нас разбойники, все отобрали. Я убежал, а товарищи мои погибли.

— Главное, что ты жив остался, ни о чем более не печалься,— сказала мать.

Прошло несколько дней, и сын снова говорит матери:

— Матушка, есть ли у тебя еще деньги? Если есть, отдай их мне. Уходит другой караван, я пойду с ними, наберусь опыта в торговле.

— Двадцать туманов осталось у меня, сынок. Отдам я их тебе, а вдруг отец с меня спросит, что тогда? — ответила мать.

— Нет, матушка, так скоро он не спросит. А я могу с прибылью вернуться, и ему будет приятно.

Отдала мать сыну и эти двадцать туманов. Положил он их в кармаи и пошел. Смотрит — два парня в плаваньи состязаются. Один все время опережает другого. Вот к нему-то и обратился юноша:

— Сколько запросишь за то, чтобы научить меня плавать лучше всех?

— Дай мне десять туманов, и я так тебя обучу, что никто тебя не обгонит,— ответил пловец.

— Возьми двадцать, только научи быстро и хорошо,— сказал сын купца.

За два дня он стал таким отличным пловцом, что превзошел своего учителя.

Вернулся домой и говорит матери:

— Если человек родился под несчастливой звездой, не видать ему удачи! Дела наши складывались как нельзя лучше, но остановились мы на почь под скалой, которая обвалилась и погребла под собой и товарищей моих, и весь товар. Я был в стороне и спасся с божьей помощью.

— Главное, что ты жив, сынок. Что поделаешь, пусть эти деньги унесут с собой твою печаль,— снова сказала мать.

Прошло несколько дней, и юноша снова просит мать:

— Матушка, не осталось ли у тебя еще денег? Не всег-

да же со мной такое будет случаться, может, на этот раз мне повезет?

— Не знаю, как быть, сынок! Шестьдесят туманов дал мне твой отец. Из них осталось всего двадцать. Вдруг спросит он их с меня, что я ему скажу? — отвечала мать.

— Неужели я опять понесу урон? Надо еще раз испытать судьбу.

Отдала ему мать последние двадцать туманов и проводила со двора.

Долго ли шел юноша, коротко ли, подошел к одному саду, где собрались люди. Один человек играл на зурне и бубне, другие танцевали. И все вокруг — живое и неживое: дерево, камень, трава, листва — плясало и веселилось при звуках той дивной музыки.

— Сколько запросишь, чтобы научить меня так же хорошо играть? — спросил сын куница у музыканта.

— Дай десять туманов, обучу на славу.

— Беру двадцать.

Обрадовался музыкант и за три дня так обучил юношу, что тот стал играть лучше его самого. Дал он ему складную зурну и бубен, тот спрятал все в карман и пошел домой.

— Что ты хмурый такой? — спросила мать. — Уж не приключилось ли с тобой опять чего?

— Как же не приключилось, матушка! Ведь не зря сказано, что несчастливца камень настигнет и по пути в гору! Выгодно поторговав, возвращались мы морем, поднялся ветер, наш корабль разбила волна, я один уцелел, уцепившись за доску, товарищи мои погибли, а меня на берег вынесло.

— Главное, что ты жив, — сказала мать, — а о деньгах я не тужу.

Семья совсем обвиняла. В куске хлеба испытывали они нужду. Тогда юноша сказал отцу:

— В ваш город прибыл богатый купец, отведи меня к нему и скажи: кому нужен парень, продается за мешок золота. Он не откажется и купит меня.

Взял отец мешок и повел сына на подворье богатого купца.

— Кто купит парня за мешок золота?

Засмеялся богатый купец: парень за мешок золота, слыханное ли дело!

А сын отцу и говорит:

— Зачем ты привел меня сюда, откуда у него столько золота, чтобы за меня заплатить!

Рассердился богатый купец, наполнил мешок золотом, отдал отцу, а юношу оставил при себе.

Сын сказал отцу:

— Этого вам хватит надолго, и еще я помогать буду.

Поглядим теперь на богатого купца. Купив юношу, он призадумался: я так много золота за него отдал, какую же пользу он может мне принести? И решил он отправить юношу к себе на родину, чтобы там его заставили работать. Навьючил он товар на мулов и верблюдов, послал своего помощника и с ним купленного юношу. Сели они на корабль и поплыли. На море поднялась буря, волны разбились корабль, и всем грозила гибель, но юноша спас всех, вынес и товары купца на берег, ведь он был теперь прекрасным пловцом.

Перевели они дух и отправились дальше. По дороге юноша спросил:

— А к кому мы идем? Кто ждет нас в доме нашего хозяина?

— Дома у него жена и три дочери, старшая — на выданье.

Купец передал с ними письмо, в котором юноша прочитал: «За этого парня я заплатил много золота. Заставьте его работать, пусть таскает песок и глину».

А юноша взял это письмо и вместо него почерком купца написал другое: «Жените этого парня на моей старшей дочери».

Добрались они до дому, передали письмо жене купца, та выдала за юношу свою дочь, и стали они жить да поживать. Приближалось время прибытия хозяина дома. Призадумался юноша: «Что скажет купец, вернувшись?»

Целыми днями ходил он в глубокой задумчивости. Однажды вышел погулять за город. Смотрит — стоит некий юноша и не сводит глаз с одного дома. На приветствие ответил не оглядываясь.

Спросил его тогда сын купца:

— Что ты там увидел, отчего не оглянешься?

А тот в ответ:

— Приметил я одну девушку, вошла она в этот дом и больше не появляется. А мне бы только еще разок на нее взглянуть, и я пойду своей дорогой. Отец мой — государь этой страны, он половнику дворца отдаст тому, кто заставит эту девушку выглянуть.

— Дворец его мне не нужен, но одну просьбу мою пусть он выполнит, и я выманю ту девушку, — сказал сын купца.

Пообещал царевич:

— Нет ничего такого, что ты можешь попросить и чего бы отец мой не выполнил.

Вытащил сын купца из кармана бубен и зурну и заиграл, да так, что сам царевич пустился в пляс, а с ним вместе и деревья, и камни, и травы — все танцевали. И сама девушка, принализывая, вышла на балкон. Юноша тотчас прервал игру, а она просит:

— Играй еще!

— Нет, — отвечал он, — так не годится, чтобы мы тут играли, а вы там танцевали.

Тогда девушка пригласила их в дом и объявила:

— Всего у меня вдополь, по пет вокруг пыкого, поэтому ты должен стать моим мужем.

А сын купца ей отвечает:

— Я женат, а ты выходи замуж за моего брата.

Девушка согласилась.

Обрадовался царевич и послал гонца к отцу — я жепюсь на той самой девушке, о которой мечтал. Царь был очень рад и приказал:

— Кто спаситель моего сына? Кто осчастливил меня? Приведите этого человека сюда!

Привели сына купца к царю. Царь спросил его:

— Чего ты хочешь? Проси! Три года мой сын стоял под окнами того дома, чтобы увидеть свою суженую, а ты сделал его счастливым.

Отвечал юноша царю:

— Мне ничего не надо. Только когда такой-то богатый купец прибдет в наше царство, велите его схватить и приговорите к выселице. Многие будут просить за него, по ничьим просьбам не уступайте. Только когда попрошу я, даруйте ему жизнь.

Царь пообещал:

— Что может быть проще! Эту просьбу я выполняю.

Потом справил свадьбу царевича с певестой и устроил пир на весь мир.

Когда подошло время возвратиться богатому купцу, на всех дорогах поставили караульных. Как только ступил он в город, схватили его и привели к царю.

— Повесить его немедленно! — приказал царь.

Изумился купец:

— Ничего дурного я не совершил, в чем вы обвиняете меня?

— Вешать без разговоров! За ним страшное преступление! — твердит свое царь.

Поставили виселицу, подняли купца на помост и вот-вот повесят. Спешат к царю знатные вельможи, просят помиловать купца.

— Не могу,— говорит царь,— ибо надлежит его повесить.

В конце концов паскучило это юноше, подошел он к царю и попросил:

— Помилуй его, государь, ради меня!

Царь приказал:

— Выньте его из петли ради этого юноши.

Купец только раз глянул на своего спасителя и поспешил домой. Со страху слег. Лежит в постели, а мимо его окон в это время проходит сын бедного купца.

— Этот юноша спас мне жизнь, вызволил меня из беды,— сказал купец.

А жена в ответ:

— Так это же наш зять.

Удивился богатый купец:

— Какой зять? Что ты говоришь?

— Муж нашей дочери. Ты же сам написал, чтобы мы за него старшую дочь отдали,— сказала жена.

— Я совсем не то написал. Я писал, что дорого за него заплатил и нужно заставить его делать тяжелую работу — песок и глину таскать. Но что я такое говорю? Очевидно, судьбе было угодно иначе.

Жена принесла ему письмо.

Позвали сына бедного купца, и благословил богатый купец дочь и зятя и сказал:

— Хочешь, живи здесь, хочешь, забери с собой все, что угодно, и уезжай к себе.

Юноша пожелал вернуться к себе домой. Нагрузил богатый купец целый караван и отправил с ним. Возвратился юноша к родителям, которые тем временем совсем обеднели.

Обрадовались они неслыханно приходу сына и воспряли духом.

Мор — там, нир — здесь.

57. Узупдара

Было, да и не было ничего.

Дрозд веселый попевает,
Милость божью призывает.

Было три брата. Двое из них — старший и средний — были разумными, они вовремя привели в дом жен.

Невзлюбили невестки младшего брата и прогнали его со двора.

За девятью горами было большое озеро, к которому сходились все дикие звери. Туда и велели идти младшему брату в надежде, что он пайдет там свою погильбу. Оставил юноша отчий дом и ушел.

Каждый день на озеро прилетали три раскрасивые птицы. Сядут на ветви орехового дерева, что стояло посреди озера, осмотрятся, нет ли покруг чего подозрительного, слетят па берег, сбросят перья и обернутся прекрасными девушками. Искупаются они в озере, выйдут на берег, оденутся в перья и вновь улетят.

Младший брат в первый же день их приметил и решил во что бы то ни стало поймать хотя бы одну из этих девушек-птиц. И вот что он сделал: вырыл яму в том месте, где они в первый раз сбросили свое оперение, сел в нее и прикрылся сверху зеленой травой.

На другой день птицы, как обычно, прилетели, спустились па берег озера, сбросили перья и вопли в воду.

Юноша тихопоько вышел из ямы, схватил одеяние одной из птиц и снова спрятался.

Искупались девушки и вышли на берег. Две из них оделись в свои перья, а третья осталась нагой. Не стали ждать ее две другие, вспорхнули и улетели.

И вдруг слышит парень такие слова:

— Кто ты, отзовись, живая душа! Коли подойдешь мне как брат — будешь братом, подойдешь как сестра — приму тебя по-сестрински, только верни мне мое одеяние.

— Я вовсе не желаю, чтоб ты стала мне сестрой, — откликнулся юноша, — пойдешь за меня замуж — верну тебе твоё одеяние, а не пойдешь — не верну!

Девушка дала ему согласие, и юноша взял ее к себе домой. Но не впустили их в дом брата и невестки.

Девушка эта была царицей дэвов, старшая ее сестра — царицей всех чернатых, а средняя — царицей просыкающихся.

Наступил вечер, а у молодоженов нет крова над головой. Вызвала девушка своего самого верного дэва Окаджадо¹ и наказала ему построить за ночь во дворе у братьев двухэтажный дворец и обставить его как следует.

Молодой муж в это время уже спал, и дэву велело было так осторожно поднять его, спящего, и уложить в постель, чтоб он ничего не почувствовал.

Дэв выполнил все это и отправился домой.

Проснулся юноша поутру и глазам своим не верит: уснул он на голой земле, а теперь возлежит на пышной постели.

Тут жена поведала ему и о том, как все это произошло, и о том, что в ее силах сотворить.

Позавидовали братья и невестки счастью младшего брата, доложили царю, что жена у него писаная красавица, и ну подстрекать его, шипя по-змеиному, чтоб он отнял у юноши эту женщину и сам женился на ней.

Царь призвал к себе парня и повелел ему состязаться с лучшим своим наездником, равного которому во всей стране не было,— ведь не мог же он так просто, без всякого повода отнять у мужа жену. Младший брат должен был победить царева наездника, в противном случае царь отбирал у него жену.

Пригорюнился юноша. Пошел, повесив голову, домой и рассказал обо всем жене.

— Ты ни о чем не тужи,— успокоила его жена.

В ту же ночь вызвала она к себе своего верного дэва Окаджакдо и говорит ему:

— Завтра ты посадишь моего мужа на спину и будешь состязаться с наездником царя. Постарайся одержать над ним верх.

На другое утро явился обернувшийся коном дэв Окаджакдо и стал во дворе женщины.

Женщина разбудила мужа, велела ему сесть на коня и отправиться на состязание.

Вскочил царь на оседланного коня и поехал. Подъезжает и видит издали, что царский наездник, не дожидаясь его, уже скачет на своем добром скакуне вдоль ристалища.

Приметил это и дэв Окаджакдо. Ветром влетел он на ристалище и опередил наездника. Прянул дэв вверх, а младший брат, чтоб не стукнуться о небо, мигом сполз ему под брюхо. Пошел дэв камнем вниз, а тот уже снова вскочил ему на спину.

Победили они царского наездника, и жена осталась с мужем — не удалось царю ее отобрать.

Снова призвал царь младшего брата и задал ему вторую задачу: за одну ночь раскорчевать и вспахать лесистую местность, что окружает дворец, и засеять ее кукурузой.

Пригорюнился муж, пошел, повесив голову, домой и поведал жене о том, что приказал ему царь.

Жена и на этот раз его обладешила.

Призвала она к себе снова дэва Окаджадо и говорит ему:

— Дело обстоит так-то и так-то. Надо тебе выполнить царев приказ.

В ту ночь Окаджадо привел с собой несметное множество дэвов, вырубил с их помощью лес и засеял землю кукурузой. А утром женщина поставила своего мужа с мотыгой в руке у края пашни: будто он только-только управился с работой.

Глянул царь сверху, из дворца, и диву дался, увидев, что приказ его выполнен.

И на этот раз не удалось ему отпять жену у младшего брата.

Наконец один из царедворцев посоветовал царю повелеть юноше принести ему то, «чего ни ты не знаешь, ни я не знаю», дав на это сроку три года. А не принесет — так его жена достанется царю.

Совсем закручинился муж, а с ним и его жена. Призвала она своего верного Окаджадо и спрашивает его: есть ли, мол, на свете что-либо подобное.

Несметные полчища дэвов перевернули всю землю, но ничего такого не нашли.

Тогда женщина решила послать мужа к своей средней сестре — не найдется ли чего подобного в ее царстве. И дала она ему с собой полотенце, которое прихватила с собой. А такие полотенца были на всем белом свете только у дэвов — у каждого по одному. Их по этим полотенцам и узнавали.

— Как попадешь в дом к сестре, — папутствовала мужа жена, — попроси у нее почлега. Даст она тебе умыться и предложит полотенце, но ты этим полотенцем не утирайся, а достань свое.

Одолея младший брат дорогу, подошел ко двору средней сестры и попросился на почлег. Пригласили его в дом. Подали умыться и предложили полотенце, но он достал свое и утерся им.

Только глянула средняя сестра на полотенце, тотчас же узнала в нем полотенце своей сестры, поняла, конечно, что этот парень, несомненно, близкий ей человек, и стала его расспрашивать. И тот поведал ей, какая нагрязнула на них с женой беда.

Опечалилась средняя сестра — и в ее царстве не было ничего подходящего. Послала она деверя к своей старшей сестре и посоветовала ему вести себя так же, как у нее.

Пришел он во дворец старшей сестры и попросил предоставить ему ночлег. Его пригласили в дом, дали умыться и поднесли полотенце, но он достал свое полотенце и им утер себе лицо.

Старшая сестра тоже поняла, что этот юноша — их зять. Расспросила она его о своей сестре, об их житье-бытье, и юноша поведал ей о своем горе.

— Я вам помогу, — сказала старшая сестра.

Когда подошло время обеда, женщина крикнула:

— Уаундара!

— Слушаюсь, госпожа.

Повелела хозяйка накрыть на стол, и чтоб было на нем все, чего душа ни пожелает.

Удивился юноша: стол накрывается, а Уаундары нигде не видно.

— Кто же накрыл на стол? — спросил он.

— А вот это и есть именно то, «чего ни ты не знаешь, ни я не знаю». За этим и послал тебя царь.

Этот Уаундара был неотступным спутником золотого кубка, которым владела старшая сестра. Где кубок — там и Уаундара.

Дала жепщина своему зятю этот золотой кубок и предупредила его, чтоб он не выпускал его из рук — не то-де потеряешь Уаундара, — и отпустила его с почетом.

Шел, шел младший брат, и захотелось ему поехать, да при этом не одному, а с кем-нибудь в компании. Глянул вперед — видит, идет по дороге какой-то человек. Прибавил он шагу и догнал путника.

— Давай, — говорит, — тут передохнем и закусим.

Кликнул Уаундару и велел накрыть на травке такой стол, чтобы порадовал глаз своим изобилием. Все так и было исполнено.

Проголодавшись с дороги, поели-попили они в охотку, да еще незнакомец поиграл на шарманке — она была у него с собой, одним словом, на слану провели время.

Под конец незнакомец предложил юноше обменять Уаундара на шарманку.

Тот согласился, взял у незнакомца шарманку, а его научил:

— Как он тебе понадобится, кликни его, и он будет тут как тут.

Простившись они и вошли каждый своей дорогой.

Долго шел младший брат, пока добрался до своего дома. Пришел и говорит жепе:

— Достал я то, «чего ни ты не знаешь, ни я не знаю».

Отлегло у жены от сердца. Только напомнила она мужу, что миновало уже два дня с тех пор, как истекли три года.

А царь-то уже ликует, что ему достанется жена младшего брата.

Послала жена мужа звать царя с чадами-домочадцами и всеми приближенными на обед: пожалуйте, мол, осчастливьте паш дом своим посещением.

— Подируем,— скажи,— хоть разок хорошенько, коль уж я не смог исполнить вовремя свое слово.

Обрадовался царь и явился в гости к младшему брату со всеми своими домочадцами и приближенными.

А как увидел его жену, так и повсе развеселился: наконец-то давняя мечта его исполнялась.

Вышла женщина на балкон, кликнула Узундару по имени и велела ему накрыть на стол, как то достойно царя.

Узундара мигом все исполнил так, что царь и не приметил, кто накрыл на стол.

Поцарствовали в свое удовольствие, а под конец попросил царь женщину объяснить ему, как все это свершилось.

А жена младшего брата ему в ответ:

— Это и есть именно то, «чего ни ты не знаешь, ни я не знаю», так что отныне и вовек не быть мне твоей.

Так и остался царь ни с чем.

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.
Эласа-меласа,
Кто придумал эту сказку
И кто выслушал ее —
Боже, дай им в равной мере
Милосердие свое!

58. Морская дева

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жил да был один бедняк, и были у него жена и маленький сын. Умер отец в нищете, а сын, когда подрос, спрашивает у матери:

— А что, отца у меня не было?

— Как не было, сынок,— ответила мать,— да только помер он от бедности.

«Эге,— подумал юноша,— так и я, значит, должен умереть от бедности? Ну нет, такая жизнь не по мне. Уйду-ка я лучше отсюда куда-нибудь подальше».

Так он и сделал. Шел, шел и вошел на высокую гору. Смотрит оттуда и видит внизу город. Сел царенок на камень и любит городом. «Куда же мне,— думает,— в этом городе пойти? Пойду-ка я в тот дом, где из трубы больше всего дыма валит».

Спустился с горы и вошел в город. Походил по улицам и увидел, что из одной трубы дым на самом деле так и валит клубами. Пришел он туда.

— Что,— спрашивает,— здесь такое?

А это оказалась царская кухня. Поправился юноша повару, и тот поселил его на три дня у себя так, чтоб царь о том не проведал.

На третий день решил царень уходить, да повар его не отпускает.

— Нет,— говорит юноша,— мне надо непременно идти дальше. Человек я бедный — может, где наймусь в работники.

— Никуда ты по пойдешь,— сказал повар,— а вот я поговорю с царем: может, он возьмет да и приставит тебя к какому ни на есть делу.

Вошел повар к государю и говорит:

— Так, мол, и так, пришел к вашему двору один молодой крестьянин и хочет поступить в работники. Может, вы бы наняли этого парня да поручили бы ему какое-нибудь дело?

— А он умеет что-нибудь делать, чтоб я его мог нанять? — спросил царь.

— Он может работать конюхом,— объяснил повар,— а больше ничего не умеет.

— Ну что ж,— говорит царь,— ступай и приведи его сюда.

Предстал юноша пред государем.

— Ты ухаживать за конями умеешь? — спросил царь.

— Да, умею.

— Хорошо,— говорит государь,— я тебе вверяю трех коней и заплачу тебе за год три тумана, но ты должен смотреть за конями очень добросовестно.

Отправился царень в конюшню и начал служить. Так предано ухаживал он за конями, с такой душой служил, что за целый год ни разу даже из конюшни не вышел. Когда же год прошел — вышел он наружу, и увидел его царь.

Призвал тогда государь к себе повара и говорит:

— Передай моему конюшему так: я ведь от тебя не требовал, чтобы ты за собой не присматривал. И добавь:

если захочет наняться еще на год — я его беру, но только чтоб и за собой ухаживал.

Наглялся коношней еще на год. И за конями хорошо присматривает, и за собой немного ухаживает. Однажды вышел он прогуляться по базару, смотрит — там сидит человек и плетет сеть. Удивился парень — никогда такого раньше не видывал.

— Что это такое? — спрашивает.

Мастер разостлал сеть на земле и объясняет:

— Это — рыболовная сеть; если пойдешь с ней к реке или на берег моря да закинешь в воду, можешь наловить много рыбы.

Купил юноша сеть и думает: «Я ведь у государя отпросился погулять, да и море близко. Пойду и паловлю себе рыбы». Прихватив с собой сеть, отправился он на берег моря, рыбачил с утра до вечера, но ни одной рыбки поймать не смог. Только какая-то палка зацуталась в сети; принес он эту палку домой и поставил в угол.

Настает ночь, ложится парень и засыпает. Спит крепким сном, и невдомек ему, что палка вышла из своего угла и зажигает свечи: одну — у него в изголовье, а другую — в ногах. Проснулся он и ломает себе голову:

— Ведь я запер двери дома изнутри. Что же это такое? Кто мог зажечь свечи?

Решил подкараулить: не засну, дескать, ночью. И все-таки опять заснул, и кто-то снова зажгет ему свечи. Дивится парень, думает: «Должен же я наконец узнать, кто это тут ходит!» Следующей ночью острым ножом надрезал он себе кожу на мизинце, насыпал в ранку соли. Лег, а ранка горит и уснуть ему не дает.

Прошло немного времени, глядь — выходит из той палки расчудесная красавица — невозможно красоту ее передать словами. Только подошла к его постели, чтобы зажечь свечу, юноша как схватит ее! Бьется дева, хочет вырваться, да не тут-то было.

— Ладно, — говорит, — ты — муж, а я — жена.

— Да ведь я — всего лишь батрак у вашего двора, — говорит юноша, — ни кола ни двора у меня нет; куда же мне тебя повести, коль женюсь на тебе?

— Не бойся, — сказала на это красавица, — уж это моя забота. Выдерни у меня из головы один волос, скатай его в маленький клубочек.

Сделал юноша так, как она велела: — выдернул длинный волос и скатал его.

— Возьми теперь этот клубочек, — сказала дева, — и

нойди в такое-то место: там продаются дома, и за этот клубочек ты купи дом, который тебе приглянется. В нем и поселимся.

Отправился варень в указанное место и купил дом.

— Быть конюшним у царя я тебе больше не позволю,— сказала жена.

Объявил юноша царю о том, что от него уходит, поселился с женой, и стали они жить да поживать.

А надо сказать, что эта морская дева покинула море и вышла замуж за нашего царя потому, что в морском царстве ей не давал покоя один владыка. Когда же он узнал, что она покинула морское царство, послал на сушу одну хитрую старуху: разведай, мол, где она скрывается, и придумай, как ее вернуть.

Вышла старуха из моря, искала-искала деву и нашла-таки ее. Все про нее разузнала, а потом пришла к царю и говорит:

— Живет в таком-то месте удивительная красавица, и разве можно допустить, чтобы она не стала твоей женой?

— А как же мне отнять ее у мужа? — спросил государь.

— А вот как,— отвечает старуха.— Призови ее мужа к себе и веди ему принести десяток яиц, да таких, чтобы из каждого яйца вылупилось по десять зайцев.

Вызвал государь юношу.

— Так, мол, и так,— говорит,— ты должен или свою жену мне отдать, или же принести десяток яиц, да таких, чтоб из каждого вылупилось по десять зайцев.

Заплакал парень и пошел к жене: так, мол, и так сказал мне государь.

— И не стыдно тебе плакать? — говорит ему жена.— Или ты не мужчина? Иди на морской берег, туда, откуда меня вывел, там встретит тебя моя мать и сама тебе поможет. Ступай, не бойся!

Пошел парень к берегу. Глядит — закипела гладь морская, вышла оттуда его теща и спрашивает:

— Какая беда с тобою стряслась, зять мой милый, что ты меня разыскал?

— Как же не быть беде,— отвечает зять,— когда царь мне говорит: или, мол, должен ты свою жену мне отдать, или же принести мне десяток яиц, да таких, чтоб из каждого вылупилось по десять зайцев.

Тогда покрыла теща зятя золотницей и увела его на дно морское; там дала ему десяток яиц, да еще и одиннадцатое добавила в придачу.

— Отнеси,— говорит,— их своему государю.

Отправился парень домой. По дороге взял одно яйцо да разбил: дай, думает, проверю (не верилось ему все-таки, что вылупится из этого яйца десять зайцев!), а оттуда в мгновение десятков зайцев мигом разбежались по все стороны, только он их и видел! Весело пошел он дальше и принес яйца государю. Царь приказал их разбить, и по-выскакивали оттуда зайцы — в точности, как он приказывал. Досада его взяла, да что ж поделаешь!

— Ну ладно,— сказал он, обратившись к юноше,— ступай домой, раз ты оправдан!

Разговаривая царь на ту старуху: ты, мол, меня подутала, а теперь я же в дураках остался.

— Не бойся,— говорит ему старуха,— дозволю еще только одно слово молвить. Призови того парня снова и прикажи ему принести тебе трехдневного младенца, мальчика, да такого, чтобы ты его нересюрнить не смог.

Вызвал снова государь этого парня и говорит:

— Принеси мне трехдневного младенца, да такого, чтобы меня победил в споре, а не приведешь — отдашь мне свою жену.

Заплакал парень в слова пошел к жене: так, мол, и так, приказал мне государь — или принести ему трехдневного младенца, да такого, чтобы победил его в споре, или же отдать ему тебя.

— Ты не бойся,— успокоила его жена,— а ступай-ка снова к моей матери.

Опять пошел юноша на морской берег, видит — закрепила гладь морская и выходит оттуда его теща.

— Ну что,— говорит,— стряслось там у вас, зять мой дорогой? Уж не беда ль новая какая заставила тебя прийти сюда опять?

— Как же не быть беде? — ответил зять.— Вызвал меня снова государь да говорит: «Или, мол, должен ты жену свою мне отдать, или принести трехдневного младенца, да такого, чтоб меня в споре победил».

— Ты не бойся,— сказала теща и опять повела зятя на дно морское. А у нее старшая дочь тоже была замужем, а рожать вернулась к матери и как раз три дня назад родила мальчика.

— Разрени мне ненадолго взять твоего ребенка,— попросил юноша свояченицу.

— Что ж, бери,— согласилась мать,— только до тех пор, пока не принесешь его к государю, смотри не разворачивай.

Взял парень мальчонку и понес. На полдороге все же не утерпел и открыл ему лицо.

— И не стыдно тебе? — спросил младенец. — Ну, чего ты на меня уставился?

Покрыл он снова ему лицо и пошел дальше. Пришел к государю. Только вошел в двери, младенец окликнул царя и спрашивает:

— Говорят, царь должен быть очень мудрым; как же ты позволил какой-то старухе себя одурачить? Ты зачем отнимаешь у человека жену, которую ему сам бог дал?

У царя от гнева и обиды даже в глазах потемнело. Наконец повернулся он к юноше и говорит:

— Забирай этого младенца, а жена твоя у тебя останется.

Отнес юноша ребенка к матери, а потом вернулся домой.

— Ну как? — спрашивает жена.

— Да ничего, и в этом я взял верх.

Царь же приказал ту старуху привязать к хвосту лихого кося и пустить его вскачь по камням за то, что она его опозорила. И сам он так горевал — как, мол, могло это со мною случиться, — что вскоре умер.

Стал наш юноша жить да поживать со своей морской девицей. Мать свою тоже к себе взял, и жили они вместе в мире и радости.

Мор — туда, пир — сюда.

59. Дочь Солнца

Было, да и не было ничего — жили три брата. Вспахали они трехдневное поле¹ и засеяли. Один — по ту сторону, другой — по эту, а третий — посерединке. Взвилась пшва такая — лучше и быть не может! Колышется, волнуется, что море, и сердца пахарей волнуются, бьются от радости. Как вдруг потемнело все небо, сгустились тучи, пошел град. Края поля остались целы, а середку всю побило, все зерно в землю втоптало.

Пришел пахарь, увидел свою погубленную пшву, оборвалось у него сердце. Ничего он не сказал, вздохнул только, взял свой серп и пошел искать счастья в другом месте.

Шел, шел, пришел к одному богачу. У богача поле — в сто дней работы¹.

Сказал пахарь богачу:

— Что дашь, если сожгу тебе весь этот хлеб в один день?

— Половину урожая,— говорит тот.

Пошел пахарь, до полудня крутил солому для увязки снопов. В полдень взял серп и пошел жать. Жмет и ставит, целый день жал, весь урожай со стодневного поля снял и увязал, только один сноп увязать осталось, как пошло солнце на закат.

Встал пахарь, снял шапку и стал просить Солнце:

— Не закатывайся, подожди чуточку, вот только один сноп увяжу.

Не вняло Солнце мольбе пахари, закатилось. Увязал пахарь и этот последний сноп, и пришел хозяин. Удивился он, что хлеб весь сжат, и говорит:

— Что ж, давай делить, как уговорились.

— Нет,— сказал пахарь,— не дается мне счастье, не выполнил я уговора, вот этот последний сноп после захода солнца увязал. Ты — сам по себе, я — сам по себе,— и пошел.

Пошел, долго шел или недолго, пришел к одному царю и напился к нему пасты овец сроком на четыре года. Уговорились так: если за четыре года ни одной овцы ни волк не уведет, ни мор не убьет — словом, если никакого урожая овцам не будет, то поделят всех овец надвое: половину — пастуху, половину — хозяину, а нет — ничего не достанется, и уйдет он с пустыми руками.

Уговорились, и погнал пастух овец на пастбище. Четыре года ходит пастух за овцами, да так, что за все четыре года и ушка одной овечки не потерял, никакого урожая овцам нет. Вот гонит он уже овец к хозяину на долеж, как, откуда ни возьмись, выскочил волк, схватил одну овечку и уволок в лес. Пригнал пастух овец. Посмотрел хозяин, порадовался, как хорошо ухожен скот, и хочет уже делить отару надвое, только отказался пастух, бросил свой посох и пошел прочь — не выполнил он уговора: потерял одну овечку, не взял награды.

Шел, шел, долго шел или недолго, дошел до одной речки. Пришел, сел отдохнуть. Видит — слетели с неба три дочери Солнца, вошли в реку, купаются. И так они прекрасны — ничего прекрасней не увидеть.

Встал он, подкрадываясь к дочерям Солнца, схватил одну из них и пустился бежать. Бежал, бежал, прибежал в поле, поставил там лачугу, и стали они жить вместе в этой лачуге. Только бедны очень муж с женой. Ничего-то у них нет. Муж и на заработки никуда не ходит, говорит:

— Куда я ни ходил, за что ни брался, не дается счастье. Зачем ходить напрасно?

А у дочери Солнца было кольцо исполнения желаний. Дала она это кольцо мужу и сказала:

— Вот мое приданое. Положишь его на землю — появится стол, положишь на стол — появятся еда да питье, снимешь кольцо со стола — будет все убрано, спрячешь — уложено. Вот и все мое богатство.

Обрадовался муж. Зажили они счастливо и весело. Только захотелось мужу пригласить царя в гости. Отговаривает жена:

— Сиди себе. Царя в гости звать — не шутка. Только и есть у тебя что одно кольцо, этим хочешь удивить царя? Смотри не потеряй и его!

Заупрявился муж, заладил:

— Нет и нет, должен я пригласить царя. Пусть придет, посмотрят на наше крестьянское житье, пусть знает, что и мы живем на свете и можем пригнать царя.

Вот встал он однажды и пошел к царю звать его в гости. Пришел, принес дары, которые имел, и просит:

— Осластливьте нас, пожалуйте к нам обедать.

Посмеялся царь:

— Кто ты и что у тебя за обед?

А потом сказал:

— Я-то не пойду к тебе, а вот, если хочешь, пошлю с тобой своих советников.

Вызвал царь советников и говорит:

— Пойдите посмотрите, с какой стати он меня в гости зовет, есть ли у него что или так, на смех поднимает?

Пошел этот крестьянин, повел советников царя со всей их свитой. Проголодались дорогой советники. Убили они фазана, послали слуг зажарить его где-нибудь. Пришел слуга в лачугу, жарит фазана, вдруг вошла эта дева-солнце, увидел ее слуга, смотрит, смотрит, глаз оторвать не может. Забыл все, не помнит и зачем он здесь, и что делает. Так весь фазан и обуглился у него на вертеле.

Понес он эту горелую птицу и подает советникам.

Рассердились советники:

— Что ты так обуглил птицу?

Сказал слуга:

— Была там в лачуге женщина, весь разум у меня отняла. Я не видел и не понимал ничего, так и сгорела у меня птица.

Заспешили советники со всей свитой. Сели на коней, помчались. Хотят поскорей взглянуть на эту красавицу.

Приехали, спешились неподалеку от лачуги. Взял крестьянин свое кольцо, обошел всех коней, и появился на всех конях мешки с овсом да с битой соломой. Обошел еще раз — исчезли пустые мешки.

Встал, положил кольцо, появился стол. Берутся и берутся откуда-то яства, еда и питье на все это множество гостей, да все новые и новые.

Дивятся советники: ни дома, ни слуг — и откуда все это? Вышла потом дочь Солнца, совсем помешались советники. Угостил всех гостей на славу зять Солнца и отпустил.

Пришли советники к царю, спрашивает царь:

— Как же угощал вас мой подданный?

Рассказали они, как их угощали и как вся еда без огня готовилась, а уж жена у него — такой и не видели еще никогда.

— Эта жена не у него должна быть, а у вас, государь, — говорят.

— Как же отнять ее? — спрашивает царь. — К чему бы придраться?

Сказали советники:

— Вызовите его и велите — пусть принесет золотое руно, то, что есть у Солнца. Пойдет он, не вернувшись ему живым оттуда, достанется его жена нам.

Тотчас вызвал царь крестьянина и сказал:

— Должен ты найти и принести мне золотое руно, то, что есть у Солнца.

Загрустил зять Солнца, пришел и говорит жене:

— Царь требует принести золотое руно, что есть у Солнца.

Сказала жена:

— Что же теперь убиваться? Надо было раньше думать, а теперь этим делу не поможешь, лучше встанай и отправляйся в путь.

Дала она ему знак для родных и отправила в путь.

Пошел зять Солнца.

Долго он шел, много стран прошел, всю сушу прошел, все солнечные страны. Шел, шел и пришел туда, где обитают Солнце и Месяц.

Солнце уже ушло освещать мир, а Месяц был дома. Встретил Месяц зятя, узнал его по знаку, что дала ему жена, обрадовался, принял радушно. Пошел порадовать мать:

— Зять наш пришел.

Стали они спрашивать, зачем он пришел.

Рассказал зять все, что с ним было, и сказал Месяц:

— Скоро придет Солнце. Только не выдержишь ты его огня, сгоришь.

Превратил его в иголку и воткнул в столб.

К вечеру пришло Солнце.

— Запах человека чую,— сказала Солнце.

— Что ты! — рассердился Месяц.— Какой здесь человек? Это ты ходил по миру, ты, верно, и принес с собой запах человека.

Потом сказал:

— А что, если б и вправду сюда наш зять пришел, не сжег бы ты его?

— Нет и нет,— поклялось Солнце,— только бы взглянуть на него, увидеть, что за человек наш зять.

Превратил Месяц иголку в человека и поставил перед Солнцем.

Приветствовало Солнце зятя и спрашивает, зачем он пришел.

— Царь хочет отнять у меня твою дочь. Прослышал он, что у тебя есть золотое руно, и послал меня за ним, а не принесу — отнимет жецу.

— Не тревожься,— обпадежило его Солнце,— пойдем в мой сад, отдохни пока.

Повели его в сад. Чудесный это был сад. Одни деревья уже плодами осыпаны, другие еще цветут, на третьих только почки раскрываются, на иных уже листья опадают...

Очень поправился сад гостю, любитесь им, дивится.

Сказало Солнце:

— Побудь здесь, отдохни, а обед тебе подадут волк да Илья-громовержец.

Проголодался зять Солнца, сел, ждет обеда.

Появился волк, принес стол. Явился Илья-громовержец, подает еду-нитье.

А у зятя Солнца в руках дубинка. Отозвал он волка в сторону и говорит:

— Помнишь, как я четыре года ходил за овцами, да так, что за все время и ушка одной овечки не потерял, а ты выскочил вдруг в самый день дележа и выкрал у меня овечку. Зачем ты сотворил это?

И давай отделывать его дубинкой. Бил, бил, пока душу не отвел.

Потом отозвал Илью:

— Помнишь, как у меня было поле меж двух других полей, уж и хлеб взошел и созрел, а ты напустил град и все зерно в землю втоптал. Зачем ты сотворил это?

И давай отделявать Илью, исколотил всего, а потом осленил. Сам сел и занялся обедом. А как пообедал, встал, пошел по саду, все перебил, все плодовые деревья под корень срубил, так и разорвал весь сад. Отвел душу и сел отдыхать.

Побежали волк и Илья к Солнцу жаловаться.

Пришло Солнце, смотрит — сад так разорен, что врагу жалко станет.

— Зачем ты сделал это? — спрашивает Солнце.

— Одна шва у меня была, — говорит крестьянин, — и ту всю Илья градом побил; я четыре года пастухом был, трудился, а волк все мои труды изничтожил; я стодневное поле в один день сжал и снопы поставил, только и оставалось, что один сноп связать, а ты все же закатилось, как ни просил я тебя, и погубило весь мой труд!

Не нашло Солнце, что возразить, дало ему золотое руно и отпустило его.

Принес он золотое руно царю.

Потерял царь надежду заполучить его жену. Призвал своих советников и спрашивает:

— Как теперь быть?

Сказали советники:

— Пошлите его на тот свет, пусть принесет кольцо, что ваша мать с собой унесла.

Вызвал царь крестьянина и сказал:

— Пойдешь на тот свет, принесешь кольцо, что унесла с собой моя мать.

Пришел зять Солнца к жене, говорит:

— Царь посылает меня на тот свет, задумал отнять тебя у меня.

Дала ему жена яблоко и сказала:

— Покажи это яблоко и иди за ним следом, приведет оно тебя куда надо.

Взял он яблочко, покатил и пошел за ним следом.

Катится яблочко, катится и выкатилось на лесную поляну.

На поляне стоит олень, рогами в небо упирается,

— Привет тебе! — говорит путник.

— И тебе привет! — отвечает олень. — Куда ты путь держишь, что тебя привело сюда?

— Иду на тот свет. Должен взять у матери царя кольцо, принести ему.

— Может, и мне какое сладобье принесешь. Видишь, еле ношу рога — так разрослись.

— Хорошо, — сказал зять Солнца и пошел дальше.

Дошел до одной скалы, видит — стоит на привязи бык. И ни воды у него, ни еды никакой, а сам здоровый да толстый, так кожа на нем и лопается.

Удивился зять Солнца и спрашивает:

— С чего ты растолстел так, когда ни еды у тебя нет, ни воды для питья?

— Туда идущих я много видел, а обратно — ни одного, — сказал бык. — Вернешься — расскажу.

Пошел зять Солнца дальше и вышел к чудесным лугам. Смотрит — пахучая, сочная трава, что море, волнуется, ручьи с журчаньем несутся среди трав, а посреди луга стоит на привязи бык. Сам такой худой, и сороке не урвать с него кусочка мяса.

Удивился зять Солнца и спрашивает:

— С чего это ты худой, когда столько еды да питья вокруг?

— Туда идущих я много видел, а обратно — ни одного, — сказал бык. — Вернешься — расскажу.

Пошел дальше зять Солнца и видит — лежат на топориче муж с женой, лежат, прекрасно умещаются, еще и место по обе стороны остается. Удивился зять Солнца и спрашивает:

— Как это вы улеглись на топориче вдвоем, да еще место осталось?

— Туда идущих мы много видели, а обратно — ни одного, — сказали муж с женой. — Пойди, вернешься — расскажем.

Миновал и их зять Солнца и пошел дальше.

Долго ли он шел или недолго, дошел еще до одного места, видит — лежат муж с женой на буйволиной коже, толкаются, ругают друг друга: подвинься, дай место!

Подошел зять Солнца, поздоровался и говорит:

— Что это с вами — на буйволиной коже лежите, да еще тесно вам, не уместаетесь?

— Туда идущих мы много видели, а обратно — ни одного, — сказали муж с женой. — Иди, вернешься — расскажем.

Миновал и их зять Солнца и идет дальше. Видит — набрала старуха яиц и возводит из них башню. Разложит яйца, поднимет их горкой над землей, а яйца рассыплются, и от башни ничего не остается. Бьются яйца, а она опять собирает их, возводит свою башню.

Удивился он, подошел и говорит:

— Что это ты, мать, делаешь? Где это видано, чтоб из яиц башню возводить, и кому это удалось?

— Иди, вернешься — расскажу, — сказала старуха.

Миновал и ее зять Солица, пошел за своим яблочком.

Идет, видит — стоит старуха у топа. Посадит в топэ белые, как вата, хлеба, а вынимает черные, что грязь. Удивился он, спрашивает:

— Отчего это ты сажаешь в топэ такие белые хлеба, а достаешь такие черные?

— Туда идущих я много видел, а обратно — ни одного, — сказала старуха. — Вернешься — расскажу.

Миновал и ее зять Солица и пошел дальше.

Видит — перекинулся человек мостом через пропасть, все по нему ходят и топчут его ногами.

— Что это с тобой? Почему ты лежишь здесь мостом? — спросил его зять Солица.

— Туда идущих много видел, а обратно — ни одного, — ответил этот человек-мост. — Вернешься — расскажу.

Миновал и его зять Солица и пошел дальше.

Дошел так до матери царя и говорит:

— Ваш сын велел вернуть ему кольцо, что вы унесли с собой.

Отдала ему мать царя кольцо и сказала:

— Возьми, отдай его моему сыну и скажи ему от меня:

«Будь ты проклят за то, что и здесь не даешь мне покоя и будоражишь меня, пусть твои же советники тебя и съедят!»

Спросил потом зять Солица:

— Видел я дорбогой оленя, рога у него до неба доросли, еле посит их, не научите ли, как помочь ему?

Сказала она:

— Пусть напьется олень майской воды, полегчает ему.

Поблагодарил ее зять Солица, взял кольцо и пошел.

Идет, дошел до того человека, что мостом лежал, и сказал тот:

— Я в той жизни стерег один мост. Никого я не пускал по этому мосту без платы. И ницего не щадил, со всех плату брал, вот за то и страдаю теперь так.

Миновал его зять Солица и пошел, дошел до женщины, что пекла хлеб, и сказала она:

— Я в той жизни была такой жадной, что если начну печь хлеб да увижу, что идет нищий или какой голодный путник, так нарочно повиспу головой в топэ, чуть глаза себе не выжгу, только бы не пожалеть тех путников и куска хлеба им не дать. Вот теперь и мучаюсь — какой бы белый хлеб ни посадила в топэ, все черной землей оборачивается.

Миновал и ее зять Солнца. И дошел до старухи, что возводила башни из яиц. Сказала она:

— Я в той жизни воровала яйца и вот за это страдаю так.

Миновал и ее зять Солнца и пошел своей дорогой. Долго ли шел или недолго, дошел до мужа и жены, что лежали на буйволиной коже и не умещались, и сказали они:

— Мы в той жизни не любили друг друга, весь мир нам был тесен, вот и мучаемся теперь, и, хотя невидим друг друга, не расстаться нам никогда.

Миновал их зять Солнца и дошел до мужа и жены, что на одном топорнице умещались, и сказали они:

— Мы и там любили друг друга, и здесь так же ладно живем. Любящим мужу и жене везде хорошо, и топорница им довольно, лишь бы не расставаться, не терять друг друга.

Дошел зять Солнца до того быка, что на цветущем лугу с голоду умирал, и сказал бык:

— Дурно я служил своему хозяину, никакой пользы от меня не видел он, вот за то и страдаю так.

Миновал и его зять Солнца и дошел до быка, что на голой скале сытый да толстый стоял, и сказал тот бык:

— Я верно служил своему хозяину и с быками в паре дружно тянул лямку, не подводил их, за то и в той жизни мне хорошо жилось, хозяин мне добром платил, и здесь хоть и не ем ничего, а все сыт и толстею.

Миновал и этого быка зять Солнца, дошел до оленя и сказал ему:

— Вылей майской воды, полегчает тебе.

Вылил олень майской воды, и отпали у него рога.

Пришел зять Солнца к царю, принес ему кольцо матери, да с ним и ее проклятье. Тотчас превратился царь в зайца, а его советники — в волков, и вмиг растерзали волки царя-зайца.

Все царское имущество досталось зятю Солнца и его жене — дочери Солнца².

Мор — там, пир — здесь,
Отсев — там, мука — здесь.

60. Пастух

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жили на свете два брата, один был землянцем, а другой — пастухом.

Прошли годы, женился старший брат, привел в дом жену. Невестка с первых же дней внесла в семью раздор и ссоры. Не поладили братья друг с другом и разделились.

Младший брат по-прежнему пас коров. В деревне над ним посмеивались:

— И чего ты, парень, к коровьим хвостам прилип? Неужто лучше ремесла не нашел?

— Но мне привычное несчастье лучше непривычного счастья,— весело отвечал им пастух.

Прошло несколько лет, возмужал пастушок, пришло и ему время жениться. Зачастили к нему сваты, множество девиц на выданье славили-хвалили, но ни одна из них не пришлась по душе пастуху.

— Сынок, коли не нравится тебе ни одна из невест, пусти-ка ты стрелу из лука: куда она упадет, там и будет твоя суженая,— посоветовала ему одна добрая старушка.

— И то верно, попытаю-ка я свою судьбу,— решил пастух.

Вот выстрелил он из лука и пошел за стрелой. А стрела-то угодила в замшелое болото. Вытащил парень стрелу и смотрит — зацепилась за ее острие зеленая лягушка.

— Возьми меня, я — судьба твоя! Возьми меня, я — судьба твоя! — заговорила лягушка человеческим голосом.

Пастух не придавал значения ее словам и зашагал прочь от болота. Шел пастух к своему дому, а за ним виририрыжку скакала та самая лягушка.

Вошел пастух в дом, а лягушка тоже незаметно прокралась за ним.

На другой день, под вечер, пастух вернулся домой и увидел, что комната вымыта и прибрана. Диву дался пастух:

— Может, это моя злока-невестка пожалела-таки меня и надумала похозяйничать у меня в доме? — решил он и пошел разузнать, так ли это на самом деле.

— Да пропади ты пропадом! Стану я еще возиться в твоём запертом доме! — обругала его сноха.

Тогда пастух решил подкараулить у дома. Утром он передал стадо другому пастуху, сам же притаился за дверью и не шелохнется.

Прошло немного времени, и вдруг выскакивает из-под угла лягушка, сбрасывает с себя зеленую кожу, и выступает из нее такая красавица, что темная пастушья комната сразу озарилась солнечным сиянием.

Только девушка разожгла очаг и собралась начать уборку, как пастух выскочил из своего укрытия, схватил лягу-

шачью кожу и собрался швырнуть ее в огонь. Тут девушка бросилась к нему и стала умолять:

— Не жги ее, а то потом пожалеешь! Ведь я и так твоя жена, кожа нам очень пригодится.

Но пастух не поверил: вдруг, думает, обманет и слова в квакушку обернется — зачем же ему такую красавицу терять? И, не долго думая, пастух кинул кожу в полыхающий огонь.

С того дня зажгли вместе пастух и его красавица.

Вскоре весть о необычайной красоте жены пастуха разнеслась повсюду; дошла эта слава и до царского двора.

Призвал однажды царь к себе визирей и приказал:

— Ступайте и все как следует разузнайте о жене пастуха: верю ли, что она такая красавица, или это только простолоудины крестьянскую девку пришили за богиню красоты?

Отправились визири и всех встречных спрашивали о женщине неслыханной красоты. И те, все до одного, и стар и млад, крестьянин ли, крестьянка ли, — все в один голос твердили: то не женщина, а восходящее солнце!

Наконец визири и сами дошли до дома пастуха. Без лишних слов, не спрашивая разрешения, вошли они в комнату. Жена пастуха только что вымыла голову и теперь сушила на солнце свои роскошные черные локоны. Человеческий глаз не мог бы представить себе более прекрасного зрелища. Не поверив себе, визири стали изо всех сил тереть глаза, ибо не понимали, виденье это или явь! Лишь убедившись, что это и есть жена пастуха, они вернулись во дворец и доложили царю:

— О великий царь, мы исполнили твой приказ и убедились, что жена пастуха достойна самых высоких похвал. С ней не смеет спорить само солнце! И равня ей лишь один ты!

— Раз так, то она и будет моею! — ответил на это царь.

— В ваших руках сила и власть. Приказывайте, великий царь, и мы тотчас же доставим вам красавицу.

— Нет, я не желаю брать ее силой, этим я лишь наплюю на недовольство народа и пересуды, а вам известно: о ком вначале судачат, того в конце судят. Лучше я поручу пастуху такое дело, которое самому черту не по зубам.

На другой день царь призвал пастуха и приказал ему:

— Завтра ты должен выйти в поле и за один день вспахать, засеять и прополоть сто соток земли! Не выполнишь то, что я сказал, в точности — отдашь мне свою жену!

Опечалился пастух, идет домой, а у самого мысли мрачнее тучи. Он и не заметил, как прошел весь путь, как пошел в дом.

— Что случилось? Чем ты так опечален? Царь тебе грозил? — спросила жена.

— Да вот, велел он мне за завтрашний день и вспахать, и засеять, и прополоть сто соток земли! И грозился, если я не выполню этот приказ, отобрать тебя, — ответил пастух.

— Поделом тебе! — сказала на это жена. — Просила я тебя не жечь лягушачью кожу?! Ну да ладно, теперь слушайся меня во всем. Сходи сейчас же туда, откуда привел меня, кликни твоих тещу и тестя и скажи им: «Ваша дочь велела послать ей плуг и упряжку волов!»

Пошел пастух к болоту, стал у его края и крикнул:

— Слушайте меня, родители! Моя жена велела послать ей плуг да воловью упряжку!

Прошло совсем немного времени, и на берегу появились впряженные в плуг волы. Взялся пастух за плуг и повел упряжку домой. Увидев мужа, жена стала учить его:

— Иди сейчас же к царю и проси, чтобы он дал тебе землемеров, которые отмерят тебе пашню и проследят за всем остальным.

Попел пастух к царю и сделал все так, как показывала ему жена. Послал царь с пастухом своих визирей. На следующий день, еще затемно, разбудил пастух визирей, вытащил плуг в чистое поле, благословил господа бога и приступил к пахоте.

— Сядь-ка ты на плуг, а то не утонишься за нами, — сказали волы своему пахарю.

Сел пастух на плуг, волы помчались, как вихрь, и умчались за собой плуг. Утро было в самом разгаре, а поле уже черпело от вспаханной земли. И к вечеру оно было и засеяно, и прополото.

Не дожидаясь сумерек, сели визири на коней и поехали во дворец. Прибыв к царю, они так и доложили:

— Великий царь, у этого мужика такие быстроходные волы, что он перепахал, засеял и прополот не сто соток, а целое поле!

Не повраилось это царю, но делать было нечего, пришлось ему смириться.

Прошло еще некоторое время, и царь призвал к себе пастуха во второй раз:

— Мои поля созрели для сенокоса, — начал он, — и ты должен сжать весь урожай, но так, чтобы нигде и зерныш-

ка не осталось, иначе повешу тебя, как дохлую кошку, жену же твою сделаю царицей!

Вернулся пастух домой, вошел в комнату сумрачный, жена и спрашивает его:

— Чего, муженек, пригорюнился? Что еще повелел тебе наш царь?

— Веленье веленью — рознь! Приказал царь собрать урожай с того поля, по чтобы ни одного зернышка на земле не осталось, иначе повесить меня грозитя, а тебя обещает взять в жены.

Жена снова напомнила ему о сожженной коже: мол, послушался бы, не попал бы в такую беду. Но под конец она успокоила его, сказав, что и тут она поможет ему. Дала она мужу такой совет:

— Иди снова к моим родителям и крикни им: «Ваша дочь просила отдать ей черные ларцы!»

Отправился пастух на болото и сделал все так, как научила его жена. Отдали ему теща с тестем два черных ларца, и пошел он обратно, к своему дому. Пришел домой, а жена говорит ему:

— Эти черные ларцы сплошь пабиты муравьями. Выпусти их в поле и прикажи, чтобы они проделали всю работу, как пужно. Они так уберут весь урожай, что ни одно зернышко не пропадет. А теперь ступай к царю и попроси дать тебе людей, которые укажут, куда складывать собранное зерно.

На следующее утро пастух встал чуть свет, взял под мышки ларцы и зашагал ко дворцу. Царь выделил ему визирей, и они все вместе отправились в поле. Придя к назначенному месту, пастух спросил визирей, куда ему складывать собранный урожай. Те показали на большое и гладкое, словно ток, пространство рядом с полем.

Открыл пастух ларцы, выпустил в поле муравьев и приказал им:

— Видите это поле? Соберите с него весь урожай, да так, чтоб ни одного зернышка на земле не осталось!

Усеяли муравьи поле, и не успело солнце дойти до небосклона, как земля покрылась стогами пшеницы. Одно зернышко куда-то закатилось, и, не досчитавшись его, муравьи так и шныряли по полю в его поисках. Оказалось, что зернышко тащил хромоногий муравей, которого измучила больная ножка, и он присел передохнуть под сухой травинкой.

Когда и это, последнее, зернышко было положено на место, муравьи доложили своему повелителю:

— Наил господин и повелитель, твое поручение выполнено, и все зерно, без остатка, доставлено на место.

— Визирь! Мои рабочие выполнили возложенную на них работу. Можете пересчитать каждое зернышко, и, если хоть одно обпаружите на земле, пускай исполнится воля нашего царя! — обратился пастух к царским слугам.

Визирь махнул рукой и молвил:

— Да что там смотреть, когда и на глаз видно: урожай со ста сотен собрали они за два часа, неужто оставили бы после себя зернышко?!

Они оседлали коней и помчались докладывать царю о том, что его задание исполнено. А пастух водворил муравьев в черные ларцы, захлопнул крышки, сунул под мышки и отправился восвояси.

Узнав о торжестве пастуха, царь еще более огорчился, но делать было нечего...

Еще время прошло, и царь вновь призвал пастуха, чтобы отдать новый приказ:

— Пойдешь в потустороннее царство, пайдешь моего отца и скажешь ему: «Взри своему сыну золотые пояса и кипжак, взятые тобой в загробный мир!»

Пришел пастух домой чернее тучи, увидела жена помянувшего мужа и спрашивает его:

— Что еще тебя гложет или царь опять поручил что-нибудь?

Поведал пастух жене о своем горе, та опять помянула лигушачью кожу, но тут же успокоила опечаленного мужа:

— Не кручинься так, и этому горю можно помочь. Сходи-ка ты снова к болоту и крикни моим родителям: «Дочь ваша просит послать ей клубок пряжи!»

На другой день побрел наш пастух на болото и кличет тещу и тестя.

— Несите мне, — говорит, — клубок пряжи, я его вашей дочерп спесу!

Отдали те ему клубок и отправили домой, к жене. Вернулся домой пастух, а жена и говорит ему:

— Покати клубок по дороге, а конец держки в руке. Покатится клубок, укажет тебе путь, ты и пойдешь за ним.

Простился пастух со своей неваглядной женой, покати клубок и пошел следом за ним по дорожке.

Долго он шел, перенес девять гор, прошагал девять стран и наконец добрался до потустороннего царства.

Катится клубок пряжи, шагает за ним наш пастух и

вдруг видит — лежат на шпиченной, как поле, тахте муж и жена и бранятся: сгоняют друг друга с нее, места им не хватает!

Подвинулся пастух и спрашивает их:

— Чудно у вас получается: лежите на ложе шириной в целую стену, а ворчите, что не уместаетесь?

— Навидались мы здесь проходящих в ту сторону, но ни один так и не вернулся обратно. Вот если вернешься, тогда и расскажем нашу историю.

Покатил пастух пряжу и пошел вслед за пей. Прошел немного и набрел на другую супружескую пару. А эти супруги умудрились улеечься на рукоятке топора, да еще и уступали друг другу.

— Подвинься поближе ко мне, видишь, сколько места осталось! — уговаривал один другого.

Очень удивился пастух, не удержался и спросил:

— Чуть подальше от вас встретил я мужа с женой, они лежали на тахте величиной со стену и все-таки ссорились из-за места. Как же вы-то уместаетесь на рукоятке топора?

— Много мы на своем веку видали прошедших этой дорожкой, но никто из них не возвратился. Если тебе улыбнется судьба и ты вернешься с миром обратно, непременно объясним тебе эту тайну.

Пастух опять пустился в дорогу; катится себе клубок, и следует за ним мужичок. Так шел он, шел и дошел до одной старухи. Подол ее юбки был весь наполнен нарезанным луком, сок лука жег ей глаза и струился по щекам горючими слезами. Поразила пастух и спрашивает ее:

— Скажи мне, пожалуйста, зачем тебе этот лук, к чему нарочно портить себе глаза?

— Эх, сынок, много я перевидала людей, прошедших этим путем, да никто назад не вернулся. Если доведется тебе возвратиться обратно, так и быть, расскажу всю правду, — ответила старуха.

Бежит, катится клубочек, догоняет его пастух. Много ли, мало ли прошел и встретил на дороге женщину, которая в каждой руке держала по шилу и колола ими себе глаза. Диву дался пастух, не удержался и спросил:

— Христом богом заклинаяю, ответь мне, за что ты себе глаза-то выкальваешь?

— Коли тебя и впрямь это интересует, объясню, когда вернешься обратно, — сказала несчастная.

Опять покатился клубок, и снова зашагал пастух по дороге. Шел он, шел и набрел на старуху с распущенными

волосами, которая изо всех сил тащила клещами собственный язык.

— Заклинаю всеми святыми, что ты с собой вытворяешь, зачем вырываешь собственный язык?— спросил пораженный пастух.

— Многие проходили этим путем, но ни один обратно не возвращался. Если удастся тебе прийти сюда снова, отвечу тебе,— молвила старуха.

Покатился клубок дальше, и пошел вслед за ним пастух.

Недолго был его путь. Пришел он наконец в потустороннее царство и нашел родителей своего царя.

— Сын ваш послал меня к вам и требует, чтобы вы вернули ему золотой пояс с кинжалом, которые забрали с собой в загробный мир.

— Из-за такого пустяка этот безбожник послал тебя в потустороннее царство? — рассердился отец царя, но отдал золотые доспехи, прибавив: — Возьми их, снеси моему сыну и скажи: «Да обратись ты в зайца, а твои пазыры и вазиры в псов, что растерзают тебя!»

Взял пастух золотые пояс с кинжалом, поблагодарил родителей царя и пошел обратно из потустороннего царства.

Катится весело клубок, и спешит за ним пастушок. Прошел немного и увидел старуху с клещами, остановился и спросил у нее:

— Христом богом заклинаю, хоть сейчас-то объясни, зачем ты вырываешь свой язык?

— Уж раз ты вернулся с миром обратно, так и быть, объясню: жила я когда-то на белом свете и этим своим языком всюду и всех жалпла — мужа с женой ссорила, сына с родителями, сестру с братом, соседа с соседом, приятеля с приятелем. Вот бог и покарал меня,— ответила старуха.

Покатил пастух клубок и пошел за ним следом. Подошел к тому месту, где сидела женщина с шильями, и спросил у нее:

— Матушка, ответь мне хоть сейчас, за что ты себе глаза-то выкалываешь?

И та ответила:

— Раз ты вернулся с миром, поведаю тебе всю правду о себе: пока жила я на белом свете, эти проклятые глаза завидовали всему вокруг. Даже одноглазая соседка вызывала у меня неимоверную злобу. Денно и ночью молила я бога, возжигая ему свечки, чтобы выколod он ей и тот един-

стешный, зрячий, глаз. Теперь ты видишь, как меня бог наказал!

Покатился клубок, и пошел вдогонку за ним его хозяин. Шел он, шел и встретил третью старуху. Остановился и спрашивает у нее:

— Заклинаю всеми святыми, объясни мне, к чему ты горьким луком глаза себе выжигаешь?

— Раз тебе удалось вернуться обратно, я расскажу тебе свою историю,— согласилась ответить ему обливающаяся горькими слезами старуха.— Покуда жила я на белом свете, была до того скупой и жестокой, что икадела для шпцего даже краюху черствого хлеба, а вместо милостыни подавала горький лук. За то и наказана господом богом!

Вот снова покатился клубок и повел за собой пастуха. Подошел он к супругам, лежащим на рукоятке топора, не поленился и спросил:

— Растволкуйте мне, пожалуйста, как вам удастся уместиться на этой рукоятке?

— Ну, раз ты вернулся и все еще интересуешься нашим житьем, то мы удовлетворим твое любопытство: будучи еще жителями земли, состарили мы себя любовью и ласками. Вот бог и тут не обделил нас взаимной любовью, и мы легко уместаемся даже на рукоятке топора,— ответили ему влюбленные супруги.

Покатился вперед клубок пряжи, заторопился за ним и пастух. Наконец дошел он и до ссорящихся мужа с женой.

— Христом богом заклинаю, хоть теперь-то объясните мне, из-за чего вы ругаетесь? Неподалеку от вас другие супруги дружно лежат на рукоятке топора, а вам мало такой широкой тахты?

— Ах, ты вернулся и не забыл о нас? Тогда слушай: жили мы на белом свете, ненавидя друг друга; днем ссорились и ночью спать друг другу не давали. Вот, бог и здесь не примирил нас, так мы и влачим свои дни,— пожаловались вздорные супруги.

Покатился от них прочь клубок и потянул за собой пастуха. Долго ли, мало ли шел он и наконец пришел к своему царю. Поднес ему отцовские золотые доспехи и сказал:

— Да обернись ты зайцем, а твои пазиры и вазпры — злыми псами, и пусть они разорвут тебя на части!

И тут же царь превратился в зайца, а пазиры и вазпры — в злых псов, которые погнались за ним, разорвали на куски и съели.

Народ, обрадованный гибелью жестокого царя, не отпустил пастуха и стал просить его:

— Раз ты избавил нас от злого повелителя, то и займи его трон!

Согласился пастух, привел во дворец красавицу-жену, и зажили они в счастье и довольстве. Так и живут по нынешний день.

61. Золотая чаша

Жили в одной стране муж и жена. Вот муж пошел на войну и говорит жене — она должна была скоро родить:

— Родится у тебя сын, и будет он сиротой.

И вправду, родился у этой женщины сын, и назвала она его Спротинкой.

Вот уж пятнадцать лет исполнилось сыну, а мать ни разу не засмеялась, ни разу не улыбнулась.

Сказал сын:

— Мать, что ты никогда не смеешься?

— Ах, сынок, не с чего мне смеяться.

А сын:

— Мать, кончилась твоя нужда, теперь я буду на тебя работать.

Засмеялась тогда мать.

— Жизнь моя,— сказала она,— теперь-то и смех мне к лицу.

Пошел мальчик искать счастья.

А там недалеко в горах жили два брата-разбойника. Взошло солнце, и подошел юноша к той горе.

— Чего тебе? — кричат разбойники.

— Ничего, с дружбой иду к вам — не с враждой. Слугу не хотите ли?

— Хотим. Сколько тебе платить?

— Мне пятнадцать лет, и платите мне пятнадцать рублей. Семь сейчас дайте, восемь — в конце месяца.

Дали ему семь рублей, отнес он их матери и говорит:

— Вот это тебе, мать, а восемь еще в конце месяца принесу.

И пошел обратно к разбойникам. Накормили они его, напоили и говорят:

— Пойдем покажем, что ты должен делать.

А у них — шестнадцать коней. Один такой буйный — пяти месяцев его поставили на привязь, в пять лет слухнуть не могут, боятся.

— Вот тебе котел, вот вода, а вот огонь. Набери воды и покорми коня, что на привязи, только смотри, не побил бы он тебя — буйный он.

Сказали и пошли на разбой. А Сиротника спял котел с огня, пошел к коню, отвязал его, взнуздав, вскочил и полетел вдогонку за разбойниками. Догнал, вытянул каждого плетью и поскакал обратно.

Один разбойник и говорит:

— Это наш конь.

А другой:

— В уме ли ты? Кто его взнуздаст?

Вернулись, смотрят — и конь на месте, и котел, вес, как было. Легли спать.

Наутро один разбойник увел двух коней, а другой спрятался дома. А Сиротнику послали за ключевой водой. Он и не видел, что не один дома остался.

Вернулся, думает — уехали оба. Посл, взял потом котел, спял с огня, отвязал коня, взнуздав, вскочил и умчался.

Смотрит этот разбойник, а он уже тридцать лет как разбойничает, и трясется весь: «Что этот пятнадцатилетний парень вытворяет? А подрастет, что он с нами сделает?»

А Сиротника летит на своем коне и видит — едет один разбойник с двумя копиями. Понял Сиротника, что узнали они про него, задумался: «Кончево мое дело, убьют меня, в живых не оставят».

А разбойники сами боятся. Думают: что делать, как с ним быть? Говорят ему:

— Сбегай, Сиротинушка, принеси ключевой воды.

Вот пока ходит Сиротника за водой, должна решиться его судьба: жить ли ему или умереть.

Сказал старший разбойник:

— Убьем его.

А младший:

— Нет, поставим его старшим над нами.

Позвали Сиротнику, говорят:

— Будь нам старшим братом, а мы за тобой пойдем в огонь и в воду.

Подумал Сиротника, поблагодарил их, согласился.

Решили они попить в ту ночь. Подали Сиротнике чашу, а чаша эта такая: вино палют — золотом обернется, воду палют — серебром обернется.

Чаша старшему полагается. Настало утро, положил Сиротника чашу в карман.

Так прошел месяц.

Приходит Сиротника и говорит братьям:

— Дайте мне восемь рублей, отнесу матери.

— И деньги наши твои, и все наше имущество твое.
И мать твоя — наша мать.

Вышел Сиротинка своего буйного коня, взнуздal и говорит братьям:

— Ждите меня через три дня, на четвертый.

— С места не тронемся, — сказали разбойники.

Приехал Сиротинка домой. Влетел во двор, соскочил с коня.

— Вот тебе, мать, твои деньги.

Пожил с матерью три дня и говорит:

— Мне, мать, завтра в полдень уезжать. Напеки мне хлеба на дорогу.

Напекла мать хлеба да разного печенья, поцировали на прощание. Настало и четвертое утро.

Заялась заря, выходит Сиротинка со двора.

Взошло солнце, припекло. Остановился Сиротинка у ручья, расседлал коня, пустил его, достал курицу, хлеб, смотрит — не покажется ли кто, чтоб не есть одному. Видит — тянутся по дороге три арбы, за ними старик-купец. А арбы эти его.

— Иди, отец, поедим вместе, — позвал его Сиротинка, а у самого все готово, достал чашу, палил вина, говорит:

— Это за твой приход, за нашу встречу.

Выпил и подает купцу:

— Пей теперь ты.

А старик схватил чашу и спрятал за пазуху.

— Мое! — кричит.

А тут пристав, да с двенадцатью стражниками.

Замахнулся купец. Не выдержал Сиротинка, ударил его. Закричал купец, а пристав и говорит:

— Что ты бьешь старика?

Кричит купец:

— Одна чаша у меня, и ту он отнять хочет.

— Моя это чаша, — говорит Сиротинка. — У меня еще есть такие.

Отобрали у них чашу. Дали Сиротинке три месяца сроку, велели привести за себя двух заложников: принесет за три месяца еще две такие чаши — повесят купца за ложь, а не принесет — повесят его заложников.

Подписался Сиротинка, подписался и купец.

Приехал под вечер Сиротинка к братьям, подбежали те, посадили его с коня. Грустен Сиротинка.

— Что ты загрустил? — спрашивают братья.

— Поужинаем, — говорит Сиротинка, — потом скажу.

Поели, рассказал им Сиротинка все и говорит:

— Вы должны за меня поехать.

— Чего же ты печалишься? Поезжай, ищи чаши. Свидимся, все добром кончится.

Поехал Сиротинка. Едет, ищет чаши.

Ехал, ехал, приехал к утру в одну деревню, видит — сидит старуха-вдова, прядет.

— Мать, ради любви всех матерей, устал я, прощу тебя, дай мне отдохнуть. Заспу под жужжанье твоего веретена.

Согласилась она. Лег Сиротинка и заснул.

Вдруг слышит — заплакала, запричитала старуха.

Проснулся Сиротинка — полдень на дворе, спрашивает:

— Чего ты плачешь? Если я тебе не по душе, скажи — уйду.

— Нет, сынок, вот в том храме в золотом гробу лежит мертвый сын нашего царя. Каждую ночь ставят человека стеречь тот гроб, а только ни один еще живым не вернулся. Сегодня черед моего единственного сына — вот я и плачу, что не увижу его больше.

— Не плачь, я пойду за него, — говорит Сиротинка, — только вели до заката солнца сложить у дверей храма триста кирпичей да дай мне выпя выпить, а ты ложись, спи спокойно.

Пошел он вечером, кирпичи уже лежат.

Вошел Сиротинка в храм, поднял этот гроб вместе с покойником, поставил под куполом, в нише, сам сел внизу. Сидит, ждет.

Вверх — покойник, внизу — Сиротинка.

Вот уж засыпает народ, тушат свечи, и влетает в храм голубь.

— Как свободно сегодня, никто не стережет, — сказал голубь и обернулся девушкой, да такой, что осветилось все вокруг.

Поднялась девушка наверх к покойнику, достала две плети, ударила одной плетью — ожил юноша. Прошла так ночь, а наутро ударила девушка второй плетью и умертвила юношу. Выскочил тут Сиротинка да схватил ее. Взлетела она вверх, и Сиротинка с нею. Держит он ее, не пускает. Испугалась девушка. «Погибла я», — думает. Бросила плети и улетела.

Обрадовался Сиротинка, подобрал плети. Вот так находка!

Вышел из храма, встретила его старуха-вдова, радуется, ноги ему целует.

— Мать, дай поесть,— говорит Сиротинка. Сам мокрый весь, хоть выжми — это оттого, что боролся он с девушкой.— Да пойдн скажи царю, что я могу оживить его сына.

Пошла старуха к царю. Обрадовался царь, на ногах не стоит от радости.

— Только оживи его, что попросишь — твое. Хоть все мое царство бери. Я же тебе и служить буду,— говорит он Сиротинке.

Пришли в храм.

Ударил Сиротинка плетью — ожил сын царя. Ведут его во дворец, радуются.

Не царевича обнимают, Сиротинку. Говорят ему, просят:

— Скажи, чем отблагодарить тебя?

Показал Сиротинка чашу и сказал:

— Есть у нас такая чаша? Дайте мне.

— Нет, такой чаши у нас нет,— говорят ему.

— Что ж, нет так и нет,— сказал Сиротинка и сразу же ушел.

Шел он, шел, пришел в другое царство. Видит — народ в чем мать родила ходит.

Дивится Сиротинка:

— Что это? Где это видано?

Сказал ему царь той страны:

— Видишь — по ту сторону моря царство? У них там одежда гниет — девать некуда, а у нас хлеб преест, портится.

— Что ж не выменяете, не привезете себе одежду?

— Все в море гибнет.

— Я поеду, привезу,— говорит Сиротинка.

— Привезешь — проси чего хочешь,— говорит царь.

Нагрузили корабли, поплыли.

Стоит Сиротинка, смотрит в море. Видит — высунулась из воды рука, на руке — золотой обруч. Ударил он по руке, показалась из воды женщина, да какая! — так все вокруг и осветила. Схватил ее Сиротинка, держит, не пускает. Вырвалась она все же, только оставила в руках у Сиротинки обруч.

Проплыли корабли море и вернулись обратно с одеждой.

Радуются все.

— Что тебе дать за это?

— Есть у нас такая чаша? — спрашивает Сиротинка.

— Нет, такой чаши у нас нет,— говорят ему.

— Таково уж, видно, мое счастье,— сказал Сиротинка и пошел дальше.

Идет Сиротинка. Прошел все то царство, видит — тянется дорога, вся ивами засажена. На одной из ив, высоко над землей, подвешена за волосы девушка-красавица, на ногах золотые туфельки. Позвала она юношу:

— Спаси меня, вызволи из беды, сними отсюда, жепой тебе буду.

— А как тебя снять?

— Подойди, стану тебе на плечи и сойду,— говорит она.

Подошел он, стал. Как ударит она его да втопчет в землю! Много юношей погубила она так. А только вырвался Сиротинка, схватил ее. Улетела девушка, только одна золотая туфелька в руках у него осталась.

Пошел он. Идет, идет. Видит — сад, а в саду домик. Перед домиком старушка сидит.

— Что ты здесь делаешь, мать? — спрашивает Сиротинка.

— А вот, сынок, видишь там замок? В том замке живут три сестры, я им служу. А я не вдова бесприютная, есть у меня и дом и семья, а они меня выкрали и служить себе принудили.

— А пельзя мне взглянуть на тех девушек, да так, чтобы они меня не видели? — говорит юноша.

— Отчего же, можно,— говорит старуха.— Пойдем туда.

Повела она его в тот высокий замок.

А там стоит стол, уставленный всякими яствами. Все к ужину готово. Спрятала старуха его под столом и ушла.

Входят три сестры.

— Давайте ужинать,— говорят.

Сели за стол.

— Что ж, будем говорить тосты¹,— сказала старшая сестра.— Полюбила я сына одного царя, а родители разгневали меня, я и убила его. Каждую ночь оживляю его, а под утро вновь убиваю. Только появился один юноша, поборол меня. Молод он еще, подрастет — таким молодцем станет, один против семи царств пойдет. Выпьем за его здоровье!

Другая сказала:

— Я одно царство голодом морила, другое — холодом. Поборол меня один юноша, даже золотой обруч у меня отнял. Что ж, удалец он, дай ему бог здоровья!

А третья говорит:

— Чему тут дивиться? Видно, тот юноша и у меня с поги туфельку сорвал. Да пойдет и она ему на счастье, выпьем за его здоровье.

Вышел тогда Сиротника и говорит:

— Что ж, палейте и мне выпить, поблагодарить вас.

— Зачем же ты сюда пришел? — спрашивают его сестры.

Смотрит Сиротника — а на столе такие чаши, что он ищет.

— А вот за такой чашей, — говорит.

Сказали старшие сестры младшей:

— Пойди выпеси ему хоть сорок чаш.

Взял Сиротника все сорок чаш и песот.

Едет мимо того царя, чей корабль спас и для кого одежду достал, и говорит:

— Вот тебе чаша от меня на память.

Дал ему одну чашу.

Едет мимо того царя, чьего сына оживил, и говорит:

— Вот и вам две чаши.

Сам думает, вспоминает, когда же он уехал, сколько еще осталось времени, как бы не погубить побратимов? Что ж, оказалось — пути у него еще девять дней, а до срока всего четыре дня осталось. Как быть, как спасти братьев?

Спрашивает его царь, чьего сына он спас:

— О чем ты печалишься?

— Как не печалиться — двоих братьев теряю, за меня гибнут, опаздываю, на девять дней мне еще пути осталось.

— Не печалься, — говорит царь, — за девять часов тебя доставлю, ты знай пируй, я все устрою.

Вызвал царь пашкунджи².

— Куда его везти? — спрашивает пашкунджи.

Сказали ей.

— За три часа домчу, — говорит пашкунджи, — только дайте поесть как следует.

Пошла она, съела девять буйволов и говорит Сиротнике:

— Привяжись ко мне веревкой, да покрепче. Знай, на каждый мог посянет ветер поднимается, да такой — буквые деревья ветви теряют, так и бьются друг о друга.

Привязался Сиротника к ней крепко. Взлетела пашкунджи, летит, что твой аэроплан.

А там уж и глаза побратимам-разбойникам завязали, уж и они собрался читать отходную, должны их повесить.

Налетела вдруг пашкунджи, как ударит крылом попа, перевернулся поп, сбила она повязку с глаз братьев.

Увидели друг друга побратимы, от радости чувств лишились.

Приказал судья казнить того купца и все его богатство братьям отдать.

Сказал Сиротинка:

— Не нужно нам его богатства, раздайте его вдовам да сиротам.

И я там был и от дупи пощировал. А как вернулся... будто и не был нигде.

62. Земля возьмет свое

Жила одна вдова, и был у нее единственный сын. Растет сын и видит, что у всех есть отец, только он никого не может назвать отцом.

— Почему у меня нет отца? — спросил он мать.

Мать сказала:

— Умер твой отец.

— А что такое — умер? Что он, не придет к нам больше?

— Он к нам не придет, но мы все пойдем туда, где он, — сказала мать, — никто не избежит смерти.

Юноша сказал:

— Я никого не просил дать мне жизнь, но уж если я живу, то не хочу умирать. Пойду найду такое место, где не умирают.

Долго упрашивала его мать не ходить, но не послушался сын и отправился искать такое место, где не умирают. Обошел он всю землю. Куда ни придет, спрашивает:

— Есть здесь смерть?

— Есть, — отвечают ему.

Загрустил юноша: нет такого места, где не умирают. Идет он как-то полем, видит — стоит олень с высокими, ветвистыми рогами. Очень понравились юноше оленьи рога, и спросил он оленя:

— Не знаешь ли места, где не умирают?

— Такого места нет, — сказал олень, — но пока мои рога не дорастут до неба, я не умру, а дорастут — и смерть моя придет. Хочешь, оставайся со мной и не умрешь, пока я буду жить.

— Нет, — сказал юноша, — жить — так вечно, а умереть я мог и там, где родился.

Пошел юноша дальше, прошел поле, прошел все долины и добрался до гор, видит — сидит ворон на скале, чистится, а пух вниз, и огромное, глубокое ущелье роится.

Юноша спросил ворона:

— Не знаешь ли места, где не умирают?

— Нет,— сказал ворон.— Вот я буду жить, пока все это ущелье не наполнится моим пухом, а наполнится — умру. Оставайся со мной и проживешь, пока я буду жить.

Посмотрел юноша в ущелье, покачал головой.

— Нет,— сказал он,— жить — так вечно, а умереть я мог и там, откуда пришел.

Пошел юноша дальше, прошел всю землю, подошел к морю. Прошелся по берегу — не знает, куда идти. Ходит день, ходит два — ничего не видно. На третий день видит — блещит что-то вдали, подошел ближе — стоит хрустальный замок. Обошел юноша вокруг замка — никак дверей не найдет. Долго мучился он, наконец заметил небольшую полоску, догадался, что это и есть двери, нажал что было сил, и дверь открылась. Вошел юноша внутрь и видит — лежит женщина такой красоты, что само солнце позавидовало бы ей, если бы увидело ее. Очень понравилась женщина юноше, да и он ей приглянулся. Юноша спросил:

— Прекрасная, хочу уйти от смерти. Не знаешь ли места, где не умирают?

— Такого места нет,— сказала женщина,— зачем тебе искать напрасно? Оставайся со мной.

Он сказал:

— Я не тебя искал, я ищу такое место, где бы не умирали, иначе остался бы там, откуда пришел.

Женщина сказала:

— Земля возьмет свое, ты сам не захочешь быть бессмертным. Скажи-ка, сколько мне лет?

Посмотрел юноша на нее: ее юная грудь, ее свежие щеки цвета розы были так прекрасны, что он совсем забыл о смерти.

— Самое большее пятнадцать,— сказал он.

— Нет,— ответила женщина,— я создала в первый день сотворения мира. Меня зовут Красой, и я никогда не буду старой и никогда не умру. Ты мог бы остаться со мной навсегда, но сам не захочешь — земля позовет тебя.

Поклялся юноша, что никогда не уйдет от нее.

Стали они жить вместе. Годы пролетели как мгновения. Много изменилось на земле. Многие умерли, обратились в прах, многие народились, земля меняла лицо, но

юноша не замечал, как летело время. Женщина была все так же прекрасна, а он все так же молод. Пролетели тысячи лет. Соскучился юноша по родине, захотелось ему навестить своих. Сказал он:

— Хочу пойти повидать мать и родных.

Она сказала:

— От них уж и костей в земле не осталось.

Он сказал:

— Что ты! Всего три-четыре дня, как я здесь, что могло с ними случиться?

Женщина сказала:

— Я говорила тебе — земля возьмет свое. Хорошо, иди и, что бы ни было с тобой, виши в том себя.

Дала она ему три яблока и велела съесть их, когда затоскует.

Попрощался юноша с ней и пошел. Шел, шел, видит — скала, на которой сидел ворон. Посмотрел юноша: все ущелье засыпано пухом и ворон сам тут же, весь высохший, лежит. Потемнело в глазах у юноши, хотел он вернуться назад, но не пускает его уже земля, тивет вперед. Пошел дальше, видит — в поле стоит олень, рога доросли до неба, а сам олень умирает. Понял юноша, что много времени прошло с тех пор, как ушел он из дому. Пошел дальше, добрался до родных мест, но не нашел ни родных, ни знакомых. Спрашивает у людей о матери, но никто даже не слышал о ней. Ходит он один, и никто не узнает его. Наконец встретил он одного старика, рассказал ему, кого он ищет. Старик сказал:

— Эта женщина, как я слышал от дедов и прадедов, жила когда-то, но как может ее сын быть теперь в живых?

Пошел по всей земле слух об этом человеке. Чего только не говорят о нем! Смотрят на него как на диковинку.

Бродит юноша один. Стал он скучать. Пришел на то место, где стоял когда-то его дом, и нашел только развалины, поросли они порыжевшим мхом. Вспомнил юноша свою мать, детство, товарищей и загрустил. Решил он съесть яблоки, что дала ему женщина из хрустального замка. Достал он одно яблоко, съел его, и миг выросла у него длинная седая борода. Съел другое яблоко — подкосились у него колени, согнулась поясница, и без сил упал он на землю. Лежит, не может двинуть ни рукой, ни ногой. Проходил мимо мальчик, и он позвал его:

— Подойди ко мне, мальчик, достань из моего кармана яблоко, подай мне.

Достал мальчик яблоко, подал его, надкусил старик его и тут же умер.

Похоронила его деревня всем миром.

63. Платок мзетунахави

Жил па свете пекий царь, и был у царя один сын. Когда сыну исполнилось двадцать лет, отец дал ему много денег и сказал:

— Сын мой, ты теперь взрослый, ступай посмотри дальние страны, попутешествуй, развлекись и купи себе все, что придется тебе по вкусу.

И царевич отправился в путешествие, обошел множество царств, но ни на чем не смог остановить своего выбора. Вот он и решил вернуться домой с пустыми руками.

Однако когда он входил в свой город, то на одной из улиц встретил человека, который продавал красивый шелковый платок. Царевичу до того понравился платок, что он не удержался и спросил у того человека:

— Скажи, пожалуйста, сколько ты просишь за этот платок?

— Сто туманов,— ответил ему торговец.

Но так как этот товар очень уж пришёлся по душе царевичу, то он вместо ста туманов заплатил все двести, забрал его у продавца и пошел во дворец.

Царь обрадовался, увидев сына, и спрашивает его:

— Ну, сын мой, рассказывай, что тебе больше всего пришлось по нраву и что ты приобрел во время своего путешествия?

Сын достал свою покунку и сказал:

— Обошел я много стран, но ни на чем не смог остановить своего выбора. А вернувшись в наш город, повстречал человека, продававшего этот платок. Понравился он мне, и я не раздумывая купил его.

— А на что тебе этот платок? — подивился царь.

— Я хочу взять в жепы ту, что соткала его,— ответил царевич.

— Как же ты узнаешь, кто соткал платок, если тебе даже неизвестно, где найти того продавца?

На это сын ответил отцу:

— Отец, позволь мне отправиться в путешествие во второй раз; обойду я все страны и до тех пор не вернусь домой, пока не разыщу ту рукодельницу.

Согласился царь отпустить сына, велел навьючить двадцать верблюдов хурджунами с золотом и серебром,

дал ему в помощники слуг и погонщиков верблюдов и отправил в путь-дорогу. Оседлал царевич коня, перекинул на него хурджики с драгоценностями и повел за собой весь караван.

Девять дней шел караван, не останавливаясь нигде, и лишь вечером десятого дня сделал привал на какой-то поляне.

Слуги, которые ничего не знали о цели путешествия, спросили царевича, куда они держат путь. Царевич достал из кармана платок и рассказал им, кого он намерен искать.

Ночью слуги и погонщики верблюдов тайно посовещались между собой.

— До каких же пор нам придется идти, когда и самому-то царевичу неведом его путь? — недоумевали они.

И порешили они удрать подобру-поздорову. Воспользовавшись темнотою, они в ту же ночь покинули царевича, оставив его одного посреди поля.

Проснулся царевич и видит — вокруг ни души. Опечалился юноша, но помощи было ждать не от кого, и решил он сам добиваться своего счастья. Привязал верблюдов друг к другу, переднего из них — к своему коню, и так продолжил путь.

Шел он ни много, ни мало и наконец дошел до реки, воды которой были окрашены в кроваво-красный цвет. Царевич удивился этому и решил подняться со своим караваном вверх, до самого истока, и разузнать, отчего это происходит. Река протекала вдоль самой дороги, и царевич погнался караваном прямо, никуда не сворачивая.

Путь его был долгим, но в конце концов привел царевича туда, где толпа деревенских жителей палками и дубинками избивала скованного цепями огромного дэва. С того ручьями хлестала кровь, вливалась в реку и окрашивала ее воды в алый цвет. Пока одни отдыхали, другие избивали дэва до потери сознания, и наоборот. Дэв испытывал страшные муки, но выпутаться из оков не мог.

Царевичу стало жаль исполина, и он обратился к толпе с вопросом, за что, дескать, народ так жестоко наказывает несчастного. И жители отвечали ему:

— Скажи спасибо, что ты царский сын, не то получил бы от нас за то, что спрашиваешь об этом!

Но царевич не отставал от них:

— И все же ответьте мне, чем провинился этот дэв?

— Провинился он тем, что каждый год пожирает весь наш скот и мы остаемся голодными. Насилу удалось нам

его изловить, вот мы и вымещаем на вповивике наших страданий всю злость. Уже две недели бьем его, а он хоть бы что? Теперь хотим прикончить его.

Тогда царевич задумал договориться с сельчанами: — Уступите мне этого дэва, а я дам вам много денег, купите себе скот и поделите между собой.

Согласились сельчане и оставили дэва в покое.

Отдал царевич за дэва десять верблюдов с выюками золота и серебра и освободил его. Народ был счастлив, получив такое богатство. Дэв же страшно удивился такому великодушью.

Черезвзав рашы дэва, царевич взял его с собой. Шли они, шли, и вдруг дэв приметил в одном месте стадо коров, а потом сказал царевичу, что очень голоден. Тот подозвал пастуха, дал ему десять оставшихся верблюдов с богатой поклажей, выкупил весь скот и накормил им дэва. У царевича остался только один конь. Пустился он в путь и погнал вперед сытого дэва.

Но на другой день дэв снова захотел утолить свой голод. Огляделся царевич вокруг и увидел крестьянина, который пахал поле. Подозвал он к себе пахаря и договорился с ним: снял со своего коня последний хурджин с золотом и серебром, выменял на него стадо коров и накормил изголодавшегося дэва. Однако не прошло и трех дней, как пенасытное чудовище снова потребовало себе пищу.

— Чем же теперь-то тебя накормить? — удрученно спросил его царевич.

— Конем, конечно, — невозмутимо ответил дэв.

И царевич отдал своего коня на съедение дэву и пошел дальше пешком.

Все более удивляла прожорливого дэва доброта юноши, наконец он спросил его:

— Ты оказал мне неоценимую услугу, по скажи на милость, куда это мы держим путь?

Показав дэву платок, царевич подробно рассказал ему свою историю. Тогда дэв сказал юноше:

— Что же ты раньше не признался мне? Ты же спас меня от мучений и смерти, не пожалел всего своего добра, чтобы прокормить меня, так неужто не помогу я тебе в таком деле? Женщина, соткавшая этот платок, живет так далеко, что добратсья до нее этакими шажками можно не ранее, чем через двадцать лет. Эту красавицу хотят взять в жены и мои родичи-дэвы, но до сих пор им это не удалось, хотя они и всемогущи. Сядь-ка мне на спину, и я мигом доставлю тебя в ту страну.

Устроился царский сын на спине дэва, тот взлетел и перемахнул через девять гор. Передохнув немного, он обратился к своему спасителю:

— Послушай меня: скоро мы окажемся в том месте, где нам нужно быть; там открытое поле, а в самой середине растет высоченный дуб. Я подсажу тебя на дуб и крепко привяжу веревкой к ветвям, чтобы ты не упал, так как ночью к дереву явятся дэвы и устроят там шабаш, от их диких плясок поднимется страшный ветер и начнет раскачивать дерево. Красавица, к которой ты стремишься, живет в пещерном замке с тяжеленной каменной дверью, ее не так просто открыть. Поэтому я побегу сейчас домой, пообедаю и попрошу кузнеца выковать мне стопудовый лом, а завтра вернусь сюда с ломом, открою им дверь замка и введу тебя к твоей желанной.

Сказано — сделано. Подлетел дэв к тому дубу и крепко привязал к его ветвям юношу. Ночью туда и вправду явились другие дэвы и затеяли такой шабаш, что поднявшийся вихрь чуть было не сбросил царевича, но веревки дэва спасли его. Лишь под утро все дэвы разошлись по домам.

Вскоре пришел и наш дэв, притащил стопудовый лом, спустил с дуба царевича, и они понеслись к заветному замку. Дэв подошел под каменную дверь свой лом, но под ее тяжестью стопудовый лом согнулся пополам. Не долго думая, дэв снова полетел к тому кузнецу и заказал ему двухсотпудовый лом. И только с его помощью он поднял наконец тяжелую дверь и впустил царевича в замок.

— Я буду ждать тебя у замка,— папутствовал дэв юношу.

Попав в замок, царевич остановился как вкопанный — так поразила его красота женщины, а также богатство и блеск самого замка. Мраморный лик, сверкающие, словно звезды, глаза и стройный стан так восхитили его, что какое-то мгновение он не мог шелохнуться. Тогда женщина сама подошла к юноше и, взяв его за руку, ввела в сверкающий зал, усадила на роскошную тахту и молвила:

— Кто ты, прекрасный юноша, и как тебе удалось проникнуть в мой замок? Великое множество храбрых молодцев уже давно пытаются попасть сюда, но по сей день ни одному из них это не удалось.

Царевич достал заветный платок, признался мзетунахави, что хочет жепиться на той, которая соткала его, и рассказал о своих приключениях по пути к замку.

— Теперь я нашел тебя и полюбил, и если ты желаешь мне счастья, то станешь моей женой.

Юнопа тоже очень понравился мзетунахави, и она ответила ему:

— Такой платок я ткаю раз в семь лет, и лишь раз в семь лет отправляюсь к подножию скалы, и, когда передо мной раскрывается тяжелешная дверь, бросаю его с утеса вниз, а ветер относит его далеко-далеко. Я поклялась выйти замуж за того, кто первым пропикнет в мою обитель. Как видишь, ты оказался тем, кто мужественно преодолел все преграды и пришелся мне по душе. Я с радостью объявляю о своем согласии стать твоей женой. Пред тобой — мои несметные богатства, выбирай, что тебе лучше — остаться навсегда здесь или отправиться в твое царство?

Царевич выбрал последнее:

— Ты, конечно, знаешь, что, выходя замуж, девушка перебирается в дом мужа и становится невесткой для его родных. Вот и я, как это положено у нас, хочу ввести тебя в отцовский дворец.

И на это согласилась красавица. Тогда юнопа пригласил дэва, усадил его на золотой стул и сказал:

— Мы обо всем договорились, и я бы хотел, чтобы ты была моим шафером и крестным отцом!

Обрадовался дэв их помолвке и тоже дал согласие. Они отпраздновали помолвку, и молодыю стали собираться в путь.

Мзетунахави вручила дэву ломившийся от драгоценностей сундук. Все трое вышли из замка, занерли за собой тяжелую дверь и покинули его.

Так шли они некоторое время. Вдруг дэв вспомнил, что забыл дома подарок для молодоженов — волшебное зеркало и платок. Вот он и сказал им:

— Идите по дороге прямо, никуда не сворачивая, а я сбегая домой, возьму зеркало и платок и мигом догоню вас.

С этими словами они простились. Царевич и его молодая жена до того увлеклись друг другом, что забыли обо всем окружающем и о наказе дэва и, сами того не заметив, свернули с прямого пути. Пройдя некоторое время в неизвестном направлении, они очутились во владениях трех братьев-дэвов, которые молотили на току пшеницу. Увидев припелльцев, дэвы очень удивились и перестали работать. Старший воскликнул:

— Да это же та самая жепщина, перед дверьми ко-

торой мы простаивали все почти напролет! Смотрите-ка, никак она сама явилась к нам в гости!

Тут он схватил царевича одной рукой, дал ему по шее, да так, что свернул ее, и закинул его на чердак своего дома. А мзетупахави повел в палаты и решил тут же с ней обвенчаться. Он послал младшего брата за вином, а сам принялся за свадебные приготовления.

Тем временем дэв, который возвратился за волшебным зеркалом и платком, взял их и пустился вдогонку за молодыми влюбленными. Не встретив их на дороге, опсмакнул, что они сбились с пути, заметил на земле их следы и по ним продолжил поиски своих друзей.

— Проклятие! — воскликнул он. — Не иначе, как они пошли этим путем, попали в лапы трех братьев-дэвов, и те сожрали их!

Он прибавил шагу и вскоре повстречался с младшим братом.

— Куда это ты направляешься? — спросил у него наш дэв.

— Мой старший брат собирается жениться на прекрасной красавице, а меня отправил за вином для свадьбы, — с готовностью ответил младший дэв.

Тут наш дэв влепил ему такую оплеуху, что тот, куврыкнувшись, шлепнулся на землю. Потом дэв разбил винные кувшины и продолжил путь.

А старший дэв, беспокоясь, что младший запаздывает, послал за вином второго брата. Но наш дэв сделал с ним то же, что и с младшим дэвом. Покончив с обоими, он направился к их жилищу.

Видя, что и средний брат не возвращается, старший дэв сам отправился и за вином, и за пропавшими братьями.

А мзетупахави, оставшись в доме одна, захотела осмотреть комнаты. Войдя уже в двадцатую, она увидела связанного дэва огромных размеров. Девушка в страхе попятилась назад, но дэв заговорил с ней вкрадчивым голосом:

— Не бойся меня, девушка. Дай тебе бог здоровья за то, что ты открыла эту дверь. Вот уже сто лет, как я заперт в этой комнате и не вижу света божьего. Я умираю от жажды. Придвинь, пожалуйста, тот кувшин с водой, а напиток я как-нибудь и сам смогу, — попросил он.

Сжалившись над ним, она пододвинула ему кувшин, дэв приложился к нему и выпил всю воду. А в кувшине-то была вовсе не вода, а уксус¹, который придал дэву

свежие силы. Он поднапрягся и разорвал цепи. Затем, не мешкая ни секунды, похитил красавицу и умчал ее к себе домой. Этот дэв был родным братом нашего дэва, но разве мог он знать обо всем, что произошло с его братом?

Спустя некоторое время наш дэв добрался до жилища трех дэвов и, убедившись, что невесты царевича там нет, очень огорчился. Тогда он стал искать царевича, нашел его на чердаке, вправил ему шею и поднял с пола.

К тому времени вернулись домой и хозяева. Узнав о побеге пленного дэва и похищении им невесты, они было разбушевались, но тут наш дэв задал им такую взбучку, что те мигом присмирели.

— Вас нужно было бы убить, — прибавил он, — но мне сейчас не до того — я должен вернуть моему спасителю его невесту. Вам же я поручаю царевича. Смотрите, чтобы до моего прихода с его головы и волос не унал, не то вам будет худо!

Отправился наш дэв к дому своего брата и так тихо проник туда, что его никто и не заметил.

Он знал, что брат его днем всегда уходил на охоту, а потом никуда из дому не отлучался. Поэтому дэв явился к пленнице днем и побралил ее за то, что она с царевичем ослушалась его. Потом он добавил:

— Мой брат ни за что не уступит тебя, уж я его знаю, но мне неизвестно, где спрятана его сила. Вот ты осторожно и разузнай его тайну, а завтра расскажи мне обо всем. Тогда я сумею с ним справиться, — сказал он девушке и притаился в укромном месте.

Когда хозяйни вернулась с охоты, мзетунахави приветливо встретила его и как бы между прочим поинтересовалась, где находятся его душа и сила. Дэв поначалу хитрил, увиливал от ответа, но в конце концов признался:

— За тридцать земель живет олень, в сердце которого хранится пикатулка с тремя итевцами. Один итевец — зеница моего ока, другой — моя сила, а третий — душа. Сто косарей кормят травой того оленя. А одолеть его может только стрела, окунутая в мою мочу.

Дэв был нян и скоро уснул. Ночью ему захотелось сходить во двор. Но девушка, проворно вскочив с постели, не выпустила его, притворившись, будто боится, что хозяйни ее простудится.

Ранним утром дэв ушел на охоту, а она передала все в точности своему дэву. Тот ощутил стрелу в горшок с мочой дэва, попрощался с мзетунахави и отправился папски того оленя.

Пройдя тридевять земель, дэв очутился на лугу, где сто человек косили для оленя траву.

— Хватит оленю и того, что вы ему покосили! Теперь расходитесь по домам! — обратился он к косарям.

Но те отказались исполнить его приказание, и дэву пришлось силой отобрать у них косы, а самих косарей избить и прогнать с луга. Продолав это, он залег в траве и стал поджидать оленя.

В полдень на лугу показался олень и пачал есть скошенную траву. Дэв прицелился, пустил в него стрелу и сразил оленя. Затем ловко испорол ему брюхо, достал из его сердца шкатулку, свернул голову птенцу, в ком была дэвова сила, и пошел к жилищу брата, забрав с собой двух оставшихся птенцов.

Почувствовав, что силы покидают его, брат нашего дэва испустил вопль:

— О-о-о! Кто-то убил моего оленя, не иначе, как в этом виновата та самая маетунахава! — и дэв поспешил домой, чтобы убить девушку.

Однако, с трудом добравшись до дому, он застал там своего брата-дэва. Тот потребовал с брата ответа за то, что он похитил невесту царевича, его лучшего друга и спасителя.

— Ты должен вернуть ее. Отвечай, отдашь ее или нет? — спросил он брата.

— Ничего этого я не знал, но отдать — никому не отдам, — упрямо ответил дэв.

Тогда наш дэв оторвал голову птенцу с зельной дэвова ока, и тот мигом ослеп.

— Говори, вернешь девушку женьху или нет? — повторил вопрос его брат.

Но тот не хотел сдаваться. И нашему дэву не оставалось ничего другого, как убить последнего птенца и вышибить из дэва его душу.

Покончив с братом, наш дэв взял с собой взетунахави и повел ее к дому трех дэвов.

Тем временем те, видя, что дэв запаздывает, решили съесть бедного царевича. Но тут и подоспели дэв с девушкой.

Молодые супруги покинули жилище трех дэвов, и наш дэв повел их в страну царевича.

Когда путешественники прибыли во дворец, царь с царицей очень обрадовались возвращению любимого сына и его прекрасной невесты. Вся страна сняла траурные одежды и отпраздновала торжественную свадьбу. Роскош-

ное пиршество длилось целых две недели. Царь всех одарил богатыми подарками.

Дэв, шафер молодоженов, преподнес им волшебное зеркало и платок и сказал им на прощанье:

— В трудную минуту посмотрите в это зеркало, там увидите меня, махните мне волшебным платком, и я мигом предстану перед вами.

Сказав так, дэв отбыл в свои края. А царевич со своей красавицей-женой женился счастливо и безбедно.

Прошел месяц, и до соседнего царя дошел слух о том, что у царевича жена невиданной красоты. Исполнилось его сердце черной зависти, и послал он туда гонца с наказом — либо отдать ему жену добровольно, либо он сам возьмет ее силой.

Царевич ответил завистнику отказом и добавил:

— Пусть приходит и попробует забрать мою жену силой!

Собрал тот царь несметное войско и двинулся войной на царевича.

А царевич глянул в волшебное зеркало, увидел своего дэва и вахнул волшебным платком. Дэв же в это время весело пировал со своими дружками. Но он любил доброго царевича и в тот же миг очутился возле своего спасителя. Появив, какая опасность грозит царевичу, дэв молвил:

— Не двигайся с места, я сам справлюсь со злодеем!

Ринулся он навстречу вражескому войску и стал разить всех наповал: половину войска истребил, а другую половину вместе с пленным царем приволок во дворец царевича. Возмолился о пощаде злой царь:

— Только оставьте меня в живых, и я буду вам верным слугой.

Его владения были присоединены к землям царевича, а самого бывшего царя поселили в его дворце, и он вынужден был согласиться исполнять все, что ему будет приказано.

После этого наши друзья пышно отпраздновали победу, а народу были розданы богатейшие дары.

Наш дэв распрощался с молодоженами, заверив их в своей преданной дружбе:

— Помните, что при малейшей опасности я всегда буду рядом с вами, — сказал он и исчез.

64. Синяя рыба

Было то или не было, что могло быть на свете лучше бога. Жил-поживал на земле один царь.

Царей-то на свете было много, но этот был совсем особенный.

Заболели как-то у царя глаза, и он ослеп. Сзвали лекарей со всей страны, но те в царской болезни ничего не могли понять.

А одна старуха-гадалка посоветовала царю:

— Вели,— говорит,— царь-отец, своим рыбакам поймать в вашей реке синюю рыбу, приложи ее на рассвете к глазам, а после умертви.

Царь повелел поймать эту рыбу, и отправились рыбаки выполнять его приказ. Два дня промучились они и только на третий поймали ту рыбу и с радостью преподнесли ее царю.

Царь распорядился до пужного времени поместить рыбу в банку с водой.

А у того царя был пятнадцатилетний сын. Увидел мальчик, что рыба мучается в банке, достал ее оттуда и пустил в ту же речку. Рыба потрепыхалась туда-сюда, а там и поплыла по течению.

Наступил рассвет, царь потребовал рыбу, а ее уже нет как нет.

Призвал царь к себе сына и говорит:

— Принеси мне рыбу, а нет — так никогда сюда не возвращайся.

Пошел себе мальчик. Шел он, шел и подошел к развилке дорог. И видит он там какого-то парнишку, своего сверстника.

Поздоровался с ним царевич, расспросили один другого, кто, мол, ты и откуда, и оказалось, что оба они пришли сюда одной и той же дорогой.

Сына царя звали Леваном, а другого юношу Рамазом. Собрали они свои пожитки и поплыли дальше вместе, да только сами не ведают куда.

Шли они, шли и пришли в один город.

Раньше всего встретили там друзья старушку и попросили у нее крова.

Старушка приняла их как родных сыновей.

Была у той старушки дочка, и юноши отнесли к ней как к родной сестре.

Приходит как-то вечером старушка домой и говорит друзьям:

— Вот купила я мандолину, умеете ли вы на ней играть?

Леван оказался мастером этого дела и каждый вечер получал за свою игру много денег, так что собралось их видимо-невидимо.

Подозвала как-то к себе старушка юношей и говорит им:

— Дети мои, пришла пора вам жениться. Есть здесь одна девушка, царева дочка. Она выйдет замуж за любого, кто сумеет ответить на один ее вопрос. Только ответ ей кто-нибудь, и она без единого слова пойдет за него. А коли не ответит — так голову с плеч. Но что это должен быть за вопрос, чтобы вы не смогли на него ответить?

Леван на другой же день отправился к дочери царя.

— Я задам тебе один вопрос,— говорит ему девушка.— Коли ты правильно ответишь на него, бери меня в жены, а коли нет, лишиться тебе головы. А сроку тебе даю три дня.

После этого она задала юноше свой вопрос:

— Кем доводятся друг другу Суламбара и Гуламбар?

Вернулся Леван домой и рассказал обо всем своему товарищу.

Рамаз обнадежил его и отправился в библиотеку¹. Перерыл все книги, но ничего такого, что им было нужно, не нашел.

Тогда старушка указала Левану на дом одной женщины и говорит:

— Ты должен так тихо подняться на балкон этого дома, чтобы женщина за это время не успела убежать.

Рамаз не пустил Левана, а пошел туда сам и сделал все так, как научила старушка.

Рамаз узнал от той женщины, что там-то и там-то в широком поле стоит дом, в котором торгует один купец. Рамаз-де должен пойти туда и спросить у купца, не нужен ли ему работник. На ночь оставаться в том доме не следует, а надо пойти вместе с купцом к нему домой.

— Но знай,— добавила женщина,— что тебе оттуда живым не вернуться, если ты как-нибудь не ухитришься три раза свистнуть, чтобы я успела тебе помочь.

Добрался Рамаз до купца и спрашивает его:

— Не нужен ли тебе работник?

Купец нанял его, а когда он вечером собрался идти домой, Рамаз попросился вместе с ним. Купец долго отказывался, но Рамаз не отставал.

Тогда купец и говорит:

— Ладно, возьму я тебя с собой, но знай: оттуда тебе живым не выйти.

Рамаз согласился и пошел с ним.

Только они вошли в дом, как Рамаз сразу же заметил высоко на стене саблю и кнут.

После ужина купец всталил посередине комнаты стул, снял саблю и кнут и положил их там же. Потом он залез под тахту и вытащил оттуда две человеческие головы. Взял он одну, положил на стул и пу ласкать ее, целовать, проливая слезы. Потом схватил кнут и давай хлестать по ней кнутом что есть мочи. Отвел душу и забросил голову обратно под тахту. После этого взял в руки вторую голову, пхлестал всю кнутом и тоже забросил под тахту.

Насмотревшись на все это, Рамаз спросил с удивлением, что это за головы.

Купец рассказал, что та, которую он достал первой, была головою его жены Суламбары, а вторая — его работника Гуламбара. Они, оказывается, были любовниками. Купец проведаль об этом и убил обоих. А знали об этом только сам купец и царева дочь.

Под конец купец сказал Рамазу:

— А теперь я должен убить тебя.

Рамаз попросил отнустить его во двор, оп-де хочет в последний раз помолиться богу под открытым небом.

Купец разрешил, и Рамаз вышел во двор.

Сначала он свистнул чуть слышно, а потом еще два раза, громче и громче.

И тут же, откуда не возьмись, появилась та женщина, что научила его, как пройти к купцу. Схватила она Рамаза и скрылась в темпоте.

В то утро, когда Рамаз пришел к Левану, истекал третий, последний день данного ему срока. Он все в точности рассказал Левану, и тот отправился к дочери царя, ответил ей на вопрос, и она вправду пошла за него замуж. Потом все они втроем оттуда уехали.

На обратном пути оказались они на том месте, где друзья встретились в первый раз, и Рамаз говорит Левану:

— В твоём деле есть и моя доля. Надо бы все разделить пополам.

Только взялись они за дележ, как царева дочь вдруг обернулась синей рыбой и ушла в воду, а как вышла вновь из воды, то и говорит Левану:

— Я и есть та самая сипяя рыба, которую ты отпустил на волю.

Тогда юноши ушли оттуда, построили себе дом и зажили втроем, как родные два брата и сестра.

65. О падчерице и мачехе

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жила-была девушка-сирота: мать ее померла, и жила она с мачехой. У этой мачехи была еще родная дочь, так ее опа хвалила и всячески баловала, а падчерицу терпеть не могла и порешила во что бы то ни стало ее извести: пошлет, бывало, ее с коровой на поле, даст веретено и хлопок — спряди, мол, там, а еще даст кусок сухого хлеба — половину, дескать, сама съешь, половину дай поест прохожим, а обратно опять принеси целый хлеб.

Пасла девушка корову, прила хлопок, а домой возвращалась голодная: хлеб-то ведь делшком приносила. Так она и жила и тайла с каждым днем, как божья свечечка, и от голода и от бесконечных слез. Однажды, когда вышли они в поле, корова ей говорит:

— Ты послушай, что я тебе скажу. У меня в одном ухе лежит топленое масло, а в другом — мед, так ты, как проголодаешься, масло кушай, а захочешь — мед ешь.

Так начала эта девушка питаться; оправилась опа и даже пополнела. Заприметила это мачеха и удивилась: с чего бы это она, мол, так поправилась. Стала следить и в конце концов прознала, что это корова ее подкармливает.

— Давай, — говорит однажды мачеха мужу, — заколем эту корову. Все равно проку от нее никакого, так хоть мяса поедим.

Жаль было мужу корову резать, и он все под разными предлогами отказывался. Да только пристала к нему жена: заколи, мол, ее, да заколи.

Однажды утром, когда шли они вдвоем на поле, корова и говорит падчерице:

— Меня хотят заколоть, только ты смотри, моего мяса не ешь, а все кости собери, заверни в мою шкуру и схорони в яме; когда настанет для тебя черный день, раскопай и посмотри, что там окажется.

Зарезал наконец корову хозяин. Долго горевала падчерица, от горя места себе не находила. А мяса той коровы в рот не брала, как мачеха ее ни уговаривала. Когда

да съели всю корову, собрала девушка кости, завернула их в икуру, вырыла яму и схоронила.

Долгое время горевала падчерица. Каждый день с утра пораньше уходила куда-нибудь, брала с собой веретено и пряла в одиночестве. Однажды сидела она на крыше у одной старухи, прысло у нее упало и скатилось прямо к старухе во двор. Возмолвилась сирота:

— Матушка, будь так добра, если только можешь, подбрось мне сюда, наверх, прысло, что я уронила.

— Лучше ты сама сойди вниз да возьми его, — пригласила ее старуха.

Когда девушка сошла, старуха ей говорит:

— Очень тебя прошу, доченька, поищи у меня в голове.

Присела девушка, положила старухицу голову себе на колени — и и ужас пришла: вся голова у старухи полна гнид и вшей. Девушка, однако, и виду не показала, как ей противно, а стала терпеливо выскрывать насекомых.

Улыбнулась ей тогда старуха и говорит:

— Пойдем-ка теперь, я покажу тебе в подвале мои банки с солениями и сыром; интересно, как они тебе поправятся.

Пошла девушка за ней в подвал, там старуха поспинала крышки с банок и показывает девушке, а в них полно змей да лягушек.

— Ну как, нравится? — спрашивает старуха.

А девушка, чтобы ее не огорчать, и тут виду не подавала, не показала, как ей противно.

— Ах, какие чудесные у тебя соленья, — сказала, — и, наверно, вкусно как!

— Ну вот что, — говорит ей тогда старуха, — раз уж ты такая терпеливая и добрая девушка, я тебе за твою добро тоже добром отплачу и счастливой тебя сделаю. Слушай меня внимательно. Как пойдешь вон по той дороге, встретятся тебе три источника: белый, черный и желтый. Так ты, слышь, под белый и черный голову не подставляй, а как увидишь — желтый течет, так сразу и подставь.

Пошла девушка по дороге. Увидела белый родник — мимо прошла, увидела черный — опять прошла дальше, а как увидела — желтый течет, так сразу и подставила под него голову: глядь — а волосы у нее стали из чистого золота. Огорчилась девушка: теперь, мол, не миновать мне гнева мачехи; повязала голову платком и хорошенько спрятала волосы.

Да только как пришла домой, мачеха сразу увидела, что один волос из-под платка торчит и золотом сверкает; сорвала с головы девушки платок и что же видит? Все волосы как есть у нее золотые. Начала она ругать свою падчерицу:

— Тыфу на твою голову, да разве ты это заслужила? Таких волос только моя дочь достойна.

Стала расспрашивать, откуда у нее золотые волосы. Падчерица всю правду рассказала:

— Так, мол,— говорит,— и так: упало у меня прысло к старухе во двор, и она меня научила.

На следующий день послала мачеха свою дочь, дала ей веретено. Пошла девушка, села с веретеном на крыше у старухи и сразу же бросила прысло во двор.

— Эй,— кричит,— собака, а пу-ка брось мне сюда прысло!

— Сойди и сама возьми,— ответила старуха.

Сопла девушка во двор, а старуха ей и говорит:

— Поди-ка сюда, дочка, поници у меня в голове.

Стала девушка искать — и от омерзения чуть не стошнило ее.

— Фу,— говорит,— какая же ты гадкая. Вся голова у тебя полна вшей и червей.

Повела ее старуха в подвал смотреть банки. Заглянула девушка в банки и с отвращением сказала:

— Чтоб ты подохла, нечего сказать: хорошие у тебя сыр и соленья. Да ведь все банки твои полны змей и лягушек.

— Ну вот что,— говорит ей тогда старуха.— Пойдешь воп по той дороге, и повстречаются тебе три источника. Как увидишь белый источник — голову не подставляй, желтый увидишь — голову не подставляй, а как потечет черный — так сразу же подставь.

Пошла мачехина дочка, увидела белый источник — прошла мимо, желтый увидела — дальше пошла, а как завидела — черный течет, так сразу и подставила под него голову. И в тот же миг вырос у нее на голове ослиный хвост. Прибежала она домой к матери вся в слезах. Мать увидела — и ужас припла. Срезает она каждое утро этот хвост, а он все больше и больше отрастает. Платок повязывает, но все равно видно...

Однажды собралась мачеха на праздник, нарядила свою дочь, а падчерице дала мешок проса и лоханку:

— Чтоб ты к нашему приходу все просо перебрала, а лохань наполни своими слезами.

Ушли мачеха с дочерью.

Сидит несчастная сиротка и плачет: как успеть ей перебрать все это просо, как наполнить эту лохань слезами? Так горько она плакала, что соседи ушлышали, пришли и спрашивают:

— Что случилось, чего ты плачешь?

— Ну как же мне не плакать? — говорит девушка. — Вот мачеха велела перебрать все это просо и наполнить лохань слезами к тому времени, как вернется она с праздника, да разве ж я успею?

— Не стоит из-за таких пустяков плакать, — утешают ее соседи. Принесли ей решето и деревянное блюдо.

— Вот через это решето просей зерно да насыпь на блюдо, а в лохань набери воды да посоли хорошенько, мачеха-то и не догадается, — научили ее.

Кончив работу, сидела она печальная, как вдруг вспомнила, что ей корова про черный день говорила. «Дай-ка, — думает, — раскопаю яму да погляжу на коровьи кости».

Раскопала и увидела, что в яме коровы-то нет, а вместо нее стоит на привязи прекрасный залузданный конь, а на нем лежит царская одежда, вся расшитая драгоценными камнями и крупными жемчугами. Взяла она одежду, нарядилась — и такая стала красавица — глаза оторвешь... Села на коня и поскакала на праздник помолиться.

Прискакав к храму, привязала коня у ограды, помолвилась в церкви и снова вышла. А там толпа народу собралась, и все на нее смотрят и диву даются: откуда, мол, взялась такая красавица и кто она? — спрашивают друг у друга. А как вскочила она на коня и скрылась из виду, огорчились все.

— Нам бы, — говорят, — только любоваться да любоваться ею. Куда ж это она так быстро исчезла? Хоть одним бы глазком еще раз на нее поглядеть!

Дорога, по которой ехала красавица, через мост проходила, и, как въехала девушка на мост, у нее с ноги башмачок соскочил да в воду унал. Она-то заметила потерю, уж как домой приехала; да где ж его теперь искать, башмачок-то? Сняла с себя одежду, связала аккуратно, снова положила в яму, завела туда же и своего скакула, а яму снова зарыла.

Через некоторое время воротились домой и мачеха с дочерью. Мачеха, как вошла, вlepила падчерице подзатыльник.

— Как бы не так, — говорит, — именно на тебя походила царевна, что на праздник приезжала! Весь народ только на нее одну и смотрел — так богато она была одета и на таком скакуне сидела, что никто глаз оторвать не мог.

Заглянула мачеха в угол, видит: просо все просеяно и лохань стоит полная. Не поверила:

— Ты в лохань, конечно, воды налила, — но попробовала на вкус — вода была соленой — и поверила.

В тот же самый день повели государевы слуги лошадей к тому ручью, куда у сироты башмачок с ноги унал, да только лошади воду не пьют, пугаются. Нырнул один из них в воду, смотрит — на дне ручья башмачок лежит, да такой, что подобного никто и не видывал: весь как есть расшит драгоценными камнями и жемчугами. Тотчас же отнесли его к государю.

Удивился царь при виде такой драгоценности.

— Во что бы то ни стало, — говорит, — должен я хозяйку этого башмачка разыскать и со своим сыном обвенчать.

Приказал своей челяди обойти с этим башмачком все дома и, когда отыщется девушка, которой он будет впору, попросить показать второй такой же башмачок из пары, а после этого привести ее во дворец как невесту для царевича.

Отправились государевы люди, весь город обегали, да только хозяйку башмачка не нашли, к государю своему ни с чем воротились.

— Так, мол, и так, — говорят, — весь город мы обошли, ваше царское величество, да только башмачок-то, слышь, никому не пришелся по ноге впору.

— А вы во все дома заглянули? — спросил царь.

— Разумеется, — отвечали, — вот только на самой окраине лачуга одного бедняка стоит, так туда мы не пошли: откуда взяться там таким драгоценностям?

А это и был тот дом, где жила падчерица.

— Ступайте сей же час туда и хорошенько проверьте, — приказал государь.

Как прослышала мачеха, что ищут невесту для царевича, парядила свою дочь в лучшее платье, а падчерицу усадила на пол в углу да корзиной накрыла.

Пришли государевы люди с башмачком, и мачеха, увидев его, сразу заголосила:

— Ой, да ну конечно же, этот башмачок прямо по ноге моей дочери сидит!

Долго старались государевы слуги мачехиной дочери надеть на ногу башмачок, да куда там! И вправду, разве мог он налезть на ее безобразные ноги? Тем временем один из государевых людей уселся на корзину, а сирота возьми да и уколи его шилом. Вскочил тот и закричал:

— Эге, да здесь, оказывается, еще кто-то есть!

Подняли корзину и видят: сидит под ней девушка. Примерили ей башмачок, и оказался он ей как раз впору.

— А второй башмачок у тебя есть? — спрашивают.

— А как же, — говорит, — сейчас принесу.

Спустилась она в яму и вынесла оттуда второй такой же точно башмачок.

Обрадовались царевы слуги и побежали с докладом к своему повелителю. Мачеха с дочерью от злобы и зависти чуть не полопались, да только уж ничего поделать не смогли. Пришел царевич за своей невестой, увел ее во дворец, и повелчались они. Семь дней и семь ночей продолжалась веселая свадьба.

Мачеха днями и ночами не спала от досады — никак не могла примириться с тем, что падчерица стала такой счастливой, а ее любимая дочь дома осталась.

Однажды пришла она к падчерице со своей дочерью, гуляли они по саду.

— Давай-ка, — попросила мачеха, — приморим твое платье на мою дочь, посмотрим, как оно ей подойдет.

Сняла с себя падчерица платье и отдала сестре. Тут мачеха толкнула падчерицу изо всех сил и сбросила в пруд. Пруд-то глубокий был, и молодая женщина сразу утонула. Мачеха привела свою дочь к царевичу. Смотрит царевич, диву дается — не его это жена.

— Да как же это не она, — стала уверять мачеха, — видишь, и платье ее на ней падет; это тебе только так кажется. Кому же еще быть, как не твоей жене?

Что мог поделать царевич? Все же это была мать, и на всю страну он бы опозорился, если б отказался от жены и изблещил мать на людях.

Горько было царевичу потерять красавицу-жену и получить вместо нее безобразное пугало. Чуть не каждый день уходил он в сад, и полюбил сидеть у пруда. Там завелась красивая, диковинная рыбка, и каждый раз, увидев царевича, подплывала та рыбка к берегу, и он любовался ею. После этого и на душе у него как-то легче становилось.

Увидела новая жена, что не лежит к ней душа царе-

вича: целыми днями сидит у пруда и любит свою рыбку.

— А ты заставь его ту рыбку убить, — посоветовала мать.

Пристала тогда женщина к царевичу: вели, мол, поймать рыбку, что в пруду завелась, и убить ее.

Долго отказывался царевич: жалко ему было убивать такую прекрасную рыбку. Да только женщина ни за что от него не отставала, даже большой прикинулась.

— Если, — говорит, — изловишь рыбку и дашь мне ее съесть, поправлюсь, а нет — умру, и смерть моя на твоей совести будет.

Что подумал? В конце концов не выдержал царевич и приказал изловить рыбку. Сам-то он есть ее отказался, а жена с удовольствием съела.

— Ну вот, — говорит, — и слава богу: теперь мне лучше стало.

Оставшиеся от рыбы объедки да кости слуги выбросили в сад. На следующий день видят — вырос на том самом месте красавец-тополь. Полюбилось это дерево царевичу, каждый день стал он снова выходить в сад, садился под тополем, вспоминал любимую свою красавицу-жену, и легко ему было переносить грусть и печаль.

Видит мачехина дочь, что муж новую утеху себе нашел, и опять к нему пристала: вели, мол, срубить то дерево.

Жаль было царевичу губить такую красоту.

— Да чем тебе мешает это дерево, — спрашивает, — и чего ради должен я его срубить?

А она ему каждый день надоедает и снова большой прикинулась.

— До тех пор, — говорит, — пока дерево это не срубить, мне лучше не станет.

Не устоял царевич и приказал в конце концов то дерево срубить. Тогда лишь успокоилась женщина.

— Слава богу, — говорит, — вот и опять мне полегчало.

Когда дерево срубили, в царский сад пришла одна старая вдова, собрала щепки и унесла к себе домой. Эта старушка жила одиноко, и близких у нее никого не было. Каждый раз, когда она куда-нибудь уходила, то запирала свою лачугу. Вскоре, однако, она заметила, что в ее отсутствие кто-то аккуратно прибирает в домике, подметает полы, все чистит и моет. Удивилась она: откуда, мол, нашелся у меня такой добрый помощник — и решила однажды подстеречь и узнать, кто же это такой. Сделала

вид, что уходит, а сама в сених затаилась. Как услышала шорох, вошла внезапно в комнату и видит: стоит молодая красавица с метлой да тряпкой в руках. Увидев хозяйку, кинулась она в угол, да только старушка хватъ за подол.

— Ты кто такая? — спрашивает.

— Так, мол, и так, — рассказала ей молодница все свои приключения, — помнишь, когда в царском саду дерево срубили, ты собрала щепки и домой принесла? Так вот я и есть та самая щепка.

— Ну, раз так, — говорит старуха, — значит, отныне ты — дочь, а я — мать; так и будем жить теперь.

Проезжал однажды царевич мимо старухиной лачуги и заметил во дворе молодую сиротку. Очень приглянулась она царевичу; остановился он, чтобы рассмотреть ее поближе, да только молодая женщина это почувствовала и сразу спряталась в домике, крепко закрыв за собой двери.

Вернулся домой царевич и послал к старушке человека: я, дескать, приду сегодня к тебе в гости на ужин. Всполошилась старая:

— Ах ты, да как же это так? Ведь мне молодого государя и угостить-то нечем!

— Да ты не волнуйся, — сказали ей государевы люди, — царевич сам принесет все, что надо.

Пришел царевич к старушке в гости, приказал накрыть на стол, и они сели. А та девушка, приемная дочь старухи, спряталась.

— Ты что же, бабушка, совсем одна живешь, — спросил царевич, — и никого из близких у тебя нет?

— Да вот, — отвечала старая, — живет со мной одна сирота, вроде бы вместо дочери она мне.

— Так чего ж ты ее прячешь? Пускай придет сюда.

Исполнила старушка его просьбу и вывела свою сироту. Усадили ее за стол.

— Ты, наверное, знаешь какую-нибудь интересную сказку, так Расскажи нам, — попросил ее царевич.

Начала женщина рассказывать:

— Жила-была одна сирота, и была у нее мачеха. Мачеха посылала ее пасти корову, давала ей с собою шерсть или вату — нарядешь, мол, давала ломоть сухого хлеба и говорила: «Половину сама съешь, половину дай पोестъ прохожим, а домой опять чтоб целый хлеб принесла».

На столе лежала жареная куропатка, и сирота у нее спросила:

— Ведь правду я говорю, куропатка?

— Истинную правду, госпожа, — отвечала куропатка.

— Потом девушка сидела на крыше у одной старухи, и упало у нее прясло прямо к той старухе во двор; сошла она за пряслом, а старуха ее научила: сделай, мол, так-то и так-то, — и отросли у нее чудесно золотые волосы. Правда, куропатка?

И снова птица ответила:

— Святая правда, госпожа!

— Потом поехала девушка на праздник, да на обратном пути обрвила с ноги башмачок, и государь приказал найти хозяйку того башмачка, а государев сын на ней жепился. Так ведь, куропатка?

— Так все и было, госпожа.

— Потом мачеха той сироты уговорила ее снять с себя платье и надела на свою дочь, а падчерицу толкнула и в пруд сбросила. Верно, куропатка?

— Верно, госпожа.

— В пруду бедная сирота превратилась в рыбку, а государев сын часто приходил туда печалиться, садился у пруда и оплакивал свою пропавшую жену. Тогда мачехина дочь заставила его ту рыбку изловить и съела ее. Ведь правда, куропатка?

— Истинная правда, госпожа.

— Потом из рыбьей кости выросло дерево, да только она и его заставила срубить. Правильно, куропатка?

— Все правильно, госпожа.

— Остались от дерева щепки, а старуха их собрала и домой принесла, но одна щепка превратилась в женщину, помогла старухе по хозяйству и стала ей приемной дочерью. Так, куропатка?

— Именно так, госпожа.

Узнал тут царевич жену свою любимую, крепко обнял ее и от радости заплакал. Привел ее во дворец, а мачеху с дочерью приказал вывести, привязать к конским хвостам и гонять этих коней вскачь по полям да по дорогам.

Пошла тут у них веселая свадьба, и во всем царстве радость великая стояла.

Я горе там свое оставил,

А к вам сюда принес веселье.

66. Падчерица

Жил-был один крестьянин. У него умерла жена, и осталась единственная дочка-сирота.

Крестьянин то поле ходил обрабатывать, то в лес за

дровами отправлялся — чего только он ни делал, чтобы прокормить дочь. А сам все о ней тревожился: как бы она в очаге не сгорела или в реке не утонула. Ведь некому было за ней присматривать. Вот и заставила его нужда второй раз жепиться — и за ним уход, дескать, будет, и за сто дочкой-сиротой. Сказано — сделано.

В скором времени новая жена родила ему девочек-двойняшек и заботу о них взвалила на плечи падчерицы. Сирота только и делала, что ухаживала за ними, с детских лет надрывалась, недоедала и недосынала, света белого не видела. Когда двойняшки подросли, мать ни в чем им не отказывала, сладкими закармливала, а падчерица — разутая да раздетая, непоеная и некормленная — с хлеба на воду перебивалась, забыла о радости и веселье.

Когда она подросла, п огонь в очаге поддерживала, п мчади пекла, п скотину пасла. Черная работа и понукающие были ее долей, а ее сестры-двойняшки проводили время в играх, забавах и баловстве. Мачеха падчерицу не навидела, а дочерей своих нежила и холила, ласками осыпала. Девочки выросли, округлились, жили в свое удовольствие, падчерица же дни и ночи проводила в слезах п причитаниях.

Так грустно п безрадостно проходила ее молодость. Отцу некогда было ее утешать. Мачеха же не уставала ее бранить. В ту пору царь той страны издав приказ: всем девушкам до единой явиться в назначенный день во дворец. Ни одной не велел дома оставаться. Кто не явится, объявил, будет сурово наказан.

Услышав об этом, мачеха ничего не пожалела, чтобы парадить своих дочерей с головы до ног, начистила их, намыла, сурьмой, румянами да белилами приукрасила. А падчерице приказала дома сидеть — и ни шагу со двора, иначе не быть, дескать, тебе живой. Отправилась мачеха с дочерьми к царскому двору, а падчерице велела: когда мы возвратимся, смотри, чтобы нам не пришлось в дверь стучать, будь начеку п, как услышишь наши шаги, тут же отворяй дверь настежь. Не подумала она о том, что царский приказ нарушает п может понести за это наказание.

Осталась сиротка в доме одна-одинешенька, со слезами на глазах, в горести п печали села возле очага п вязанку дров п принялась клясть свою судьбу: «Да в какой же несчастливый день я на свет появилась — с подругами-сверстницами разлучена, никогда досыта не ем п не пью, никаких радостей не знаю, никуда не хожу, только

от слез слепшу, дажо на мир взглянуть некогда! Что же сказать мне о такой жизни — ни одного светлого дня она мне не подарила!»

В это время кто-то постучал в дверь. Девушка решила, что это мачеха с дочерьми возвратилась, и поспешила откинуть засов. В дом вошла незнакомая старушка. Девушка очень испугалась, так как никогда раньше с ней не встречалась.

А старушка сказала:

— Ничего не бойся, дочка! Жалость к тебе опалила мое сердце и привела сюда. Ступай сейчас же да покупайся побыстрее: как вымоешься, вытри слезы и возвращайся немедленно: тебя ждет карета, которая отвезет тебя в царский дворец. Ты не бойся, судьба твоя будет не хуже судьбы твоих сверстниц!

Пришлись по сердцу спрятке эти сладкие речи, но страх перед мачехой удерживал ее. «Как же я оставлю дом, коли мачеха велела мне его сторожить?» — подумала она.

— Ты иди и делай, как я велю, — уезжай в карете, а я за твоим домом пригляжу, — сказала старушка.

Побежала девушка, вымылась поскорее, причесалась и предстала перед старушкой в своей рваной одежде.

Не успела в себя прийти, видит — оказалась в парче и атласе, вся сверкает, словно бирюза. От радости заалело ее лицо маком, уподобилось утренней зорьке. Красавица, да и только! Глаза ее заблестели, черные, как гипер, волосы источали сияние, а косы, толстые, словно плети, свисали до самых плечиков. Старушка ласково обняла ее, усадила в карету и отправила в царский дворец. Сама же вернулась в дом.

Подъехала карета ко дворцу, где девушку встретили придворные с большим почетом.

Когда она вошла в зал, никто не мог отвести глаз от такой красавицы. Все были очарованы ее красотой и нравом.

Голос ее звучал, словно свирель. Царский сын увивался возле нее, как мотылек вокруг свечи. Юноши и наперевод приглашали ее танцевать, а царевич, загоревшись страстью, в восхищении взирал на нее.

Когда царевич отошел, чтобы выпить холодной воды — охладить свой пыл и утихомирить сердце, прекрасное видение исчезло без следа. Он кинулся к дверям, побежал по лестнице и лишь увидел ее тень: девушка торопливо сбежала по ступенькам, села в карету — и была такова.

И в руках у царевича остался лишь один ее башмачок, усыпанный алмазами и жемчугами.

У сиротки в ушах только и звучал наказ мачехи: когда мы вернемся, но жди, что стучать начнем, открывай нам навстречу дверь. Она очень спешила вернуться домой до их возвращения.

Старушка дожидалась ее дома и, увидев счастливую и улыбающуюся девушку, сама обрадовалась.

В мгновение ока падчерица снова превратилась в такую же плачущую сиротку, какой она была до отъезда мачехи во дворец, и оказалась одетой в то же тряпье.

Старушка сказала ей:

— Никому ни слова не говори о том, что произошло. Теперь тебя сами найдут. Отныне он будет о тебе тосковать, а не ты о нем.

Сказав это, она попрощалась и вышла.

Глаза и сердце девушки так и устремились вслед за старушкой, словно спрашивали, кто она, что позаботилась о ней и доставила единственную радость в ее беспросветной жизни.

Еще не рассвело, когда мачеха с дочерьми вернулась из дворца.

— Не на эту ли замарашку, пропади она пропадом, походила та красавица, которой любовался весь царский двор? Она весь зал освещала своей улыбкой и самого царевича покоя лишила, прелестью своей с ума его свела!

Так насмеялись сестры над сироткой, а она в душе только посмеивалась, хотя и терла покрасневшие от слез глаза.

На следующий день царь издал приказ, чтобы все девушки его царства явились во дворец в назначенное время. А если кто не явится, хозяйка того дома будет сурово наказана.

Мачеху всю так и перекосило. Не по вкусу пришелся ей этот приказ — как гром среди ясного неба. А падчерица, сидевшая возле очага, заметила это и в душе ликovala. В ушах у нее так и звучали слова старушки, и она представляла их так ясно, словно выведены они были золотыми буквами: «Теперь тебя сами будут искать и найдут».

Мачеха сначала от зависти лопалась, но надежды не теряла: нарядила, разукрасила своих дочерей, а падчерице даже умыться не дала, так в лохмотьях и повела ее во дворец.

Вошли они в зал и увидели, что сам царевич примеря-

от каждой девушке усыпанный драгоценными камнями башмачок.

— Что тут происходит? — спросила мачеха у какой-то женщины.

— Вчерашнее видение ищут по потерянному башмачку — кому-то он иному придется!

Тогда мачеха с издевкой обратилась к падчерице:

— Ну, разумеется, тебе он будет как раз по ноге!

Сиротка посмеялась в душе, но смолчала: она-то хорошо знала, чей это башмачок!

Дошел черед примерять и до падчерицы. Царевич надев башмачок ей на ножку и, пораженный, уставился на бедную замарашку: неужели эта девушка в рваном платье моя суженая?! Взглянул он на нее — и что же видит?!

От смущения девушка зарделась до мочек ушей и стала так хороша, что рядом с ней расцветшая майская роза показалась бы тенью. И ее бедное платье вдруг превратилось в розовую парчу и атлас, еще более прекрасные, чем накануне.

Все присутствующие были поражены, даже рты поразевали от удивления, и только мачеха почернела от злости — худшего удара она не ждала от судьбы.

Царь-отец поспешил увенчать невестку сверкающей короной, из-под которой ниспадали на спину черные, словно гишер, локоны. А царевич, остолбенев от этого зрелища, так и остался стоять на коленях. Увидев второй башмачок, он крепко ухватил за руку свою суженую, чтобы на сей раз она не исчезла.

Не теряя ни минуты, справили пышную свадьбу, хотя царь ничего не знал о своей невестке — кто она и откуда. Ее несравненная красота давала ей право на царский престол.

Однако сердце мачехи так озлобилось, что зависть душила ее. Днем и ночью думала она, как известить падчерицу, ставшую царицей.

После долгих раздумий нарядила она своих двойняшек, нарядилась и сама, как подобало их небогатой семье, и явилась в гости к падчерице. Та уже ждала наследника, и это еще больше подчеркивало ее красоту, расцветшую в роскоши царских палат.

С большим почетом приняла она свою мачеху и сестер, хотя раньше те мучали ее и издевались над ней. Но она забыла о зле, которое они ей приписали. Когда они собрались домой, мачеха уговорила царевича на че-

тыре-пять дней отпустить падчерицу с ними, чтобы отец мог порадоваться ее счастью. Долго умоляла царевича мачеха, а потом и царевна изъявила желание посетить места, где прошло ее детство, повидать отца. Так и уговорили они царевича выполнить просьбу мачехи.

Велел царевич закладывать кареты, нагрузил их всем необходимым и отвез желу в дом отца. Там он внял просьбе тестя и тещи и оставил зеницу ока своего на три-четыре дня погостить, а сам с приближенными вернулся во дворец. На следующий день мачеха уговорила падчерицу пойти на речку купаться. Посадила ее в корыто, вытаскала корыто на середину реки и пустила вниз по течению.

Сама же мачеха поспешила во дворец и доложила царевичу:

— Вчера ваша супруга пожелала вернуться домой, совета нашего не послушалась, не захотела еще пожить у нас и двух дней и одна отправилась в путь. Прибыла ли она?

Прибыла ли?! Во дворце поднялся переполох — царь да пронала! Царевич кинулся на поиски. Царь-отец от горя заедужил.

Но все поиски оказались тщетными. Царевны и след простыл. Уже все придворные вернулись ни с чем, а царевич продолжал искать свою жену.

А река унесла корыто с царевной за девять царств. Там река разделялась на два рукава. Один рукав реки был перекрыт плотикой, на которой стояла мельница. Несчастная женщина чуть не угодила под мельничное колесо. Дело происходило ночью. Мельник, услышав железный крик, зажег копилку.

— Брось мне бурку, чтобы я могла прикрыть свою наготу, и, бога ради, вызволи меня отсюда, — взмолилась женщина.

Мельник сначала вздрогнул, испугался, потом пришел в себя, взял бурку, на которой спал, вышел и кипул бурку женщине, чье тело во тьме сияло белизной. Та закуталась в бурку, вышла с помощью мельника на берег и, тяжело вздохнув, вошла в помещение, где тускло мерцала копилка. Отблеск огня в очаге падал на ее прекрасное лицо, и мельник растаял, словно леденец, — такой красоты он в жизни не видел. У мельника была жена, жили они поблизости, вместе состарились, но считали себя обделенными судьбой, так как не имели детей.

И решил старый мельник, что провидение послало им в дочери такую красавицу. Судьба слепа, подумал

он, и, если не схватить ее за руку, жди потом ее милости! Взял он красавицу и, освещая копилкой путь, пошел ее к себе в дом. Рассказал он все жене, и та с радостью удочерила бедняжку, дав ей по обычаю прикоснуться губами к своей груди¹.

С того дня обращались они с ней, как с родной, и ни в чем ей не отказывали, окружали вниманием и заботой и ветерку на нее подуть не давали.

Женщина ничего о себе не рассказывала, да и старики не приставали к ней с расспросами.

Тем временем подошла пора разрешиться ей от бременя. Родила сиротка златоволосого младенца — такой красоты неопишуемой, что казался он нарисованным волшебной рукой. И от рождения обладал он даром исповедания.

Рос младенец, мать омывала его своими слезами, лаской и любовью окружали их приемные родители. Дедушка брал своего златоволосого внука, сажал на плечи и гулял с ним по двору. Старик сам превратился в младенца, подражая детскому лепету, не мог насытиться любовью к внуку.

Однажды, когда мальчику было уже два-три года, старик гулял с ним, как обычно, как вдруг ребенок увидел проезжавшего по дороге всадника. Он протянул к этому незнакомому человеку ручонки и воскликнул:

— Отец! Мой отец приехал!

Всадник застыл как вкопанный, мать тоже была поражена тем, что сын кинулся к незнакомцу. Тут они взгляделись друг в друга и узнали один другого — так исповедание сына помогло соединиться любящим супругам.

Более всех были поражены приемные родители, они стояли в полной растерянности и чувствовали себя как во сне.

Царевич соскочил с коня и обнял своего златоволосого сына. Тот тоже заключил в объятия отца, которого никогда прежде не видел. А царевна кинулась к любимому мужу. Они стояли, обнявшись, а сын, словно мотылек, порхал вокруг них.

Приемные родители захопотали, засуетились, накрыли стол. Во время обеда царевна обо всем рассказала мужу, а он поведал о своих злоключениях и о том, что оставил своего отца прикованным к ложу.

На следующий день они отправились в путь и все вместе прибыли ко двору. Царь уже готов был простить-

ся с жизнью, но весть о прибытии сына, невестки и внука подняла его на ноги. Он обнял детей, а увидев золотоволосого внука, и вовсе воспрял духом, посадил на плечи мальчика — залог своего бессмертия в этом мире...

Устроили праздник и нишество.

А мачеху привязали к хвосту кобылицы и пустили в поле — от нее и волоска не осталось, и ветер разнес ее прах по миру. С той поры все жили счастливо и безбедно.

67. Алмасхан

Было то или не было, жил да был Алумбал, визир при дворе одного государя, и было у него три дочери, а сыновей бог ему не дал. Служил визир своему повелителю верой и правдой и постоянно находился при нем, а жена и дети его жили у себя дома. Наконец состарился Алумбал, и вот однажды говорит ему царь:

— Не можешь ты мне больше служить, о мой верный Алумбал; прими мою благодарность и ступай теперь домой да присмотри за женой и детьми.

Отправился Алумбал домой и видит: дочери у него совсем взрослые стали, замуж им пора.

— Отец, — говорит ему старшая дочь, — до сих пор ты верой и правдой служил при дворе нашему повелителю, а теперь — кто узнает — давай-ка я оденусь в мужское платье, пойду к государю и стану служить ему вместо тебя.

— Ладно, — согласился отец.

Облачилась девушка в белую одежду, подпоясалась, вооружилась, вскочила на белого коня и поскакала к царскому двору.

А отец решил испытать свою дочь — насколько, мол, пригодна она к царской службе: вымазал себе лицо сажей — ни дать ни взять, настоящий араб, нарядился в арабскую одежду, сел на черного коня, да и поехал через лес кратчайшим путем. Так обогнал он девушку, подстерг ее на повороте дороги, а как она появилась — выхватил меч и бросился на нее. Девушка от ужаса закричала, повернула коня обратно — и давай бог ноги! Пока она успела вернуться, отец был уже дома, смыл с лица сажу, переоделся и спрашивает:

— Что ж ты вернулась, дочь моя?

— Знаешь, отец, повстречался мне на дороге какой-то ужасный разбойник-араб, да как кинется на меня с мечом! Испугалась я и вернулась.

— Вот видишь, дочка, — говорит Алумбал, — не получится из тебя царского слуги.

Теперь средняя сестра затеяла такой же разговор: я, мол, поеду ко двору служить царю. Нарядилась в мужское платье, вооружилась, вскочила на коня и поскакала.

Отец снова вымазал лицо сажей, нарядился, как араб, и подстерег свою дочь в лесу. Перепугалась и она, вернулась домой и даже думать перестала о том, чтобы служить при дворе.

Накопец, третья сестра заладила: я, мол, должна поохать. Облачилась в черную одежду, подпоясалась, вскочила на черного коня и поскакала. Отец и ее подстерег, переодевшись таким же образом. Выхватил меч, бросился на нее, но девушка не испугалась, а тоже обнажила меч и говорит:

— Не будь ты так похож на моего отца, так я сейчас же снес бы тебе голову!

— Не убивай меня, — говорит Алумбал, — ведь я и вправду твой отец. Теперь вижу, что ты и впрямь не из робкого десятка и способна послужить нашему государю. Поезжай себе дальше с миром. Когда пройдешь почти полдороги, взойдешь на высокую гору, а оттуда, с вершины, увидишь дом, в котором живет дэв, мой старый друг. Как спустишься с горы вниз, в долину, и дойдешь до его дома — а дорога проходит перед самым его домом, — соскочи с коня и пройди пешком. Тогда дэв поймет, что ты — не враг ему. А если проскачешь мимо его дома верхом на коне — примет тебя за врага.

Отправилась девушка в путь-дорогу, а как доехала до дома дэва, соскочила с коня и пошла пешком, ведя коня под уздцы. Дэв выглянул в окно и думает: «Видать, это кто-то из моих друзей идет». Вышел из дома.

— Ты кто такой? — спрашивает.

— Я — сын Алумбала, а зовут меня Алмасхан.

— Смотри-ка, — говорит дэв, — каков хитрец этот Алумбал! Всегда говорил: нет у меня сына, а тут — на тебе! Такого доброго молодца от всех скрывал...

— Так ведь я у него — единственный сын. Он потому меня и скрывал, что боялся: не ровен час — сглазит меня кто или вдруг государь отберет меня у него прежде времени. А теперь, когда отец состарился и не может больше служить государю, я еду служить вместо него.

А надо сказать, что у дэва, как и у Алумбала, тоже было три дочери. Вот он и подумал: «Дай-ка оставлю

этого юношу на ночь у себя да повенчаю его с одной из моих дочерей». Так он и сделал. Только попрощался с ним Алмасхан и собрался вскочить на коня, как дэв говорит:

— Ну нет, чтобы я так тебя отпустил — тому не бывать: этой ночью ты — мой гость. Ведь отец твой, бывало, месяцами в моем доме гостил.

Что поделаешь — осталась дочь Алумбала в ту ночь у дэва. Когда поужинали, дэв говорит своей старшей дочери:

— Ступай приготовь нашему гостю постель и смотри: всю ночь ты должна лежать вместе с ним.

Когда кончили ужинать, дэв пригласил Алмасхана:

— Теперь пожалуй в спальню, дорогой гость, и отдохни.

Вошла дочь Алумбала в спальню и только легла, как вдруг входит дочь хозяина, раздевается и ложится с нею рядом. Гостья, однако, не растерялась — попутила пемпого, поцеловала дочь хозяина, а потом повернулась и заснула.

— Ну, как вы провели ночь? — спросил утром дэв у своей дочери.

— Мы лежали всю ночь, как брат и сестра.

«Значит, — подумал дэв, — не по сердцу ему пришлась моя старшая дочь».

После завтрака стала дочь Алумбала собираться в дорогу, но дэв опять ее не отпускает:

— Твой отец, бывало, гостил у меня по четыре месяца сряду, так неужели ты не можешь хоть четыре дня погостить? Отдохни и сам как следует, и коню дай отдохнуть, а уж потом — ладно, уезжай, коли так нужно.

Вечером, когда поужинали, дэв говорит средней дочери:

— Ступай приготовь нашему гостю постель и смотри: всю ночь ты должна лежать вместе с ним.

Когда постель была готова, пригласил дэв Алмасхана:

— Теперь, пожалуй, дорогой гость, в спальню и отдохни.

Вошла дочь Алумбала в спальню и только легла, как входит средняя дочь хозяина, раздевается и ложится рядом с нею. Гостья и с этой дочерью поступила так же, как с ее старшей сестрой.

Как настало утро, спрашивает дэв девушку:

— Ну что, как ты провела эту ночь?

— Мы лежали всю ночь, как брат и сестра.

«Значит,— подумал дэв,— и средняя моя дочь тебе не по сердцу пришлась. Ну ладно, попробую сосватать за тебя младшую, а если и от нее откажешься, я тебя задупу — и все тут».

После завтрака стала дочь Алумбала опять собираться в дорогу, но дэв опять ее не отпустил, а как поужинали, говорит младшей дочери:

— Ступай приготовь нашему гостю постель и ложись рядом с ним.

Вошла в спальню дочь Алумбала и только легла — входит дочь дэва, раздевается и ложится рядом. Начала гостя с ней шутить, а та говорит:

— Ну чего ты все шутишь да шутишь? Ведь ты — девушка, как и я. А вот мой отец собирается завтра тебя убить, и знай: непременно он тебя убьет, но я тебя спасу, если поклянешься перед богом, что, когда станешь женщиной, ни на ком, кроме меня, не женишься.

— Эх, мне бы только превратиться в мужчичу,— говорит ей Алмасхап,— и, бог свидетель, ни на ком, кроме тебя, не женюсь.

— Сделаем так,— решила дочь дэва,— утром я останусь в постели, а ты начини ходить по балкону; тогда войдет сюда мой отец и станет спрашивать меня.

Как настало утро, вышла гостя на балкон и стала рассказывать, а дэв вошел в спальню и спрашивает:

— Ну, как вы провели ночь?

— Лежали мы,— говорит девушка,— как жепа с мужем.

То-то обрадовался дэв! Вышел на балкон, обнял Алмасхапа и повел в конюшню.

— Выбирай,— говорит,— себе какого хочешь коня.

Дочь Алумбала выбрала себе самого что ни на есть тощего и невзрачного конька (так ее научила младшая дочь дэва).

— Ну что ты, зять,— рассмеялся хозяин,— выбрал тоже! Да ты, видать, в конях совсем ничего не смыслишь. Взял бы лучше одного из тех прекрасных скакунов.

— Нет-нет,— ответила дочь Алумбала.— Вот разве этот конь сумеет мне пригодиться, а так ведь и остальные все моими будут.

После этого повел ее дэв в дом, полный всякого оружия. Она взяла там только один меч с белой рукояткой и нацепила себе на пояс. Потом еще и одно помещение завел ее дэв, а там были всевозможные перстни, один краше другого.

— Выбери себе, — говорит, — любой перстень.

А младшая дочь дева ее научила: «Когда, мол, войдешь туда, увидишь — на степе, в сторонке от других, висит перстень с красным камнем, его и выбери».

Надела дочь Алумбала этот перстень себе на палец, взпудала своего конька, села на него и поскакала к государю.

Когда приблизились они к государеву дворцу, говорят конек своей хозяйке:

— Ты меня, слышь, на царский двор лучше не заводи, а отпусти на волю, только выдерни из хвоста один волосок. Коль попадоблюсь тебе — подожги его, и я сразу же прискачу, где бы ты ни была.

Отпустила девушка своего конька, подошла к ограде царского дворца и позвонила. Царь, как услышал звонок, сразу догадался, что к нему прибыл какой-то новый человек, и послал за ним.

— Кто ты такой? — спрашивает.

— Я — сын Алумбала, а зовут меня Алмасханом.

— И не стыдно твоему отцу? — воскликнул государь. — Что же скрывал он до сих пор от меня такого сына? Сказал бы мне раньше, чтоб я мог хоть раз одежду послать тебе со своего плеча!

— Не гневайтесь, ваше царское величество, — ответила девушка, — так уж получилось: пока я был маленьким, у него, кроме меня, никого не было, и он боялся глаза, а потом уже не осмеливался сказать, неудобно уже было... Ну, а теперь, раз отец мой состарился на вавией службе, я могу заменить его; для того и прибыл сюда к вам.

Была у этого государя дочь — дева неопишуемой красоты. Как прослышала она, что прибыл к ним прекрасный юноша, загорелась вся. «Если, — думает, — я хоть разок не взгляну на сына Алумбала, не успокоюсь».

Выглянула тайком из окошка, увидела Алмасхана, и очень он ей приглянулся. Подослала к нему свою кормилицу, так чтобы отец и мать не прознали, и пригласила к себе, но дочь Алумбала, конечно, не пошла. Через месяц царевна повторила приглашение, но опять безуспешно. Тут уж страсть ее начала обращаться в ненависть; она теперь и днем и ночью об одном только думает: как бы сжить Алмасхана со свету, извести его вкопец или добиться того, чтоб услал отец его куда-нибудь подальше, чтобы глаза ее не видели этого проклятого...

Подумав так, прикинулась она больной. Лежит в постели, не ест, не пьет и всех от себя гонит. Перепугались

отец и мать, прибежали: что это, мол, стряслось с тобою, дочка? Всех врачей к пей водили, да все понапрасну.

— Мне уже не поправиться,— говорит она,— вот только принес бы мне кто сердце и печень того кабана, который, по слухам, живет на такой-то горе; говорили мне, что они могли бы меня спасти.

— Да кто ж у нас, дочь моя, может разыскать и убить того кабана? — удивился царь.

— Кроме сына Алумбала, верно, больше это никому не под силу,— отвечает дочь.

Отправился государь к себе и призвал Алмасхана.

— Так, мол, и так,— говорит,— должен ты немедленно отправиться на такую-то и такую-то гору. Живет там огромный кабан, так ты его убей, а печень и сердце сюда принеси.

— Что ж, ваше царское величество,— отвечала девушка,— нелегко туда добраться, ну да уж бог милостив...

Вышла она за ограду и подпалила конский волосок. Глядь — конь уж тут как тут.

— Что за беда у тебя? — спрашивает.

— Велел мне государь убить кабана на такой-то горе, а печень и сердце принести сюда.

— Ничего себе, в хорошенькое место он тебя послал! Ну да уж ладно, ты ничего не бойся, а теперь ступай к царю да попроси, чтоб дали тебе взять с собой вьюк ваты и опий.

Пошла дочь Алумбала к царю и потребовала, чтобы выдали ей опий и вату. Распорядился государь, и получила она то, что потребовала.

Ранним утром отправились они в путь-дорогу. Целый день проскакали, а как настала ночь, остановились.

— Если завтра к этому же времени,— сказал конь,— мы не успеем вернуться сюда же, то поднимется такой ветер и забросит нас в такое место, что обратной дороги мы уже не найдем. Здесь неподалеку есть озеро, из которого этот кабан всегда пьет воду в полдень. Поэтому утром мы должны его опередить и успеть осушить это озеро ватой, а потом заполним его опием.

Утром прискакали они к озеру, осушили его ватой, палили туда опий и заполнили его. Потом они ускакали оттуда — боялись, как бы не поднялся ветер и их там не застал,— и вернулись на свою стоянку. Когда подошло время полдничать и день стал клониться к вечеру, снова отправились на озеро. Смотрят — валяется там огромный кабан и спит мертвецким сном.

— Теперь руби ему голову, да поскорее,— говорит конь.

Отсекла дочь Алумбала голову кабану, затем разрубилла ему грудь и брюхо, вырезала сердце и печень. Стала собираться в дорогу, а конь ей говорит:

— Они могут тебе не поверить, что ты действительно того самого кабана убила, так что лучше отрежь у него ухо да захвати с собой.

Так она и сделала, а вернувшись к своему государю, сказала:

— Коли не поверите, что эти сердце и печень от того самого кабана, то можете выйти и поглядеть на его ухо: я его до самой ограды кое-как дотащила, а дальше уж не смог.

Зажарили эти сердце и печень и накормили красавицу. А ей еще хуже становится, как подумает, что вот ведь какой молодец оказался Алмасхан. Снова подослала к нему человека с приглашением — приходи, мол, повидай меня. Только Алмасхан и на этот раз отказался ее навестить.

— Ну как, дочка, полегчало тебе от кабаньего сердца и печени?

— Куда там, еще хуже стало,— отвечала красавица.— Вот, говорят, есть в одном месте окаменевший город, и еще говорят: если кто откроет мне тайну этого города — я поправлюсь, а нет — так уж наверняка умру.

— Кто же сумеет это сделать, дочка?

— Разве что Алмасхан сходит туда и все разузнает,— говорит она,— больше ведь некому.

Снова призвал государь Алмасхана.

— Вот,— говорит,— так, мол, и так, есть в таком-то и таком-то месте окаменевший город. Приказываю тебе: должен ты туда отправиться, узнать тайну этого города и все как есть нам без утайки поведать.

Вышла дочь Алумбала из дворца и снова подпала конский волосок. Глядь — а конь уж тут как тут.

— Какая еще беда,— спрашивает,— с тобой приключилась?

— А такая, что велел мне государь отправиться в окаменевший город и узнать его тайну, а потом вернуться и обо всем ему рассказать.

— Вот это на самом деле беда! — говорит конь.— Ты и сама не знаешь, в какое проклятое место он тебя послал. Вернись теперь к нему и потребуй выюк сыра и мед.

Отправилась она к царю и получила сыр и мед.

На следующий день пустились они в путь-дорогу и через три дня приблизились к окаменевшему городу.

А надо сказать, что от того места, где они остановились, к городу вела одна-единственная дорога, а на ней — такие мухи, что каждая из них сможет живьем проглотить человека. Как вышли они на ту дорогу, конь говорит:

— Разрежь теперь поскорее выюк с медом, мухи налетят на него, и дорога нам будет открыта.

Открыла дочь Алумбала мед, мухи сразу же на него налетели, и с одной стороны открылся проход. Поскакали дальше, а на следующий день повстречались им огромные муравьи. Разрезала дочь Алумбала выюк, вывалила оттуда сыр, муравьи пабросились на него, и опять на дороге им открылся проход. Въехали они в город.

Смотрит дочь Алумбала по сторонам — диву дается: до чего же прекрасен этот город, да только все в нем — и дома и люди — превратились в камень. Там увидела она плуг с пахарем, буйволами, погонщиками — все застыли как мертвые и арбы с быками, и копи, даже никаких плодов не было, — все растения окаменели. Видит — из трубы одного дома, похожего на дворец, идет дым. Приглядевшись хорошенько, стала она думать: «Надо мне обязательно в этот дворец войти».

Поскакала дочь Алумбала прямо ко дворцу, вошла и видит — стоит в комнате человек, ниже пояса окаменевший, а выше пояса — живой. Как увидел тот человек Алмасхана, спрашивает:

— Ты кто такой?

— Христианин я, не бойся, — ответил ему Алмасхан. — Ты вот мне скажи: что за беда такая стряслась с этим городом? Почему здесь все окаменели, а ты окаменел лишь по пояс?

— Ох, добрый человек, — говорит хозяин, — коли начну тебе рассказывать нашу историю, так и целого дня не хватит.

А Алмасхан от него не отстает: расскажи да расскажи, мол! Так долго умолял его, что наконец уговорил. И рассказал ему хозяин:

— Был я царем в этом городе, а жена моя благодаря красоте своей была настоящая царица! Все у меня было, чего только душа ни пожелает, но больше всего ценил я свою удрижку быков. Ах, что это были за быки! Других таких в целом свете не сыскать. Казалось, когда бегут — крылья у них вырастают за спиной: как ветер, несли они мою арбу. И возница у меня был что надо: преданный,

порный человек. Только однажды заприметил я, что быки мои вдруг, ни с того ни с сего, худеть начали. Я, конечно, первым делом к вознице. «Что это,— говорю,— такое стряслось с моими быками, что они так худеют?»

А он мне возьми да и скажи в ответ: «Что ж мне делать, ваше царское величество? Ведь только уснут быки, только увидят первый сон, как сразу же зовет меня супруга ваша, государыня: давай, мол, выводи своих залетных да запрягай поскорее! И едем мы, а куда — не знаю: дорожку-то она сама мне показывает... Знаю только, что подымаемся на какую-то гору, а там стоит крепость с высокой башней. Входит царица в эту башню и долго-долго не выходит оттуда. Наконец выходит — да только не одна, а еще с нею какие-то двое мужчин. Садятся в арбу, и едем мы еще куда-то, а там огромное поле. Как приедем туда, они давай гонять меня по всему полю, из конца в конец, да потом обратно, и так до тех пор, пока быки совсем утомятся. Тогда те двое спрыгивают и возвращаются в башню, а царица гонит меня домой, и быки приходят в полное изнеможение».

Я, конечно, не поверил и даже поколотил аробщика. Да и как мог я поверить? Правда, спал я в отдельной комнате, но когда рано утром входил к царице, она всегда лежала в постели. Долго я раздумывал и наконец однажды вечером сказал своему аробщику: «Ну вот что: попробую проверить, правду ли ты говоришь. Снимай свою одежду — я ее надену, а ты ступай в мою комнату и ложись там».

Поменялся я одеждой с аробщиком, а как настала ночь, лег со своим скотом. Через некоторое время слышу: выходит моя жена и кличет возницу — скорее, мол, запрягай быков. Я, конечно, встал, вывел быков и запряг их в арбу. Села в нее царица и говорит: «Ну, гони теперь!»

А я-то дороги не знаю, верчусь на месте, то в одну сторону гоню быков, то в другую. «Ты что,— рассердилась царица,— первый раз едешь, что ли? Не бывал здесь никогда? Ну-ка, вези меня по нужной дороге!» — «Что ж поделывать,— говорю,— матушка-государыня: тьма-то ведь какая, хоть глаз выколи, где же мне ее найти, нужную дорожку-то?»

Наконец выехали мы на дорогу, приехали к той крепости. А вокруг крепости — сад, красоты, видать, неопишуемой. Царица соскочила с арбы, велела мне стоять на месте и ее дожидаться, а сама вошла в крепость. Тут толь-

ко понял я, в чем дело: оказывается, в этой крепости у нее есть любовник — царь каджей¹. Долго мне ждать пришлось, пока царица была в крепости. Наконец вышла она со своим возлюбленным в сад, и стали они там проводить время в ласках и других развлечениях — каково-то было мне, мужу, смотреть на все это! Прошло еще немного времени, и говорит царица своему любовнику: «Дай-ка и моему вознице немного вина выпить». Позвали меня, поднесли хлеб с сыром и стакан вина. Вино это я, конечно, пить не стал, а только для виду поднес ко рту, а потом незаметно вылил.

Через некоторое время слышу — снова она меня зовет: ну-ка, мол, запрягай арбу. Вышла вместе с любовником, оба сели в арбу и немного проехали — это он так проводил ее, потом спрягнул и пошел обратно. Привез я царицу домой, пошла она в свою спальню, а я — в свою и лег там, а аробщика снова отослал к скоту.

Утром вхожу к жене и говорю: «Боже мой, ну и сон мне приснился: как будто этой ночью я был аробщиком» — и все рассказал: и как я ее повез туда, и как мы обратно приехали. «Это все оттого, — стала меня успокаивать жена, — что ты вечно на арбе разъезжаешь, вот и снится тебе всякая чепуха». — «Да нет, — говорю, — вот как сейчас помню: подозвали вы меня да поднесли вина, а на закуску дали хлеба с сыром».

Сунул руку в карман и достаю оттуда хлеб с сыром. «Ну вот, — говорю, — ты мне не веришь, а видишь — вот хлеб и сыр, что ты мне дала».

Тогда она осенила меня крестным знамением. «Пусть, — говорит, — весь твой город в камень превратится», — и окаменело все вокруг в одно мгновение. А меня она вот так, наполовину, обратила в камень. Вот там, видишь, стоит в углу палка. Каждый день приносит она мне хлеб и бутылку вина, а потом берет эту палку и бьет меня пощадно, пока мочи хватает, а как устанет — уходит. Сейчас она вот-вот снова должна прийти, так я тебе советую: уходика лучше, пока цел, подобру-поздорову, а не то застанет она тебя здесь и погибнешь ни за грош.

Весь рассказ этого человека дочь Алумбала записала слово в слово, а потом спрашивает:

— Ну как, долго еще ждать ее?

— Да нет, сейчас войдет, вот уже и шагн ее слышны.

Спряталась тогда она за дверь, и пошла необыкновенная красавица, а косы у нее как две змеи, да такие длинные, что при каждом шаге бьют ее по пяткам. Схватила

дочь Алумбала ее за косы и сразу же накрутила их па руку так, что ей и бежать некуда.

— Чтоб ты в камень превратился! — прокляла его царица.

Да только на пальце у дочери Алумбала был такой перстень, что лишилось силы ее проклятие, и осталась она невредимой. Тогда сказала она:

— А теперь лучше благослови-ка меня.

— Коли ты мужчина, — говорит царица, — стань женщиной, а коли женщина — так стань мужчиной.

Только она это сказала, и превратилась дочь Алумбала в мужчину.

— Так, — говорит, — а теперь благослови царя, супруга твоего.

Благословила она мужа, сняла с него заклятие, и снова стал он, каким был прежде.

— Теперь и город весь тоже благослови, — приказал Алмасхан.

Сняла она заклятие и с города, и сразу все ожило вокруг.

— Ну, а теперь ты мне скажи, царь: что с твоей женой сделать? Убить или в живых оставить? — спрашивает Алмасхан.

— Убей, — ответил царь, — а то от нее добра не жди.

И убил царицу Алмасхан.

Так Алмасхан не только узнал историю окаменевшего города, но и освободил всех его жителей и всю природу от страшного заклятия. Заодно и сбылась его заветная мечта — стал он мужчиной.

Радостный и веселый, вернулся он к своему повелителю и вручил ему записанный им рассказ царя окаменевшего города о своей судьбе. Обрадовался государь и передал эту записку дочери. Прочитала красавица и еще больше затосковала по Алмасхану. Снова пригласила его: навести, мол, меня тайно. Пришлось Алмасхану на этот раз выполнить ее просьбу, а потом снова и снова посещал он царевну...

Прослышал государь об этом, задумался: как быть? Выдавать дочь за Алмасхана ему не хотелось, и решил он освободить его от службы при дворе.

— Прими, — говорит, — мою благодарность, Алмасхан, а теперь можешь ехать к себе домой: служба твоя окончена.

Покинув царский дворец, отправился Алмасхан к своему тестю-дэву, а там справили ему свадьбу с нареченной,

младшей дочерью того дэва, и стали они жить-поживать в мире и благополучии...

Мор — туда, шпр — сюда.

68. Брат и сестра

Было то или не было, что могло быть лучше бога. Жил на свете царь, и было у него двенадцать дочерей. Понесла царица в тринадцатый раз. Вот наступило ей время родить, а царь и говорит ей:

— Ступай в лес, да там и разрешайся от своего бремени. Родишь мне сына — неси его домой, а коли будет еще одна дочь, не смей мне и на глаза ее показывать: либо в лесу оставишь, либо утопишь в реке!

Погоревала несчастная царица, но делать было нечего, не могла она ослушаться приказа царя. Как-то под вечер взяла царица подмышку одеяло и отправилась в дремучий лес.

Приметив, что мать куда-то уходит, младшая из дочерей увязалась за ней. Пройдя довольно далеко от дома, царица обернулась, увидела дочь и спросила ее:

— Куда ты, доченька?

— С тобой, матушка, куда же еще, — спокойно ответила девочка.

— Заклинаю всеми святыми, возвращайся домой. Я иду в далекую страну, тебе там нечего делать.

— Нет, матушка, я не оставлю тебя одну. Куда ты, туда и я!

Долго царица упрашивала дочь вернуться домой, но упорство ее невозможно было сломить. Пришлось царице смириться, взяла она с собой девочку и направилась вместе с ней к лесу.

Шли они долго, прошли тридцать земель и наконец подошли к дремучему лесу. Царица выбрала большой, раскидистый дуб и расположилась под ним.

— Матушка, позволь мне сходить за огнем, — попросила ее дочка.

— Но ведь ты заблудишься в этом непроходимом и темном лесу, — испугалась царица.

— Не бойся, мамочка: чтобы не заблудиться, я буду бросать через каждые девять шагов по зеленой веточке, — успокоила ее дочь.

Царице понравилась находчивость младшей дочери, но сердце ее было неспокойно: а вдруг, думала она, с девоч-

кой что-нибудь случится и она погибнет? Долго упорствовала мать и не отпускала от себя дочь, но та была тверда в своем решении, и матери пришлось согласиться. Попрощались они, и пошла дочка искать огонь. Шла она по лесу, куда не стемнело. Тут она испугалась, что в темноте не пойдет обратную дорогу, залезла в дупло старого дерева и стала дожидаться рассвета.

Полночь еще не наступила, как вдруг сверху до нее допелся какой-то разговор. Сначала девочка перепугалась, но потом взяла себя в руки, высунула из дупла голову и стала слушать. А говорившие оказались вещунами — они предсказывали судьбу.

Вот один из них и говорит:

— Пусть мальчика, родившегося в этом лесу, постигнет такая судьба: как только ему исполнится двенадцать лет, вскарабкается он на большую ель, что растет в царском дворе, упадет с нее и умрет. А тот, кто, узнав об этом предсказании, выдаст его, пусть обратится в камень!

Затем заговорил второй вещун:

— Пусть мальчика, родившегося в этом лесу, постигнет такая судьба: как исполнится ему шестнадцать лет, сядет он на жеребенка царской кобылицы, упадет и разобьется насмерть. А тот, кто узнает о предсказании и выдаст его, пусть обернется камнем!

Третий вещун сказал:

— Пусть мальчишка, родившегося в этом лесу, постигнет такая судьба: как исполнится ему двадцать лет, обручится он со своей суженой, а теща поднесет ему свадебное одеяние, из него выползут змеи, ужалят его, и он умрет. А тот, кто узнает о нашем предсказании и выдаст, обратится в камень! Ничто ему не поможет, кроме водицы, которой умывалось Солнце.

Вещуны предсказали судьбу и тут же испарились в небе.

А девочка запомнила каждое слово. Как только рассвело, она вылезла из дупла и поспешила к матери. Долго шла она по дремучему лесу и наконец пришла к тому дубу. Царица и впрямь родила сына.

Вернулись они во дворец. Царь узнал, что царица подарила ему сына, и радости его не было границ. Он повелел дать залп из всех его пушек и ружей, дабы возвестить всем о его счастье.

Прошли годы, маленький царевич подрос, и вот уже исполнилось ему двенадцать лет.

Тут младшая сестра сказалась больной и слегла в по-

стель. Созвал царь к недужной дочери самых лучших врачей, но те, как ни бились, не могли распознать мнимую болезнь царской дочери.

В один из дней дочь попросила отца поспидеть с ней и сказала:

— Отец, вчера почью явился мне мой ангел-хранитель и сказал: «Болезнь твоя гнездится в корнях той большой ели, что растет в вашем саду. Срежете вы то дерево с корнями, и ты тотчас же поправишься, а пет — погубит тебя твой недуг».

— Дочь моя, лишь бы эта ель стала твоим исцелителем, а я сию же минуту велю вырвать ее из земли!

Отдал он приказ своим слугам, и огромная ель была выкорчевана прямо с корнями.

Соскочила девушка с постели и сразу спросила о брате: она была так счастлива, что уберегла его от гибели!

Прошло четыре года. Царская кобылица подарила им жеребеночка, который рос не по дням, а по часам.

Привязался царский сын к жеребеночку, каждое божье утро сам протирал его влажной тряпкой, с рук кормил и поил его.

И снова сказалась большой сестра, снова, как раньше, обеспокоились царь с царицей, призвали на помощь всех лучших врачей. Но те опять не поняли, в чем болезнь царской дочери, да и как тут было понять, если девица была здоровее здорового?!

Вот в один из дней дочь позвала отца и загонорила.

— Отец, — обратилась она к нему, — скажи, кто тебе дороже — я или наш жеребенок?

— Что ты, доченька, разве ты можешь сомневаться в этом? Ты же мне дороже всего на свете!

— Тогда исполни одво мое желание: вели забить жеребенка.

— Зачем же тебе этот жеребенок нужен? — удивился царь.

— Не стану скрывать, явился мне во сне все тот же ангел-хранитель и шепнул на ухо: «Недуг твой в вашем жеребце, если забьете его, ты будешь спасена, а пет, так не мнновать тебе смерти».

— Дочь моя, коли излечит тебя гибель этого жеребца, я сейчас же исполню твою просьбу, — поспешил успокоить девушку царь.

Забили они жеребца, и царская дочка мигом поднялась с постели.

Царевича очень огорчила судьба его жеребеночка, он

долго горько плакал, но исправить ничего не мог и смирился.

Прошло еще четыре года. Возмужал юный царевич.

— Государь наш, пора нам подумать о помолвке наследника и любимого сына,— сказала однажды царица своему супругу.

— И мне, пока я жив, хочется увидеть его счастливым,— ответил царь.

Прошло немного времени, и состоялась помолвка царевича с девушкой левиданной красоты.

Однажды царевич собрался навестить родичей своей невесты. Вдруг младшая сестра принялась громко плакать.

— Если вы не отпустите меня вместе с братом,— рыдала она,— то я покончу с собой!

Что тут было делать! Отпустили ее царь с царицей, и брат с сестрой отправились в путь. Долго ехали они и наконец приехали к своим.

Вся ночь прошла в веселье и ликовании, особенно радовался будущий тесть царевича.

На другой день гости еще почивали, когда теща преподнесла няню новое свадебное одеяние. Внезапно в комнату ворвалась царская дочь, подбежала к брату и со слезами на глазах бросилась обнимать и целовать его.

— Богом тебя заклинаю, не прикасайся к этому одеянию! — молила она его. — Позволь мне самой одеть тебя!

Поступок сестры удивил всех окружающих, они не могли понять, что происходит.

— Доченька, признайся мне, отчего ты плачешь, что тебя смущает в этой одежде? — спросила теща.

— Проню вас, скорее разожгите топé, тогда и увидите, что я права.

Ее желание было тут же исполнено, и гости толпой окружили раскаленное топé. Молодая царевна схватила одежду брата, подошла к топé и потрясла над ней сначала рубаху. И тут на глазах изумленных гостей и хозяев из рубахи вывалилась свернувшаяся клубком черная змея и упала прямо в костер. Зашипела змея и вмиг сгорела. Затем сестра поддерживала над пламенем шаровары, и оттуда выскользнула большущая змея, которую тоже спалил огонь. Наконец, царская дочь встряхнула над топé сапогами, оттуда выпало множество змеешыней, и они изжарились на раскаленных углях. Собрала тогда царевна всю одежду и поднесла ее брату, потом обняла его и поздравила со счастливым избавлением.

— Сестрица, откуда тебе-то было известно, что в этой

одежде гвездятся проклятые твари?! — спросил ее ошеломленный брат.

— Прощу тебя, не сирапивай меня об этом, а то как бы не пришлось нам всем пожалеть, — ответила сестра.

— Если ты на самом деле так любишь меня, то должна сказать мне правду, — просил ее брат.

— Из любви к тебе ради твоего спасения я сделала многое, так и быть, уступлю и сейчас. Но помни: как только закончится мой рассказ, я тут же окаменею, и ничто не может оживить меня, кроме водицы, которой умывалось Солнце.

Поведала сестра обо всем, что услышала в лесу от вешунов.

— Я все отлично запомнила, — рассказывала сестра. — Когда тебе исполнилось двенадцать лет и ты должен был упасть с нашей старой ели, я сказалась больной, заставила отца срубить ее и спасла тебя от гибели.

Пропизнесла эти слова сестра и окаменела по колению. Брат стал просить ее не говорить больше ни слова, но, начав, сестра продолжила свой рассказ:

— В шестнадцать лет ты должен был упасть с жеребенка нашей кобылицы и умереть. Я и тогда притворилась больной, упросила зарезать жеребенка и снова спасла тебе жизнь.

Как только были сказаны эти слова, она окаменела по пояс. Брат стал молить ее, чтобы она замолчала, но сестра не послушалась его и продолжила рассказ.

— Когда же подошло время твоей жепитьбы, — заговорила снова девушка, — по предсказанию, теща должна была поднести тебе свадебное облачение, из которого выползли бы змеи и искусали бы тебя. Как видишь, я и тут уберегла тебя от верной смерти.

Не успела она докопчить свой рассказ, как вся окаменела.

Брат долго и горько оплакивал преданную сестру, но потом, вспомнив о последних словах вешунов, с надеждой воскликнул:

— Сестра сказала, будто оживить ее сможет лишь водица, которой умывалось Солнце. Так неужто я не раздобуду ее? Моя сестрица трижды спасала меня от гибели, и я обязан отплатить ей тем же. Возьму железный посох, обуюсь в железные каламаны, отправлюсь к самому Солнцу, поведаю ему о своем горе и попрошу дать мне водицу, которой оно умывалось.

Обулся царевич в железные каламаны, взял в руки

железный посох, попрощался со свояками и отправился в путь-дорогу.

Шел он долго, повстречал на своем пути много трудностей и мытарств. Наконец дошел он до места, где на расстоянии девяти копий¹ сходились небо и земля. И на том месте стоял громадный каменный олень, рога которого упирались в самое небо.

Царевич не раздумывая поднялся по оленьим рогам вверх и очутился в царстве Солнца. Пройдя темного, он достиг роскошного алмазного замка; от него исходило такое сияние, что глазам больно делалось. Царевич бесстрашно взялся за дверь замка, открыл ее и вошел внутрь. В первых же палатах его встретила мать Солнца.

— Кто ты будешь? Что за существо такое? — спросила она у царевича.

— Я сын повелителя девяти царств, — ответил юноша.

— Так что же заставило тебя предпринять такое путешествие? — удивилась мать Солнца.

— Нужда, матушка, нужда, — молвил царевич и поведал ей свою историю.

Скаплилась над царевичем мать Солнца и пообещала дать ему водицу, что омыла ее чадо. Когда настала пора вернуться великому светилу домой, мать разобрала половицы и спрятала царевича под полом.

Настал вечер, пожаловало Солнце домой, учуяло человеческий дух и спросило:

— Матушка, у меня в доме побывал чужестранец!

— Господь с тобой, дитя мое! Из страха пред тобой в небе птиц не видать, а на земле — муравьев! Кто же осмелился бы явиться сюда? — возразила мать Солнцу.

Отуживало Солнце и отправилось на покой.

Наутро, лишь только открыло оно свои очи, небо озарилось ярким светом, и мать принесла ему полотенце и золотой кувшин с миской.

— Дитя мое, умойся утренней водицей. Небось весь свет сторожить приходится, кто знает, сколько пыли на тебя оседает, — сказала она, схитрив.

— Что-то не припомню, чтобы ты когда-нибудь заставляла меня умываться. Или нынче праздник? — удивилось Солнце, но, не желая обижать мать, исполнило ее желание.

Как только дневное светило сошло со двора, мать его выпустила спрятанного под полом царевича, наполнила водицей, что омыла Солнце, небольшой красивый кувшинчик и сказала:

— Возьми, сынок, этот кувшинчик, и все, что ты окропишь этой водицей через плечо назад, станет живым существом. Иди себе с богом, и да воздастся твоим стараниям и труду!

Возблагодарил царевич добрую мать Солнца, простился с ней и пустился в обратный путь.

Шел он, шел и пришел к тому самому месту, откуда поднялся на небо. Встал на оленьи рога и осторожно спустился вниз. Ступив ногой на землю, юноша подумал про себя: «Кабы не этот олень, не видать бы мне солнечного царства. Окроплю-ка я его чудотворной водицей, совершу доброе дело, и добро мое осветит мне путь». Налил царевич водицы в горсть и окропил окаменевшего оленя через плечо назад. Ожил олень, затрепетал, опустился на колени перед юношей и произнес человеческим голосом:

— Добрый юноша, чем отплатить мне за твое благодеяние?

— Ничего мне от тебя не надо. Ответь только, за что был так жестоко наказан? — спросил его царевич.

— Только об этом не спрашивай, в остальном же — я твой слуга!

Тут царевич вспомнил о беде, в которую попала его сестра по его же вине, и не стал больше настаивать.

— Проси меня о чем хочешь, и я исполню, ибо не хочу оставаться в долгу перед тобой, — не унимался олень.

— Раа ты так просишь, то скажу: если тебе доведется встретиться с человеком, идущим в царство Солнца, вспомни о моем благодеянии и помоги ему твоими чудесными рогами, — сказал великодушный юноша.

Олень дал ему обещание исполнить его волю. Простился царский сын с оленем и пошел своей дорогой.

Долго ли, коротко ли шел он, наконец пришел во дворец тестя, разыскал свою окаменевшую сестру, окропил ее через плечо назад водицей, что омыла Солнце, и оживил ее. Обнялись на радостях брат с сестрой, долго ласкали и обнимали друг друга.

Живут они и по сей день в любви и согласии, а народ не парадует на их верную дружбу.

69. Усейна и Байрама

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жил да был царь со своей царицей. Дожили они до старости, да вот только детей у них не было. Как начали

стареть, стали молиться богу: дай нам, дескать, хотя бы одного сына на старости лет!

Услышал бог их мольбу и даровал им сына. Как родился мальчик, нарекли его Усейшой. Да вот характер у мальчика чудной оказался: и днем и ночью он плакал, так что никакого удержу не было...

Извелись с ним родители и приказали накопец своим везирам:

— Унесите этого ребенка прочь и бросьте его в реку!

Ничего не поделаешь — взяли везиры ребенка и поехали к реке. Шли, шли и видят — сидит у дороги маленький ребенок, играет. Как увидел его Усейпа, сразу притих, а потом даже засмеялся. Раз так — посадили его рядом с этим ребенком. Стали дети играть друг с другом, да так весело — замленье, и только! Долго они так играли, а потом везиры поехали Усейну обратно к родителям.

— В чем дело, зачем вы его опять сюда принесли? — сердито спросил отец.

— А в том дело, государь ты напр, что повстречался нам какой-то ребенок, сидел он у дороги. Увидев его, развеселился наш царевич, и стали ребяташки играть да развлекаться. Вот мы и подумали: зачем же в реку бросать такого ребенка, да и привели его домой. Видишь — не плачет он больше!

— Ну хорошо, — сказал тогда государь, — ступайте теперь, разыщите отца того ребенка да приведите ко мне.

Ушли везиры, разыскали отца и привели его пред царские очи. Отец того ребенка оказался богатым купцом, и мальчик у него тоже был единственным сыном, а звали его Байрамой. Как предстал купец перед царем, сказал государь:

— Просьба есть у меня к тебе большая.

— Приказывай, государь!

— У тебя, оказывается, есть маленький сын, так вот отдай ты его мне на воспитание.

Огорчился купец, опечалился, да ведь против воли государевой не пойдешь.

— Отдаю, — говорит, — его тебе.

Тут сразу же послал государь везиров, и те привели купеческого сынишку. Как увидел его Усейна, обрадовался и плакать забыл. Так вместе и росли они в веселых забавах. А когда немного подросли, приказал царь везирам:

— Научите детей бороться.

Три года учили их борьбе по всем правилам, а когда обучили, говорит Усейна Байраме:

— Давай теперь померяемся силой.

Согласился Байрама, вышли они вдвоем в чистое поле и стали бороться. Долго боролись, но ни один не мог одолеть другого. И все же наконец в одном из приемов Байрама превзошел своего друга.

Утром следующего дня предложил Усейна своему побратиму:

— Давай сходим, поохотимся.

Отправились на охоту. Долго ли шли, мало ли, вошли в дремучий лес. Охотились там до самого вечера. Много дичи настреляли, а как совсем стемнело — стали искать место, где бы им переночевать.

Так в поисках прошли они весь лес и вышли к морскому берегу. Глядь — а там небольшая хижина стоит. Вошли они туда, разожгли огонь и стали жарить мясо.

— Пока мясо будет жариться, ты за шим присмотри, а я выйду погуляю по берегу да погляжу на море, — сказал Усейна и вышел.

Бродил он по берегу и вдруг видит — пристал в одном месте к берегу корабль. Подбежал царевич к тому месту и говорит хозяину корабля:

— Возьми меня к себе на корабль и покатай немпожко.

Отказал ему хозяин и прогнал прочь.

Воротился Усейна в хижину.

— Что с тобой? — спросил, увидев его, Байрама. — Чем ты так опечален?

Не хотел Усейна рассказывать, но Байрама никак не отстает: скажи, мол, да скажи.

— Ну хорошо, — говорит Усейна. — Как пришел я на берег моря, вижу — пристал к берегу корабль. Попросил я хозяина корабля: покатай, говорю, меня немпожко, а он не согласился.

— Давай сперва поужинаем, — предложил ему Байрама, — а потом сходим туда, и ты увидишь, что я с ним сделаю!

Поужинали и пошли в путь. Как подошли к берегу, набросился Байрама на хозяина корабля:

— Ты как смеешь не пускать на корабль моего друга?

Испугался тот и говорит:

— Только не убивайте меня, оставьте душу на покаяние, а уж я вас обоих покатаю. Пожалуйста на корабль!

Сели они и поплыли все. Только вышли в открытое море, как вдруг корабль пошел ко дну. Все, кто был на

корабле, погибли, кроме Усейны с Байрамой. Уселись они на две доски, уцелевшие от корабля, и качаются на волнах, да только все на месте стоят: ни в одну сторону их вода не уносит, ни в другую. Огорчились они: как, думают, дальше-то быть?

— Боже! — взмолился тогда Байрама. — Только не дай нам видеть страданий друг друга, уж лучше разлучи нас: пусть понесут нас волны в разные стороны, а мы тебе даем обет — три года ни волос не будем стричь, ни ногтей обрезать.

Услышал бог их мольбу и разлучил: Усейну вода понесла в одну сторону, а Байраму — в другую. Несли волны морские Байраму, несли да и вынесли на берег в некоем царстве-государстве. Пошел туда Байрама и нанялся к одному человеку в работники.

А Усейну тем временем волны выбросили на берег у подножия высоченной скалы. Подошел он к той скале поближе и видит — вверх по скале ведет лестница, сложенная из костей гвелешани.

«Дай-ка, — думает про себя Усейна, — взберусь я на эту лестницу, может, увижу там что-нибудь».

Вскарабкался он по лестнице на самую верхушку скалы, а там, видит, целый город построен. Ходит он по этому городу, ходит, да только ни одной живой души нигде нет.

«Что это, — думает, — за папасть такая? Тут, видать, дело нечисто».

Смотрит — а из окна одного дома выглядывает женщина, да такая красавица! Вошел к ней царевич и говорит:

— Ты — жена, а я — муж.

Женщина сперва отказывалась, а потом сказала:

— Ну ладно, я согласна; только знай, что тебе и трех дней не прожить.

— Это почему? — спросил Усейна.

— А потому что каждый третий день приходит сюда гвелешани, да такой могучий, что стоит ему один только вдох сделать — и проглотит тебя. Ты же сам видишь: в этом городе ни одной живой души нет. Это он всех проглотил, кого только видел, кроме меня.

— Ты не беспокойся, — говорит ей Усейна. — А сколько дней осталось до его прихода?

— Завтра как раз будет третий, и он обязательно придет.

Настало утро, и пришел гвелешани. Втянул в себя воздух, хотел проглотить Усейну, да тот выхватил меч и тут

же на месте убил гвелешапи, потом разрубил на куски и выбросил в море.

После этого жена дала ему девять ключей.

— Открой,— говорит,— девять комнат и посмотри на мои богатства.

Усейна обошел все девять комнат, полюбовался сокровищами, а как подошел к десятой комнате, ключа от нее у него не оказалось.

Возвратился он к жене:

— Дай мне ключ и от десятой комнаты.

— Да нет там ничего,— сказала жена,— пустая это комната.

И не дала ему ключа.

Усейна имел обыкновение спать шесть дней и шесть ночей, а жена его спала три дня и три ночи. Только она заснула, муж увидел, что у нее в волосах спрятан ключ, вытащил его, пошел и открыл десятую комнату. Глядит — а там висит прекрасная женская рубашка. Снял он ту рубашку, разглядывает ее, любуется, как вдруг, откуда ни возьмись, влетела в комнату ворона, выхватила у него из рук рубашку и улетела с нею. Испугался Усейна, вышел из комнаты, запер ее и снова спрятал ключ в волосах жены.

Тем временем ворона, утачившая рубашку, летела, летела, да и прилетела в то самое царство, в котором жил Байрама. Там она бросила эту рубашку в чистом поле и улетела прочь. Шел по этому полю настух со стадом овец, увидел рубашку и отнес ее царю в подарок. Удивился царь — никогда такой красивой женской рубашки он не видывал — и, так как он не был женат, отдал приказ по своему царству:

— Того, кто приведет ко мне хозяйку этой рубашки, я щедро вознагражу.

И все же никто не брался за это дело. Наконец объявилась одна старуха, пришла к государю и говорит:

— Я могу привести к тебе эту женщину. Дай мне только небольшую лодку, а больше мне ничего не нужно.

Сразу же построили для нее лодку. Села в нее старуха и уплыла в море. Плыла, плыла и наконец приплыла к лестнице, сложенной из костей гвелешапи. Взобралась по ней до вершины скалы, да и вошла в пустой город.

А Усейна тем временем спал. Вошла старуха в дом, схватила его жену за косы и стащила ее вниз по лестнице. Уже собиралась усадить ее в лодку и увезти, как женщина взмолилась:

— Отпусти меня ненадолго в дом, я там кое-что забыла, захвачу это с собой и вернусь к тебе.

Отпустила ее старуха. Вернулась жена домой, взяла листок бумаги и написала записку: «Увезла меня силой одна старуха. Вот я оставляю тебе ключ, и, когда проснешься, открой комнату. Там будут три старика, и научат они тебя, как поступить».

На седьмой день проснулся Усейна, огляделся — а жены-то нигде и нет. Очень горько ему стало. Увидел письмо своей жены и оставленный ею ключ, открыл ту комнату, вошел и видит — сидят три старца. Пожаловался им на беду свою. Старший из них ему говорит:

— Хочешь — я дам тебе красного коня, который понесет тебя по суше, и за неделю ты доберешься до того царства, где теперь твоя жена.

— А если хочешь, — сказал второй старец, — дам тебе белого коня, на котором ты туда за три дня доскачешь.

— А я, — говорит третий, — могу дать тебе черного коня, который тебя в то царство за одно мгновение доставит.

Усейна выбрал, конечно, черного коня, вскочил на него — и миг оказался в том царстве. Сойдя с коня, пришел он к одной старухе и говорит:

— Пусти меня к себе перепочевать, ради бога.

Ввела его старуха в свой дом.

— Что нового в вашем царстве? — спросил ее Усейна.

— А новости у нас вот какие, — рассказывает старуха. — Государь наш, вишь ты, женился на одной раскрасавице, да только она все сидит печальная и так горюет, что никто ее раавеселить не может. А государь-то, слышь, приказ такой издал: того, кто жену мою сумеет рассмешить, щедро вознагражу.

Вынул тогда Усейна из кармана золото, дал старухе и говорит:

— Ты сходи, пожалуйста, и купи серебряный поднос и разных других серебряных вещей.

Пошла старуха, купила все, что он хотел, и принесла домой. Разложил Усейна серебро на подносе, снял со своей руки драгоценный перстень и его положил на поднос.

— А теперь, — говорит, — очень прошу тебя: ступай да передай все это государевой жене.

Пошла она, а везиры ее во дворец не пускают, да еще насмехаться стали над ней:

— Да разве такая, как ты, сможешь хоть какое удовольствие доставить царице?

Тут один из везиров возьми да скажи:

— Ну что вам, жалко, что ли? Пускай себе войдет.

Ввели ее во дворец, а старуха подошла к жене государя, поклонилась и подала ей поднос. Только взглянула на него женщина — сразу увидела перстень своего мужа и развеселилась. Выставила всех придворных за дверь, оставила одну старуху и спрашивает:

— Когда пришел к тебе этот человек?

— Вчера вечером.

— Ты скажи ему так, если сможешь: этой почью приготовь молотильный ток — весь из железа, возьми в него знамя и вызови государя на поединок. Отнять меня ты сможешь только силой, а добром он тебе меня не отдаст, так и знай.

Отправилась старуха домой и рассказала все как есть своему гостю. В ту же ночь изготовил Усейна железный ток, вонзил в него железное знамя и вызвал царя на бой. Царь его на смех поднял. Был у него один хромой богатырь, так он ему и говорит:

— Ступай и убей этого наглеца, избавь нас от его присутствия.

Пошел этот хромоногий и бросился на Усейну. А тот схватил его да как швырнет прямо в царский дворец! Шлепнулся этот бедняга о стену дворца и тут же испустил дух... И скольких богатырей ни высылал государь против Усейны, всех их он истреблял одного за другим.

Тут уж царь не на шутку перепугался и издал такой приказ:

— Того, кто убьет этого человека, я щедро вознагражу.

Прослышал об этом Байрама и говорит:

— Ну, я-то уж его одолею.

Сразу доложили царевы слуги своему повелителю:

— Нашелся тут у нас один человек, который берется одолеть его и убить.

Вызвал царь Байраму.

— Можешь ты, — спрашивает, — убить того человека?

— Могу.

— Ступай тогда и убей.

Пошел Байрама и бросился на Усейну. Стали они бороться. Какие только приемы ни использовал Усейна, теми же приемами владел и Байрама. Долго они боролись, но ни один не мог одолеть другого. Наконец (Байрама-то ведь знал один прием, против которого Усейна был бессильен) пустил он в ход этот прием, схватил Усейну и с такой силой ударил оземь, что Усейна чуть не весь в землю

ушел. Выхватил тут Байрама меч и уже собирался срубить ему голову, как Усейна говорит ему из-под ног:

— Дай мне сперва сказать два слова, а потом уж руби мне голову, если хочешь.

— Ну, говори, я жду, — сказал Байрама.

— Меня-то ты убьешь, — молвил тогда Усейна, — по знай: ость у меня товарищ один, Байрамой его зовут, так от его руки тебе не миновать гибели.

Как услышал Байрама эти слова, сразу схватил своего царевича, вытащил из земли, обнял и давай его целовать. Узнав друг друга, они от радости едва не обезумели. Все царское войско вдвоем истребили, Усейна увел свою жену и вернулся к отцу. Великая радость настала во всем их царстве, и жили они с тех пор все вместе.

Мор — туда, пир — сюда,
Отсев — туда, муку — сюда.

70. Царевич и лысый чогурист¹

Было то или не было — а что могло быть лучше бога? — жил-был государь, у которого было три сына. Настал день его смерти, призвал к себе царь сыновей и говорит:

— Вот что, сыны мои, вас — трое братьев, и я завещаю вам три ночи подряд охранять мою могилу.

Умер царь, и похорошили его.

— Братья, — сказал тогда младший сын, — давайте будем сторожить могилу, не нарушим завета нашего отца.

— Ты что, думаешь, у нас других дел нет? — говорят братья. — Если тебе так хочется — сам иди и сторожи.

Отправился младший брат, сел у могилы и ждет — что-то будет? Только наступила полночь — глядь, прискакал на белом коне какой-то человек в белой одежде и белых доспехах.

— Ну, — говорит, — теперь ты от меня не уйдешь. Пока ты был жив — я с тобой ничего не мог поделать, а уж с мертвым как-нибудь справлюсь.

Встал тут царевич и преградил ему путь. Соскочил с коня и тот человек. Сразились они, и царевич одержал победу. Снял с него одежду и изрубил врага на куски. Прихватил он и коня, завед его в свою комнату и там привязал.

Как настало утро, говорит младший сын своим братьям:

— Ну вот, я свой долг перед отцом выполнил, теперь уж вы посторожите две ночи.

— Если тебе делать нечего, — говорят братья, — ступай и сам сторожи.

Пошел младший брат, сел у могилы и ждет. Только настала полночь, прискакал на красном копе другой человек — в красной одежде и в красных доспехах.

— Ну, — говорит, — теперь ты от меня не уйдешь. Пока ты был жив — я с тобой ничего не мог поделать, а уж с мертвым как-нибудь справлюсь.

Вышел ему навстречу царевич, соскочил с коня и тот человек. Сразились они, и царевич снова одержал победу. Изрубил и этого человека на куски, унес его одежду и доспехи. Прихватил и скакуна, завел его в свою комнату и привязал.

Когда настало утро, говорит младший сын своим братьям:

— Ну вот, я опять послужил нашему отцу, теперь одну ночь вы посторожите.

— Если тебе делать нечего, — сказали ему братья, — ступай и сам сторожи.

Пошел младший сын в третий раз, сел у могилы и ждет.

Только настала полночь — скачет на черном коне черный человек в черной одежде и черных доспехах.

— Ну, погоди, — говорит, — уж теперь ты от меня не уйдешь. Пока ты был жив — я с тобой ничего не мог поделать, а уж с мертвым как-нибудь справлюсь.

Вышел тут навстречу ему царевич, соскочил с коня и тот человек. Сразились они, и царевич в третий раз одержал победу. Изрубил врага на куски, унес его одежду и доспехи, а коня привязал вместе с теми двумя.

У одного государя жили в башне² три дочери, три невиданные под солнцем красавицы. Объявил этот царь:

— Кто сумеет на коне вскочить в ту башню и вывести красавицу, тому она и достанется.

Собралось там великое множество народу. Вот и старшие братья того царевича влезли по уши в долги, купили себе хороших коней и отправились туда.

— Возьмите и меня с собой, — попросился младший брат.

— Ну да, как бы не так, — подняли его на смех старшие братья, — только тебя там не хватало. Видать, все такие, как ты, там собрались, потому и не могут увести красавиц.

Только уехали старшие братья, облачился наш царевич в белые доспехи, сел на белого коня и поскакал в то царство. Белый конь его одним прыжком вскочил в башню, и царевич вывел оттуда не видавшую под солнцем красавицу. Вернулся с ней вместе домой и усадил в своей комнате.

Приехали братья, стукнули младшего по голове и опять стали над ним насмехаться:

— Вот именно такой, как ты, и увел сегодня красавицу.

На следующий день снова отправились туда старшие братья. Облачился младший брат в красные доспехи, сел на красного скакуна и тоже поскакал в то царство. Красный конь его одним прыжком вскочил в ту башню, и царевич вывел оттуда вторую не видавшую под солнцем красавицу, вернулся с ней вместе домой и посадил в своей комнате.

Приехали братья, стукнули младшего по голове и снова стали над ним насмехаться:

— А ведь вот именно такой, как ты, и увел сегодня вторую красавицу!

Следующим утром снова отправились туда старшие братья. Облачился младший брат на этот раз в черные доспехи, сел на черного коня и опять поскакал в то царство. Черный конь одним прыжком вскочил в башню, и царевич вывел оттуда третью не видавшую под солнцем красавицу, вернулся с ней вместе домой и усадил в комнате.

Приехали старшие братья, стукнули младшего по голове и опять давай над ним насмехаться:

— Как же, вот именно такой, как ты, и увел сегодня третью красавицу!

Повел наш царевич старшего брата в свою комнату, дал ему в жены старшую сестру и подарил белого коня с белыми доспехами. После этого привел туда среднего брата, дал ему в жены среднюю сестру, подарил красного коня с красными доспехами, а сам женился на младшей сестре. Справили свадьбу.

Куда бы ни отправлялись братья, они всегда помнили наказ своего отца: «Если вы будете находиться не очень далеко от дома и сможете добраться до дому засветло, нигде не останавливайтесь на ночь».

Однажды случилось так, что младший брат отправился куда-то и там заочевал. В ту же ночь пришел к ним в дом хромой лысый чонгурист и похитил его жену, эту не

виданную под солнцем красавицу. Она кричала, звала на помощь, но братья даже не слушали ее. Они завидовали своему младшему брату: ведь его жена была гораздо красивее своих сестер.

На следующий день приехал муж, стал бить себя по голове от горя и долго плакал. Потом решил: слезами горю не поможешь, встал и отправился к сестрам за помощью. А надо сказать, что у этих братьев были три замуженные сестры: одна была за дэвом, вторая — за орлом, а третья — за гвелешани. Шел он, шел и наконец пришел к дому, где жил дэв, вошел во двор и присел у родника. Сошла во двор служанка с серебряным кувшином и набрала воды.

— Женщина, — попросил царевич, — о женщина, дай мне испить водицы.

Поднесла ему служанка кувшин. Он напился, потом незаметно снял с пальца перстень и бросил в кувшин. Принесла служанка воду своей госпоже, и та стала умываться, а когда кувшин опустел, прямо ей в ладони упал перстень.

Узнала сестра перстень своего брата и воскликнула:

— Откуда здесь этот перстень?

— Вот что я вам скажу, — говорит служанка. — Там, во дворе у родника, сидит какой-то юноша; попросил он дать ему воды. Я ему кувшин поднесла, и он напился, а кольцо-то с пальца, верю, и соскользнуло.

— Ступай скорее и приведи его сюда, — велела хозяйка.

Пошла служанка и привела юношу. Обрадовались друг другу сестра и брат, обнялись, разговаривали и веселились до вечера, а как начало темнеть — села сестра и заплакала.

— Чего ты плачешь? — спросил брат.

— Как же мне не плакать: вот придет мой муж с охоты, да и съест тебя.

— А ты меня спрячь, — попросил брат, и спрятала его сестра.

Вечером пришел дэв и говорит:

— Человечной пахнет!

— Откуда здесь взятая человеку, — возразила жена, — вот если бы кто из моих братьев пришел бы!

— А ты скажи, — попросил дэв, — если пришел твой старший брат, я ему голову срублю, если средний — пополам разрублю, а если младший — посажу его себе на голову и буду развлекать.

Вывела сестра брата. Поздоровались они, поговорили, и тут пожаловался царевич своему зятю:

— Хромой лысый чонгурист похитил у меня жену.

Закручинился дэв и говорит:

— Я, улы, тебе помочь бессилеп, а ты сходи к моему свояку, орлу, может, он и сумеет помочь твоему горю.

Пошел царевич к тому дому, где живет орел. Пришел туда и сел у родника во дворе. Сошла во двор служанка с серебряным кувшином.

— Дай-ка мне испить водицы, — попросил юноша.

Поднесла ему служанка кувшин. Он напился, а потом незаметно снял с пальца перстень и бросил в кувшин. Упесла служанка воду, и госпожа стала умываться, а когда кувшин опустел, прямо ей в ладони упал перстень.

— Откуда этот перстень? — удивленно искричала хозяйка.

— Там, у родника во дворе, сидит какой-то юноша, — объяснила служанка, — попросил он: дай, мол, воды напиться. Я ему поднесла кувшин, и он выпил, а кольцо-то с пальца и соскочило.

— Ступай скорее да позови его сюда, — велела хозяйка. — Это, наверное, мой брат.

Пошла служанка и привела юношу. Обрадовались друг другу сестра и брат, обнялись, разговаривали и веселились до вечера. А как только стемнело, села сестра и заплакала.

— Чего ж ты плачешь, сестрица? — спросил брат.

— Как же мне не плакать: вот прилетит с охоты мой муж-орел, да и съест тебя.

— А ты меня спрячь, — попросил брат, и спрятала его сестра.

Вечером прилетел домой орел и спрашивает:

— Человеческий запах чую; кто это посмел сюда прийти?

— А что, — говорит жена, — если бы мои братья пришли?

— Нет, ты мне скажи, — спросил орел, — если это пришел твой старший брат, я ему голову срублю, если средний — пополам разрублю, а если младший — посажу себе на голову и так буду развлекать.

Пошла тут сестра и привела брата. Обняли друг друга зять и шурик, и царевич рассказал о своем горе:

— Лысый хромой чонгурист похитил у меня жену.

— Знаю, как же, — сказал ему орел, — видел я, как этот проклятый тащил ее. Жаль только, что я тебе помочь

бессилен, а вот ты сходи к моему свояку, гвелешапи, может, он сумеет помочь твоему горю.

Отправился царевич к дому гвелешапи, пришел и сел у родника во дворе. Сошла во двор служанка с серебряным кувшином, набрала воды.

— Девушка,— попросил царевич,— дай-ка мне испить водицы.

Поднесла ему служанка кувшин, он напился, потом незаметно снял с пальца перстень и бросил в кувшин. Отнесла служанка воду к госпоже, и та стала умываться, а когда кувшин опустел, прямо ей в ладоши упал перстень.

— Откуда этот перстень? — удивленно воскликнула хозяйка.

— Вот что я вам скажу,— говорит служанка,— там, у родника во дворе, сидит один прекрасный юноша; попросил он дать ему напиток. Я ему поднесла кувшин, и он выпил, а кольцо-то с пальца, видать, туда и соскользнуло.

— Ступай и скажи ему, чтобы поднялся сюда,— велела хозяйка.

Пришел юноша. Обрадовались друг другу сестра и брат, обнялись, разговаривали и веселились. А как настал вечер, села сестра и заплакала.

— Чего же ты плачешь, сестрица? — спросил брат.

— Как же мне не плакать? — отвечает сестра.— Вот придет мой муж с охоты, да и съест тебя.

— А ты меня спрячь,— попросил брат, и спрятала его сестра.

Поздно вечером пришел домой гвелешапи.

— Женищина,— говорит,— человечинной пахнет; кто сюда явился и где он?

— Да что ты,— возразила ему жена,— ведь из страха перед тобой и братья мои сюда прийти бы не посмели.

— Знаешь,— сказал он,— ты мне голову не морочь: ведь человечинной-то пахнет. Если это, например, твой старший брат пришел — голову ему отрублю, если средний — пополам разрублю, а вот если младший — посажу его себе на голову и так буду развлекать.

Вывела тогда сестра своего брата. Обнялись и расцеловали друг друга зять и свояк, стали шировать и веселиться.

Через некоторое время рассказал царевич о своем горе:

— Лысый чоугурист у меня жену похитил. Помоги вернуть ее, если можешь.

— Ах этот проклятый,— ответил зять,— ее теперь никак у него не отнимешь. Ведь он скачет на трехногом морском коне и любого похитителя догонит. А вот если ты добудешь морского коня о четырех ногах, то, может, и отнимешь. В одном месте раз в год из моря выбегает кобылица, ржет и рокает жеребенка. Волки об этом знают и заранее собираются там. Если у той кобылицы сразу же не отнять жеребенка, а волкам не бросить овец, то они подстерегут жеребенка и сожрут его. Хромой чонгурист не успел сделать этого вовремя, и волки отгрызли одну ногу у его коня. Вот почему ты должен постараться добыть морского коня о четырех ногах. Только сделать это пужно как можно быстрее: этот злодей обычно три месяца спит, а три — бодрствует, и ты должен успеть, пока он не проснулся.

Пошел тогда наш царевич к морю. Сделал все, как научил его гвелешапи, добыл себе морского коня о четырех ногах и поскакал к лысому чонгуристу.

Подобрался туда незаметно, увидел свою жену, спросил ее обо всем.

— Этот проклятый,— рассказала жена,— имеет обыкновение спать три месяца. Два дня осталось до его пробуждения, и, если мы не поспешим, он убьет тебя.

Вывел царевич жену, усадил позади себя на коня, и они поскакали.

Проснулся на другой день лысый чонгурист, увидел, что пет у него больше не виданной под солнцем красавицы. Сел на своего трехногого коня и погнался за нею.

— Ну-ка, оглянись,— сказал царевич жене,— и посмотри, не проснулся ли этот проклятый и не гонится ли за нами.

Оглянулась жена и говорит:

— Вон он виднеется — размером с муху.

Поскакали еще некоторое время.

— Ну-ка, еще раз оглянись,— говорит муж.

— Догнал он нас! — воскликнула жена.

Как только лысый чонгурист приблизился, конь царевича лягнул его задними ногами и убил на месте. Соскочил царевич, усадил на трехногого коня свою жену, и они отправились домой с миром. Стали жить-поживать, да добра наживать.

Мор — туда, шир — сюда.

Три красных граната, три спелых плода,

Три яблока сочных — награда труда,—

Пуускай не лишит их вас бог никогда.

71. Пастух — зять царя

Однажды отец взял с собой далеко в горы младшего сына. Потерял он его там и, опечаленный, один побрел домой.

А на том горном хребте жил гвелешапи. Наклонился он вниз, увидел мальчика и крикнул ему сверху:

— Эй ты, сын человеческого, не хочешь, чтоб я вырастил тебя, как родного брата?

Мальчик согласился.

Подняв гвелешапи мальчика на ту высокую гору и говорит:

— Спускайся отсюда вниз. Там тебе встретится тополь, а подле него живут мои отец с матерью. Ты подойди к ним и скажи: «Во имя вашего солнца¹, приютите меня на эту ночь!» Они дадут тебе ночлег. А поутру ты им скажи: «Во имя солнца вашего сына, дайте мне щепку от этого тополя». Отец мой тебе откажет, но мать даст.

Спустился мальчик к тополю. И правда, видит — живут там муж с женой. Мальчик попросил их:

— Во имя вашего солнца, приютите меня на эту ночь. Дали ему ночлег.

А поутру мальчик попросил:

— Во имя солнца вашего сына, дайте мне щепку от этого тополя.

Муж было заартачился, но жена дала мальчику щепку, да притом еще и добавила:

— Эта щепка исполнит все, что ты ни пожелаешь, только скажи ей: «Щепка, щепка, во имя твоего солнца и во имя солнца того, кто дал тебя мне, выполни такое-то мое желание».

Мальчик взял щепку и ушел.

Шел он, шел и пришел в одну страну. Там он попросил у какой-то женщины:

— Мать, голоден я, дай мне чего-нибудь поесть!

У этой женщины было два хлеба, один из них она дала мальчику. Мальчик съел.

Женщина дала ему и половину второго хлеба. Мальчик съел и ее, и тогда женщина отдала ему и оставшийся кусок. Мальчик съел и этот кусок.

Населся он досыта и говорит женщине:

— Матушка, я буду тебе сыном.

— Что ж, — отвечает женщина, — у меня нет детей, и ты будешь мне за сына.

А тогда мальчик попросил:

— Отведи меня куда-нибудь и пристрой работником.
Жещина отвела его в деревню и пристроила на год пасти гусей. На второй год его взяли пасти свиней, на третий год — пасти деревенских коров.

У дочери тамошнего царя было две коровы, которых она сама доила. Однажды, когда царевна доила корову, мимо проходил со своим стадом тот юноша. Увидел он ее, достал из-за пазухи щенку и говорит ей:

— Щенка, щенка, во имя твоего солнца и во имя солнца того, кто дал тебя мне, сделай так, чтоб моя доля не миновала этой девушки, пусть она станет моей!

В полдень пригнал пастух коров к воде. А там как раз и царева дочь.

Как увидела девушка пастуха, узнал он ей и душу. И пошла с той поры между ними любовь.

Начали они встречаться.

Попесла от пастуха государева дочь и в свой срок родилась сыном.

Услышал как-то царь плач младенца и не верит своим ушам. «Вот беда-то, — думает, — когда это и от кого родился у моей дочери ребенок?» Собрал он весь свой народ, чтоб разузнать, кто же отец ребенка.

А ребенок-то выкрикивает:

— Мать у меня здесь, а отца нету.

Царь спросил людей:

— Может быть, кого-то здесь недостает?

— Да нет, все здесь, кроме одного пастуха, — говорят ему.

Привели пастуха, а народ-то надрывает живот, потешается — кто даст ему шишка, кто колотушку — и говорят с издевкой: «Да разве допустила бы до себя царевна такого, разве позволила, чтоб ребенок назвал этого простака своим отцом?»

А ребенок-то как увидел пастуха, так и давай кричать:

— Моя мама здесь, а вот и отец тоже пришел!

Государь все понял и прогнал дочь и зятя прочь со двора, а сам с горя занемог.

Позвал он старших своих зятей и говорит им:

— Только одна вода бессмертия может меня исцелить. А коли не достанете вы мне ее, я помру.

Прослышала про это жена пастуха, пришла к отцу и говорит:

— Я поплюю своего мужа за водой бессмертия.

— Убирайся с глаз моих долой! — разгневался на нее отец. Из-за вас-то я и запелужил! — и прогнал ее от себя.

А зятя отправились за водой бессмертия.

Достал тогда пастух щенку и поведал ей свое желание:

— А ну, щепка, во имя твоего солнца и во имя солнца того, кто дал тебя мне, дай мне оседланного ретивого коня и хорошую одежду.

И вдруг как из-под земли появились добрый конь в полной сбруе и славное барское платье.

Нарядился пастух, вскочил на коня и помчался за водою бессмертия.

А старшие-то зятя, глядь, тоже прибыли на место.

Подекакал пастух к ним да как гаркнет:

— Кто вы такие и чего ради сюда заявились?!

Зятя приняли его за хозяина воды бессмертия и ответили:

— Мы хотели бы купить воду.

— Не продаю,— заявил пастух.

— Что же нам делать, как нам возвратиться без воды? — ошечалились зятя.

— Я воду не продаю, по коли дело обстоит так, ладно, дам я вам воды, только поотрезаю за это ушные мочки.

Зятя согласились.

Отрезал у них пастух ушные мочки, и они повезли с собой воду.

Но царь все равно не исцелился.

Снова призвал он своих старших зятьев и говорит им:

— Достаньте винограда бессмертия, может, хоть от него мне полегчает.

Жена пастуха и на этот раз попросила отца:

— И моего мужа тоже пошли за виноградом.

Но царь прогнал ее с глаз долой.

— Не упоминай,— говорит,— при мне имени своего мужа!

Пастух добрался до винограда бессмертия раньше старших зятьев. Потом подъехали и они и давай просить его:

— Продай нам винограда бессмертия, у нас тесть болеет.

— Пусть мой конь лягнет каждого из вас, тогда я дам вам винограда, а нет — так ничего не получите,— сказал пастух.

Что было делать зятьям? Дали они лягнуть себя коню пастуха, а взамен повезли домой виноград.

Но виноград тоже нисколько не помог царю.

Снова призвал он к себе зятьев и говорит:

— Принесите мне оленьего молока, только оно меня и спасет.

Пастух и на этот раз опередил старших зятьев. Достал он щепку и во весь голос закричал:

— Щепка, щепка, во имя твоего солища и во имя солища того, кто дал тебя мне, пусть здесь соберутся все олени, какие есть на белом свете.

Примчались со всех сторон олени и сгрудились в одном месте.

Подъехали к пастуху свояки и просят:

— Продай нам оленьего молока.

— Хорошо,— говорит пастух,— только дайте взамен срезать с каждого из вас кожу на один ремешок бича.

Что было делать своякам? Дали они срезать с себя кожу — каждый на один ремешок бича.

Пастух дал им оленьего молока, и доставили они его своему тестю.

Царь наконец исцелился и закатил на радостях пир на весь мир.

Одеся пастух по-праздничному и тоже появился на пир, как и другие важные гости.

Зятья царя увидели пастуха и говорят своему тестю:

— Вот этот человек дал нам воду бессмертия, виноград бессмертия и оленье молоко.

Царь подозвал незнакомца, усадил рядом с собой и стал расспрашивать, кем-де он изволил быть и откуда пожеловал.

Пастух ничего на это не ответил, а только спросил:

— Если вы пригласили на пиршество своих старших дочерей, то почему не позвали сюда и младшую дочь?

— Младшая дочь для меня умерла, она вышла замуж за пастуха, за такое чучело, за такого оболтуса, что опозорила меня на весь свет.

— Тот ваш зять, пастух, с вашего позволения,— я,— говорит ему гость,— чем же лучше меня другие ваши зятья? Это от меня получили они воду бессмертия, виноград бессмертия и оленье молоко. Спустите с них порты и увидите следы подков моего коня,— сказал пастух.— А вот и срезанные у них ушные мочки и кожа для бичей.

Он развернул свой платок и показал завернутые в нем ушные мочки и кожу для бичей.

Понял царь, что его зять-пастух лучше, чем другие зятья. Попробовал у него прощения и уступил ему свой трон и царство.

Бывший пастух пригласил своего побратима гвелетани, отца своего и братьев. Прежде чем открыться родному отцу, он спросил его:

— Не терял ли ты когда своего сына?

— Верно, будто когда-то я и потерял своего маленького сына, да уж запомнил с тех пор,— ответил отец.

Гвелешапи рассердился и говорит:

— Меня тоже потерял мой бесшабашный разиня отец, и вырос я в змеиной шкуре.

Сын открылся отцу, и зажили они в своем государстве счастливо.

72. Шав-Датуашвили

Быль то или небыль — жила-была одна женщина. Имела она небольшое поле — за один день его вспахать можно было — и часто на том поле стерегла свой урожай. Тут увидел ее однажды дэв, и очень она ему полюбилась. Вскоре понесла она от этого дэва.

— Слушай, женщина,— говорит ей однажды дэв,— знай, что у тебя родится сын; так назови ты его Шав-Датуашвили.

Как пришел положенный срок, легла женщина и родила сына. Нарекла его Шав-Датуашвили¹, как просил дэв.

Растет этот мальчик — за один день вырастает на столько, на сколько другие дети за год. И таким силачом растет, что возьмет, бывало, своего сверстника да и выжмет его одной рукой, что зелень вареную...

Пошел он однажды в лес и видит — лежит на земле перо, да такое, что все вокруг ярким светом озаряет. Когда принес это перо домой и положил на стол — такой свет разлился кругом, что ни тебе свечей не надо, ни огня...

— Не для нас такая диковина,— говорит ему мать.— Ты лучше преподнеси это перо государю, может, и подарит нам что-нибудь.

Так он и сделал: вошел к царю и преподнес ему то перо. Обрадовался царь безмерно и говорит своему вазирю:

— Отведи этого юношу в сокровищницу и дай ему пригоршню золота.

Вывел вазир парня, вложил ему добрую оплеуху, да и отпустил ни с чем. Ушел юноша домой.

А государь все никак на то перо налюбоваться не может. И все новые гости к нему приезжают — на такую диковину каждому посмотреть любопытно.

Вошел однажды вазир к своему повелителю.

— А что,— говорит,— перо-то это, царь-государь, и вправду диковинное, да только ведь если бы у тебя была

та птица, которая перо это оброрила, да еще бы самец и самка, — вот это красота была бы настоящая..

— Да кто же, — спрашивает государь, — сможет мне эту птицу изловить?

— Как это кто? — удивился вазир. — Ясное дело — кто перо сумел раздобыть, тот и птицу изловит.

Велел царь позвать того юношу. Послал вазир за ним государевых людей, да и говорит Шав-Датуашвили:

— Помнишь, ты перо принес государю? Так вот, передал он тебе свой наказ: тех птиц, что перо это диковишное потеряли, изловить — самца и самку — да государю сюда живыми доставить; а не сделаешь этого — не спишит тебе головы на плечах, так и знай!

Опечалываясь юноша, пошел домой и говорит матери:

— Вот что царь приказал: завтра же, дескать, отправляйся и доставь мне сюда живьем тех птиц, что перо это диковишное потеряли — самца и самку, а нет — голову тебе, мол, отрублю!

— Что ж поделаешь, сынок, — говорят мать, — ты хоть коня у него попроси.

Снова отправился парень к царю.

— Хоть коня, — говорит, — мне дайте.

Дали ему узду и сказали:

— Войди в табун, уздечкой там побряцай и какого хочешь коня забирай.

Вошел он в загон, где царский табун был, стал уздечкой побрякивать, видит — стоят там добрые кони да лошади, но к нему подошел один безобразный, лохматый козек и копытцем его похлопал. Повел он тогда этого конька домой. А слуги царевы вазиру кричат:

— Ну и скакуна он выбрал! На что он ему сдался?

Ведет юноша конька своего да рукой поглаживает. И с каждым разом копь все прекраснее становится; наконец в такого красавца-скакуна превратился, что во всем царском табуне подобного не сыскать. Да к тому ж и ведущим копь тот оказался.

— Ну, пошли, — говорит он юноше человеческим голосом.

Собрался парень, и отправились они в путь-дорогу. Смотрят — среди чистого поля старуха ковыляет. Окликнула его старуха, а юноша подошел к ней и спрашивает:

— Что тебе угодно, матушка?

— Не назви ты меня матерью, — говорит старуха, — я бы знала, что с тобой сделать; ну, а раз ты меня так назвал, то скажи теперь, куда путь держишь.

— Да вот, нашел я однажды птичье перо, — рассказывает юноша, — и преподнес его царю; а теперь, виль ты, приказал мне царь добыть ему тех птиц — самца и самку, — а не найду, так грозится голову мне срубить.

— Отправляйся вон туда, — говорит ему старуха, — и, когда придешь на берег такого-то и такого-то моря, выкопай там яму и садись в нее, а сам плетенкой накройся. Не забудь прихватить с собой цыпленка, веревочкой ему ногу обвяжи, да конец веревочки крепко держи в руках и дергай почаще. Птицы, которых ты изловить хочешь, в том море живут. Услышат они писк цыпленка, да и выйдут на берег. А как на цыпленка набросятся, ты уж тут попроворнее их хватай да с собой побыстрее унеси.

Отправился Шав-Датуашвили на своем скакупе на берег того моря. Вырыл там себе яму, сел в нее, накрылся плетенкой, цыпленка выпустил на привязи — и дергает за веревку. Вышли тут из моря птицы, да на цыпленка набросились. Протянул тогда рук Шав-Датуашвили, схватил двух птиц — самца с самкой — и отправился к своему государю.

Обрадовался царь несказанно и говорит вазиру:

— Отведи этого юношу в сокровищницу и дай ему две пригоршни золота.

Вывел его вабир во двор, вложил ему две хорошие оплеухи и отпустил. Отправился Шав-Датуашвили домой с пустыми руками.

А для тех птиц особый дворец построили и поселили их в том дворце. Они и в похвалах не нуждаются — и без того со всех краев, из всех стран люди приходят полюбоваться на их красоту!

Через некоторое время вабир слова входит к своему повелителю и говорит:

— Птицы эти, царь-государь, и вправду диковинные, да вот только если бы построить для них дворец из костей таких же птиц, да посадить их в этом дворце, да чтобы они там песни распевали, — вот уж это на самом деле диво дивное было бы. Тогда и впрямь ни одному государю с тобой и сравниться нельзя будет!

— Да кто ж добудет для меня столько костей? — спрашивает царь.

— Как это кто? — удивился вабир. — Ясное дело — тот, кто этих птиц сумел изловить, тому и их кости добыть нетрудно.

— Что ж, будь по-твоему! — говорит государь.

Вызвал тогда вабир Шав-Датуашвили и говорит ему:

— Вот тебе государев наказ: отправляйся в путь и откуда хочешь, но привези нам костей таких птиц, да столько, чтоб из них целый дворец для этих птиц выстроить.

Отправился Шав-Датуашвили домой, удрученный горем. А конь-то его, как узнал про эту беду, говорит:

— Ты царю так передай: раз, мол, угодно тебе столько костей получить, дай мне тысячу быков и буйволов да тысячу верблюдов, нагруженных солью тонкого помола, да притом чтобы все это было куплено на деньги вазира. Если там что хоть на одну копейку чужую окажется — заранее тебе говорю, ничего добыть не смогу, так, мол, и знай!

Передал Шав-Датуашвили свое требование государю, а тот сразу же вызвал вазира к себе.

— Смотри, — говорит, — чтобы ты ни одной чужой копейки не потратил, и сейчас же выдай тому юноше все, что он просит, и знай: если не сможет он костей доставить, значит, ты виноват, с твоей шее и спросится...

Дали все Шав-Датуашвили, как он просил. Отправился юноша в путь-дорогу со всеми быками, буйволами да верблюдами — и напрямик к той старухе.

— Так и так, — говорит, — обстоит мое дело.

— Отправляйся тогда, — велела ему старуха, — на берег того же моря, заколи там всех своих быков да буйволов, раскидай по берегу их мясо да толченой солью посыпь. Выйдут тогда из моря птицы, набросятся на мясо и все подохнут. Тут пойдет страшный ливень и перемочит птичьи кости, так что они станут чистыми, что твой хрусталь. Можешь тогда погрузить те кости на тысячу верблюдов и увести...

Так Шав-Датуашвили и поступил: столько костей набрал, что еле поместилась они на тысяче верблюдов, и хватило бы этих костей на добрый пяток таких дворцов, как тот, о котором царь мечтал.

Привез он кости к государю и насыпал ему целую гору.

— Отведи этого юношу, — приказал государь вазиру, — и выдай ему четыре пригоршни золота.

Вывел вазир его, влил по две добрые затрецины с каждой стороны и вышвырнул. А из тех костей огромный дворец выстроили, да такой, что подобного никто никогда и не увидит. А птицы в том дворце поют песни дивные.

Вошел опять вазир к своему повелителю.

— Все это, конечно, хорошо, — говорит. — Да вот только в одном лесу живут дэв со львом, и, если бы ты сумел их сюда привести да к ограде своего двора привязать, уж

тогда, конечно, ты будешь таким царем, что никто с тобой и сравниться не сможет...

— Да кто же их ко мне приведет? — спросил царь.

— Как это кто? — снова удивился вазир. — Тому, кто все это для тебя раздобыл, и их привести будет нетрудно.

Велел тогда царь призвать Шав-Датуашвили, и вазир ему говорит:

— Вот тебе новый государев наказ: отправайся в такой-то и такой-то лес, найди там дэва со львом, приведи их сюда и привяжи к ограде царского двора.

Тут же отправился в тот лес Шав-Датуашвили и давай его рубить. Девять дней и ночей рубил деревья без усталости, наконец вырубил и все связал. Увидел тут дэва со львом, все деревья на дэва взвалил и нести заставил, а льва просто схватил за ухо и потащил за собой. Привел их к ограде двора царского и там привязал.

Доложили тут слуги царю — привел он их, дескать.

— Выдать Шав-Датуашвили, — говорит царь вазиру, — шесть пригоршней золота.

Вывел его вазир, вцепил по три затрещины с каждой стороны и вышвырнул вон.

Снова входит вазир к государю.

— Все это, — говорит, — у тебя очень ладно получилось, а вот теперь дозволю об одном деле тебе доложить: стоит посреди белого моря мраморная башня, а в башне той царица живет — девушка, слышь, на выданье, — так жежель бы ту деву сюда к тебе привести да жениться б ты на ней, тогда уж подобно тебе государя, конечно, в целом свете не сыщешь...

— А кто же ко мне ее приведет? — спрашивает государь.

— Как это кто? — снова удивился вазир. — Раз есть у тебя такой слуга, который так много добыть сумел, он и ее привести сумеет.

Велел тогда царь снова позвать Шав-Датуашвили, и говорит ему вазир:

— Вот тебе новый наказ государев: стоит посреди белого моря мраморная крепость, а в той крепости царица живет. Так вот, велено тебе ту царицу сюда доставить — жениться на ней государю угодно, — а коли ее не приведешь — тут тебе и голову долой...

Вышел Шав-Датуашвили, сел на своего коня и отправился ту красавицу искать. Долго странствовал он, и наконец видит — стоит в одном месте человек и в небо смотрит.

— Чего это ты в небо уставился? — спрашивает,

— Да вот,— говорит,— я, видишь ли, пустил стрелу в небо — семь лет уж, нечитай, прошло, а стрелы все не видать; стою вот и жду, когда же она вернется наконец...

— Ну и молодец же ты! — удивился Шав-Датуашвили.

— Да что ты, какой я молодец? Вот кто настоящий молодец — это Шав-Датуашвили: он, слышь, на дэва дрова взвалил, а льва за ухо притащил.

— Так это я и есть,— говорит Шав-Датуашвили.

— Тогда возьми меня к себе в услужение,— обрадовался тот человек.

— Нет,— говорит ему Шав-Датуашвили,— в услужение я тебя не возьму, а вот охотно побратаюсь с тобой!

Побратались они и пошли вместе. Идут и вдруг видят — лежит человек ничком, в землю посолом уткнулся.

— Чего ты там в земле высматриваешь, человеке? — спросил Шав-Датуашвили.

— Да вот, видишь ли,— тот отвечает,— муравьи тут перессорились и дерутся, а я смотрю на них — интересно очень...

— Ну и молодец же ты!

— Да нет,— говорит человек,— какой же я молодец? Вот есть, говорят, Шав-Датуашвили, так это — всем молодцам молодец...

— Так Шав-Датуашвили — это я.

— Тогда возьми меня к себе в услужение,— обрадовался тот.

— Ну нет,— говорит ему Шав-Датуашвили,— в услужение я тебя не возьму, а вот охотно побратаюсь с тобой!

Побратались и пошли дальше. Смотрят — идет по полю человек, а на ноге у него мельничный жернов висит.

— Ну и молодец же ты! — удивился Шав-Датуашвили.

— Да что ты, какой же я молодец? Вот есть, говорят, Шав-Датуашвили, так это молодец.

— А Шав-Датуашвили — это я.

— Тогда возьми меня к себе в услужение,— обрадовался тот.

— Нет,— говорит Шав-Датуашвили,— в услужение и тебя не возьму, а вот охотно побратаюсь с тобой!

Побратались и пошли дальше. Смотрят — по земле идет пахарь, сам в плуг впрягся и землю пашет, а всахашные пласты тут же поедает да приговаривает:

— Ух, и голоден я! До чего мне есть хочется!

— Ну и молодец же ты! — удивился Шав-Датуашвили.

— Эх, какой же я молодец? Вот есть, говорят, Шав-Датуашвили, уж это молодец...

— Так Шав-Датуашвили — это я.

— Тогда возьми меня к себе в услужение!

— Нет, в услужение не возьму, а вот охотно побратаюсь с тобою.

Побратались и пошли дальше. Смотрят — лежит человек на берегу моря и пьет воду. Сделает глоток, потом песок выплевывает да приговаривает:

— Ух, ну и жажда у меня! До чего мне пить хочется!

— Ну и молодец же ты! — удивился Шав-Датуашвили.

— Эх, какой же я молодец? Вот есть, говорят Шав-Датуашвили, так это — всем молодым молодежиц...

— А я и есть Шав-Датуашвили.

— Тогда возьми меня в услужение!

— Нет, в услужение не возьму, а вот охотно побратаюсь.

Побратались и пошли дальше все вместе. Смотрят — идет им навстречу поп, посет на спине церковь, раскачивает ее из стороны в сторону да приговаривает:

— До чего же она легкая, церквушка моя!

— Ну и молодец же ты! — удивился опять Шав-Датуашвили.

— Да что ты, разве я молодец? Вот Шав-Датуашвили — молодец.

— Так Шав-Датуашвили — это я.

— Тогда возьми меня в услужение!

— Нет, в услужение не возьму, а вот охотно побратаюсь.

Побратались и дальше все вместе пошли. Шли, шли и вышли наконец к берегу моря. Обратился тогда Шав-Датуашвили к своему побратиму, что мучается от неуголимой жажды.

— Ну, — говорит, — пей теперь это море, да поскорее выпей досуха!

Припал тот к воде — и давай пить. Пил, пил, да и выпил все море. Попили они дальше посуху.

Шли, шли и подошли наконец к той башне, в которой живет красавица. Послал Шав-Датуашвили человека к ее отцу, чтобы передал ему:

— Просит мой государь дочь твою в жены.

— Есть у меня, — отец ответил, — котел один, да такой огромный, что вся скотина, какая ни есть в моем царстве, в том котле уместится. Так вот, если найдется среди вас человек, способный тот котел на таган поставить, — отдам свою дочь за вашего царя.

Принесли тот котел, весь скот перерезали, какой только

был в том царстве, да в котел побросали. Подошел тогда к котлу сам Шав-Датуашвили, одним мизинцем трижды переставил его с места на место, а потом водрузил на таган.

— Отдавай,— говорит,— теперь мне свою дочь.

— Если пайдется среди вас,— ответил отец,— человек, способный все это мясо съесть,— тогда отдам свою дочь.

Позвал тогда Шав-Датуашвили своего землееда.

— Ты там,— говорит,— землю сырую ед, да все никак насытиться не мог, так поешь теперь мясо.

Как набросился землеед на вареное мясо — вмиг одним умял его с котлом вместе, да и говорит после этого:

— Эх, до чего же мне есть хочется!

— Ну,— говорит Шав-Датуашвили отцу,— отдавай теперь мне дочь свою.

— Нет, постой малость,— отвечает отец,— вот если есть среди вас человек, способный выпить все вино, какое в моем царстве пайдется,— отдам свою дочь вашему государю.

Откупорили тогда все кувшины да чаны с вином, какие в том царстве были, и снова обратился Шав-Датуашвили к своему побратиму, что от неутолимой жажды страдает.

— Чем водой зря надуваться,— говорит,— не лучше ли тебе вина испить? Шей сколько влезет.

Подошел тогда жаждущий — и давай вино в себя втягивать: выпьет один кневри — и перевернет, опустошит другой — опять перевернет, да при этом приговаривает:

— Ой, братцы, до чего же пить хочется! Ну и жажда у меня! — Так и втянул в себя все вино, даже церковного вина не оставил ни капли.

— Ну, давай теперь свою дочь! — говорит опять Шав-Датуашвили.

— погоди еще немного,— отвечает отец,— вот если пайдется у тебя такой человек, который принесет живой воды из источника бессмертия раньше моего скорохода,— отдам дочь свою за твоего государя, а нет — ступай своей дорогой.

Позвал тут Шав-Датуашвили своего побратима, у которого жернов мельничный к ноге привязал.

— Возьми,— говорит,— вот эту склянку да принеси-ка поскорее живой воды из источника бессмертия.

Взял тот склянку и отправился в путь. Пошел с ним и скороход царя. Пришли они к источнику, набрали живой воды и присели отдохнуть перед обратной дорогой.

А у государева скорохода был припасен дурман.

Он этот дурман подсунул побратиму Шав-Датуашвили, а тот как вдохнул дурман — сразу же и заснул. А скляпка его с живой водой рядом стоит.

Встал тогда государев скороход и в обратный путь отправился. Идет себе, песет свою склянку да посмеивается.

Тем временем подозвал к себе Шав-Датуашвили того побратима, который в землю смотрел да ссору муравьев наблюдал.

— Слушай,— говорит,— посмотри-ка хорошенько уж давно пора бы ему вернуться... Чего он там копается?

Тот посмотрел и воскликнул:

— Боже мой, вот беда-то! Наш, видишь ли, заснул, а их человек уже обратно идет...

Тогда позвал Шав-Датуашвили того побратима, который стрелу в небо пустил.

— Должен,— говорит,— ты нам помочь. Пусти стрелу, да так, чтоб разбудить его.

Тот прицелился и пустил стрелу, а стрела задела склянку, что стояла возле спящего побратима. Вода в склянке булькнула — тут он и проснулся.

— Ой ты,— говорит,— как же это со мной случилось, что я заснул?

Вскочил он, схватил склянку и пустился бежать. В один миг оказался рядом с Шав-Датуашвили, а сонерика своего далеко позади оставил.

— Ну,— говорит Шав-Датуашвили тому государю,— давай теперь нам свою дочь.

— А вот не дам, и все тут! — ответил отец.

— Ах вот как! — рассердился тут Шав-Датуашвили и позвал попа, побратима своего. — Ты, святой отец, целый храм на плечах нес, и мало тебе было; так вот теперь, сам знаешь, ничего нам другого не остается, кроме как взять весь этот город, вместе с крепостью и башней, да унести с собой.

Принесли ему веревку, тот обвязал ею весь город, с крепостью и башней, взвалил себе на плечи — и зашагал. Несет и приговаривает:

— До чего же он все-таки легкий, городишко-то этот!

Взмолился тогда государь, отец царевны.

— Ради бога,— говорит,— пожалуйте меня, город мой с крепостью поставьте обратно, на то же место, и забирайте дочь мою, так уж и быть!

Забрали они красавицу и привели к своему государю.

— Выдай Шав-Датуашвили восемь пригоршней золота! — приказал царь своему вазиру.

Вывел его вазир, вцепил по четыре пощечины с каждой стороны, да и выставил вон. А затем снова вошел к государю — и говорит:

— Все это прекрасно у тебя получилось; а теперь надо тебе во что бы то ни стало раздобыть заячьего молока, вскипятить, да в нем искупаться. Сперва пускай тот юноша выкупається, а за ним — ты: вот тогда уж ты самым, что ни на есть, красавцем станешь, и никакому государю тебя никогда не превзойти...

— Ладно, — согласился государь и велел позвать Шав-Датуашвили. Позвал его вазир и говорит:

— Вот тебе последний государев наказ: должен ты принести заячьего молока, да столько, чтобы наполнить чай, и молоко это мы вскипятим. Пока оно будет кипеть, ты в нем искупаешься, а уж после тебя — государь.

Пошел Шав-Датуашвили к своему коню, рассказал ему все, и отправились они за заячьим молоком. Всех зайчих согнали в одно место, а там подоил их Шав-Датуашвили, наполнил чай и в обратный путь отправился.

— Как молоко закипит, — научил его конь, — и велят тебе в него окупаться, ты смотри не оплошай да скажи: пока, мол, конь мой губ своих в этом молоке не омочит, не могу искупаться. А я перед тем льду наглотаюсь — весь живот себе льдом набью, — а как губы-то в молоко окунать стану, весь тот лед отрыгну в чай. Лед молоко-то сразу остудит, тут ты немедля искупайся; а как выйдешь цел и невредим, пока царь будет раздеваться да прохлаждаться — молоко снова закипит... А уж когда царь в чай прыгнет, тут сразу и сварится.

Привез Шав-Датуашвили молоко государю. Когда молоко закипело, велели Шав-Датуашвили искупаться в кипящем молоке.

— Я, — говорит он, — искупаться-то искупаюсь, да только пускай прежде конь мой губы свои в молоко окунет.

Привели коня, он окунул губы в молоко, а Шав-Датуашвили мгновенно разделся да и прыгнул в чай. А когда после него настал черед искупаться государю, тот прыгнул в чай — и сварился...

Достались Шав-Датуашвили и все государство, и красавица. Обвенчался он с пей, справил знатную свадьбу. Потом привел свою мать и назначил ее главной управительницей дворца, а вазира с женой и всеми домочадцами изгнал из царства навсегда.

Я горе там свое оставил,
А к вам сюда принес веселье.

КОММЕНТАРИЙ

- № 10¹ Сказка записана в Аджарии среди грузин-мусульман.
² Кааба — главная мусульманская святыня в Мекке, куда мусульмане совершают паломничество.
- № 20¹ Мзекала — имя собственное; наряду с именами Мзечабуки и Мзетуахави (стало нарицательным — «красавица») содержит элемент «мзо» — «солнце».
- № 30¹ Иخورетинец — выходец из Имерети — части Западной Грузии.
- № 31¹ В сказке три мира — небеса, верхняя страна и нижняя страна. Так же как в верхнем, солнечном царстве, в нижней стране, расположенной в глубине земли, есть государство с царем и придворными. Земля тут бесплодная, а воду сторожит гвелешани.
- № 34¹ Тариэл — имя героя поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В Грузии оно стало нарицательным и символизирует героизм и мужество.
² Кочора — имя собственное, букв. «кудрявый».
³ Святой Георгий — Георгий Победоносец, в Грузии олицетворяет человека, озаренного ореолом необычайной красоты.
- № 35¹ «А ведь даву-то ни руку нельзя в воду опустить, ни ногу» — по сказочной традиции дэв, олицетворяющий зло, боится воды, огня.
- № 38¹ «Куда можно было бы хоть один зуб вопить» — в данном случае в облике орла выступает зооморфное существо, подобное сказочному змею.
- № 40¹ Ахракар — в груз. игра слов: «ах, ра карма».
- № 46¹ «Подошел парень и помог орлыце родить» — имеется в виду мифический орел — прародитель жизни.
- № 48¹ «Не дам старику полить мне... воду» — по традиции, гостям воду на руки поливал младший член семьи.
- № 52¹ Мзечабуки — имя героя, букв. «солнечный юноша».
² Эдем — рай, райский уголок.
³ «Сын царицы Тамары» — вольность сказочника; в других вариантах сказки герой — просто царевич.
- № 57¹ Окаджадо — собственное имя дэва; ока — мера веса (размер) в древней Грузии; джадо — букв. «замороженный» — указывает на его неуязвимость.
- № 59¹ Размеры поля определялись по времени, которое нужно было затратить для его вспашки.
² По мнению М. Я. Чиковани, сказка «Дочь солнца» создана на раннем этапе феодализма без влияния религиозной литературы (см. [Чиковани, 3, X—XVIII]).

- № 61 ¹ Право произносить тосты за столом используется для рассказа о пережитом.
² Пашкуджи — мифическая птица.
- № 63 ¹ По народной медицине, уксус обладает целебными свойствами.
- № 64 ¹ Мапдолина, библиотека — поздняя лексика.
- № 66 ¹ Прикоснувшийся к груди желиппы губами становится ее молочным сыном. Обычай усыновления до сих пор сохраняется в горах.
- № 67 ¹ Царь каджей, сказочного царства, заселенного злыми волшебными существами, похожими на людей. Они могут днем послать тьму и бурю на море, изменить внешность, стать невидимыми, передвигаться по воде; каджи обитают в недоступных человеку скалах и лесах и враждуют с людьми.
- № 68 ¹ «На расстоянии девяти копий» — в старое время для определения расстояния использовалась рукоятка копья.
- № 70 ¹ Лысый чонгурист — видимо, в сказке опущен эпизод, в котором объяснено происхождение отрицательных качеств этого персонажа.
² По древней традиции, царевен-мзетупахави помещали в башни, охраняя их от солнечных лучей, так как считалось, что они обладают оплодотворяющей силой.
- № 71 ¹ Древнейшая формула заклятия, основанная на поверье, по которому у каждого человека есть свое солнце (бог).
- № 72 ¹ Шав-Датуашвили — имя собственное, букв. «сын черного медведя».

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- а баз** (от аббаси — персидская денежная единица) — серебряная монета стоимостью 20 коп.
- али** — мифическое существо
- ачу!** — так попускают коня
- Арагви** — река в Грузии
- архалух** — мужская одежда из тонкой ткани, поддеваемая под чоху (см.)
- везир** (вазир, визир, везирь) — первый министр; ближайший советник правителя у многих восточных народов
- газыри** — гвезда для патронов, напитки в ряд на черкесско гвелешапи — огнедышащий дракон в змеиной шкуре
- гишер** — вид смолистого угля, черный янтарь
- гоби** — большой деревянный поднос
- гомй** — густая каша из проса; мамалыга
- гуда** — 1) кожаный заплечный мешок; 2) бурдюк для хранения овечьего сыра
- гулаби** — местный сорт сочной и сладкой груши
- дайра, дапа-дайра** — обтянутый кожей деревянный ударный музыкальный инструмент, род бубна
- дарбазн** — большая комната в доме, гостиная
- духав** — маленькая харчевня или мелкая торговая лавка
- дэв** — мифическое чудовище, великан (см. Предисловие)
- зуриа** — духовой инструмент, распространенный на Востоке
- Имерети** — часть Западной Грузии
- када** — сдобный хлеб особой выпечки, внутрь которого кладут поджаренную в масле муку
- каджи** — злой дух в грузинской мифологии (см. Комментарий)
- Картли** — область в Восточной Грузии
- Кახети** — область в Восточной Грузии
- квеври** — глиняный большой сосуд для хранения вина, врытый в землю
- каламаны** — обувь из цельного куска кожи, стянутого ремешком вокруг ноги
- кеви** — сосновая смола, используемая для жевания
- кеци** — каменная или глиняная сковорода
- кила** — глиняный горшок
- кпнто** — паричательное имя острых на язык торговцев в старом Тбилиси
- кпса** — кошель или мешок, затягиваемый шнурком
- кодп** — мера веса, равная приблизительно трем пудам
- комбали** — посох, палка для пастухов
- коши** — обувь с деревянной подошвой на высоких каблуках
- куладжа** — мужская верхняя одежда, отделанная мехом

к у п а т и — колбаса домашнего приготовления
л е к у р и — грузинский танец.
л и т р а — мера веса сыпучих тел, равная приблизительно пяти килограммам
л о б и о — фасоль
м а р а п и — винный погреб, где вино хранится во врытых в землю квеври; давящая для винограда
м а д о н и — кислое молоко, род простокваши
м з е т у н а х а в и — необыкновенная красавица
м о у р а в — управляющий имением
м у т а к а — длинная и круглая подушка, набитая ватой (шерстью)
м ч а д и — лепешка из кукурузной муки
п а а и р ы — высокопоставленные чиновники в государстве
н а з у к и — сладкий хлеб, выпеченный в топке
п а л а в а н — (перс. пахлаван) — силач, борец, богатырь
п а н д у р и — старинный щипковый инструмент
п р а с а — разновидность культурного лука
р а ш и — чудесный крылатый конь (см. Предисловие)
с а г з а л и — провиант на дорогу
с а з а н д а р — играющий на музыкальном инструменте с а з о
с а п а л и з — выюк
т о н э — врытая в землю глиняная круглая печь
Т р и а л е т и — область в Юго-Восточной Грузии
т у м а н — крупная персидская денежная единица, имевшая хождение в некоторых странах Востока
т у р а ш а у л и — сорт сладких яблок красного цвета
х а ч а п у р и — лепешки с начинкой из свежего сыра с яйцами
х у р д ж и н — переметная сума из ковровой ткани
ч а н и — мера жидкости, приблизительно равная 18 литрам
ч е д л а — овца; в древней Грузии существовала традиция расплачиваться домашними животными
ч и л о б и — циповна
ч и х т и к о п ц — железный головной убор
ч о п г у р и с т — играющий на ч о п г у р и, четырехструнном музыкальном инструменте
ч а ч а — виноградная водка
ч о х а — мужское верхнее платье из шерстяной ткани
х о д ж а — слугитель мусульманской религии
ш о н и ч и р и м е — ласковое, любовное обращение, букв. «твоя болезнь (твой недуг) — мне»
ш о т п - н у р и — длинный хлеб, выпеченный в топке, чурек
э л а с а - м е л а с а — слова, имеющие в грузинском языке ритм и рифму; используются для благозвучия
э р и х а — воглас удивления или досады
э ф е н д и — почтительное обращение к уважаемому лицу (в Аджарии)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- абх 1939 — Абхазские народные сказки. Пер. с абхазского и обработка Н. Сапежко. Сухуми, 1939.
- абх 1959 — Абхазские сказки. Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бражба. М., 1959.
- абх 1975 — Абхазские народные сказки. Сост. и автор примечаний К. С. Шакрыл. М., 1975.
- абх П — Приключения парта Сасырквы и его двоюродных девяти братьев. Абхазский народный эпос. М., 1962.
- авар — Аварские народные сказки. Сост. Д. М. Атаев. М., 1972.
- Аgniшвили — Народные сказки, собранные Л. Агнишвили. Тифлис, 1890 (на груз. яз.).
- аджар — Аджарское народное творчество. Сост. Дж. Ногаидели. Т. П. Батуми, 1940 (на груз. яз.).
- адыг — Сказки адыгских народов. Сост. А. И. Алиева. М., 1978.
- азерб — Азербайджанские сказки. Сост. А. Ахундов. Баку, 1955.
- Алавидзе — *Алавидзе М.* Лечхумская народная словесность. Тб., 1951 (на груз. яз.).
- арм — Армянские сказки. М., 1983.
- АС — Адыгейские сказки. Пер. с адыгейск. Т. Керашева. Майкоп, 1957.
- АТС — Азербайджанские турецкие сказки. Пер. А. Багрия и Х. Зейналы. М., 1935.
- АФ — Армянский фольклор. Сост. Г. О. Карапетян. М., 1967.
- Бебур — Грузинские народные сказки. Собрал Б. Бебур. СПб., 1884.
- Вирсаладзе — Избранные грузинские народные сказки. Ред., вступл. и примеч. Е. Б. Вирсаладзе. Т. 1. Тб., 1949; т. 2. Тб., 1958 (на груз. яз.).
- Глонти Гур — *Глонти А.* Гурийский фольклор. Т. 1. Тб., 1937 (на груз. яз.).
- Глонти Карт — *Глонти А.* Карталинские сказки и легенды. Тб., 1948 (на груз. яз.).
- Глонти Груз — Грузинские народные повеллы. Запись, обработка, исследование и примечания А. Глонти. Сталицири, 1956 (на груз. яз.).
- ГНИ — Грузинские народные повеллы. Сост. А. Глонти. Тб., 1974.
- Гогешашили — *Гогешашили Я.* Грузинская азбука и «Деда зна». — Собрание сочинений. Т. V. Тб., 1957.
- Груз. женщины — Сказки, выпуск кружка грузинских женщин. Тб., т. 1, 1902; т. 2, 1903 (на груз. яз.).
- Джеджили — Джеджили (ежемесячный детский журнал с рисунками). Тифлис, 1890—1920; 1922—1923 (на груз. яз.).
- Дэидзигури — Грузинские народные сказки под ред. Ш. Дэидзигури. Тб., 1959 (на груз. яз.).

- Долядзе — Грузинские народные сказки (Сто сказок). Сост. П. П. Долядзе. Тб., 1971.
- Дрени. Грузия — Дзвелд Сакартвело. Сборник Грузинского общества истории и этнографии. Под редакцией Е. Такайшвили. Тифлис, т. I—IV, 1909—1915 (на груз. яз.).
- ИЧ — Сказки и легенды ингушей и чеченцев. Сост. А. О. Мальсагов. М., 1983.
- Каб II — Нарты. Кабардинский эпос. Пер. В. Звягинцевой и др. М., 1957.
- Калм М — Медповолодая девушка. Калмыцкие народные сказки. Сост. М. Ватагина. М., 1964.
- Калм С — Калмыцкие сказки. Пер. с калмыцкого. Под ред. Е. Дружининой. М., 1963.
- Квццинадзе — Грузинский народный эпос. Сказитель Ф. Квццинадзе. Под ред. А. Глonti. Сталинград, 1952 (на груз. яз.).
- Кишпидзе — *Кишпидзе Н.* Мингрельские сказки. Тифлис, 1920.
- Мартирозов — *Мартирозов А., Иманшвили Г.* Кахетинский диалект грузинского языка. Исследование и тексты с словарем. Тб., 1956 (на груз. яз.).
- Мерквладзе — *Мерквладзе С.* Народные сказки. Кутаиси, 1902.
- Моамбо — журн. Моамбо. Тб., 1894—1905 (на груз. яз.).
- Мравалтави — Мравалтави. Сборник грузинского научного общества истории, археологии, этнографии и фольклора. Тб., I, 1904 (на груз. яз.).
- Мтнулети — *Варсаладзе Е. В.* Народное творчество грузин горцев Мтнулети и Гудамакари. Исслед. и тексты. Тб., 1958 (на груз. яз.).
- Мудрость — Народная мудрость. Т. II. Под ред. А. Глonti. Тб., 1964 (на груз. яз.).
- Накадули — журн. Накадули, 1904—1927 (на груз. яз.).
- Нижарадзе — Сванские сказки. Зап. В. Нижарадзе. Кутаиси, 1893 (на груз. яз.).
- Нобати — журн. Нобати. Тифлис, 1883—1885 (на груз. яз.).
- Ногаидели — Аджарская народная словесность. Запись, обработка, вступление и примечания Ногаидели. Батуми, 1959 (на груз. яз.).
- Орбелиани — *Сулхан-Саба Орбелиани.* Мудрость вымысла. Пер. с груз. Е. Гогоберидзе. Тб., 1959.
- осет 1959 — Осетинские народные сказки. Сост. С. Бритаев и Г. Калоев. М., 1959.
- осет 1960 — Осетинские народные сказки. Сост. А. Блязров. Сталинград, 1960.
- осет 1973 — Осетинские народные сказки. Зап. текстов, пер., предисл. и примеч. Г. А. Дагурова. М., 1973.
- осет НС — Сказания о нартеких богатырях. Осетинский эпос. Пер. Ю. Либедневского. М., 1960.
- Оцханели — Басни и сказки. Зап. К. Оцханели. Новый Сенаки, 1895 (на груз. яз.).
- Разикашвили, Кахети и Пшави — Народные сказки, собранные в Кахети и Пшави Тедо Разикашвили. Тифлис, 1909 (на груз. яз.).
- Разикашвили, Картли — Народные сказки, собранные в Картли Тедо Разикашвили. Тифлис, 1909 (на груз. яз.).
- сван — *Шапидзе А., Топурия В.* Сванские прозаические тексты. Тб., 1939 (на сванск. яз.).

- Сихарулидзе Хрест — Грузинская народная словесность. Хрестоматия. Сост. К. А. Сихарулидзе. Тб., 1970 (на груз. яз.).
- Сихарулидзе Дет — Детский фольклор. Сост. К. А. Сихарулидзе. Тб., 1938 (на груз. яз.).
- Сихарулидзе Сказ — Народные сказки. Сост. К. А. Сихарулидзе. Тб., 1938 (на груз. яз.).
- Сказители — Народные сказители. Т. 1. Под ред. М. Я. Чиковани. Тб., 1956 (на груз. яз.).
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Тифлис, 1881—1929.
- Сонгулашвили — *Сонгулашвили Д.* Материалы грузинского фольклора. Т. II. Тб., 1957 (на груз. яз.).
- СНД — Сказки народов Дагестана. Сост. Х. Халипов. М., 1965.
- СИСК — Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959.
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1—10. Тифлис, 1868—1881.
- Тандилава — Лазские сказки. Сост. З. Тандилава. Под ред. А. Глonti. Тб., 1970 (на груз. яз.).
- тур — Турецкие народные сказки. Пер. Н. А. Цветинович-Грюнберг. Ред., вступит. ст., коммент. Н. К. Дмитриева. М., 1967.
- Умикашвили — *Умикашвили И.* Народная словесность. Т. 3—4. Под ред. М. Я. Чиковани. Тб., 1964 (на груз. яз.).
- ФА ИИГЛР — Фольклорный архив Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР.
- ФА ТГУ — Фольклорный архив Тбилисского государственного университета.
- Хаханов — *Хаханов А. С.* Очерки по истории грузинской словесности. Т. 1, М., 1895.
- Церетели — Ежемесячный литературный журнал «Сборник Акакия», редактор-издатель А. Церетели. Тифлис — Кутаиси, 1897—1900.
- ЦНТ — Фольклорный архив республиканского научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы Министерства культуры ГССР.
- Чеч 1963 — Чудесные родинки. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
- Чеч (инг) — Чечено-ингушский фольклор. М., 1940.
- Чиковани — Грузинские народные сказки. Сост. М. Чиковани. Т. 1, 1938; т. 2, 1952; т. 3, 1956 (на груз. яз.).
- ЯСКД — Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований. Т. II. М. — Л., 1949.
- Schiefner A — *Schiefner A.* Awarische Texte. SPb., 1873.
- Schiefner O — *Ossetische Texte* herausgegeben von A. Schiefner. SPb., 1868.
- АА — *Андреев П. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Ларно. Л., 1929.
- АП — *Пропи В. Я.* Указатель сюжетов. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1957.
- ВСС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Баран, П. И. Березовский, К. П. Кабищников, П. В. Новиков, Л., 1979.
- АТ — [*Larne A., Thompson St.*] The Types of the Folktales. A Classification and Bibliography.— FFC, № 184. Helsinki, 1961.

ИСТОЧНИКИ *

1. Зап. Г. Ломтатидзе со слов К. Гангва.
Опубл.: Сихарулидзе Дет, № 224, с. 133.
2. Зап. в 1888 г. И. Алхазипвили со слов С. Татурашвили (Деле Павлиашвили) в сел. Хизабавра Аспидзского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 4, с. 286.
3. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 24, с. 72.
4. Зап. Сасебадзе.
Опубл.: Моамбе, 1905, № 1.
Печат. по Долидзе, № 97, с. 313.
5. Зап. Л. Боцвадзе (возможно, со слов К. Оникашвили и К. Хуцишвили).
Опубл.: Накадули, 1908, № 9, с. 23.
6. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Чиковани, т. 1, № 11, с. 25.
7. Зап. в 1936 г. А. Глonti в сел. Гоми Махарадзевского р-на.
Опубл.: Глonti Гур, с. 274.
8. Зап. со слов С. Квиташвили.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 3а, с. 285—286.
9. Зап. в Сванетии Б. Нижарадзе.
Опубл.: Нижарадзе, с. 71—75.
Печат. по Долидзе, № 94, с. 306.
10. Зап. в Аджарии Дж. Ногаидели.
Опубл.: *Ногаидели Дж.* Аджарское народное творчество. Батуми, 1936, с. 106.
11. Зап. в Месхетии К. Гварамадзе.
Опубл.: Сихарулидзе Дет. № 246, с. 137.
12. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 27, с. 77—80.
13. Зап. 1938 г. А. Глonti со слов Д. Квривишвили в сел. Карагаджи Каспского р-на.
Опубл.: Глonti Карт, № 5, с. 5.
14. Зап. Л. Боцвадзе со слов К. Оникашвили и К. Хуцишвили.
Опубл.: Накадули, 1907, № 13, с. 21—22.
15. Зап. в 1882 г. А. Годзиашвили в сел. Гремисхеви Кварельского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 2, с. 282.
16. Зап. И. Гогebaшвили.
Опубл.: Гогebaшвили, с. 315.
17. Зап. в 1937 г. А. Махарадзе со слов С. Цевкришвили в г. Ахалцихе.
Опубл.: Чиковани, т. 1, № 14, с. 13.

* Паспортные данные приводятся в точном соответствии с той информацией, которая имеется в тексте.

18. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Чиковани, т. 1, № 16, с. 30.
19. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 25, с. 75.
Печат. по Долидзе, № 86, с. 289.
20. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 23, с. 70.
21. Зап. С. Датешидзе.
Опубл.: Джеджили, 1905, № 2, с. 27—30.
22. Зап. Т. Канделаки.
Опубл.: Накадули, 1908, № 11, с. 12—14.
23. Зап. А. Капанадзе со слов С. Джавришвили в сел. Эртацминда Каспского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 1, № 21, с. 42.
24. Зап. А. Миракшвили.
Опубл.: Чиковани, т. 1, № 66, с. 200—201.
Печат. по ГИИ, с. 418.
25. Зап. в Пшави Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Кахети и Пшави, № 17, с. 54.
Печат. по Долидзе, № 98, с. 314.
26. Зап. в Картли Т. Разикашвили со слов Г. Гагидзе.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 9, с. 26.
Печат. по Долидзе, № 89, с. 295.
27. Зап. в 1930 г. А. Заранишвили со слов И. Заранишвили в сел. Шрома Лагодехского р-на.
ФА ИИГЛР, № 23750.
28. Зап. Я. Гогешвили.
Опубл.: Гогешвили, с. 385—386.
29. Зап. Я. Гогешвили.
Опубл.: Гогешвили, с. 476.
30. Зап. в 1948 г. М. Чиковани со слов И. Кулулашвили в сел. Акура Телавского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 103, с. 141—145.
31. Зап. в 1935 г. М. Чиковани со слов Г. Хвадагани в сел. Альпава Цагерского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 3, № 184, с. 215—219.
32. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 49, с. 121—128.
33. Зап. в 1946 г. Е. Вирсаладзе со слов Г. Мапсурадзе в сел. Борула Цхинвальского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 17, с. 107—110.
34. Зап. в Мегрелии И. Кишидзе.
Опубл.: *Кишидзе И.* Мегрельские сказки. Тифлис, изд-во «Юная Грузия», 1920.
35. Зап. в 1884 г. Э. Годзанашили со слов Э. Мгебришвили в сел. Ахалгори (ныне Ленингори) Ленингорского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 25, с. 143—153.
36. Зап. И. Хидирбегашвили со слов А. Орджоникидзе в сел. Терзери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 13, с. 74—79.
37. Зап. Т. Разикашвили в сел. Хелтубани Горийского р-на.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 8, с. 22—26.
Печат. по Долидзе, № 31, с. 126—129.
38. Зап. в 1886 г. Г. Тавадзе со слов И. Тавадзе.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 21, с. 122—126.

39. Зап. Н. Хидирбегашвили со слов Н. Орджоникидзе в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 4, с. 38—43.
40. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Груз. женщины, т. 1, № 3, с. 19—23.
Печат. по Долидзе, № 25, с. 106—108.
41. Зап. в Кахети Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Кахети и Пшави, № 55.
Печат. по Долидзе, № 14, с. 70—73.
42. Зап. Н. Хидирбегашвили со слов Н. Орджоникидзе в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 3, с. 34—38.
43. Зап. в 1936 г. А. Глонти в сел. Аскана Махарадзевского р-на.
Опубл.: Глонти Гур, № 33, с. 248—251.
44. Зап. в 1878 г. К. Бакрадзе в Душети.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 34, с. 194—198.
45. Зап. в 1878 г. К. Бакрадзе в Душети.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 17а, с. 102—106.
46. Зап. Н. Хидирбегашвили в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 7, с. 50—53.
47. Зап. в 1915 г. А. Капанадзе со слов Б. Мамукадзе в сел. Гарикула Каспского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 20, с. 129—131.
48. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 6, с. 15—20.
Печат. по Долидзе, № 46, с. 183—186.
49. Зап. С. Гачечиадзе в сел. Цева Зестафонского р-на.
Опубл.: Древн. Грузия, т. 1, № 2, с. 6—10.
Печат. по Долидзе, № 56, с. 214—215.
50. Зап. в Кахети Д. Гонашвили.
Опубл.: Дзидзигури, с. 149—161.
51. Зап. в Картли Т. Разикашвили со слов М. Кавтарадзе.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 10, с. 27—28.
52. Зап. в 1870 г. А. Перадзе.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 33а, с. 191—194.
53. Зап. в Картли Д. Сонгулашвили.
Опубл.: Сонгулашвили, с. 175—180.
54. Зап. в Кахети А. Мирянашвили.
Опубл.: Дзидзигури, с. 189—195.
55. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 32, с. 183—188.
56. Зап. в Кахети А. Каргаретели.
Опубл.: Древн. Грузия, т. 4, № 28, с. 69—75.
57. Зап. в 1948 г. М. Чиковани со слов Т. Мамулашвили в сел. Акура Телавского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 109, с. 168—171.
58. Зап. Н. Хидирбегашвили со слов Г. Манячашвили в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 8, с. 53—58.
59. Зап. в Кахети Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Кахети и Пшави, № 21.
Печат. по Долидзе, № 4, с. 28—32.
60. Зап. в Кахети Д. Гонашвили.
Опубл.: Дзидзигури, с. 86—95.

61. Зап. в 1945 г. Е. Вирсаладзе со слов Н. Джавахишвили в сел. Икалто Телавского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 1, № 48, с. 260—266.
Печат. по Долидзе, № 18, с. 80—84.
62. Зап. в Картли Т. Разикашвили.
Опубл.: Разикашвили, Картли, № 50, с. 128—130.
Печат. по Долидзе, № 28, с. 114—116.
63. Зап. в Картли А. Ахалтегишвили и И. Зарапишвили.
Опубл.: Дзидзигури, с. 213—221.
64. Самозапись в 1948 г. Б. Мрелашвили в сел. Икалто Телавского р-на.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 107, с. 163—165.
65. Зап. в 1882 г. П. Умикашвили со слов Х. Шарвашидзе в сел. Кумиси Гардабапского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 18а, с. 109—114.
66. Зап. С. Гачечиладзе со слов Н. Гачечиладзе (первая часть сказки) и Р. Ахрахадзе, которая сказку услышала в сел. Свири Ахалцихского р-на.
Опубл.: Вирсаладзе, т. 2, № 13, с. 81—88.
67. Зап. Н. Хидирбегашвили в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 16, с. 85—92.
68. Зап. в Кахети Д. Гонашвили.
Опубл.: Дзидзигури, с. 105—112.
69. Зап. Н. Хидирбегашвили в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 12, с. 69—74.
70. Зап. Н. Хидирбегашвили в сел. Тезери Хашурского р-на.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 5, с. 43—47.
71. Когда, где, кем и с чьих слов записано — неизвестно.
Опубл.: Чиковани, т. 2, № 101, с. 135—138.
72. Зап. в 1878 г. К. Баградзе в Душети.
Опубл.: Умикашвили, т. 3, № 36, с. 201—207.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Сюжеты публикуемых сказок определены по указателю Аарпе — Томпсона. Параллели с грузинскими сказками приводятся из сказочного репертуара соседних с грузинами народов, а также из «Сравнительного указателя сюжетов» восточнославянской сказки.

Принятые условные обозначения

Обозначение (АТ —) указывает на то, что в указателе Аарпе — Томпсона нам не удалось обнаружить анализируемый сюжетный тип или мотив. В таких случаях сказке присваивается новый номер, под которым она может обозначаться в междупародном каталоге.

Обозначение («в друг. сочет.») применяется для контаминаций, отличных от контаминаций, присущих другим грузинским сказкам.

Круглыми скобками обозначаются тип сказки, представленный в публикуемом рассказе частично; слово «сравни» (ср.) предшествует номеру в случае, если соответствие выражено недостаточно четко; знак плюс (+) передает контаминацию разных типов в одном рассказе; знак равенства (=) между формулами обозначает равнозначность определения по разным каталогам; нулем (0) помечены редкие записи, эпизоды, не зарегистрированные в указателе Аарпе — Томпсона.

№ 1. АТ 1 (начало) + АТ 2

Как отдельные сказки типы АТ I или АТ 2 не встречаются.

В Грузии и на Кавказе не очень популярны.

Вар.: груз.— Разикашвили, Картли, № 27 (в друг. сочет.); ФА ИИГЛР, № 367, 30981; друг.— для АТ 2; авар, № 4 (в сочет. с АТ 123 + (210); СНД, № 10 (конец).

№ 2. АТ 6.

Вар.: груз.— Сихарулидзе Дет, № 242; ФА ИИГЛР, № 1142; ЦНТ 3/18, л. 9; друг.— абх 1975, № 6 (начало); СНД, № 7 (лакск. в друг. сочет.); ССКГ, III, 2, 1870, 3—4; Калм М, 258—259.

№ 3. АТ 15 + (АТ —) 154 *

Финал АТ 15 изменен. Лиса ослепляет медведя, вместо лекаря приводит пастуха, который убивает медведя.

Тип 154 * — новый. Лиса, рассердившись на пастуха, не сдержавшего слова, крадет его кур и попадает в капкан. Судьи (пастухи) освобождают лису.

Вар. для АТ 15: груз.— Разикашвили, Ишави, № 22; Умпикашвили, т. 3, № 3; Сихарулидзе Дет, № 243; ФА ИИГЛР,

- № 367, 486, 1144; ЦНТ 3/18, л. 10—11; друг.— авар, № 2; осет 1973, № 20 (в друг. сочет.); СМОМПК, 1897, т. 23, III, № 9 (горских татар).
- № 4. (АТ —) 16*
 Вар.: груз.— ФА ИИГЛР, № 1140.
- № 5. (АТ —) 17*
- № 6. (АТ —) 18*
- № 7. АТ 20 А
 Вар.: груз.— Вирсаладзе, т. 1, 64; друг.— абх 1975, № 12 (в друг. сочет.), № 14, Ср. абх 1959, 95—96; ИЧ, № 151.
- № 8. АТ 20 С + АТ 20 А + (АТ —) 15*
 Необходимость нового номера 15* диктуется шлым развитием сказочного действия: отсутствует характерный для типа АТ 15 мотив — обвинение в краже. В анализируемой сказке заяц обманом ослепляет волка, а затем сбрасывает его в пропасть.
 Вар. для АТ 20 А: здесь, № 7; Вирсаладзе, т. 1, № 12; для АТ 20 С: Чиковани, т. 1, № 8; для 15*: Умикашвили, т. 3, № 3а.
- № 9. АТ 20 С + АТ 20 А + (АТ 15) + АТ 64 + (АТ 8 А)
 Из АТ 15 взят только основной мотив — съедение сала (ощущена мотивация отлучки лисицы-повитухи). Наменон и тип АТ 8 А: вместо того чтобы разукрасить волка, лиса отрезает ему голову.
 Вар. для АТ 20 А: здесь, № 7, № 8; для АТ 20 С: здесь, № 8; для АТ 15: здесь, № 3; для АТ 8 А: здесь, № 12, 17, 20; для АТ 64: друг.— украинск., ВСС, 61.
- № 10. АТ 20 Д* + АТ 154 (вторая часть)
 Вар. для АТ 20 Д*: груз.— Чиковани, т. 1, № 17 (персонажи: волк, коза, собака, осел, петух); Бебур, 81—85; ФА ИИГЛР, № 1143; здесь, № 19 (начало); переработан Орбелвани, № 16, 93—95; друг.— осет 1973, № 12; для АТ 154: друг.— авар, № 25; СНД, № 33 (лезг.); чеч 1963, 333—334 (кум.); осет 1973, № 2.
- № 11. АТ 21
 Вар.: груз.— Сонгулашвили 139; друг.— абх 1975, № 12 (средняя часть); ИЧ, № 151.
- № 12. АТ 37 + О + ОО + АТ 1 + АТ 2 + АТ 8 А
 Соединение разных мотивов.
 О — лиса надевает на волка сплетенную ею корзину. По указанию И. Левина, этот мотив известен на Кавказе: Schiefner O, 201—205; осет 1960, № 41; осет 1973, № 20; СНД, № 4 (окопчанке).
 ОО — лиса предлагает зашпль задний проход, чтобы меньше есть. Мотив также распространен среди осетин: Schiefner O, 201—205; осет 1960, № 41; осет 1973, № 20.
 Вар.: груз.— для АТ 1 и АТ 2; здесь, № 1; для АТ 8 А: здесь, № 9, 17, 20.
- № 13. (АТ —) 47 С*
 Вар.: друг.— рус., ВСС, 58.
- № 14. Тип: АТ 50
 Вар.: друг.— адиг, № 79; СНД, № 23; украинск., ВСС, 58.
- № 15. Тип: (АТ —) 51 А*
 Вар.: друг.— рус., ВСС, 58.

№ 16. АТ 56 А+АТ 56 В

Птичка мстит лисе с помощью охотника.

Вар.: груз.—Разикашвили, Картли, № 62; Разикашвили, Пшави, № 4; СМОМПК, 1903, т. 32, II, № 1, 129—131; ФА ИИГЛР, № 1139, 1141; друг.—для АТ 56 А: адыг, № 77; авар, № 18; СНСК, 48—52 (дагест.); СИД, № 7; для АТ 56 В: русско-украинско-белорусские, ВСС, 59.

№ 17. АТ 101+АТ 33+АТ 8А

Мотивы публикуемого сюжета несколько отходят от схемы Томпсона. Так, здесь номер 101 обозначает мотив: лиса привлекает внимание пастухов, медведь уводит овцу; номер 33 — притворившуюся мертвой лису освобождают из капкана; она убеждает, но посылает медведя, который попадает в капкан.

Вар.: друг.—для АТ 101: авар, № 23 (частично); для АТ 33: адыг, № 74 (первая часть); для АТ 8 А: здесь, № 9, 12, 20.

№ 18. АТ 112

Вар.: друг.—украинск., ВСС, 68.

№ 19. АТ 122 А+АТ 122 С

Вар.: друг.—адыг, № 70, 72; авар, № 13—15; осет 1959, 15—16; осет 1973, № 12, 6; СНСК, 123—125. Ср. ИЧ, № 152.

№ 20. 0+АТ 123 (первая часть)+АТ 100+00+АТ 8 А+000.

0 — лиса помогает пастушке разогнать овец.

АТ 123 (первая часть): вместо козы (овцы) в роли приемной матери — лиса, вместо волка — медведь.

АТ 100 — с медведя снимают шкуру, он спасается бегством.

00 — лиса заставляет медведя с опаленной шкурой лезть по колючим кустам.

000 — в коряну замазывают волка.

Вар. для АТ 123: груз.—Чиковани, т. 1, № 15; СМОМПК 1903, т. 32, II, № 4, 134—135; друг.—авар, № 4; русско-украинско-белорусские, ВСС, 73 для АТ 100: русско-украинско-белорусские, ВСС, 65—66; для 000: здесь, № 15; друг.—АС 306—307.

№ 21. АТ 154 (начало)

В публикуемом варианте лиса вознаграждается до того, как мужик избавляется от медведя.

Вар.: Дзидзигури, 273—274; здесь, № 10.

№ 22. АТ 155

Вар.: груз.—СМОМПК 1898, т. 24, II, № 6; ФА ИИГЛР, № 21935. Переработал Орбелани, № 110, 196—198; друг.—адыг, № 73; азерб, 298—301; осет 1959, 25—27; осет 1973, № 18, 26, 85; чет 1963, 141—142, 185.

№ 23. АТ 156 (ср. АА 74 1)

Вар.: друг.—украинск., ВСС, 78.

№ 24. АТ 157

Вар.: груз.—ГНИ, 57—58: Древи. Грузия, т. 2, 184—186; СМОМПК, 1903, т. 32, II, № 2, 131 (вместо тигра — лев); Чиковани, т. 1, 43—44 = Долидае, № 91, 299; друг.—осет 1973, № 8; русско-украинско-белорусские, ВСС, 78—79.

№ 25. АТ 170

Вар.: Оцхавели, № 5; СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 9, 63;

- Древн. Грузия, т. 2, № 10, 199; Сихарулидзе Дет, № 150; друг.— русско-украинск., ВСС, 82.
- № 20. АТ 210
 Вар.: груз.— Разикашвили, Кахети, № 5; друг.— авар, № 4 (в друг. сочет.); абх 1939, № 15; абх 1959, 97—100; абх 1975, № 13.
- № 27. (АТ —) 232 Е*
- № 28. АТ 248 А* = АА 56* С, 248* В
 Вар.: груз.— Разикашвили, Картли, № 26; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 95.
- № 29. (АТ —) 285*
- № 30. О + ОО + ООО + АТ 300 А (начало) + АТ 300
 О — освобождение духа женщины из бутылки.
 ОО — бегство от ведьмы вместе с женщиной.
 ООО — усыпление юноши.
 Вар. для АТ 300: груз.— Умикашвили, т. 3, № 43 — контам. с АТ 301; Чиковани, т. 1, № 52 — контам. с АТ 516 В + АТ 532, № 53; т. 2, № 80 — контам. с АТ 302, № 87 — контам. с АТ 303; т. 3, № 151 — контам. с АТ 531, № 185 и 188 — контам. с АТ 300 А; Вирсаладзе, т. 1, № 62 — контам. с АТ 550; т. 2, № 42 — контам. с АТ 550; Глонги Карт, № 19 — контам. с АТ 315 + АТ 302, № 25, 62 — контам. с АТ 550; друг.— абх 1975, № 18, 29, 76, 78; осет 1973, № 35, 44, 45, 55, 56; тур., № 47; здесь, № 31, 76.
 Для АТ 300 А: груз.— Чиковани, т. 2, № 100; Глонги Карт, № 14; Умикашвили, т. 3, № 2 — контам. с АТ 302 + АТ 507 С; Вирсаладзе, т. 2, № 2 — эпизод в сказке типа АТ 650 А; друг.— абх 1975, № 26 и 46 (в друг. сочет.); адыг., № 17 и 23 (в друг. сочет.); осет 1973, № 33 (в друг. сочет.); ИЧ, № 13; здесь, № 89.
- № 31. АТ 301 А, В + АТ 300 + 301 А, В
 Вар. для АТ 300 + АТ 301 А, В: груз.— Разикашвили, Пшави, № 2; Чиковани, т. 1, № 45, 54; т. 2, № 140, 141; Мтшукоти, 367, 390, 395; Алавидае, 55; аджар, № 47; Тандилава, 42; ФА ТГУ, № 11647, 11658, 11679; друг.— для АТ 300: авар, № 88; ИЧ № 7, 25.
 Для АТ 301 А, В: абх 1975, № 46 (в друг. сочет.), № 78 (частично); адыг., № 10, 5 (частично); авар, № 85, осет 1973, № 37, 39, 43—45, 53, 55, 56, 113 — все в друг. сочет.; тур, № 1; ИЧ, № 11, 26; здесь, № 32, 36.
- № 32. АТ 302 + АТ 513 А + АТ 301 А, В + АТ 302
 Вар. для АТ 301 А, В: здесь, № 31, 36.
 Для АТ 302; груз.— СМОМШК, 1890, т. 10, II, 279; Церетели, 1887, № 1, 38; Джеджили, 1891, № 6, 35; Разикашвили, Кахети, № 45; Древн. Грузия, т. 4, № 21; Груз. женщины, т. 2, № 15 — контам. с АТ 516; Вирсаладзе, т. 1, № 46 — контам. с АТ 502; т. 2, № 7 — контам. с АТ 300, № 22 — контам. с АТ 301; Чиковани, т. 2, № 117, 118, 136; т. 3, № 156 — контам. с АТ 554, № 187; № 200 — контам. с АТ 303 + АТ 516 В; Глонги Карт, № 20, 22 — контам. с АТ 516; Дзидзигури, 213 — контам. с АТ 502; Квицинадзе, 61; Диалектология, № 244, 328; Мартиросов, № 133; аджар, № 1; Ногаидели, 193; друг.— абх 1975, № 16 (в друг. сочет.); авар, № 85 (в друг. сочет.); осет 1973, № 44 (частично); № 45, 55, 56, 81 (в друг. сочет.); тур, № 3 (частично); здесь, № 63.

Для АТ 513 А: груз.—СМОМПК, 1894, т. 18, I, № 2; Дрeвн. Грузия, II, № 4; I № 15 — контам. с АТ 650 А; Умикашвили, № 36 — контам. с АТ 531 = здесь, № 72; Груа. жeнщeц, т. 1, № 6 — контам. с АТ 725; Ишварадзе, 29 — контам. с АТ 313; Разикашвили, Картл, № 16 и 89 — контам. с АТ 650 А; Пшави, № 13; друг.—абх 1975, № 19 — контам. с 516; здесь, № 72, 100.

№ 33. АТ 567 + АТ 303

Вар. для АТ 303: груз.—СМОМПК, 1894, т. 18, III, № 1 — контам. с АТ 530; 1904, т. 33, III, № 2 — контам. с АТ 315; Умикашвили, т. 3, № 10, 24 — контам. с АТ 315; Разикашвили, Пшави, № 11 — контам. с АТ 315; Кишидзе, № 1 — контам. с АТ 516 В + АТ 530 А; Чиковани, т. 2, № 87, 134, т. 3, № 183, 200 — все в друг. сочет.; Глопти Карт, № 19, 35, 42; Диалектология, № 176 и 275 — контам. с АТ 315; ФА ТГУ, № 498, 734, 820, 3672, 4755; друг.—абх II, 155—159; абх 1975, № 16, 17 (частично); № 29, 30 (в друг. сочет.); авар, № 81 (частично, в друг. сочет.); адыг, № 3 (в друг. сочет.); осет 1959, 282—291; осет 1973, № 45, 46, 60, 61, № 101 (в друг. сочет.); ИЧ, № 28; здесь, № 34, № 35.

Для АТ 567; груз.—Мравалтави, № 1, 121; Чиковани, т. 2, № 95; т. 3, № 175; сван. «Несар» — контам. с АТ 518; Глопти Карт, № 27; Мудрость, 165; аджар., № 75; ФА ТГУ, № 3989, 4795; друг.—абх 1975, № 29 (в друг. сочет.); адыг, № 15, 19; осет 1973, № 45 (частично), № 76 (в друг. сочет.); тур, № 19.

№ 34. АТ 516 В + АТ 303 + АТ 530 А + АТ 303

Вар. для АТ 303: здесь, № 33, 35;
для АТ 516 В: здесь, № 69;
для АТ 530 А: здесь, № 71, 74.

№ 35. АТ 313 + АТ 303 + АТ 530 А + АТ 532 + АТ 303

В Грузии сюжетный тип «чудесное бегство» представлен разновидностями: 313 А, В, С, Е*, Н*. В предлагаемом сюжете герой убегает от дэва, не дойдя до его дома, что нехарактерно для АТ 313. Как сбегать от дэва, юноше подсказывает добрая старушка.

Вар. для АТ 313: Вирсаладзе, т. 1, № 27; т. 2, № 34; Разикашвили, Пшави, № 15, 16; Чиковани, т. 2, № 82; Глопти Карт, № 40; ФА ТГУ, № 4400, 4757;

для АТ 303: здесь, № 33, 34;
для АТ 530 А: здесь, № 34, 71, 74;
для АТ 532: здесь, № 74.

№ 36. АТ 312 Д + АТ 301 А

Вар. для АТ 312 Д: груз.—СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 1; Умикашвили, т. 3, № 46 — контам. с АТ 530 А + АТ 532; Чиковани, т. 2, № 83, 132; Глопти Карт, № 23; Диалектология, № 17; ФА ТГУ, № 792, 4796, 10437; друг.—осет 1973, № 33 (в друг. сочет.).

Для АТ 301: здесь, № 31, 32.

№ 37. АТ 313 В

Вар.: здесь, № 35.

№ 38. АТ 433 В + (АТ —) 538 + АТ 315

В анализруемой сказке из типа АТ 433 В повествуется об освобождении спряткой-мзестунахави царевича-орла от чар и их свадьбе.

Тип 538 — новый. Он выделен нами как самостоятельный: копь похищает мзетунахави и ее сына, чтобы избавиться их от сожжения по приказу мужа-царевича; по пеленю копь мзетунахави зарезала его и вместе с сыном завернулась в его кожу; мать с сыном просыпаются во дворце; царевич находит их.

Вар. для АТ 315: груз.—СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 1; 1894, т. 18, III, № 1; 1904, т. 33, III, № 2 — контам. с АТ 303; Церетели, 1898, № 12; Церетели, 1899, № 6 — контам. с АТ 530 А; Разикашвили, Кахети, № 51 — контам. с АТ 303; Пшави, № 3, 11 — контам. с АТ 303, № 14; Умпкашвили, т. 3, № 24 — контам. с АТ 303; Кипшидзе, № 2; Чиковани, т. 2, № 105, 126 — контам. с АТ 507 С, № 139; Вирсаладзе, т. 1, № 40 — контам. с АТ 303, № 47, 89; Глопти Карг, № 19 — контам. с АТ 300 + АТ 303, № 63; Квицинадзе, 56; Диалектология, № 80, 176 и № 275 — контам. с АТ 303; Мартиросов, № 170; ФА ТГУ, № 752, 2039, 3862, 4689, 4750, 11097, здесь, № 39, друг.—тур., № 25, 44 (частично).

Для АТ 433 В: здесь, № 50.

Для 538: СМОМПК, 1894, т. 18, III, № 11; Разикашвили, Кахети, № 24, 28 — контам. с АТ 425 С (начало) + АТ 313 Н*, № 49 — контам. с АТ 313 Н*; Умпкашвили, т. 3, № 20; Дзидзигури, 196; Диалектология, № 167; Мартиросов, № 135.

№ 39. (АТ —) 480 G + АТ 707 + АТ 315

Публикуемому тексту предшествует начальный эпизод сюжетного типа АТ 480: покнутые отцом в лесу голодные сестры роют землю, пока не доберутся до конюшни царя (подземного мира). Эпизоду нами присвоен номер 480 G. Этой разновидностью известного сюжетного типа в Грузии часто начинаются разные сказки, среди них АТ 707. Вар. для 480 G: СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 1; СМОМПК, 1890, т. 10, III, № 9; Разикашвили, Кахети, № 18; Чиковани, т. 2, № 111; т. 3, № 197.

Для АТ 315: здесь, № 38.

Для АТ 707: здесь, № 66, № 96.

№ 40. АТ 325

Вар.: груз.—СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 2; 1894, т. 18, III, № 4; Разикашвили, Кахети, № 31, 35; Вирсаладзе, т. 1, № 30; Чиковани, т. 3, № 169; Диалектология, № 259; Мартиросов, № 137; Ногаидели, 182; Таццилава, 54; ФА ТГУ, № 4284; переработал Орбелиани, № 106, 190—194; друг.—абх 1959, 158—162; абх 1975, 204—208; осет 1959, 219—222; чеч (инг), 145—149; Schiefner A, № 5, 47; тур., № 52, 53, 54.

№ 41. АТ 327 В + АТ 328

Данный тип контаминации в Грузии традиционен: СМОМПК, 1890, т. 9, II, № 1; Разикашвили, Кахети, № 5; Умпкашвили, т. 3, № 50; Груз. женщины, т. 2, № 10; Чиковани, т. 1, № 67; другие контаминации: СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 5 — контам. с АТ 518; Чиковани, т. 2, № 77 — контам. с АТ 518.

Вар. для АТ 327 В: груз.—Алавидзе, 69; Диалектология, № 239, 347; ФА ТГУ, № 4469, 8946; для АТ 328: Разикашвили, Кахети, № 20; Мтиулет, 381; друг.—для АТ 327 В + АТ 328: абх 1975, № 72 (в друг. сочет.); авар, № 76;

СНД, № 36, 54; Schiefner A, № 3, 25—32; осет 1959, 223—226; осет 1960, № 5; СНСК, 71—77; ИЧ, № 20, 21, 31.

№ 42. О + АТ 329 + АТ 554

О = охотник убивает чудесную птицу и преподносит ее царю; завистники-визиря уговаривают царя дать герою трудные задания.

Вар. для АТ 329: груз.— Вирсаладзе, т. 1, № 59; Долидзе, № 53; ФА ТГУ, № 4301, 40437; друг.— абх II, 169—178; авар, № 97; СМОМШК, 1891, т. 12, I, 117—122 (кабард.); Калм М, 175—178; осет 1959, 261—269 (начало); осет 1973, № 77; СНСК, 10—15 (осет.); чеч 1963, 336—339; ИЧ, № 16, 27. Для АТ 554: груз.— СМОМШК, 1900, т. 27, II, 129; Древн. Грузия, т. 4, № 26; Чиковани, т. 2, № 81; т. 3, № 156 — контам. с АТ 302, № 161; Вирсаладзе, т. 2, № 11, 15; Сонгулашвили, 180 — контам. с АТ 301 + АТ 318; ФА ТГУ, № 1468, 4429; друг.— абх. 1975, № 8; авар, № 97; осет 1959, 261—274 (начало); осет 1973, № 77; СМОМШК, 1891, т. 12, I, 117—122; здесь, № 46.

№ 43. Тип АТ 332

Вар.: груз.— СМОМШК 1894, т. 19, II, № 3, 145—148; ФА ТГУ, № 4307, 4492; друг.— авар, № 72 (частично, в друг. сочет.); адыг. № 57 (в друг. сочет.); СНД, № 107; осет 1973, № 105; ИЧ, № 125.

№ 44. О + АТ 400 + АТ 518 + АТ 313 Н*

О = за службу юноша получает от куница тростяк, из которого выходит мзетунахави.

Вар. для АТ 400: груз.— Вирсаладзе, т. 1, № 36; Глоити Карт, № 39 — контам. с АТ 465 А; ФА ТГУ, № 8059; здесь, № 45; друг.— абх 1975, № 69 (в друг. сочет.); осет. 1973, № 37 (частично) и № 82 (в друг. сочет.); тур., № 10, 50, 51 (частично, в друг. сочет.); ср. АТС, № 2, 4, 5.

Для АТ 313 Н*: груз.— СМОМШК, 1904, т. 33, III, № 3 — контам. с АТ 425 С + 446; 1905, т. 35, II, 131 — контам. с АТ 467 В; Разикашвили, Кахети, № 28 — контам. с 538, № 49 — контам. с 538; Древн. Грузия, т. 1, № 2 — контам. с АТ 314 А*; Нижарадзе, 43 — контам. с АТ 315А; Груз. женщины, т. 2, № 4 — контам. с АТ 467 В + АТ 313 В; Чиковани, т. 2, № 82 — контам. с АТ 467 В; № 131 — контам. с АТ 530 А; Дзидзигури, 129 и 198 — контам. с АТ 314 А*. Для АТ 518: здесь, № 79.

№ 45. АТ 402 + АТ 400

В грузинском фольклоре тип АТ 402 самостоятельно встречается редко; этим мотивом часто начинаются сказки типа АТ 465 С.

Вар.: АТ 402 + АТ 465 С: груз.— Разикашвили, Картли, № 55, 101; Разикашвили, Кахети, № 56; Вирсаладзе, т. 1, № 60; Умикашвили, т. 3, № 19; Дандзигури, 86; друг.— абх 1975, № 33 и 69 (в друг. сочет.); тур., № 6 (в друг. сочет.). Для АТ 400: здесь, № 44.

№ 46. АТ 406 + АТ 321 + (АТ 554) + О

Финал анализируемой сказки по сравнению с традиционным изменен: двузубую сестру не избавляют от чар, а убивают орлы — помощники героя.

О = юноша забирает с собой лист тополя, на который упа-

ли три капли крови двузубой. Этот чудесный лист помогает герою выиграть пари у купцов.

Вар. для АТ 406 — друг: абх 1975, № 16, 17 — оба в друг. сочет.; осет 1973, № 32.

Для АТ 321: груз.— Цоротели, 1899, № 5, 33 — контам. с АТ 315 А; Таңдилава, 105 — контам. с АТ 532; ФА ТГУ. № 4615 — контам. с АТ 300 + АТ 530 А; друг.— абх 1959. 73—78; авар, № 79 (частично); осет 1960, № 12 (начало); осет. 1973, № 60 (частично, в друг. сочет.); осет. НС. 226—228; СНСК, 236—245; СМОМПК, 1896, т. 21, 11, 225—243 (кабард.); чеч (инг), 117—127; ИЧ, № 45, 46 (частично).
Для АТ 554: здесь, № 42.

№ 47. АТ 407

Вар.: груз.— СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 8; Разикашвили, Кахети, № 23; Разикашвили, Пшави, № 7; ФА ТГУ, № 8948; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 130.

№ 48. АТ 412

Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 8 — контам. с АТ 510 А; Джебджили, 1893, № 3, 39; 1909, № 4, 25; Цоротели, 1898, № 9, 31; Груз. женщины, т. 2, № 7 — контам. с АТ 510 А; Разикашвили, Кахети, № 39, 62; Умикашвили, т. 3, № 6; Вирсаладзе, т. 2, № 21 — контам. с 403 Д; Чиковани, т. 2, № 76 — контам. с АТ 533 + 403 Д; Мтиулетн, 388; ФА ТГУ, № 32, 717, 4061, 7683; друг.— абх 1975, № 9 — контам. с АТ 533; СМОМПК, 1894, т. 19, II, № 2, 159—167 (арм.); азерб., 230—240; Казм М., 239—245.

№ 49. АТ 430 + О + АТ 430

О = задачи царя.

Вар.: груз.— Диалектология, № 182; ФА ТГУ, № 4263, 4634; друг.— русско-украинские, ВСС, 133.

№ 50. АТ 432 + АТ 433 В + АТ 432

Вар. для АТ 432: груз.— Разикашвили, Кахети, № 37 и 47 — контам. с 446; Разикашвили, Картли — контам. с 446; Умикашвили, т. 3, № 26; друг.— абх 1975, № 88; абх. 1959, 36—38; Сборник материалов по этнографии. I, М., 1885, 171—172 (арм.); СМОМПК, 1892, т. 13, II, 93—99 (арм.); тур, № 27 и № 28.

Для АТ 433 В: груз.— Вирсаладзе, т. 2, № 36 — контам. с 446; Чиковани, т. 2, № 79 — контам. с 446; Таңдилава, 122 — контам. с 446; ФА ТГУ, № 4377 — контам. с 446; друг.— тур., № 36; здесь, № 38.

№ 51. АТ 440.

В публикуемом тексте отсутствуют мотив сжигания кожи и последующие эпизоды.

Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 4; друг.— русско-украинско-белорусские, ВСС, 134.

№ 52. АТ 425 С + (АТ —) 446 + АТ 460 В

В грузинском фольклоре тип АТ 425 С самостоятельно не встречается. Обычно он сочетается со сказками других типов. Тип 446 — «юноша, умирающий на день» — новый; содержит архаический мотив об отношениях покровительницы зверей и охотника. Привлекают внимание мотивы отправления женщины перед родами к родным мужа и посещения им жены ночью. Понски средства оживления умершего юноши такие же, как в типе АТ 460 В.

Вар. для 446: СМОМПК, 1904, т. 33, III, № 3 — контам. с АТ 313 Н* + АТ 425 С; Джеджили, 1906, № 2, 26; № 3, 15; Разикашвили, Кахети, № 37 — контам. с АТ 425 С, № 47, 59, № 61 — контам. с АТ 425 С; Разикашвили, Картли, № 10, 17 (вначале тип АТ 432); Умикашвили, т. 3, № 33 — контам. с АТ 425 С; Древн. Грузия, т. 1, № 1; Вирсаладзе, т. 1, № 20, № 24 — контам. с АТ 425; т. 2, № 36 — контам. с АТ 480 + АТ 433 В; Таидилава, 122 — контам. с АТ 433 В; ФА ТГУ, № 4283, 4377 — контам. с АТ 433 В, № 7684 (в начале контам. с АТ 313 Е*).

Для АТ 460 В: здесь, № 59, 60, 68.

№ 53. Тип: О + АТ 440

О = шашлык превращается в зайца и удивленному этим охотнику говорит, что с большим Георгием-охотником приключилось еще большее чудо.

Вар.: груз.— СМОМПК, 1905, т. 35, II, № 2; Разикашвили, Кахети, № 22, 35, 46; Древн. Грузия, т. 1, № 8; Умикашвили, т. 3, № 14; Чиковани, т. 2, № 116; т. 3, № 166, 170; Глonti Карт, № 35; Таидилава, 92; ФА ТГУ, № 192, 505, 742, 5193; друг.— абх 1975, № 23 (частично), 43; адыг. № 7, 6 (частично); АС, 188—193; СНСК, 21—25; осет 1959, 234—240; осет 1973, № 99; ССКГ, IV, 2, 21—26 (чеч.); ИЧ, № 5, 19, 20, 30.

№ 54. АТ 451 + О + ОО + АТ 450

О = преследование дэвом сестры.

ОО = мать дэва превращает братьев в оленей.

В публикуемом тексте на АТ 451 отсутствует мотив опомнения сестры на несколько лет. Из АТ 450 с данным рассказом контаминируется вторая часть.

Вар.: Разикашвили, Кахети, № 25; Груз. женщины, 2, № 17; Чиковани, т. 2, № 115; Мартиросов, № 131; ФА ТГУ, № 18, 4770, 6546, 8942.

№ 55. (АТ —) 460 С*

Разновидность сюжетного типа АТ 460 В, которому присвоен номер 460 С*, содержит мотив каннибализма (невестки съедают своего деверя). Герой отправляется к Солнцу, как в типе АТ 460 В, чтобы узнать судьбу пропавшего; вернувшись, он оживает брата.

Вар.: ФА ТГУ, № 1193; ФА ИНГЛР — запись С. Катамадзе в сел. Дзировани Ткибульского р-на. См. Умикашвили, т. 3, 292—293.

№ 56. АТ 481

Вар.: Древн. Грузия, т. 4, № 25; Глonti Гур, № 4, 32; Чиковани, т. 2, № 125; ФА ТГУ, № 4742; друг.— адыг, № 9 (в друг. сочет.); осет 1973, № 39 (частично, в друг. сочет.); ИЧ, № 63.

№ 57. АТ 465 А

Варианты: груз.— СМОМПК, 1880, т. 5, II, № 1, 2; Джеджили, 1891, № 2, 41; Агниашвили, № 4; Нижарадзе, 67; Разикашвили, Кахети, № 40 — контам. с первой частью типа АТ 413; Вирсаладзе, т. 1, № 29; Глonti Карт, № 39; Дзидзигури, 222; Диалектология, № 362; друг.— абх 1975, № 27 (в друг. сочет.); адыг., № 16 (в друг. сочет.); ср. Калм М, 78—90; тур., № 10 (в друг. сочет.), № 16; АТС, № 2, 4, 5.

- № 58. АТ 465 В
 Вар.: груз.—Разикашвили, Картли, № 18; Умикашвили, т. 3, № 22; Чиковани, т. 2, № 89; Вирсаладзе, т. 1, № 43, 64; т. 2, № 23; Глonti Карт, № 31 — контам. с АТ 508*; друг.—абх 1975, № 30; адыг, № 8; осет 1973, № 54 и 413 (в друг. сочет.).
- № 59. О + АТ 465 С + АТ 460 В + АТ 465 С
 О = герой ищет свою судьбу.
 Контампляция анализируемого сюжета с АТ 460 В основана на третьем задании царя — принести с того света кольцо, унесенное его матерью.
 Вар. для АТ 465 С: груз.— Умикашвили, т. 3, № 31; Чиковани, т. 1, № 47; Глonti Карт, № 47 — все контам. с АТ 460 В; друг.—абх 1975, № 33 (в друг. сочет.); ср. абх 1959, 208—212; адыг, № 16 (в друг. сочет.); СМОМПК, 1894, т. 19, II, № 1 (арм.); СНД, № 37 (авар.).
 Для АТ 460 В: груз.— Разикашвили, Картли, № 75; Груз. женщины, т. 2, № 14; Нижарадзе, 3; Древн. Грузия, т. 1, № 7 (с измененным финалом); Чиковани, т. 2, № 124; ФА ТГУ, № 86, 3907, 4091; друг.—абх 1959, 23—24 (в друг. сочет.); адыг, № 58 (в друг. сочет.); арм, 177—179; СМОМПК, 1900, т. 27, III, № 1 (осет.); осет 1900, № 15; осет 1973, № 120 (в друг. сочет.); ИЧ, № 85.
- № 60. АТ 402 + АТ 465 С + АТ 460 В
 Вар. для АТ 402: здесь, № 45;
 для АТ 460 В: здесь, № 52, 59, 68;
 для АТ 465 С: здесь, № 59.
- № 61. АТ 467 В
 Вар.: груз.— СМОМПК, 1894, т. 18, III, № 5; СМОМПК, 1905, т. 35, II, № 3; Церетели, 1898, № 40, 43; 1899, № 4, 9; Груз. женщины, т. 2, № 4 — контам. с АТ 313 В + АТ 313 И*; Вирсаладзе, т. 1, № 23 — контам. с АТ 313, № 48; Чиковани, т. 2, № 82 — контам. с АТ 313, № 91, 120, 143; Глonti Карт, № 57; Квициадзе, 68; Дзидигури, 123 — контам. с АТ 313; ФА ТГУ, № 31, 62; друг.—абх 1975, № 20; азерб, 188—204; СМОМПК, 1894, т. 19, II, 242—261 (татар.); 1900, т. 27, IV, 35—42 (адыг.); СНД, № 43 (лакск.); осет 1959, 39—47; осет 1973, № 29.
- № 62. АТ 470 В + АТ 470 *
 Широко распространенный в Грузии сюжет. Первая запись восходит к XVII в.
 В публикуемом тексте юноша, проживший долгую жизнь, съев волшебное яблоко, становится старцем и умирает на своей родине. В варианте, записанном в XVII в., говорится о возвращении героя в страну вечной жизни; см. Мравалтави, № 9, 91.
 Вар.: груз.— Умикашвили, т. 3, № 40; Библиография опубликованных в архивных вариантах: Мравалтави, с. 173—198.
 Переработал Орбелиани (№ 24, 104—105). О других обработках см. Долидзе, 326—333; друг.—осет 1973, № 124.
- № 63. АТ 502 + АТ 302
 Вар. для АТ 502; груз.— Чиковани, т. 1, № 74; Мудрость, 159 — контам. с АТ 532; ФА ТГУ, № 10284.
 Эпизод приобретения чудесного помощника в результате освобождения пленника см. Вирсаладзе, т. 1, № 46 — кон-

- там. с АТ 302; друг.— авар, № 81 (частично); осет 1973, № 43, 46, 60 — все варианты частично, в сочет. с друг.
Для АТ 302: здесь, № 32.
- № 64. (АТ 507 С*) + (АТ 507)
Вар.: груз.— СМОМПК, 1890, т. 10, II, № 3; Разикашвили, Каргли, № 56; Разикашвили, Кахети, № 60 — контам. с АА* 559 I; Ушкашвили, т. 3, № 2 — контам. с АТ 300 А + АТ 302; Чиковани, т. 2, № 126 — контам. с АТ 315, № 144; Вирсаладзе, т. 2, № 18; Глonti Карт, № 31 — контам. с АТ 405 В; Глonti Гур, № 20; Диалектология, № 263; друг.— абх 1975, № 34; осет 1973, № 26, 59; авар № 74; СМОМПК, 1894, т. 20, II, 48—60 (айсор).
Для АТ 507: здесь, № 81.
Для АТ 507 С*: здесь, № 80.
- № 65. АТ 511 + АА 480 А + АТ 510 А + (АТ—) 403 Д
В Грузии очень популярна разновидность типа АТ 403, выделенная нами под отдельным номером 403 Д. В пей повествуется о том, как мачеха бросает в воду падчерицу-мзетунахави, и та превращается в рыбу; мнимая жена царевича велит нарезать рыбу; из рыбьей кости вырастает тополь; дерево, полюбившееся царевичу, срубают; цепки от тополя вновь становятся мзетунахави, и царевич влюбляется в нее.
Вар. для АА 480 А: груз.— Вирсаладзе, т. 1, № 2 — контам. с АТ 510 А; Диалектология, № 353 — контам. с АТ 510 А; ФА ТГУ, № 83 — контам. с АТ 510 А, № 3033; друг.— для АТ 480; осет 1973, № 33, 57.
Для АТ 510 А: здесь, № 66.
Для АТ 511: Мудрость. 109; Народная словесность, IV; Этериани, ред. М. Я. Чиковани, № 10, 14, 18, 26, 27, 36—38.
Для 403 Д: Джеджли, 1891, № 4, 47; 1893, № 3, 27; Ушкашвили, т. 3, № 17; Груз. женщины, т. 2, № 17 — контам. с АТ 451; Разикашвили, Кахети, № 25 — контам. с АТ 451; Разикашвили, Каргли, № 20 — контам. с середины сюжета с Аарне — Прови 780*; Древн. Грузия, т. 1, № 6; Вирсаладзе, т. 2, № 21 — контам. с АТ 412; Чиковани, т. 2, № 76 — контам. с АТ 533 + АТ 412; Чиковани, т. 3, № 145 — контам. с АТ 533; Диалектология, № 174, 265; ФА ТГУ, № 4061.
- № 66. АТ 510 А + АТ 707.
Вар. для АТ 510 А; груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 8 — контам. с 403 Д; Авишавили, № 11; Груз. женщины, т. 2, № 7 — контам. с 403 Д; Вирсаладзе, т. 1, № 66; Мартирозов, № 143 — контам. с АТ 706; ФА ТГУ, № 803, 821, 1972, 4778, 8058 — контам. с АА 480 А; Вирсаладзе, т. 1, № 2; Диалектология, № 83, № 353.
Для АТ 707: здесь, № 39, 96.
- № 67. АТ 514 + (АТ—) 410***
В грузинском фольклоре тип АТ 410*** самостоятельно не встречается. Этим сюжетом (он включен в сказку как третья трудная задача) варьируются сказки типа АТ 514. Известен эпизод оживления окаменевших войск в сказке типа АТ 302 (Разикашвили, Кахети, № 30).
Вар. для АТ 514: груз.— СМОМПК, 1894, т. 19, II, 35; Хачапов, т. 1, 95; Разикашвили, Каргли, № 39, 99; Древн.

Грузия, т. 4, № 32; Умикашвили, т. 3, № 16а, 16б; Чиковани, т. 2, № 78, 135; Глонти Гур, № 17; Дзидзигури, 162; Мтиулет, 359; Алавидзе, 66; Таудилава, 79; ФА ТГУ, № 668, 724, 4756, 4783; друг.— абх 1959, 174—178; абх II, 100—105; абх 1973, № 37; авар, № 89 (в сочет. с друг.); тур, № 22 (в сочет. с друг.).

№ 68. АТ 516+АТ 460 В

Вар.: груз.— СМОМПК, 1890, т. 10, II, 279; Груз. женщины, т. 2, № 15 — контам. с АТ 302; Глонти Карт, № 22 — контам. с АТ 302; Мудрость, 169; Диалектология, № 228; ФА ТГУ, № 9042; друг.— абх 1959, 218—224 (в сочет. с друг.), абх II, 94—99; абх 1973, № 19 (в сочет. с друг.), № 26; азерб, 207—216; осет 1960, № 13; осет 1973, № 45 (эпизод); СНД, № 60 (калм.); ССКГ, IV, 2, 15—20 (чеч.); тур, № 23, 24 (в сочет. с друг.).

Для АТ 460 В: здесь, № 52, 59, 60.

№ 69. АТ 516 В

Вар.: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 4; Церетели, 1900, № 3—4, 1; Древн. Грузия, т. 4, № 27 — контам. с АТ 655; Разикашвили, Картли, № 16, 96; Нижарадзе, 52 (вторая часть); Кишшидзе, № 1 — контам. с АТ 303+АТ 530 А; Чиковани, т. 1, № 52 — контам. с АТ 300+АТ 532; т. 2, № 81, 105, 138 — контам. с АТ 530 А; т. 3, № 200 — контам. с АТ 302+АТ 303; Впрсаладзе, т. 1, № 54; Сихарулидзе Хрест, № 7 — контам. с АТ 313+АТ 518+АТ 566; ФА ТГУ, № 663; друг.— абх 1975, № 16, 17, 73, 76 — все в друг. сочет.; адыг. № 21 (в друг. сочет.); осет 1973, № 63 (частично); здесь, № 34.

№ 70. АТ 530+АТ 552 А

Вар. для АТ 530: груз.— СМОМПК, 1898, т. 24, II, № 15; Впрсаладзе, т. 1, № 85; т. 2, № 12 (вторая часть); Чиковани, т. 3, № 150 — контам. с АТ 552; Глонти Карт, № 33; Дзидзигури, 183; ФА ТГУ, № 664, 4055, 2765а; друг.— абх 1959, 136—145; абх 1975, № 25 (в друг. сочет.), 42 и 96 (частично); АТС, 222—226; осет 1973, № 36, 37, 53 — все в друг. сочет., № 107 и 121 (частично, в друг. сочет.).

Для АТ 552; здесь, № 79.

№ 71. АТ 530 А

Вар.: груз.— СМОМПК, 1894, т. 18, III, 383 — контам. с АТ 303; Церетели, 1899, № 6, 25 — контам. с АТ 315; Умикашвили, т. 3, № 25 — контам. с АТ 303+АТ 313+АТ 532, № 46 — контам. с АТ 313+АТ 532; Кишшидзе, № 1 — контам. с АТ 303+АТ 516 В; Разикашвили, Кахети, № 32 — контам. с АТ 313, № 41; Разикашвили, Картли, № 92 — контам. вначале с АТ 321; Чиковани, т. 2, № 129 — контам. с АТ 532, № 131 — контам. с АТ 313, № 138 — контам. с АТ 516 В; Глонти Карт, № 18 — контам. с АТ 532; Диалектология, № 406 — контам. с АТ 303; Таудилава, 105 — контам. с АТ 321+АТ 532; ФА ТГУ, № 15, 3692, 5327; друг.— авар, № 81 (частично, в друг. сочет.); осет 1959, 282—291; осет. 1960, № 4; здесь: № 34, 35, 74.

№ 72. АТ 531+АТ 513 А

Вар. для АТ 531: груз.— Церетели, 1898, № 10, 66; Разикашвили, Кахети, № 8, 9, 35; Умикашвили, т. 3, № 3 — контам. с АТ 329, № 36а; Впрсаладзе, т. 2, № 29, 38; Чи-

ковани, т. 2, № 98, 112, 127 (сюжет помещен в середине
складки); т. 3, № 151 — коптам. с АТ 300; № 159 — коптам.
с № 551, № 162, 163; Глоути Карт, № 17, 24, 29; Дзидзи-
гури, 237; Мартиросов, № 164; ФА ТГУ, № 4434; друг.—
абх 1975, № 19 (в друг. сочет.); осет ИС, 316—324; осет
1973, № 104, 54 и 113 (в друг. сочет.); ССКГ III, 2, 19—23
(осет.); СИД, № 36 (лакв.); адыг, № 2 (в друг. сочет.);
ИЧ, № 17, 37.
Для АТ 513 А: здесь, № 32, 100.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
7. <i>Курдованидзе</i> . Грузинский сказочный эпос	6

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. Лиса и волк. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	32
2. Лиса и куропатка. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	33
3. Лиса и медведь. Перевод <i>М. Гржендзици</i>	33
4. Как медведь учил делажу. Перевод <i>И. Долидзе</i>	36
5. Шакал и лиса. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	37
6. Лиса. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	38
7. Человек, шакал, лиса, кот, медведь и волк. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	38
8. Заяц, лиса, медведь и волк. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	39
9. Про лису. Перевод <i>И. Долидзе</i>	41
10. Лиса сердилась на свой хвостик. Перевод <i>М. Бирю-</i> <i>ковой</i>	44
11. Лисьи проделки. Перевод <i>Э. Нейман</i>	45
12. Сказка о медведе, волке и лисе. Перевод <i>М. Гржендзици</i>	46
13. Волк и лиса. Перевод <i>Э. Нейман</i>	50
14. Лев и лиса. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	50
15. Медведь, лиса и волк. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	51
16. Птичка и лиса. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	51
17. Медведь и лиса. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	52
18. Домовая мышь и полевка. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	54
19. Как волк душу спасал. Перевод <i>И. Долидзе</i>	55
20. Медведь и лиса. Перевод <i>М. Гржендзици</i>	57
21. Крестьянин, медведь и лиса. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	60
22. Лиса-судья. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	62
23. Львиная преданность. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	63
24. Сила человека. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	64
25. Лисьи хитрости. Перевод <i>И. Долидзе</i>	66
26. Про кувшин. Перевод <i>И. Долидзе</i>	68
27. О змее и вороне. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	69
28. Лиса и перепелка. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	70
29. Овца и бедность. Перевод <i>Э. Нейман</i>	71

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

30. Сказка об удивительной женщине. Перевод <i>М. Гржен-</i> <i>дзици</i>	74
31. Три брата. Перевод <i>М. Гржендзици</i>	79
32. Сын старухи. Перевод <i>М. Гржендзици</i>	83
33. Волшебная птица. Перевод <i>А. Весташивили</i>	94

34. Сказ о двух таризлах — Христагане и Белтагане. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	98
35. Дэвова половина. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	114
36. Десять братьев и одна сестра. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	128
37. Сказка про охотника и большого орла. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	136
38. Сып орла. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	141
39. Любовница дэва и ее сын. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	147
40. Мастер и ученик. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	154
41. Боготипа и шесть его братьев. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	157
42. Сын охотника. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	160
43. Смерть. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	166
44. Небесная дева. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	169
45. Царевич и лягушка. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	175
46. Брат и двузубья сестра. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	182
47. Дочь лука и сельдерея. Перевод <i>А. Беставашивили</i>	187
48. Жемчужные слезы. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	190
49. Юноша-змея. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	196
50. Крахламадж. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	199
51. Тыхва. Перевод <i>М. Гржендаица</i>	204
52. Сказка о Мэчабуки. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	206
53. Малый Георгий-охотник. Перевод <i>М. Бирюковой</i>	209
54. Сестра и девять братьев. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	213
55. В гостях у Солнца. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	218
56. Купец. Перевод <i>А. Беставашивили</i>	224
57. Узундара. Перевод <i>М. Гржендаица</i>	229
58. Морская дева. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	234
59. Дочь Солнца. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	239
60. Пастух. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	247
61. Золотая чаша. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	256
62. Земля возьмет свое. Перевод <i>Н. Долидзе</i>	263
63. Платок мзетунахави. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	266
64. Спящая рыба. Перевод <i>М. Гржендаица</i>	275
65. О падчерице и мачехе. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	278
66. Падчерица. Перевод <i>А. Беставашивили</i>	286
67. Алмасхан. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	293
68. Брат и сестра. Перевод <i>Е. Цулукидзе</i>	304
69. Усейна и Байрама. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	310
70. Царевич и лысый чонгурист. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	317
71. Пастух — зять царя. Перевод <i>М. Гржендаица</i>	324
72. Шав-Датуанвиани. Перевод <i>С. Серебрякова</i>	328
Комментарий	338
Пояснительный словарь	340
Список сокращений	342
Неточники	345
Типологический анализ сюжетов	349

**ГРУЗИНСКИЕ
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ**

Книга 1

*Утверждено к печати
Редакцией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор *Т. М. Шевцова*
Младший редактор *Н. О. Хотинская*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *В. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Позоскина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 15723

Сдано в набор 09.06.87. Подписано к печати
03.04.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-
журнальная «Смытывкар». Гарнитура обык-
новенная новал. Печать высокая. Усл. п.
л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 21,88.
Тираж 75 000 экз. Изд. № 6015. Зак. 2935.
Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21,
строение 2

Ордена Ленина типография «Красный проле-
тарий»
103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

Г90 **Грузинские народные сказки.** Сост., вступит. статья, примеч. и типолог. анализ сюжетов Т. Д. Курдовапидзе. Кн. I. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

363 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Полная и широкая публикация грузинских народных сказок. Большая часть сказок впервые публикуется на русском языке. Издание сопровождается обширным научным аппаратом. Выпускается в двух книгах.

Г 4702170000-102
013(02)-88 Без объявления

ББК 82.3(2)